

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ФАВОРИТ. СТРЕЛЕЦ

Annotation

Иван Рогозин не просто увлекался фантастикой, историей и реконструкциями. Он пошел дальше и основал свою собственную мастерскую, где воссоздавал как реплики старинного ручного оружия, так и технологии. Есть возможность, есть желание, так отчего бы и нет? А ведь и представить себе не мог, что все это может понадобиться в реальной жизни. Хм. Или все же в нереальной?

Вот угораздило же попасть в тело стрельца в альтернативной допетровской Руси. Именно Руси, потому как известной ему России тут еще нет. На дворе конец семнадцатого века, а на престоле все так же восседают Рюриковичи.

Ну-у, теперь-то он развернется! Н-да. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Стрелец, он ведь человек служилый и от себя не зависит. Так что легко точно не будет.

- [Константин Калбазов](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

Константин Калбазов

Фаворит. Стрелец

© Калбазов К. Г., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

*Посвящается энтузиастам Самоделкиным,
которые в ответ на единственно верную точку зрения
диванно-интернетных знатоков воплощают свою
правоту в реале*

Глава 1

Самоделкин

– Друзья, приветствую вас на канале «Самоделкин». И да! Да здравствует Интернет! Оно, конечно, польза двоякая. С одной стороны, мы получаем свободный доступ к самым разнообразным знаниям. С другой – практически ничего из познанного не задерживается у нас в голове. Ведь мы всегда можем вновь занырнуть в глубины инета и извлечь нужную информацию. Так зачем же тогда засорять себе голову? Опять же найдется множество умников, которые путем логических рассуждений и виртуозного владения ссылками смогут навешать на уши лапши. И мой канал «Самоделкин» со столь говорящим названием призван противостоять именно таким умникам.

Мужчина лет сорока подмигнул с экрана и решительно, словно стряхивая воду, а может, ту самую лапшу, провел рукой по наметившейся лысине. Потом камера сместилась и крупный план сменился другим. На экране появился походный столик, с которого мужчина взял револьвер странного вида.

– Итак, у меня в руках новинка моей мастерской. Реплика револьвера Коллиера. Револьвер был разработан американцем Артемасом Уиллером из Конкорда, штат Массачусетс, и в тысяча восемьсот восемнадцатом году был запатентован в Америке. Но не заинтересовал военных ввиду сложности производства и дороговизны. И тогда некто Элиша Хейден Коллиер из Бостона в тысяча восемьсот девятнадцатом году с этим же револьвером едет в Англию. Предполагается, что он внес в конструкцию кое-какие изменения, но доподлинно этого утверждать нельзя. Как бы то ни было, в Англии он получает патент на «кремневый револьвер Коллиера». И на этот раз военные не оставили оружие без внимания. Было произведено примерно десять тысяч единиц данных образцов, которые в основе своей отправились в Индию для офицеров колониальных войск. Есть предположение, что именно этот револьвер вдохновил всемирно известного Самуэля Кольта на создание своего капсюльного револьвера.

Мужчина довольно ловко и быстро разобрал оружие на составные части. Неполная разборка способствует более качественной чистке. А еще так куда удобнее рассказывать, демонстрируя все в деталях, на которые то и дело наезжала камера, фиксируя все четко и в хорошем разрешении.

После экскурса в историю револьвера и его технические характеристики последовала следующая часть ролика. В ней были представлены выжимки из процесса изготовления оружия с комментариями мастера. Кратко рассказывалось, как изготавливались образцы девятнадцатого века и какими новыми приемами пользовались в мастерской «Самоделкин». Правда, при этом выдерживалось одно неизменное условие – способ должен быть вполне доступным для той эпохи. Это было визитной карточкой мастерской.

Покончив с историей создания оружия, мастер начал заряжать револьвер, при этом комментируя свои действия:

– Существует множество высказываний по поводу ненадежности данного ствола, его несовершенства и высокой вероятности выстрела сразу из всех камер, что может привести как к поломке, так и к травматизму. Господа скептики, должен заметить, что кремневое оружие никогда не отличалось надежностью и требовало осторожности в обращении. Именно поэтому ему на смену и пришли капсюльные экземпляры, которые ничуть не выигрывали в скорострельности. Кремневые револьверы и револьверные ружья делались и до появления детища Коллиера. Мы будем его так называть, коль скоро во всем мире он известен именно под этим именем. Но, на мой взгляд, это оружие явилось вершиной эволюции в данном направлении. Что же до надежности, скажу так: беда приходит тогда, когда разные умники начинают пренебрегать правилами техники безопасности и эксплуатации.

Итак, наши заряды помещены в камеры. Теперь поверх пуль обязательно наносим сало. То есть все точно так же, как и в капсюльном револьвере Кольта. И закрываем барабан крышкой. Вот так. Теперь досыпаем порох в контейнер на кресале с дозатором. Проворачиваем его, накрывая полку. При этом на полку подается порох. Далее по затравочному каналу он поступает к барабану к затравочному же отверстию камеры. Одна деталь: гранулы пороха должны быть мелкими. При отсутствии такового можно, конечно, измельчить крупный, но это все же нежелательно. Прорыв искры к другим камерам предотвращается с помощью специальных шторок. Скажу честно, я уже произвел из него полсотни выстрелов при трех осечках. Ни единого случая воспламенения хотя бы двух камер не было.

Сегодня я хочу не просто продемонстрировать вам новинку моей мастерской, но и опровергнуть утверждение некоторых диванно-интернетных знатоков. Доводы этих ребят основываются на логических умозаключениях и сведениях, почерпнутых из Интернета. При этом они

великолепно могут спорить, доводя оппонента до белого каления, легко оперируя множеством ссылок. Признаться, в подобном споре я всегда проигрываю. Но и отмалчиваться, наблюдая, с каким непередаваемым апломбом самоутверждаются эти личности, я также не могу. А потому отвечаю им единственно доступным мне способом. Практикой и реальным воплощением предмета спора. И коль скоро это ничуть не противоречит демонстрации нового образца, то отчего бы не воспользоваться этим случаем? Недавно я наткнулся на утверждение одного умника, которое гласило, что выстрелить из кремневого оружия под углом уже в семьдесят градусов невозможно. Он заявляет, и есть те, кто его поддерживает, что порох с полки неизменно просыплется. Посмотрим.

Мужчина перевернул пистолет кресалом вниз, нажал на спуск и... Хм. Выстрел. Замедленная съемка. Удар кремня по кресалу, искра, просыпающийся вниз, но все же воспламеняющийся порох и собственно выстрел.

Случайность? Поворот барабана вручную (механизм поворота на оригинале отсутствовал, потому и тут его нет). Взвод курка. Возврат кресала на место с одновременной досыпкой на полку пороха. Вновь опрокидывание револьвера и выстрел. Операция повторяется еще три раза.

– Итак, дорогие мои, пять камор и пять выстрелов, которых не должно было случиться ни при каких обстоятельствах. Кстати, пока ни одной осечки. Давайте попробуем зарядить револьвер и пострелять еще.

Мужчина довольно сноровисто зарядил барабан. Заметно, что упражнялся он не раз и не два. Сноровка и навыки видны сразу, несмотря на ускоренную прокрутку. Никакой суеты, четкие, выверенные движения привычного к данному оружию человека.

Следующий барабан он отстрелял также из перевернутого ствола. И вновь ни единой задержки при стрельбе. И еще четыре барабана из нормального положения. Осечки случились дважды на двадцатом и двадцать пятом выстрелах. Для устранения проблемы было достаточно слегка почистить кресало и затравочный канал от нагара. И все говорило о том, что если бы это сделали заблаговременно, то осечек вообще не случилось бы.

– Что ж, друзья, очередной миф диванно-интернетных теоретиков развенчан. Подписывайтесь на канал. Обещаю, впереди нас ожидает еще очень много интересного. И те, кто со мной в течение последних четырех лет, могут в этом меня поддержать. До следующих встреч.

Рогозин не без удовольствия досмотрел смонтированный ролик. Ноутбук стоял именно на том столике, что был на экране монитора. Разве

что сейчас на нем нет ни одной железки. Оторвал взгляд от экрана и перевел его на темноволосую девушку лет двадцати. Та, в свою очередь, лучась самодовольной улыбкой, протянула перед собой раскрытую ладонь.

– Папочка, с тебя причитается, – весело прощепетала она.

– Господи, куда катится мир. Даже родная дочь готова помогать своему родителю только за отдельную плату.

– Ты сам всегда говорил, что любой труд должен быть оплачен.

– Ну-у, мало ли что я говорил. Могла бы отцу и скощуху сделать.

– А я предлагала научить тебя монтировать ролики.

– А снимать я тоже сам себя буду?

– Большинство твоих соратников по цеху именно так и делают. И вообще у тебя в мастерской есть помощники, которые в немалой части и снимают процесс производства. Меня ты зовешь только для съемки демонстрации и монтажа, – резонно возразила девушка.

– Да ну их, эти компьютеры. Я же в них ни уха ни рыла. Даже толком не могу объяснить разным умникам, насколько они не правы.

– Это потому, что им плевать на любые доводы. Даже твое видео их ни в чем не убедит. Для них ведь главное процесс. А что до компьютера... Папочка, я тебе просто поражаюсь. Имея в распоряжении только простейшие инструменты, с нуля поднять свою мастерскую. Разобраться в старинных технологиях, практически методом тыка придумать свои. И не разобраться в том, как нужно пользоваться простейшей программой.

– Все сказала? – с притворным недовольством буркнул Рогозин.

– Все, – с наигранным раскаянием выдохнула девушка.

– Сколько?

– Пять, – скромно потупившись, выдала она.

– Э-э, девушка, а это не слишком?

– Мне еще платье нужно купить. Ты обещал, – обличительно заявила дочка.

– А. Ну да. Было такое. Ох лиса. Веревки из меня вьешь.

– Это еще что. Погоди, младшие уже на подходе.

Вот что правда, то правда. Две младшие дочери обещали быть куда более требовательными. Нет, валяться по полу и закатывать истерики они, разумеется, не станут. Не глупые. Пусть и малолетние. Видят, как действует старшая сестра. А потому будут штурмовать крепость своим обаянием. А его у них с избытком.

Получив затребованное, дочка чмокнула отца в щечку и, помахав ручкой, поспешила оседлать свою «Калину». Рыкнула двигателем и, лихо развернувшись, брызнув мелкими камешками, вылетела со двора. Вот же

егоза!

Впрочем, раздражение Рогозина очень быстро сошло на нет. И сам неоднократно наблюдал со стороны, как она ездит в городе, и знакомые рассказывали. Пофорсить, конечно, любила, молодость, но голову при этом не теряла и всегда помнила, где это возможно, а где лучше попридержаться лошадей.

– Ох, Машка! Огонь-девка! – раздался молодой задорный голос от двери мастерской.

– Витя, ты губу-то закатай. Не про твою честь девочка, – уложив ноутбук в кейс и обращаясь к парню, припечатал Рогозин.

– А что такого, Иван Степанович? Вы же сами говорили, что не видите ничего зазорного в том, чтобы вашим зятем стал простой работяга.

– Я и сейчас подпишусь под каждым словом. Вот только к тебе это не относится. Потому как ты кобель, и никакая женитьба тебя не остановит.

– Можно подумать, вы сами никогда и ни в жисть.

– И когда, и в жисть, но иногда. А у тебя это чуть ли не смысл жизни.

– Осуждаете?

– Нет. Но и чтобы моя дочка ревела в подушку, пока ты по чужим койкам скачешь, тоже не хочу. Поэтому дыши ровно и смотри в другую сторону. Уяснил?

– А если...

– Витя, ноги вырву. А ты знаешь, попусту лаяться я не привык, – боднув его злым взглядом, срезал Рогозин.

– Все, Иван Степанович. Я все понял.

Не сказать что его работодатель был таким уж грозным самодуром или без царя в голове. Вовсе нет. Добрую шутку он любил и только приветствовал. С легкостью позволял подтрунивать над собой, не всегда находясь с остроумным ответом. Но когда речь заходила о семье, к шуткам относился строго.

– Ну а раз понял, перекур закончился. За работу. – Рогозин отвесил пареньку легкий подзатыльник, придавая нужное направление. В дверь мастерской конечно же.

Сам прошел следом. Вот сейчас пристроит кейс в своей конторке, и тогда можно приступить к работе. Он с двумя помощниками сейчас был занят созданием реплики револьверного карабина все того же Коллиера. Основные части и механизмы практически идентичны с короткостволом. Еще нашлись бы на них и покупатели. Дороговатая все же игрушка получилась. Но зато сколько удовольствия доставило создание этих образцов.

И вообще у него принцип. Как только изготовил очередную реплику, обязательно сделать минимум десять единиц. Рано или поздно они все одно найдут своего покупателя. Зато закрепляются навыки и отрабатывается технология производства. И если последуют дополнительные заказы, то все пройдет куда как проще и легче. Ведь они берутся даже за изготовление единичных экземпляров. Могут и с нуля начать, под заказ.

Причем это ни в коей мере не скажется на цене. В зависимости от образца она колеблется от трехсот до тысячи евро. Но не дороже. К примеру, оригинал этого револьвера стоит порядка четырнадцати тысяч евро. По расценкам мастерской «Самоделкин» реплика обойдется в тысячу.

Все же конструкция достаточно сложная, а у них нет ни одного современного станка. Только то, что имелось или могло бы быть в начале девятнадцатого века. Иначе весь интерес теряется. Даже здание мастерской построено из самана по обрешетке из двойного плетня. Разве что окна довольно большие и с нормальными стеклами, без каких-то там пузырей и тому подобной экзотики. Ну и пол залит бетонной стяжкой. Так просто чище и светлее. Из электричества есть освещение, нечего глаза ломать.

А все начиналось как хобби. И если хотите, то таки да, от безделья. Ну не знал Рогозин, чем себя занять. В зарабатывании денег ради заработка смысла он не видел. Ему для жизни много-то и не надо. Главное, чтобы семья не бедствовала. А в остальном... И дочка его сегодня вполне завидная невеста, и две младшенькие не выйдут бесприданницами. А он наконец занимается тем, что ему интересно.

Хм. Ну, во всяком случае, на данном этапе. Как оно обернется дальше, будет видно. У него вообще случаются заскоки, когда он бросается во что-то новое, как в омут с головой. А потом охладевает. Правда, историю он всегда любил. Но, как говорится, от суммы и от тюрьмы лучше не зарекаться.

Рогозин в очередной раз осмотрелся, и на душе потеплело. Любимое дело, увлеченность и азарт. Что еще нужно для полного счастья? Семья? Так она у него есть, и в полном порядке. Правда, мастерская приносит лишь символический доход, только-то что не в минусе, ну еще и детишкам на молочишко.

Ивану не раз прямо говорили, что он попросту мается дурью. Да только он отмахивался от всех этих мудрецов. А то как же, он, конечно, дурак, потому что тратит время на детские игры, а они умные и взрослые, зарабатывают большие деньги и могут себе позволить за ночь слить в карты парочку миллионов. И тут никакой фигуры речи.

Вообще-то у Рогозина с заработками все нормально. Есть автостоянка

с мойкой, сервисом и кафе. Есть здание, арендуемое банком. Копейка капает исправно. Причем настолько, что, по скромным запросам их семьи, имеется еще и какой-никакой жирок, как в рублях, так и в виде валютного счета.

Память о дефолте девяносто восьмого из его поколения вот так просто не выветрится. Кто-то благодаря случаю или вовремя полученной информации сумел приподняться. Кто-то ухнул вниз, да так и не оправился. Да и четырнадцатый год показал себя во всей красе. Так что часть средств Рогозин все же предпочитал держать в валюте.

Но так было не всегда. В тепер уже далеком девяносто пятом, когда полыхала первая чеченская, его призвали в армию. Варианты отмазаться конечно же были. В те годы за деньги можно было решить буквально любую проблему, вопрос сводился только к цене. Но у его родителей денег на «белый билет» не оказалось. А потому пришлось обряжаться в форму.

Были такие, что оставались служить неподалеку от дома, их война обошла стороной. Стоило дешевле решения вопроса в военкомате, но родители не потянули и это. Так что уже через три месяца восемнадцатилетний Ваня отправился на войну, как говорится, и за себя, и за того парня.

Поначалу было страшно. Так страшно, что он сидел в теплушке, забившись в угол, как испуганный мышонок. В животе поселился ледяной холод, который никак не желал оттуда уходить. Парни из его взвода чувствовали себя ничуть не лучше.

Правда, была парочка балагуров, которым, казалось, сам черт не брат. Все хорохорились и балагурили. Ваня, глядя на них, чувствовал себя каким-то неполноценным. А еще было невероятно стыдно из-за обуявшего его страха. Конечно, мнение окружающих дорогого стоит. Но куда важнее твоя собственная самооценка. Выглядеть достойно в чужих глазах не так уж и сложно, а вот обмануть самого себя невозможно.

Но в первом же бою все встало на свои места. В принципе это и боем-то назвать нельзя. Так, обстрел и не более. Их колонну обстреляли с довольно большой дистанции, эдак метров с четырехсот. Не близко. Били из пулемета и автоматов. И так как метили в тенты грузовиков с личным составом, жертв избежать не удалось.

Иван вывалился из кузова остановившегося грузовика и со страху начал палить куда-то в сторону, откуда время от времени летели трассеры. Стрелял, стоя на колене. Высаживая магазин едва ли не одной очередью. Сам не заметил, как расстрелял все четыре магазина. Как не видел и того, что нашлись еще горячие и глупые головушки, вот так же открыто

стрелявшие по противнику прямо с дороги. Был даже один, что стоял во весь рост и, матерясь, от пояса стрелял из ручного пулемета. В белый свет, как в копейку, ясное дело.

Если бы среди нападавших был хоть один завалящий снайпер, то положил бы их всех. Но поначалу парни этого не поняли. Были уверены, что именно они отогнали нападавших. Хотя в действительности сделали это старослужащие, которые довольно грамотно распределились вдоль дороги и вели по бандитам интенсивный прицельный огонь.

Вечером старички всем отчаянным набили морды. Просто так и без затей. А, нет. При этом они приговаривали, мол, пригибаться надо, дурни стоеросовые. Потому как дома ждут родители и девушки, и нечего собой удобрять землю, пусть она и мать родная. После экзекуции парням с побитыми лицами поднесли по двести граммов водки. Так сказать, поздравили с боевым крещением и похвалили за то, что не праздновали труса. Вот поди пойми их.

А двое балагуров едва не обделались от страха. Они до конца службы так и проходили в чмырях. Правда, выжили оба, чего не сказать о многих других. Кто-то так и остался в чеченской земле. Кто-то отправился домой в цинковом гробу. Другие перешли на инвалидность. А чья-то судьба до сих пор неизвестна.

Однажды, уже перед самыми Хасавюртовскими соглашениями, Ивану довелось пристрелить самого натурального негра. Снайпер, мать его за ногу. Регулярно обстреливал их блокпост. Трех отправил в госпиталь. Но когда убил Димку Немова, взводного заводилу, с которым успел сдружиться, у Ивана сорвало крышу.

А как еще назвать то, что он самовольно и в одиночку отправился отслеживать этого стрелка. К тому моменту он уже успел хватить лиха столько, что десятку на всю жизнь хватит. Вот так ему везло. Случилось и в рукопашной сойтись, спасибо саперной лопатке, которую он теперь неизменно затачивает. А потому страха в нем как такового уже не было. Ну не то чтобы совсем. Просто, насмотревшись на смерть в самых неприглядных ее проявлениях и походив рядышком, не раз ощущая на себе ее дыхание, он стал относиться к ней как к чему-то неизбежному. Жить, конечно, хочется, но и от смерти никуда не уйти.

А посчитаться с проклятым чехом за смерть друга хотелось до зубного скрежета. Н-да. Оказался негром. В принципе Ивану повезло. Причем конкретно так. Что ни говори, но спецназовцем за время службы он так и не стал.

С трупа, помимо пачки документов и оружия, он взял еще и десять

тысяч долларов. Понятия не имел, настоящие ли они. Но решил не показывать и припрятал куда подальше. Как же было трудно сохранить эти деньги до самого дембеля, чтобы никто про них не прознал.

Только уже на гражданке выяснил, что не зря берег эту пачку долларов. Ну и применение им нашлось практически сразу. Один его товарищ занимался тем, что гонял машины из Германии. Вариант практически беспроигрышный. Разве что ему нужен был компаньон. Все же ездить в одиночку с большой суммой как-то не очень. А с прежним напарником они рассорились.

Словом, когда Иван подошел к нему за советом, куда можно выгодно вложить валюту, тот недолго думая предложил присоединиться к нему. Рогозин для порядка почесал в затылке и согласился. Пока Андрей продавал очередную свою машину, Ваня успел оформить загранпаспорт и был готов к поездке.

Первый рейс оказался весьма удачным. За вычетом накладных расходов и даже притом, что продал машину несколько дешевле, чем ее оценивал Андрей, Рогозин заработал полторы тысячи долларов. И пока компаньон продавал свой автомобиль, рванул по новой в Германию. После войны Рогозин и вовсе ничего не боялся. Он вообще пребывал в уверенности, что на гражданке особых угроз нет.

За полгода успел пригнать и продать шесть машин. Потом нанял одного парнишку и стал гонять по две машины. За год, с учетом всех расходов, он превратил свои десять тысяч долларов в тридцать.

А что такого? Молодой, холостой и целеустремленный. Машины у него буквально выхватывали из рук те же перекупщики, которые, считай, жили на авторынке. Тот же Андрей зарабатывал чуть меньше, но катался за границу вдвое реже. Но Иван предпочитал зарабатывать за счет оборота, пусть и приходилось ради этого помотаться.

А потом ему надоело. Как-то разом разонравились все эти поездки и вечное пребывание за рулем. Компаньон и нанятый водитель были разочарованы планами Рогозина, но тот остался непреклонным. Решил остепениться.

Как раз в это время ему подвернулся вариант прикупить небольшой участок пустыря возле одного из микрорайонов. Причем повезло, цену особо не ломили. Ну и еще удачно вышло, что успел оформить все бумаги, потому что следом грянул дефолт, и недвижимость с землей рвали из рук по совершенно неприличным расценкам. Но попытка отобрать у него участок не увенчалась успехом. Все было оформлено в соответствии с существовавшим законодательством.

Впрочем, особо прессовать никто не стал. Ни к чему. Это сегодня в городе с участками тяжко. А тогда простора еще хватало. Попытались. Не вышло. Ну и лад с ним. Один черт, деньги у тех, кто торопился вложить дешевеющие рубли в недвижимость, закончились быстрее, чем городские активы. Да и участок его, положила руку на сердце, вовсе не был особо привлекательным.

На оставшиеся деньги меньше чем за год Рогозин выгородил и облагородил автомобильную стоянку, поставил небольшое здание, в котором разместил мойку, кафе и автосервис. Кстати, благодаря этому приобрел некую популярность у местных жителей. Причем в положительном плане. Автовладельцы из микрорайона получили возможность оставлять свои машины в полной безопасности. А мамашам и бабушкам достались разгрузившиеся от автомобилей дворы.

Поначалу сам работал в сервисе, благо имел за спиной техникум и специальность автослесаря. Получалось неплохо. Правда, вскоре крутить гайки надоело, и Рогозин сдал мастерскую в аренду. Выходило меньше, чем если работать самому, но зато стало куда как проще и выгоднее. Женился. Родилась Маша.

Когда полностью встал на ноги, появился рэкет. Не мудрствуя лукаво и засунув чувство ложной гордости в самый дальний угол, написал заявление в милицию. Пришлось, конечно, единовременно отстегнуть, дабы стимулировать работу органов правопорядка. Но зато вопрос закрылся сам собой. Все эти блатари даже в девяностые не горели желанием связываться с милицией. И рассказы насчет их всемогущества рассказы и есть. Просто речь тут не о трясущихся гаишниках и сопливых пэпээсниках.

Потом грянула вторая чеченская, и Иван не смог устоять. Рванул по контракту. Смешно сказать, но заела его тоска. Захотелось встряски и адреналина до самых краев. До трясушки захотелось.

Два года по контракту, а потом вновь на гражданку. Где ровно год наслаждался покоем и ничегонеделанием. Автостоянка под управлением супруги приносила постоянный доход. Не сказать что огромный, но они не бедствовали. И по Европе ездили, и на Карибах побывали.

А потом на горизонте появился один знакомый. Было дело, Ивану с парнями еще на срочке довелось отбить у боевиков одного мужика. Тот отблагодарил их ровно так, как они того и попросили. Выкатил им выпивку. Только вместо ящика водки подогнал двадцать литров настоящего кизлярского коньяка, сдоблив дорогой закуской. Н-да. Это они тогда здорово продешевили. Минимум по пять кусков баксов могли получить. Ну да чего теперь-то.

Но вот Ивану тот случай все же аукнулся. Дядька теперь занимал должность начальника службы безопасности весьма солидного банка. И как раз подыскивал в их городе помещение для очередного филиала. А встретившись случайно с Рогозиным, предложил ему поработать вместе.

Смысл сводился к тому, что в течение полугода Рогозин должен был предоставить здание, соответствующее всем требованиям. И он это сделал. Взял кредит в том самом банке под щадящий процент и не без протекции безопасника. Выкупил полуразвалившийся дом постройки конца девятнадцатого века в хорошем местечке. Просто в очередной раз повезло. Напрягся, отремонтировал и успел к назначенному сроку.

Правда, часть арендной платы шла откатом безопаснику, а остальная сумма полностью уходила в счет погашения кредита. Но Рогозина это вполне устраивало. На жизнь все так же хватало автостоянки. Случись банк откажется от аренды, у него оставалось полностью оснащенное здание, стоимость которого сильно превышала сумму кредита.

Но ничего внезапного не случилось. За пять лет Рогозин успешно погасил кредит, и доход их семьи вдруг резко увеличился раза эдак в три. Нормально, чего уж там. Если не считать того, что его вновь начала одолевать скука. Чтобы унять зуд, Рогозин катался на рыбалку в Сибирь. Даже пристраивался к черным старателям, мыл золотишко. И причина тут, понятно, вовсе не в деньгах. Хотя да, его девочки теперь носили украшения из металла, добытого и очищенного им самолично.

Когда ездил мыть золотишко, пристрастился к чтению. А что еще делать в лесу? Ну не с букетом же полевых цветов отправляться на свидание к медведице. Кстати, несколько раз встречались. Правда, никто косолапых не трогал. Разве что пальнули пару раз в воздух, когда нашелся один особо ретивый. Оно ведь как – и шкура летом не та, и проблемы никому не нужны. Тут и без того из-за золотишка головка бо-бо. И при таких раскладах вешать себе на шею еще и браконьерство... В общем, лишнее это, и весь сказ.

Словом, подсел Иван на фантастику, в жанре всяких там попаданцев и зашланцев. Ну и как водится в таких случаях, коль скоро ты читаешь книги в электронном виде, то и различных форумов тебе не избежать. Оно само получится. А дальше все просто. У любого есть свое мнение, и ошибки автора неизменно подмечаются. Только одни читают и получают от этого удовольствие, другие же указывают на эти самые ошибки. Ну и тролли среди них не редкость. Иван не смог отмалчиваться – начал отстаивать свое мнение и поучать дуболомов, считающих себя великими умами современности.

Вот только, как выяснилось, спорщик из него никакой. Не в том плане, что его быстренько разубеждали. Просто отстоять свою правоту для него оказалось практически нереально. Это насколько же людям скучно, коль скоро они готовы спорить сутки напролет, доводя тебя до белого каления и засыпая множеством ссылок на источники со скоростью пулемета Максима.

Вот тогда-то Rogozin и решил доказать свою правоту не словами, а делами. А что, времени свободного у него хоть отбавляй. Водку пьет в строго умеренных количествах. В азартные игры не играет, считая это глупостью. Бегать по бабам? Нет, он, конечно, не святой, но и не как его помощник Виктор.

Оборудовал дома слесарку и начал там творить разную мелочовку, тыкая интернетных умников в их тупость. А четыре года назад сцепился с одним умником-форумчанином под каким-то безымянным ником. В сущности, Ивану на него было плевать. Главное, что интерес пробудился.

Нашел все в том же инете парочку единомышленников из своего города. Правда, оба ему в дети годятся. Ну да у каждого свои недостатки. Жена поначалу надулась. Но потом махнула рукой. Ну в самом деле, чего ей не хватает? В доме достаток. А то что муж чудит? Ну вот такой он. Зато ради семьи в лепешку разобьется.

Все началось с покупки полуразвалившегося домовладения, у которого было только одно привлекательное качество. Во всяком случае, на взгляд Ивана. Огород выходил на не такой уж и высокий берег быстрой реки.

Потом вместе с помощниками, имея самый минимум инструментов, они начали воплощать идею Rogozina. Тем более что он им положил вполне нормальную заработную плату. Сначала поставили сыродутную печь. Rogozin завез грузовик руды. Березовые дрова, из которых они выжгли уголь. И процесс пошел.

Первое кричное железо. Первая кованая сталь. Первая тигельная плавка. Первый... булат. Вот так вот все кучеряво. При всем обилии сведений в Интернете информацию пришлось собирать буквально по крупичкам. Сколько же в этой Паутине откровенного шлака, одному только богу известно.

Немало сведений он почерпнул из видеороликов энтузиастов и мастеров. Кстати, к одному из таких специально ездил поучиться уму-разуму. Тот выкладывал видеоролики о себе, но больше в качестве рекламы. Заинтересован в продажах, что тут еще скажешь.

Иван хотя и не имел подобной заинтересованности, тем не менее регулярно выкладывал ролики со своими успехами. Ну а для чего еще он

все это затеял? Вот как-то так загорелся и теперь не знал удержу. К тому же если обычным блогерам приходилось тратить на это личное время, то у Ивана его было более чем достаточно. Да он в мастерскую, которая у него вроде бы для души, как на работу ездил.

Потом появилось водяное колесо, благо горная речка и не думала перемерзать зимой, да и серьезных морозов у них не случалось. Затем поставили конвертер Бессемера. Не промышленный, разумеется, а скромненький такой, на четверть куба. Им и этого за глаза. Заодно переделали плавильню, так чтобы теперь получать чистый чугун. Эдакая махонькая домница. Стали у них теперь еще на пару лет непрерывной работы. Конвертер и печь укрыты под навесом. Но какое это имеет значение? Если понадобится, то запустят. С их объемами тут ничего особенно сложного нет.

Хорошо все же, что Иван решил не ограничиваться строительством кузницы, а поставил просторное помещение. Конечно, со строительством пришлось поднапрячься. Строили-то своими силами. Ну разве что подтянули в помощь таджиков, уж больно много черной работы. Но ничего. К зиме вполне себе управились. Завели в здание привод от водяного колеса и продолжили работать в полное свое удовольствие.

Через год пришлось переделывать колесо. Прежнее уже не тянуло все механизмы и станки, которые они запустили. Тут тебе и механический молот, и поддув горна, и пара-тройка токарных станков как по дереву, так и по металлу, и сверлильный станок. Да много чего еще.

Три года назад Иван открыл ООО «Самоделкин» и сумел получить сертификат на производство макетов старинного оружия. Обошлось недешево. Но все же получилось. Узнав о том, что в России можно владеть гладкоствольным дульнозарядным оружием без каких-либо разрешений и лицензий при наличии одного лишь сертификата от производителя, он тут же загорелся этой идеей.

До этого они с парнями делали только клинки. Пусть и из хорошей стали, но все же без заточки, для собственной коллекции. Ну или ножи для личного пользования. Подумать только, у Рогозина и его соратников даже топоры дома были из булата. Но теперь все изменилось.

Пришлось побегать по инстанциям, подмазать там, прикормить тут. Признаться, он даже не надеялся, что удастся отбить все траты на эту затею. Жена откровенно негодовала. Мало того что муж содержит двух дармоедов, так еще и фирму, от которой толку не предвидится, зато платить родимому государству приходится ой как немало. Но надо отдать ей должное, злилась она молча, без скандалов и ничуть не мешая процессу.

Признаться, втайне Rogozin все же надеялся, что, когда все заработает, их буквально завалят заказами. Удовольствие удовольствием, но пока от разросшейся мастерской одни убытки. На деле же выходило не очень. Каждое наименование, производимое в мастерской, должно быть сертифицировано. И это финансовые вложения. Он должен платить налоги, и вновь траты. А как ни многочисленны на просторах инета желающие приобрести нечто эдакое, в реале мало кто шел дальше слов.

В какой-то мере спасало разрастающееся и набирающее обороты движение ролевигов. Но их интересовали по большей части простые образцы. То есть дешевые, дабы хватило войти в образ. Да и то не сказать, что заказов было особенно много. Как, впрочем, отсутствовало и желание становиться к станку, чтобы клепать стандартные модели. Опять же сказали свое веское слово кризис и резко упавшая покупательская способность населения.

Вот и получалось, что в основном продукция шла на склад. И если бы Rogozin ставил перед собой цель получать прибыль, то он явно выбрал не то направление. Но все дело в том, что ему это нужно для души, а не для заработка. Его помощники помимо удовольствия имели еще и солидную заработную плату. А стоило задумке выйти на самоокупаемость, пусть и впритирку, как тут же успокоилась и жена. Словом, все были довольны...

Rogozin остановился в дверях и окинул взглядом мастерскую. Или скорее цех, все же шесть метров в ширину и два десятка в длину. Не хухры-мухры. Впрочем, внутреннее помещение покороче, чем по наружным стенам. Справа от входа имеется еще одна дверь. За ней склад готовой продукции.

Напротив входа небольшая конторка, на стене которой устроен стенд их трудовой славы. На нем закреплен тот самый минимум современных инструментов, с которыми они начинали свою работу. В домашней-то мастерской у Ивана весь инструмент современный, причем отличного качества. А вот здесь все только собственного производства, от кувалды и до самого мелкого сверла.

Влево пошел собственно цех с различными станками. В самом дальнем конце расположилась кузница. Вот уж где не случается простоев. Редко какой день обойдется без разведенного в горне огня да без звонкого перестука молотков с гулким уханьем механического молота. Жидковато пошло племя людское, где теперь сыскать настоящего молотобойца?

Прошел в конторку. Вновь извлек ноутбук. Включил и начал заливку ролика на видеохостинг. Процесс небыстрый, поэтому ожидать окончания не стал. Подвязал фартук из толстого брезента. Надел нарукавники,

перчатки – и на выход. Работы на сегодня с избытком.

Проходя мимо второго помощника, Ильи, посмотрел, чем тот занят. Тот как раз сверлил затравочные отверстия на очередном барабане. Хитро так сверлил. Не насквозь, а примерно с миллиметр не досверливая.

Тут много ума не надо: вооружись обычной дрелью, тонким сверлом и закончи начатое. Вот и получишь стреляющий образец. А без завершеного затравочного отверстия это самый обычный макет. Они поменяли барабан даже на образце, который фигурировал в ролике. Захочет хозяин рисковать, пусть доводит оружие до нормального состояния самостоятельно. Нет – тогда может им любоваться.

С кремневыми ружьями все куда как проще. Те идут полноценно готовыми к использованию. А вот с пистолетами приходится мудрить, балансируя на грани дозволенного.

– Как дела, Илья?

– Нормально, Иван Степанович. Последний барабан досверливаю, – отрываясь от работы, сообщил парень.

– Как закончишь, берись за кресала.

– Помню. Иван Степанович, а когда мы за отливку пушки возьмемся? – спросил Илья.

– Хм. Заказов вроде бы нет, – задумчиво помяв подбородок, отозвался Rogozin. – А что, давай как закончим с карабинами, сразу возьмемся за пушку. Зря, что ли, я несколько дней обхаживал сталелитейщиков.

Оставив Илью, глянул в сторону Виктора. Тот сосредоточенно колдовал над станком, зарядив в него заготовку под ствол. Ну и пришлось же им помучиться с этим станком, пока наконец сумели довести до ума. С точностью, конечно, вышел полный швах. Ее на таких станках особо и не добьешься. Но хотя бы сам процесс глубокого сверления удалось наладить, уже хорошо.

Еще в самом начале несколько стволов отковали. Надо сказать, адова работенка, даже с учетом использования механического молота. Так что на нескольких образцах и остановились. Сам процесс попробовали, прочувствовали, и в сторону этот метод, потому как неэффективен. Сверлить куда сподручнее. Правда, хватило трудностей и с самим станком, и со сверлами, и с подачей масла самотеком. Но ничего, управились. Жаль только, калибр стволов меньше одиннадцати миллиметров никак не получался. Ну да они не в претензии.

Чуть дальше стоит машина – станок для проделывания нарезов. Нет, они закон не нарушают. Ну почти. То есть несколько стволов с нарезами конечно же изготовили. И даже отстреляли их. В том числе и на револьвере

Коллиера. Но после удовлетворения собственного эго поспешили их демонтировать, почистить и определить на склад. Изготовление самого по себе нарезного ствола – вовсе даже не преступление. Зато и сами сделали, отработав технологию, и показали народу, как оно может быть.

Иван прошел еще дальше. Ему предстоит отковать десяток верхних пластин, с помощью которых ствол будет крепиться к казенной части и прикладу. У этого образца, что револьвера, что карабина, рамка как таковая отсутствует. Вообще-то серьезный такой недостаток, сказывающийся на прочности всей конструкции. Но они ведь делают точную копию существовавшего образца. Вот и приходится компенсировать это сталью такого качества, о котором в те времена не могли и мечтать...

Когда они начинают что-то новое, то могут засидеться в мастерской и за полночь. Новое оно всегда притягательно и увлекательно. Когда же головоломка разгадана, инструмент приготовлен, процесс отлажен и приходит черед простой механической работы, азарт пропадает. Поэтому и задерживаться особого желания нет. Опять же помощники – молодые и неженатые ребята. Найдут где провести время с куда большей пользой.

Что же до самого Ивана, так ведь нельзя все время предаваться удовольствиям. Нужно еще помнить и об обязанностях. Например, перед семьей. Ждут его дома. Всегда ждут. Да и не сказать, что ему самому не нравится посидеть с близкими и посмотреть какой-нибудь семейный фильм. Только без пальбы и не бесконечное мыло.

Вот и сегодня они закончили в семь. Нормально поработали, чего уж там. Все указывает на то, что через пару дней партию карабинов они победят. А там, если не найдется какой особый заказчик, можно будет браться и за отливку пушки. Они уже имели подобный опыт, но отливали тогда все же чугунную пушку. А еще отлили целую кучу разных сковород, чугунков, утятниц, скороварок. Раздали потом родным и знакомым. Те до сих пор радоваться не могут.

Хм. Вообще-то Рогозин и сам весьма даже жалуется, когда жена готовит на чугуне. Что ни говори, а вкус у давно известных блюд получается весьма своеобразный. К примеру, он не любитель плова. А вот стоит приготовить его на чугуне, как за уши не оттянешь.

Выехал с тихой улочки. Глянул по сторонам. Никого. Вывернул руль вправо и вдавил педаль акселератора. Коробка-автомат сработала именно так, как и должна была. То есть проигнорировала педаль, вдавленную в пол, и «кореец» плавно тронулся с места, входя в поворот. Н-да. Мощности двигателя явно маловато для особой резвости.

Впрочем, Иван об этом даже и не подумал жалеть. Еще чего не

хватало. Если бы он хотел чего иного, то купил бы другое авто или хотя бы механику. Нет, его все вполне устраивает. Просто отчего-то вдруг вспомнилась дочь, которая сегодня не без лихости сорвалась с места. Накатывает порой детство, хочется полихачить.

Скорость пятьдесят. Поворот с густой растительностью на обочине. Привычно сбросил до сорока. Видимость на этом участке так себе. Никакая, одним словом. Поэтому из-за поворота появляешься, как чертик из табакерки. Зимой еще ничего, листвы на кустах нет. А вот с весны начинается. И ведь никто не озаботится тем, чтобы убрать это безобразие. Впрочем, и пешеходы тут не ходят...

Иван резко крутнул руль влево и, не трогая педаль тормоза, въехал в высокий бордюр на противоположной стороне дороги. Тормозить не стал, боясь, что машину в повороте может занести даже на такой скорости. А тогда уж она приложится задним крылом. Ребенку ведь много не надо. Вон он в зеркале заднего вида. Стоит мальчуган лет четырех, выпучив от страха глазки, замер на месте, словно истукан. И как таких оставляют без присмотра?! Ну где эта чокнутая мамаша?!

Мысли текли как-то сами собой. Плавно. Rogozin даже особо не нервничал по поводу произошедшего. Подумаешь, отдаст машину в ремонт. Похоже, передней подвеске кирдык. Ничего страшного. Дочка повозит в мастерскую и обратно. А то и вовсе на велосипеде педали покрутит. Пожалуй, так и поступит. Оно и для здоровья полезно. Хотя с его увлечением он и думать забыл об избыточном весе.

Еще подумалось о несработавшей подушке безопасности. Странно как-то. Удар-то вышел солидный. Вон как руки гудят. Упирался в руль всеми силами. Ну и ногами тоже. Они пусть и не гудят, однако слабость какая-то ощущается. А еще знакомый холодок зародился в животе и мурашки по спине табунами бегут.

Н-да. О чем только не подумаешь. А между тем тело все делает само. Вышел из машины. Мальчонка все так же неподвижно стоит, прижимая к груди голубой в белую полоску резиновый мячик. И даже не моргает. Разве что нижняя губа трясется. Еще малость, и разревется.

Вот секунду назад никого не было. И вдруг из переулка вынеслась черная, затонированная в хлам «Приора» с подрезанными пружинами. Участок дороги тут извилистый, но асфальт хороший. И этот урод, причем не факт, что молодой, вдавил педаль в пол. В поворот войдет минимум на семидесяти километрах. И ребенка он точно не видит.

Ур-р-ро-о-од!

Иван сорвался с места и, подбежав к мальчонке, только и успел что

пнуть его ногой, отправляя в жидкие придорожные кусты. Ничего другого он просто не успевал. Потому что именно в этот момент бампер машины ударил его ниже колена, отрывая от земли.

Мысль еще успела выхватить то обстоятельство, что с ноги слетела туфля. А это очень нехорошо, когда пострадавший теряет обувь. И ведь скорость не такая большая. Одновременно мир закрутился в каком-то сумасшедшем калейдоскопе. К лицу приблизилось лобовое стекло. Rogozin даже услышал звук удара головой...

Глава 2

Молодой стрелец

Уже готовый раскаленный клинок с шипением опустился в узкую и высокую емкость с маслом. Вокруг него тут же заплясали языки пламени. Наконец он погрузился в масло по самый срез рукояти, и языки пламени начали лизать парусиновые перчатки. Смысла и дальше медлить уже нет никакого, а вот подпалить перчатки очень даже можно. Поэтому кузнец поспешил выпустить практически готовую саблю и накрыть емкость крышкой.

– Ну что, сынок, вроде получилось, – утирая пот со лба и добавляя тем самым разводы копоти, произнес дюжий мужик с окладистой бородой.

– Ну, конечно, получилось, батя, – уверенно ответил крепкий парень.

Отблески пламени горна плясали на мокром мускулистом торсе, частично скрытом кожаным фартуком.

Не косая сажень в плечах. Но и не малец какой. А с годами обещает превратиться в дюжего мужика, не обделенного силушкой. Это заметно уже сейчас. Не всякому по силам весь день махать молотом. Не то чтобы без перерывов, но все же. Взгляни со спины, и сразу же надбавишь с пяток лет, а то и поболее. Но стоит заглянуть в его лицо, как тут же становится ясно, что это всего лишь юнец. А кто еще-то, коль скоро над верхней губой едва только пробивается светлый пушок?

– Конечно, – передразнил его отец. – А ну как не вышло у меня ничего?

– Да все получилось, батя. Не сомневайся даже.

– Ох, Ванька, гляжу я на тебя да думаю, и в кого ты такой уродился? А главное, откуда все и взялось?

– Да говорю же, в книжке вычитал.

– И где та книжка?

– Бать, а тебе не все равно?

– Ты как с родителем разговариваешь? – с грозным видом надвинулся на сына кузнец.

– Прости, батя, – тут же пошел на попятную парень.

– Гляди у меня, Ванька, вот возьму розги, да так отхожу, что небо с овчинку покажется. А ну сказывай, где та книжка.

– Нет ее, батя.

– Это как это нет?

– А вот так. Был тут один в Немецкой слободе, Фраем звали. Тонуть он как-то начал, а я вынул его из воды. Вот у него я ту книжку и увидел. Попросил почитать. Он дал, потому как благодарен был. А там та наука и была прописана.

– И что же он о том не ведаёт? У него такое богатство в руках, а он ни в зуб ногой? – с явным недоверием произнес отец.

– Так по-русски писано, – пожал плечами юнец. – А он по-нашему и говорит-то с трудом, а уж читать так и вовсе не умеет.

– И на кой ему тогда та книга?

– Так он собирает древние рукописи и книги. А эта древняя. Ещё при Дмитриии Донском писана.

– Складно у тебя получается. И немец тот уехал, и книжку увез, и знания только у тебя остались, – по-прежнему недоверчиво сказал отец.

– И в чем моя вина? – искренне удивился парень.

– А про тот молот, ну, механический, ты тоже в той книжке вычитал? – поинтересовался кузнец.

– Нет, батя. Это я в Немецкой слободе подглядел. И ей-ей, зря ты отказался. Оно таким бы подспорьем обернулось, что ты раза в два быстрее работать смог бы. А то и я тебе подсобил бы, не только молотом размахивая.

– Подсобил бы он. Ты только второй год как всерьез к наковальне подступился. По уму тебе ещё не меньше пяти лет молотобойцем да подмастерьем отираться подле мастера. И уж потом поглядим, что из тебя выйдет. Если выйдет. Бывает ведь и всю жизнь в подмастерьях пробавляются, а толку никакого. А что до того молота, так Господом нашим заповедано хлеб свой добывать в труде тяжком. Все эти придумки, чтобы жизнь облегчить, от лукавого. Понял, сопля зеленая?

– Понял, батя, – тихонько вздохнув, ответил парень.

Он давно уже все понял. Ни при чем тут Писание. А вот жадность, или, если хотите, бережливость кузнеца очень даже при деле. На один молот нужно не меньше двух пудов железа, да столько же на наковальню. Меньше никак нельзя. Иначе получится как по интересному месту ладошкой. Да сколько-то понадобится на устройство механизма. Нужны штанги, оси, гвозди, клинья, шпильки. А все это ну никак не меньше еще одного пуда.

Пять пудов железа влетает в пять с половиной рублей. И это притом, что годовое жалованье стрельца – семь. Вот и рассуждает кузнец, что незачем ему терпеть такие траты, коль скоро сынок дорос до полноценного

помощника. В то, что благодаря механическому молоту он сможет брать больше заказов, кузнец не верил. Ерунда все это. Молот – он и есть молот. Не ленись, вот и будут заработки.

Ивану оставалось лишь зубами скрипеть. И было отчего. Этот клинок у них уже второй. Первый же, пусть и в простых ножнах да с обычной рукоятью из деревянных накладок, обмотанных кожаной тесьмой, продали за восемьдесят рублей.

Плевать на изукрашенность и самоцветы. Все это пыль в глаза. Булат сам по себе дорогой товар. Даже просто слиток весом в один фунт можно продать за двадцать рублей. А на саблю уходило три фунта. Ну и двадцатка набегает за работу. Знато? Ну так если взяться за ту сталь без головы, то на выходе легко получить дерьмо на палочке. Так что работа того стоит.

Вот и выходит, что деньги у отца есть. И на такой доход он ну никак не мог рассчитывать. Хорошо как за год в кузнице ему удавалось заработать десять рублей. Что греха таить, кузнецом он был посредственным. Все же полностью отдаваться этому ремеслу у него не получалось, потому как оно у него побочное.

Стрельцам позволялось заниматься различными ремеслами в неслужебное время. А его у них не так чтобы и много. Раз в четыре дня стрельцы неизменно заступали в стражу и патрулировали улицы Москвы. Два раза в неделю проходили учебу на тренировочном поле. Летом, дважды по две недели, участвовали в маневрах. А если часть полка уходила в поход, так оставшимся и вовсе жизнь медом не казалась, потому как в нарядах сменяли друг дружку, поджидая возвращения остальных.

Другой бы кузнец с таких заработков уж давно ноги протянул бы, потому как налог за подворье уплати, за кузницу отдай, да еще какой налог учудят, на постройку там храма или крепости какой. Иль, не приведи Господь, война случится, так на поход отстегни. Да мало ли. И что останется? Вот то-то и оно. Оно, конечно, на жизнь все одно хватало бы: если на службу не отвлекаться, то и заказов можно брать побольше. Но до знатных кузнецов отцу ой как далеко.

И тут такое счастье. После того как прошлой зимой на голову парнишки свалилась огромная сосулька с крыши храма, его словно подменили. Нет, поначалу-то долго болел, думали, уж не поднимется. Даже соборовали. А он ничего, выкарабкался. И как будто без последствий.

Н-да. Вообще-то не словно подменили, а именно что подменили. Последнее, что помнил из своей прошлой жизни Rogozin Иван Степанович, – это несущееся ему навстречу лобовое стекло «Приоры» и стук об него собственного черепа. Дальше темнота.

Очнулся он уже в чужом теле и в совершенно ином мире. Поначалу-то все больше полагал, что находится в беспамятстве и это просто бред. Вот только уж больно реалистичный получился бред. Слишком реалистичный. Хорошо еще хоть психика была подготовлена. Спасибо фантастам из современности и его увлечению новоявленным течением в литературе.

Словом, бред это или нет, Иван решил просто жить, а там вырвут его врачи из комы – и ладно. Окажется все по-настоящему, тем более нечего сидеть истуканом и ждать манны небесной.

Перво-наперво задумал разобраться с телом, в которое угодил. И ничего не понял. Он сохранил свою прежнюю память, хотя прежние навыки пришлось осваивать заново. Да он даже ручку нормально держать не мог! Моторика движений совершенно другая. Да и нет тут ручек. Вместо них перья. И его предшественник едва мог читать по слогам, а писать так и вовсе не любил.

Самого Карпова Ивана Архиповича, прежнего владельца тела, он совершенно не ощущал. Память его присутствовала. Иван мог ею пользоваться на уровне какой-то библиотеки. Сами по себе какие-либо события в его голове не всплывали. Но стоило, к примеру, посмотреть на какой-нибудь дом, колоду, колодец, да просто заступ, как тут же начинали выплескиваться все воспоминания, связанные с данным объектом. Лучше бы он обладал подобной способностью относительно собственной памяти. Ан нет. Она осталась прежней. То есть как у обычного человека – тут помню, тут не помню, а вот тут нужно поднапрячься... блин, нет, не помню.

Итак, он оказался в теле сына стрельца Дмитриевского полка московского стрелецкого войска, по совместительству кузнеца. Ремесла среди стрельцов – дело вполне обычное. Оно вроде и жалованье, и хлебное довольствие, и освобождение от податей, и одежда от казны. А все одно не так чтобы сильно много получается. Нет, если одному или с женкой, то вроде и ничего. Но когда детишки по лавкам, то уже тяжко. Вот и пробавляются стрельцы разными промыслами.

Недолго думая Иван решил быстренько поправить материальное положение семьи. С одной стороны, он этих людей не считал родными. Мало того, батюшка по имени Архип, мужик жадный, злой и завистливый, ему категорически не нравился. Матушка, женщина сердобольная, тихая и ласковая, конечно, Ивану импонировала, но все одно была чужой. Две младшие сестренки и братишка... Ну дети и дети. Разве что Митька все время заглядывал старшему в рот и норовил прицепиться хвостиком.

И тем не менее никуда от семьи он деться не мог. Сбежать? Ну-ну.

Далеко ли? Нет, если там собрался податься в тати какие, то милости просим. При его способностях, образе мышления и методах местных блюстителей закона он вполне сможет оставаться на воле сколь угодно долго. Вот только разбойничать не по нему. А по-другому – изловят без документов, и привет. В лучшем случае окажешься крепостным, в худшем – угодишь на каторгу. Есть здесь такой опыт, и труд каторжный очень даже распространен.

Словом, коль скоро оказался прикован к семье, значит, нужно повышать ее благосостояние. Однако все его попытки нарывались на глухую стену непонимания со стороны отца. Хотел было воспользоваться кузницей...

И-да. Неправильное решение. Архип рассудил по-своему и приставил сынка к молоту, мол, коли оклемался, начинай помогать. Ну да, прежний Иван у отца был за молотобойца. Не в полную силу, все же мог бы и надорваться, но уже работал. Хотя чему тут удивляться. Здесь вообще взрослеют рано.

Наконец он осмелился действовать тайком. И нацелился ни много ни мало на получение литого булата. Все вышло случайно. Увязался за отцом в Немецкую слободу на литейный двор. Отец с десятком, по служебной надобности, а он из простого любопытства. Вот там-то Иван и заметил графит, который использовали для формовки отливок. А ведь он же используется и для получения булата по методу Аносова.

Причем его не только в сам сплав нужно добавлять, но и тигель с его же помощью изготавливается. Обычная глина попросту не выдерживает нужной температуры, до которой разогревается сплав.

Раздобыл тот графит Иван самым что ни на есть преступным путем. Попросту украл. Ну как «попросту». Пришлось потрудиться и попотеть как от страха, так и от тяжести уворованного. Но все же управился.

Вместе с друзьями по детским играм оборудовали в лесном овраге небольшую мастерскую. Помучились, обустроявая простейшую тигельную печь. И вообще работать получалось урывками, да еще практически без инструментов.

Добыть исходный металл также получилось лишь воровством. Причем не у отца. Понадобилась оружейная сталь, а у Архипа таковой не водилось. Не того полета мастер. Разве что его трофейные сабля, кинжал да тесак. Но с этим лучше не связываться. Как говорится, не воруй где живешь. Вот и пришлось навестить Бронную слободу. Ох и натерпелся же он страху! Вот когда лазил к англичанам, так страшно не было, как тут. Ну да справился.

Дальше все как учили и как не раз делал. Еще там. В прошлой жизни.

Так что никаких проб и ошибок. Разумеется, качество стали, чистота графита – все это оказывает свое влияние. Но все же срослось как надо, и на выходе получился слиток булатной стали весом около двух кило.

Вот тут-то Ивану пришлось пуститься на хитрость и умыкнуть-таки из отцовской кузницы инструмент, когда тот ушел на дежурство. На время, само собой. С горем пополам вместе с товарищами они раскатали слиток в полосу, из которой потом нарезали заготовок на шесть ножей. С одной стороны, сабля она как бы и предпочтительнее, и вышла бы дороже. Но с другой – поди ее еще продай. Не исключен вариант, что обвинят в краже, да еще и привлекут по суду.

Собственно, именно ради того, чтобы легализоваться, Иван и решил научить Архипа лить и ковать булат. А что? Батя кует булатные клинки, сыночек торгует, да еще и цену не дерет. Ясное дело, умыкнул у отца. Но ведь это его трудности. Вот и выковывает Иван свои ножи втайне да втихую. От греха подальше. Для чего ему это? Так ведь не видел он себя и дальше в этой семье. Лишь дождется момента, чтобы можно будет вылететь из гнезда, так только его и видели.

Первую саблю сын отковал сам. Понятное дело, пришлось батю уговаривать, чуть ли не умолять поверить ему. В результате жадность все же взяла верх и Архип согласился. Провели плавку. И не сказать, что кузнец с легким сердцем взирал на то, как сыночек обращается с дорогой оружейной сталью, купленной за кровные, и с графитом, за который также было плачено звонкой монетой.

Вот так вот. Вроде хочется заполучить и продать дорогой товар. Однако страсть как жалко уже потраченных денег. Пусть даже прибыль обещает многократно перекрыть расходы.

Но все вышло так, как надо. Причем настолько, что Архип даже забыл удивиться тому, как ловко у Ивана получалось обращаться с металлом. А тот ворочал раскаленную болванку со знанием дела. Да и при дальнейшей обработке клинка проявил как знания, так и ловкость.

Первый клинок пристроили с солидным прибытком. И вот теперь настал черед ковать отцу. У него получалось не так ловко, как у сына, но все же долгая практика обращения с горячим металлом не могла пройти просто так. Подумаешь, никогда не был оружейником. Основные навыки в него вбиты намертво. Тут главное – не запороть сталь и придать какую-никакую форму. Остальное можно уже довести с помощью точила и полировки...

– Ну как, сыночек? – достав клинок из емкости с маслом, спросил отец.

– Нормально, батя. Теперь нужно разогреть и опустить, а там и за

чистовую обработку можно браться.

– Ишь каков. Отца поучаешь.

– Прости, батя.

– Да чего уж. Учиться оно никогда не грех.

Угу. Оно вроде как и не грех. А с другой стороны, получается, что яйца курицу учат. Неудобно мужику.

– Бать, ты иди, а я тут сам. Прогрею и подержу в печи.

– Не годится. Пусть клинок обождет меня. Сам все сделаю. Чтобы накрепко науку усвоить.

– Ясно.

– Ладно. На сегодня все. Мне еще пару часиков поспать, да в ночь в наряд.

– Бать, а можно я тут еще постучу?

– Чего это ты удумал? Да и стемнеет уж скоро. Хватит уголь попусту жечь. Он, чай, денег стоит. Да и масло в светильниках не бесплатное. Давай сбирайся. Нечего тут одному делать. Вон лучше иди на гулянье. На санях покатайтесь. Уж весна, глядишь, скоро и снега-то не останется.

Ну а что тут поделаешь. Не больно-то воспротивишься. По всем законам Иван сейчас во власти родителя. Убить он сына, конечно, не может. Тут же под судом окажется. Но вот избить, в том числе до инвалидности, очень даже имеет право. А доведись сыну на отца поднять руку, так тут не просто общество надвинется, на этот счет еще и закон имеется, и придется нерадивому сыночку отвечать по всей строгости.

Обмылся, привел себя в порядок, да и подался на гулянье. И вернется только глубоко за полночь. А еще за это время, как стемнеет, опять с ребятами проникнет в мастерскую и умыкнет на время инструменты. Чтобы поработать в импровизированной лесной кузнице. К слову сказать, три ножа уже полностью были готовы. Бог даст, к завтрашнему вечеру закончит и четвертый. Останется только рукоять приладить...

Как и ожидалось, выспаться не получилось. Ну не любил Архип ночные бдения. Да еще и в наряде придется провести время до следующего вечера, пока их не сменит другой десяток. Он с куда большим удовольствием продолжил бы работу над клинком. Удачный опыт сына не давал покоя. Хотелось как можно быстрее заполучить положительный результат. Только положительный. Иначе и быть не могло. Ну да тут ничего не поделаешь. Придется обождать. Служба.

Когда Архип вошел во двор приказной избы полка, то два десятка, заступающие в наряд, уже практически полностью собрались. Стрельцы в

свете факелов сбивались кучками. Те, что постарше, вели степенную беседу, молодые балагурили да подтрунивали друг над другом.

Архип повел плечами. Ветер начал подниматься. Оно вроде и середина марта, и в то же время весной пока не пахнет. Нет, капель уже началась, вот только сегодня в ночь, пожалуй, завьюжит. Тут уж и подбитый мехом кафтан не больно-то поможет. Убрал с плеча пищаль и, взяв ее на изгиб локтя, направился к своим друзьям.

– Архип Алексеевич, ты-то мне и надобен, – заприметив Карпова, окликнул его полусотенный, стоявший на освещенном слюдяным фонарем крыльце.

– Ну так вот он я, Савелий Петрович, коли нужен, – удивляясь тому, сколь требовательно прозвучал голос начальника, отозвался стрелец.

Хм. А что это рядом с ним стоит десятник Карпова? Да еще и искоса поглядывает на своего подчиненного. Они вместе не в один поход хаживали. Да было дело друг друга из беды выручали. А тут глядит так, словно Архип в чем-то провинился.

– А скажи, друг любезный, ты когда собирался доложить, что в послаблениях податных более не нуждаешься? – когда стрелец подошел поближе к крыльцу, поинтересовался полусотенный.

– К чему это ты? – недоуменно посмотрел на него Карпов.

Пусть он пока и не понял, в чем суть, но сумма, которую потребно выложить казне в случае лишения льгот, сложилась сразу. Нехорошая сумма, надо сказать. Кругленькая такая. Только за подворье восемь с половиной рублей, да за кузницу десять. А там еще и пятую деньгу^[1] – ежегодный налог. Это же страшно подумать, какие деньги!

– А я это к тому, что ты указ о стрелецкой службе хорошо помнишь? Что там сказано об отхожих промыслах? – И сам тут же процитировал по памяти: – «Буде стрелец побочного доходу в году имеет более двадцати рублей, то послаблений ему не положено, и взимать с него налог, как с посадского люда».

– Да как же так-то? – растерялся Архип.

– А вот так, – припечатал полусотенный. – У стрельца на первом месте служба должна быть, а не его мошна да подворье. И дабы служивый народ не больно-то увлекался отхожими промыслами, установлена царем-батюшкой эдакая грань. И нам, лицам начальствующим, наказано за тем надзирать. Тебе же, Архип, самому надлежало сообщить о своих прибылях. И попомни мои слова, коли не твои прошлые боевые заслуги, поплатился бы ты по полной.

– А может... – с надеждой начал было стрелец.

– Не может, – резко оборвал его полусотенный. – Мне неприятности без надобности. Иди к дьяку, у него уж бумага заготовлена. Да послезавтра явишься с деньгой и все до копейки уплатишь в казну.

В каждой слободке имелись свои головы с приказными избами и дьяками. Жители улиц выбирали старосту. Они-то все вместе и ведали делами в слободке, взимали налоговые сборы, пошлины и держали ответ перед властью. В стрелецких слободках всем этим ведало воинское начальство.

Податные дворы имелись даже здесь. Вдовы ведь не выселялись из домов, являясь полноправными хозяйками. При желании могли и продать домовладение. За павшего супруга им даже ежегодно выплачивалось двадцать две копейки. Конечно, пока они жили в стрелецких или солдатских слободках. Потому как в иных местах за тем надзирать уже было некому.

А вот таких подворий, к коим причислили Архипа, в их слободке он не упомнит. Не выходило как-то у стрельцов зарабатывать так уж много. Ну или не выпячивались, все тишком да бочком. Но ты попробуй не выделись, коли торгуешь булатный клинок. Ладно бы войско из похода вернулось. Тогда никто и не глянул бы. То ведь не заработок, а военный трофей.

Дьяк изучающе посмотрел на стрельца. Спросил, где это он выведал секрет булата и когда успел превратиться в знатного кузнеца. В ответ получил только злой взгляд. Фыркнул да положил перед служивым исписанный лист бумаги. Вроде все верно. Но...

– Фрол Емельянович, ты человек ученый. Присоветуй что умное, – вдруг спохватился стрелец.

Ясное дело, что дьяку не с руки советы раздавать, да еще и при таком-то обращении. И вообще, за науку платить надо. Вот об этом он и сказал своим весьма выразительным взглядом, не произнеся ни слова.

– Уж не взыщи. Понимание имей, меня ить как мешком по голове с порога, – выкладывая перед дьяком рубль, произнес стрелец.

Ну не может дьяк не присоветовать чего-то дельного. Иначе смотрел бы как угодно, но не с таким видом, словно хотел сказать: «Уж я-то знаю, но не скажу».

– Ваньке твоему сколько уже? – смахнув серебряную монету, спросил дьяк.

– Осьмнадцать зим стукнуло.

– Значит, можешь уже записать в стрельцы.

– Так ведь у нас полный полк, – непонимающе выдал стрелец.

– Архип, ты головой-то подумай. Секрет булата тебе ведом. Стало

быть, заработать можешь куда поболее, чем на службе, даже со всеми податями. Так к чему тебе и далее лямку тянуть? Все так делают, когда хотят уйти на покой, записывают вместо себя сыновей.

Это так. Служба что стрелецкая, что солдатская – она пожизненная. Даже глубокие старцы служат. Правда, в походы не хаживают, а все больше в качестве городской стражи. Вот только Архип-то все еще в силах.

– Я гляжу, ты ничего не понял, – вздохнул дьяк. – Ладно, поясню. Как сына запишешь, так станешь обычным податным кузнецом. Но Ванька твой в стрельцах значиться будет, службу станет нести да проживать с тобой на одном подворье. Теперь понял?

– Нет, – затряс головой Архип.

– Так ведь ему-то льгота положена, а стало быть, и усадьба твоя подати не подлежит. Кузница – то иное, но и так в год восемь с полтиной рублей сбережешь. Жалованье, хлебное довольствие да сукно для платья на этот год ты еще не получал. А потому все гладко пройдет, без сучка и задоринки.

– О как! – тут же обрадовался кузнец. – Спаси тя Христос, Фрол Емельянович.

– Иди уж. Сейчас сотник на развод выйдет.

– Ага. Пошел.

Стрелец поспешил убраться. Оно вроде как и служить осталось недолго, и в то же время взыскания ему ни к чему. А то ведь можно и в острожек попасть. Имелся у них при приказной таковой, куда устраивали всяких провинившихся, буйных да пойманных татей. Кого для вразумления, а кого только по первых порах, чтобы потом передать в Разбойный приказ.

Дежурство, как и большинство из них, прошло тихо. Даже буянов не попало. Да и чему удивляться, коль всю ночь и день выюжило. Ну и кому вздумается в такую погоду шляться по улицам? Разве что татам. Но в патрулируемых ими кварталах Стрелецкой и Огородной слобод было тихо. Вот и ладно. Обидно лишь, что когда дело подошло к смене, так сразу же и ветер утих.

Наутро, ничего не объясняя сыну, Архип велел ему собираться и повел в приказную избу. До обеда полковник всяко-разно будет на месте. Иначе никак. Он ведь в слободе вместо головы. Кстати, еще с десятков лет назад так и прозывался. Это уж новое веяние пошло на полковников.

– Разреши, Василий Иванович? – Заглядывая в приоткрытую дверь, поинтересовался Архип.

– А-а, Карпов. Заходи, – оторвав взор от бумаги, что была у него в

руках, тут же отозвался полковник. – Мне Якимов уже обсказал твое дело. Сына, гляжу, уже привел. Ну что я могу сказать, Бог помощь. Кстати, Архип, нехорошо как-то получается. Булат куешь, а полковнику своему даже не предложил.

– Так я это...

– Нешто подумал, что я не смогу уплатить полной мерой?

– Да что ты, Василий Иванович. Просто оно мне и невдомек было.

– Что невдомек? То, что я восхожу иметь у себя клинок знатный? Или он у тебя не так чтобы и знатный?

– Как это не знатный. Как есть отличный булат.

– Мне сказывали, ты его за полсотни рублей сторговал. Не соврали?

Вот потому и молчал, что цена товара резко упадет до неприлично скромной. Вообще-то даже восемьдесят рублей за такую саблю мало. Сотня, и то не факт. Вот только поди найди того, кто сможет купить по такой цене. Разве что бояре да князья, но тем еще и вид товарный подавай. Да и не всяк любитель этого дела. Оттого и пришлось продать купцу. Тот его облагородит у другого мастера, обрядит в нарядные рукоять и ножны, да задвинет подороже. Булат нынче великая редкость. Все больше дамаск. Но это уж совсем иное.

– Не соврали, Василий Иванович, – скрывая свое разочарование, ответил кузнец.

– А что, еще один готовый имеется? А то я выкуплю.

– В работе. Вскорости готов будет.

– Вот и ладно. Сторговались, выходит?

– Как есть, господин полковник.

Еще бы не сговориться. Полковник ведь может и ход делу дать. А царь-батюшка с фискалами страсть как не любят тех, кто укрывается от податей. И тогда уж наложат такой штраф, что не возрадуешься. Да еще и батогами пройдутся. Э-эх! Надо было сразу и самому. Ну да чего теперь-то.

– Ну что, Иван, рад поди? – обратился к парню полковник Дмитриевский.

– Рад чему? – не понял парень.

Если тому, что батю вот так в наглую нагрели на добрых тридцать рублей, так и не очень. Пусть тот и жаден без меры, но ведь в одном доме проживают, а потому такой потере Иван никак не мог радоваться. Или они о чем-то ином?

– Ты что же, Архип Алексеевич, сыну ничего не сказал?

– А чего ему сказывать, – отмахнулся стрелец. – Всяк млад мечтает о том, чтобы в стрельцах оказаться, о славе да боевых походах.

Че-его-о!!! У Ивана даже слов не нашлось от захлестнувшего его возмущения. Причем это было настолько явственно видно по всему его облику, что отец тут же отвесил ему подзатыльник. Будет он тут свой норов показывать! Он пока никто и звать его никак. Есть отец, вот он и решит, как оно лучше, чему быть, а чему не бывать.

– А как не восхочет сынишка-то? – откинувшись на высокую резную спинку стула, усомнился полковник.

– Как это не восхочет? – искренне удивился Архип. – Ты скажи, Василий Иванович, принимаешь ли парня в полк взамен меня. А уж он-то восхочет, – решительно рубанул отец.

– Принимаю, Архип Алексеевич. Веди парня к дьяку, пусть оформит все надлежащим образом.

– Благодарствую, господин полковник.

Дьяк их уже поджидал. Даже бумаги заранее подготовил. Осталось только подписать. А то как же. Рубль животворящий еще и не на такое способен.

– Держи, Иван, – протянул он парню небольшой лист бумаги. – С этим пройди в амбар да получи полагающееся. Архип Алексеевич, парень тут расписался в получении всей военной sprawy, так что передашь ему все дома. Да не забудь отдать оба кафтана, парадный и подбитый мехом. На два года дадены, парню еще полтора года дохаживать.

– Не сомневайся, Фрол Емельянович, все передам в лучшем виде.

– Вот и решили. Теперь по оплате. С тебя восемнадцать с полтиной рубликов податей. Церковный сбор на постройку церкви на Грязях в Белом городе пятьдесят копеек. Да на ремонт Мясницкой надвратной башни тридцать копеек. Итого девятнадцать рублей тридцать копеек. Пятую деньгу взыскивают по осени.

– Эка набегает, – едва сдерживая возмущение, произнес кузнец.

– А ты как думал. Податное житие – оно такое. Да не журись, Архип Алексеевич, то с непривычки. А там попривыкнешь. Зато время на службу тратить не надо. Ну и свет в окошке – годовое жалованье в семь рублей Ивану как новичку полагается выплатить сразу и без задолженностей. Подать на подворье также долой. Вот и выходит, что тебе остается уплатить три рубля восемьдесят копеек.

– Хм. Ну, так-то да. Так-то уже и не сильно много выходит. Но все одно изрядно.

– Это да. Кстати, в твоем случае лучше уплатить сразу, без недоимок. А то мало ли как оно все обернется.

– Да понимаю я, – вздохнул Архип. – Только я деньгу-то с собой не

взял. Хотел сначала поглядеть, что выходит. Ты после обеда-то на месте будешь?

– Да куда же я денусь.

– Вот я и поднесу после обеда. – Потом обернулся к сыну: – Ванька, как получишь тут все, прямиком домой ступай. Понял?

– Понял, батя.

Вот так вот. Другое время и даже другой мир, а он опять отправляется на службу за себя и за того парня. Ну ладно, за батю. Какая, собственно, разница. Одно дело, когда он сорвался контрактником на вторую чеченскую, и совсем другое – вот так, на всю оставшуюся жизнь или пока не поставишь себе замену. И ведь никакой возможности отвертеться. Он ведь в отцовском доме и семье своей не имеет, а значит, в полной его власти. Вот если бы он жил отдельно... Ну, батя!

– Ваня, ты вот тут еще распишись.

– А это что?

– Твое годовое жалованье. Не слышал, что ли? Передашь отцу и скажешь, чтобы присовокупил к податям.

– Спасибо, Фрол Емельянович. А может, смилостивитесь да обскажете мне, что тут вообще происходит-то? А то я как дурень хожу да глазами лупаю.

Обсказал. В подробностях и деталях. Даже ответил на некоторые уточняющие вопросы. Нормальный в общем-то дядька. Знает, с кого деньгу срубить, а кому и посочувствовать. Оно ведь как: иной мальчонка спит и видит, как он уходит в поход, в стрелецком кафтане, с пищалью на плече. А вот этот явно и не думал о службе ратной. Пусть и не дрожит как осиновый лист.

– Вот так вот, значит, – сквозь зубы процедил Иван. – Л-ла-адно. Фрол Емельянович, а скажи мне, пожалуйста, я могу поставить себе свой дом?

– Как ты есть теперь стрелец стрелецкого войска, то можешь, конечно. Или поставить, или купить. Только тут дело такое, что на подъемные рассчитывать тебе не приходится. Если бы ты был со стороны, то дело иное. А так ты поставлен взамен родителя, а он в свое время деньгу на обзаведение хозяйством уже получил.

– Но если я съеду, то льгота останется на прежнем дому или переедет вместе со мной?

– С тобой, конечно. Ваня, а ты что такое удумал-то?

– А разве не понятно?

– Да понятно-то оно понятно. Вот только негоже так-то поступать с родителем.

– Ты уж не обессудь, Фрол Емельянович, но батя со мной жар-птицу руками ухватил, так что грех ему на что-либо жаловаться. Еще и в прибытке останется. А вот меня, не спросив, в тягло пожизненное определил, где мне либо всю жизнь служить, либо сыном себя заменять. Ведь иного пути нет?

– Только смерть или увечье, что службе помехой, – подтвердил дьяк. – Ну или братишку младшего выставишь. Но тут уж только с воли Архипа, а он после такого и думать о том не станет.

– Вот и я о том же.

Странное дело, но заменить себя кем-либо сторонним стрельцам было нельзя. Только родной кровиночкой. Возможно, причина крылась в том, что служба в стрелецком войске и впрямь была почетной, все стремились записаться в эти полки. И для стрельцов вот такая замена, между прочим, не тягло какое или наказание, а почетная прерогатива. И со стороны брали лишь в одном случае: если свои же стрельцы не могли поставить замену для восполнения недостатка в людях.

После дьяка посетил амбар, или попросту полковой склад, где получил причитающееся ему сукно да кожу на сапоги. Остальную сбрую должен будет забрать у отца.

От приказной избы тут же завернул к дядьке Антипу, у которого заказал себе новые сапоги. Уговорились об оплате. Взял по-божески. И вовсе не потому, что свой брат стрелец, а потому, что жаль ему мальчика. Нечасто встретишь, чтобы при живом и полном сил родителе парнишку записывали на службу. Иное дело, когда тем уж в тягость и дети сами на том настаивают.

Потом посетил вдову Авдотью, что пробавлялась швейным делом и слыла мастерицей не только на Стрелецкую слободу. Ну коль скоро выпала доля служить, не выглядеть же теперь замухрышкой какой. Еще уговорился, что поднесет зимний да парадный кафтаны, чтобы она их перешила по его мерке. Та обещала все поправить, да еще и сделать все скоро, отложив иные дела.

Н-да. Чужие люди с пониманием и жалостью, пусть Ивану она и поперек глотки. А родной родитель из жадности, застывшей взор, сына в солдаты. Ну в стрельцы. Невелика разница. И пусть Иван вообще не воспринимал его как родного человека, потому что у того общего с его отцом вообще ничего не было, Архип-то держал его за сына.

Покончив с этими делами, поспешил на окраину слободы. Там вроде бы продавался один дом, в котором жила вдова Рыбакова. Муж ее сгинул в походе. А тут и сосед овдовел. Смертью местных вообще не удивить. Вот и

сошлись. Он со своими тремя мальцами да она с двойным довеском. Сейчас уж тяжелая шестым, общим дитем. Ладно живут. А вот дом хотят продать. Потому как он податный получается, платить же попусту в казну нет никакого желания. Проще новые дома поставить, когда дети полетят из гнезда, чем содержать этот.

Только бы не продали еще. Уж больно он удобно расположен. На самом краю слободы, а огород выходит как раз на ту же речушку, что и отцовское подворье. Все эти грядки да посадки Ивану сто лет не нужны. А вот поставить в огороде мастерскую очень даже можно.

Он вообще серьезно подумывал выпорхнуть из-под отцовского крыла. Даже был готов жениться ради этого. Разве что не хотел на первой встречной-поперечной. А так вот даже и домик присмотрел, и финансовую независимость уже практически подготовил. Ничего страшного, что готовы только четыре ножа из шести. Даже они потянут рублей на восемьдесят, а это огромные деньги по нынешним временам.

Хозяйка выставленного на продажу дома оказалась на месте, как и ее муж. И таки да, дом все еще висит непосильной ношей на их шее. Так что супруги искренне обрадовались, что в этом году придется уплатить только четверть от причитающейся подати. Разве что нужно обязательно посетить приказную избу, оформить сделку да сделать соответствующую запись в амбарной книге.

Но это уж потом, когда будут выплачены все тридцать целковых. А чтобы у хозяев не возникло никаких сомнений, Иван тут же выложил пять рублей аванса, пообещав выплатить остальное в ближайшее время. Ну и еще уплатил бывшей хозяйке две копейки, чтобы она привела дом в порядок и затопила печь.

Кстати, подворье в хорошем состоянии. Постройки относительно свежие, до дряхлости им еще ой как далеко. Светлый дом с прихожей и целыми тремя комнатами вокруг русской печи. Просторный и, несмотря на близость речки, сухой подпол. Хлев на три коровы, сеновал, дровяной сарай. В огороде небольшой садик из десятка плодовых деревьев, которые уже дают урожай. Ну и сам огород.

А вот дров в дровяном сарае откровенно мало. Придется озаботиться. Ну да ему все одно завозить дрова, причем много и строго березовых. Надо же из чего-то жечь уголь. Закупать готовый уж больно накладно. Одно дело, когда нужно расплавить пару килограммов стали, и совсем другое, когда требуется переплавить не одну сотню пудов руды. Планы у Ивана грандиозные, и откладывать их в долгий ящик он не собирается...

— Ты где шляешься? — сердито встретил его отец. — А куда сукно и

кожу подевал? Нешто Никодима не оказалось на месте? Вот же лодырь, прости господи. Ладно, с этим разберемся. Давай деньгу, мне уж пора к Фролу Емельяновичу наведаться.

О как много вопросов и запросов. Ну что же, пора кое-кого поставить на место. Ну, коли уж так карта легла. Вернее, Архип сам ее так выложил.

– Сукно у тетки Авдотьи, кожа у дядьки Антипа. Форму да сапоги нужно пошить. Я десятника дядю Кузьму встретил, он сказал, что уже послезавтра нужно быть на тренировочном поле.

– Да что же я, не пошила бы разве? – всплеснула руками мать.

Нет, не от жадности. За этим к бате. Женщине же просто обидно, что ею как портнихой пренебрегли.

– Не обижайся, матушка. Но по таким делам так надо, – искренне повинулся Иван перед матерью.

– Это по каким таким делам? – подбочился ничего не понимающий отец. А потом припечатал: – Значит, так. Ерундой не майся. Сейчас же отправляйся обратно и все полученное неси сюда. Ишь чего удумал! Вон мать тебе мой старый кафтан да зипун перешьет. Шапка и так сойдет. Сапоги свои я под твою ногу сам перетачаю. Там всего-то малость нужно будет в размере прибрать. Чего стоишь, бестолочь?

– Жду, когда ты мне отдашь воинскую справу, зимний да парадный кафтаны, – спокойно глядя в глаза Архипу, произнес Иван.

– Чего-о? – опешил тот.

– И на жалованье мое не рассчитывай. Не получишь ни полушки. Деньга и самому сгодится. И да, подать на дом не забудь отнести в приказную избу. Потому как я сегодня же съезжаю, и льгота уходит со мной.

– Ах ты, стервец...

Силы в кузнеце было немерено, но и Иван за последний год изрядно намахался молотом. А еще не прошли даром игрища молодецкие да потехи кулачные, стенка на стенку. Уж что-что, а драться Иван всегда умел, и в прошлой жизни, и в этой.

Архип и сам не понял, как так случилось, что он впечатался лицом в бревенчатую стену, а рука оказалась заломленной с такой силой, что боль едва не высекала слезу. Губы же Ивана оказались возле уха, обдавая его жарким дыханием.

– Больше никогда не смей меня бить. Не я это начал. С того момента как ты записал меня в стрельцы, по закону нет у тебя надо мной больше власти. А на людскую молву мне наплевать и растереть. Еще раз кинешься, будешь бит, и все войны, что у тебя за спиной, не помогут. Разделаю, как

бог черепаху. Уяснил?

– Да я тебя... Ы-ы-ы!

– Еще чуть надавлю, и у тебя рука не будет работать две недели. И какой потом из тебя кузнец? Ну так как, ты уяснил, что я тебе сказал?

– Уяснил, – сквозь боль прохрипел отец.

Вот и ладушки. Иван отпустил Архипа и отступил на пару шагов. Нет, ну чего-то подобного он и ожидал. Не может родитель вот так просто смириться с тем, что в один момент утратил власть над сыном. Ну и навалился от всей своей широкой души. И получил. Сначала в душу, а потом коленом в лицо. А кто ему виноват? Думать надо, что делаешь. Опять же, тебя ведь предупредили.

– Ну как, угомонился? – глядя на корчащегося на полу Архипа, спросил Иван.

– Проклян, песий сын, – еле выдавил кузнец.

– Не песий, а твой. Да только ты в жадности своей о том позабыть успел. Но на то тебе Бог судья. Я ни злобы, ни обиды не держу. Просто заберу то, что мое, и пойду. Да не гляди ты на меня так-то. Чай, благодаря моей науке нужды знать ни в чем не будете. Так что отдарился я сторицей. Давай уж имущество, справу с припасом, да и пойду я. А на проклятие твое клал я вприсядку. Вот и весь сказ.

– Сынок...

– Все, матушка, вопрос решенный, и обратного хода не будет.

Глава 3

В нужное время в нужном месте

– Фитиль пали!

Оно, конечно, можно и всему десятку прикурить от одного. Но командирам это не нужно. Каждый стрелец должен уметь быстро запалить фитиль. Так что пришлось Ивану доставать из кошель кремний, кресало и трут. Высек искру, раздул уголек на небольшой тряпице, обильно пропитанной селитрой, от нее уже прикурил длинный пеньковый фитиль. Потушил трут – и все принадлежности опять в кошель.

– Полку сыпь! – продолжал разоряться сотник.

Открыл крышку затравочной полки, насыпал на нее порох из пороховницы, закрыл, встряхнул, продул, пицаль к ноге.

– За-аряжа-ай!

Открыл колпачок дробницы, ссыпал порох в ствол, достал пулю из сумки, то же в ствол и сверху пыж из пакли. Прибить заряд деревянным шомполом с латунным оголовком. И снова оружие к ноге.

Кстати, пицали все чаще и чаще называют ружьями. Все это от метаморфозы слова «оружный». Стрельцов собирают по разной надобности, и нередко без оружия. Как это было прошлой ночью, когда тушили пожар. Стрелец ведь понятия не имеет, по какой надобности его поднимают по тревоге. Вот и поступает уточнение, оружным идти иль без ружья. Ну а так как основным вооружением стрельца является пицаль, то и слово это все больше прилипает именно к ней.

– Фитиль крепи!

Вновь подхватить пицаль на уровень пояса, примериться на глазок и закрепить тлеющую пеньку в подвижной рогулке.

– Фитиль мерь!

Теперь, двигая подпружиненную рогулку, убедиться, что тлеющий уголек придется примерно посередине пока еще закрытой полки. Порядок, поправлять ничего не надо. Стой, жди следующей команды.

– Фитиль раздуй!

Подуть на уголек, избавляясь от нагара, а не получится, можно помочь пальцем, укрытым в кожаную перчатку. Порядок.

– Кладь!

Вскинул пицаль, уложив цевье на воткнутый перед ним бердыш, упер

в плечо неудобный фигурный затыльник. Нужно будет подтесать зар-разу. Навел ствол в сторону предполагаемой цели. В данном случае это длинный деревянный частокол с ошкуренными бревнышками, имитирующий строй противника. На нем уже есть множество белесых точек, отмечающих прежние попадания. Примерно раз в год частокол обновляется.

– Полку открыть!

Палец привычно тянет крючок крышки на себя, открывая фитилю доступ к затравке. И тут же целишься в предполагаемого противника.

– Пали!

Не забыть прикрыть глаза.

Залп! Строй тут же заволокло дымом. Частокол пропал из виду, затянутый молочной пеленой. Впрочем, она довольно быстро развеивалась благодаря небольшому ветерку. Защекотало нос, едва не чихнул. Но удержался.

Сразу после выстрела пицаль в правую руку. Левой выдернуть из земли бердыш и податься назад. А твое место уже занимает другой стрелец. И снова звучит команда сотника.

Когда вся сотня отстрелялась, сотник с полусотенными и десятниками отправились к частоколу выискивать попадания, отмечая их краской. Если насчитают слишком мало отметин, то последуют дополнительные тренировки. Тут и муштра, и владение холодным оружием, и холостая тренировка с пицальями. Причем все это придется проделывать в выходной день.

Странные все же методы обучения. Ну и как при подобном подходе понять, кто именно косорукий? Как ни крути, а здесь без индивидуального подхода никак не обойтись. Впрочем, нужен-то он нужен, но и отработка залповой стрельбы необходима. Порох же денег стоит. Вот и совмещают.

Признаться, Иван был сильно удивлен, когда узнал, что раз в месяц стрельцы высаживают по полному боекомплекту. То есть по двенадцать зарядов, имеющих на их берендейках. Мало? Ну это как сказать. На сотню стрельцов это уже тысяча двести выстрелов, на полк – двенадцать тысяч. При весе заряда пять граммов выходит пятьдесят килограммов. А порох здесь реально дорог.

Да и свинец денег стоит. Иван подозревал, что наказания за промахи в немалой доле из-за того, что пули терялись безвозвратно. В то время как при замене измочаленных бревен металл извлекался и вновь пускался в оборот.

– Молодец Архип, ладно обучил тебя обращаться с ружьем, – оглаживая бороду, заметил дядька Степан из их десятка.

Оно ведь как. Понятие коллективной ответственности за нерадивость одного не в двадцатом веке придумали. Вот как появились первые соединения, еще в незапамятные времена, так и один за всех и все за одного. Безотказный инструмент давления.

Перед началом тренировок стрельцы откровенно вздыхали по поводу того, что сегодня им достанется на орехи из-за молодого, нарисовавшегося в их десятке. Каждый посчитал своим долгом поучить мальчика. Но тот не подкачал. Еще и носы утер стрельцам бывалым.

– Батя такой. Науку накрепко в башку вбивает, – не стал спорить Иван, принимая мнимую заслугу отца.

Родители ведь сами обучают своих чадушек воинскому искусству. Ничего, вот придут занятия с сабелькой, он посмотрит, что тогда скажут стрельцы. С бердышом-то Архип и впрямь обучил Ивана неплохо обращаться. А вот сабля ему и самому едва давалась, а потому преподать добрый урок не мог.

Вот с ножом Иван обращается хорошо. Не без того. Благодаря детскому увлечению рукомашеством и ногодрыжеством в той, прошлой жизни, он может кое-что показать нынешним воякам. Но сабелькой сколь-нибудь сносно пользоваться не умеет.

Сегодняшний день Ивана совершенно не вдохновил. Он уже понял, что настоящий современный бой – это форменная свалка. Да еще и стоять тебе приходится во весь рост. При таких раскладах заполучить шальной свинец – как два пальца об асфальт. А учитывая, что войны тут не редкость, так и вовсе весело становится.

Нет, с этим надо что-то делать. Бежать? Глупо. Жизнь вне закона Ивана не прельщала. Остается как-то устраиваться в существующих реалиях. Сама война его не так уж и пугала. Наоборот, где-то даже кровь начинала быстрее бежать по жилам. Повоевал он, чего уж там. Но вот местные методы его не устраивали.

Хм. И еще не мешало бы заполучить в свои руки оружие поприличнее, чем это фитильное чудо. Из него интересно пострелять где-нибудь за околицей. И вовсе не хочется оказаться посреди сражения в руках с этим антиквариатом. Причем антиквариатом даже по нынешним меркам. Кремневым замком уже давно никого не удивишь. Только он куда дороже фитильного, а в казне, как всегда, нет денег. Но зато не запрещено вооружаться собственным оружием, и это не может не радовать.

Ага. Возвращаются командиры. И судя по выражениям их лиц, сотня отстрелялась неплохо. Во всяком случае, сотник не выказал неудовольствия по поводу результатов. А то ведь не только рядовым стрельцам придется

месить раскисший грязный мартовский снег, но и им грешным...

– Ванька, ну ты да-ал! Просто загляденье.

– Дядька Митрофан, дядька Антуфий, да и много кто еще и рядом с тобой не стояли! – возбужденно встретили его на краю поля друзья по детским игрищам.

Егор, Гришка, Артем и Ефим. Они все сверстники, разве что Гришка на годок помладше будет. Друзья они такие, что не разлей вода. Эти-то ребята и помогали Ивану обустраивать кузницу в овраге да таскать туда отцовский инструмент.

Правда, этим их помощь и ограничивалась. Плавку он провел сам, несколько часов качая меха, приспособив для этого подручную механизацию. Тяжко пришлось, не без того. Но лучше уж потерпеть. Парни, правда, обиделись, но все же отнеслись с пониманием. Что такое секреты мастерства, им объяснять не надо. У всех отцы стрельцы и пробавляются разными ремеслами. И у каждого свои ухватки, которыми они не спешат делиться с другими, разве только с детьми.

Вот и его тайну они хранили так, как это может делать лишь молодежь. Прилетело их другу по голове, и снизошло на него прозрение, а то, гляди, и божья благодать. И прознал он о тайне булата. Нормально. Для подростков, да еще в это время, более чем достаточно. А что до остального... Умри, но друга не предай. Понятно, что есть и исключения, но это ведь исключения...

Иван посмотрел на парней. Что это? За радостным и даже восхищенным блеском глаз угадывается эдакое сожаление и зависть. Все в одном флаконе. Это он дуреет от тупой тактики стрельцов и серьезной опасности для себя любимого. А вот они... Для них облачиться в стрелецкий кафтан – заветная мечта.

Так что пусть батю и толкнула на этот шаг по большей части банальная жадность, но ничего такого страшного он не совершил. Наоборот. Воплотил в жизнь заветную мечту каждого без исключения мальчишки Стрелецкой слободы. Как и подавляющего большинства всего остального Русского царства. Откуда ему было знать, что сынок, после того как на него снизошла благодать в виде свалившейся сосульки, стал на всю голову стукнутым. Нет, он конечно же замечал. Но не настолько же!

Вот и выходит, что зря Иван с Архипом так-то. Все же любит тот сына. Откровенно любит. Тут ведь вам не там. На законодательном уровне предусмотрена ответственность за поднятую на родителя руку. За такой проступок надлежит бить кнутом нещадно. Считай, до полусмерти.

И что с того, что с момента, как Иван записан в войско, отец не имеет

над ним власти? Избить так, что стрелец не сможет нести службу или до увечья, он, разумеется, не может. Не приведи господь – так отвечать будет своей шкурой. А вот поучить сына, даже стрельца, в своем праве. Сын же, хоть трижды стрелец, не моги поднять руку на родителя, и все тут. Иначе быть битым кнутом. Разве что в случае со стрельцом будет отсутствовать такая приставка, как «нещадно».

А Архип степенно рассказывает соседям о том, что вымахал сынок с оглоблю, а жениться не думает. Вот он его и отселил, чтобы за ум быстрее брался. Даже самого злого дворового пса парню выделил, чтобы, пока семьи нет, имущество под присмотром было. И счастье, что младшие братишка и сестренки не видели того, как он с отцом-то. Не то слухи пошли бы, а там...

– Вань, дай пицаль понесу, – едва не умоляя, попросил Гришка.

– А мне бердыш, а, Вань, – подхватился Артем.

И тут пошла потеха. Ребята начали спорить, толкаясь и раздавая друг дружке тумачи, за право нести снаряжение товарища. Не сказать что всерьез, все же дружба у них крепкая, но весьма чувствительно.

– Охолоньте, парни, – возвысив голос, остановил их Иван. – Никому оружие не дам. Если кто заприметит да десятнику донесет, тот потом с меня на учебном поле семь шкур спустит. А оно мне надо?

– И то верно, – не без гордости поддержал его Ефим.

Шутка сказать, их дружок теперь стрелец и ходит в подчинении у настоящего десятника. А дядька Кузьма – он воин бывалый. Под таким не забалуешь. Враз окоротит дурную головушку.

Господи, детский сад, трусы на лямках.

– Значит, так. Сейчас по домам, обедаем и к двум часам собираемся у Артемки.

– А чего делать-то будем? – спросил Гришка.

– На Красную площадь пойдем, на Гостиный двор, – деловито ответил Иван. – Пришла пора ножи пристроить.

– Все? – уточнил Ефим.

– Все, что готовы, – подтвердил Иван.

– А не жаль? – это уже Гришка.

Иван осмотрел дружков. Лица у всех кислые, куда бы деться. Это получается, они рассчитывали, что он их одарит теми ножами. Клинки-то знатные. Вот страсть как хочется им такими владеть. Оно будущему воину очень даже с руки. Опять же ножей вышло шесть, их всего пятеро. А на продажу и одного достанет. Он же огромных деньжищ стоит.

Однако по планам Ивана одного ножа ему ну никак не хватит. Да он

им даже за дом не расплатится. А должок-то висит. И на том подворье он пока только квартирует.

– Так. Парни, давайте поговорим откровенно. За то, что не выдали меня, низкий поклон и моя благодарность. Но я никогда и намека не делал, что одарю вас теми клинками. Мало того, я и себе ни одного ножа не оставляю. Вот, есть отцовский из доброй стали, им и буду пользоваться.

– А чего так-то? – Вроде и нет повода обижаться, но обиду в голосе Егор все же не сдержал.

– А того. Знатные клинки, да ни мне, ни вам не по чину. Беда через них очень даже приключиться может. Не журитесь, други. Я обещаю вам, что каждому из вас справлю достойный нож из доброй стали. А то, глядишь, еще и сабельки. Не глядите на меня так. Не булатные клинки будут. Но такие, что и царю в руки взять незазорно. Верите?

– Вань, да с чего бы нам тебе не верить? – виновато ответил за всех все тот же Егор. – Ты это... не обижайся. Просто булат... Только словом его помянешь, как дух захватывает. И твоя правда, была в нас надежда. Но то так. Не важно. Мы тебе верим, Ваня. Так, ребята?

И молодежь тут же загомонила, наперебой заверяя Ивана в своей преданности. А то как же, он ведь уже стрелец, но не чурается с ними якшаться. Хотя ему теперь впору со зрелыми мужами вровень стоять. К тому же сызмальства вместе, и чего только за это время с ними не приключалось, всегда дружбу блюли.

Дома пришлось подбросить в печь дров да разогреть щи в керамической чашке. Наготовил-то целый горшок, но куда ему столько за один раз съесть. Тот в сенях стоял, чтобы готовка не скисла. Ну и на второе подогретое же отварное мясо с кашей. Ох уж эта гретая сечка.

Все же без хозяйки оно как-то не очень. Нужно что-то придумать. Нет, не жениться. Рановато пока. А вот прислуга какая не помешает. А то планов у него целое громадьё. И когда этим всем заниматься? Много времени съедает служба, а если его еще и на быт тратить, так и вовсе, считай, ничего не остается.

А может, уговориться с Глафирой? С соседкой, у которой он подворье выкупает. Пусть готовит ему, дом и его грешного обихаживает. Ну она-то, допустим, не откажется. Дело-то ей привычное, и деньга лишней не будет. Но это же какая обида матери выйдет. А Иван вроде как порешил с семьей помириться. Пусть и не считает он их за родных, не екает сердце. Но ведь это сволочью нужно быть, чтобы пренебрегать теми, кто тебя искренне любит. А ведь они его любят, потому как он им сын.

Парни уже поджидали его. И едва завидев, что Иван идет в парадном

темно-синем стрелецком кафтане Дмитриевского полка, тут же расправили плечи. Шагать по московским улицам на глазах честного человека вровень со стрелцом, который в твоих дружках, дорогого стоит. Во всяком случае, среди сверстников их статус резко взмыл ввысь.

Правда, самому Ивану такие дружки не столь престижны. А потому приходилось вышагивать степенно, посматривая на гомонящих и балагуриящих товарищей с легким снисхождением. Пусть другой мир и иное время, нравы отличаются от привычных ему, но люди – они и здесь люди, а значит, немало зависит от того, как ты себя подашь. И начинать нужно уже сейчас, с малого. И парни это принимали с пониманием. А тот как же иначе!

Дошли до Мясницких ворот, что были неподалеку от их слободы, и вошли в Белый город. Дальше до конца Фроловки и до Ильинских ворот Китай-города. А там по Ильинской напрямик до Гостиного двора, где обретаются приезжие купцы.

Москва. В своем мире Ивану побывать в столице так и не довелось, хотя и была возможность. Ну неинтересно ему было. Как и поездки на курорты. Вот прокатиться на Урал или в Сибирь, помыть золотишко или побродить с геологической партией, это да. Комары, неудобства, бивачная жизнь, скрипящий на зубах песок. Это ему было куда ближе, чем морское побережье близ отелей. Кстати, песок очень даже исправно скрипит и на пляже, только еще и жарисься, как идиот, на солнышке, делая вид, что тебе нравится, чтобы жена не обижалась. Зато в этом мире вот она, Москва белокаменная.

Тут никакой оговорки. Не сказать, что он такой уж великий знаток истории, но тем не менее кое-что все же знает. Ну и читал в свое время немало. Пусть писатели-фантасты, почитаемые им, в своих книгах и ввали с три короба, все же общую картину рисовали достаточно правдоподобно.

Так вот. На дворе был одна тысяча шестьсот девяностый год от Рождества Христова. На троне Русского царства восседал Дмитрий Первый, из рода Рюриковичей. А правой рукой при нем был Василий Годунов. Их род уже больше века подле царей, переживая вместе с ними и взлеты, и падения.

Иван не раз читал о том, что допетровская Москва была деревянной. Как и о том, что она много раз выгорала от пожаров чуть не дотла. Однако сейчас он шел по довольно широкой улице, застроенной каменными домами. Вернее, если быть точным, то кирпичными, оштукатуренными и выкрашенными в светлые тона. И под ногами у него была самая настоящая мостовая. Причем отчищенная от снега дворовыми владельцами подворий.

Дома двух- и трехэтажные, с большими прямоугольными и арочными окнами, а как следствие – и высокими потолками. Особо выделяются княжеские и боярские дворцы за решетчатыми заборами из чугуна.

И это вовсе не является отличительной чертой Фроловки. В Белом городе вообще запрещено деревянное строительство. Самым молодым домам всего двадцать лет. Если случались пожары, то строить на месте сгоревших усадеб можно было только каменные строения и никак иначе.

В результате такой политики в Кремле и Китай-городе нет уже ни одной капитальной постройки из дерева. Только камень. На Руси отсутствовала иная архитектура, кроме церковной. Так что зарождающийся русский гражданский стиль вобрал в себя понемногу от церковного и греческого, втиснув в эту смесь еще и элементы русских теремов. Получилось весьма недурно. Пусть Иван и понятия не имел, с чем это можно сравнить.

Имелась в Москве и своя академия наук. Причем довольно известная, в мире пользуется авторитетом. В свое время толчок ей дали иностранцы, но вот уже четверть века как там заправляют русские ученые. Не то что иноземцы отсутствуют как класс, но их не особо много.

Наличествуется и медицинская академия, выпускники которой ценятся по всему свету. К примеру, придворный медик Людовика Четырнадцатого, того самого, который «солнце», был выпускником именно этого заведения.

Признаться, к русским в этом мире отношение вполне нормальное. Нет, они конечно же варвары. Но коль скоро не лезут в европейскую политику, то пусть себе живут в своем диком углу. Как говорится, плодятся и размножаются.

Европейцев это очень даже устраивает. Ведь чем больше населения в дикой Московии, тем больше европейских товаров она сможет переварить. Именно за рынки сбыта западные королевства и бились на Руси, интригуя, влезая во внутренние дела, стремясь оттереть конкурентов.

Ах да. Еще и Папа. Католическому понтифику отчего-то непременно хотелось подмять под себя православную церковь. Но в этом стремлении его поддерживали не все европейские королевства. Пусть там и укоренилось христианство, но оно успело разделиться на три течения. Зато плюсом ко всем остальным добавились иезуиты. Жирным таким плюсом. И все же того негатива к Руси, что имел место в мире Рогозина, здесь не было и в помине.

Иван подозревал, что причина столь разительных отличий состояла в том, что в этой России не было Смутного времени. Конечно, проблем хватало, не без того. Но все же дела обстояли куда как лучше, чем в

оставленном им мире.

Правда, Россия как единое государство пока еще не состоялась. Пока – потому что московские цари все еще не оставили надежду привести под свою руку Новгородскую и Псковскую республики. Первая раскинулась по всему русскому северу, за Уральские горы и дальше, гранича с Китаем.

Русская демократия никак не желала идти под руку московского царя и вполне успешно противостояла остальным желающим. К тому же благодаря развитым торговым связям умудрялась контролировать огромные малозаселенные территории Сибири и Дальнего Востока.

Несмотря на несколько войн и дважды сожженный Новгород, отношения между Русским царством и республикой были вполне добрососедскими. Всему причиной торговля. Ведь в тех землях у руля стояли купеческие дома. А торгаши – они и есть торгаши. Эти попросту не могли игнорировать удобный транзит из Европы, на котором сидели. Вот и везли заморские товары через Новгород и Архангельск в Русское царство.

С псковичами москвичи и вовсе жили душа в душу. На тамошнем вече даже рассматривался вопрос о присоединении с сохранением ряда привилегий и автономии. В принципе царь был готов пойти на это. Все упиралось только в отсутствие общих границ. Оно, конечно, можно и прорубиться через новгородские земли. Было бы желание. Но Псков был извечным союзником Новгорода, а потому... Хотеть-то псковичи хотели, но не настолько, чтобы за это еще и воевать. Новгородцы же в этом деле проявляли полнейшее непонимание.

Территория Русского царства кроме центральной части включала в себя средний и южный Урал, Казанское и Астраханское ханства, Калмыцкие и Ногайские степи до реки Яик^[2]. На западе у москвичей был только один сосед – Речь Посполитая, вобравшая в себя половину известной Ивану Украины и раскинувшаяся от Балтики почти до Русского моря. Вот так. Не Черного, а Русского. На юге Османская империя в виде ее вассала Крымского ханства.

Вот такую картину в общих чертах представляла собой Русь. Именно так и именовались территории, находящиеся под контролем трех русских государств. Правда, общего у них было более чем достаточно. Так же как вера и единая неделимая церковь.

Это было единственным достойным свершением богобоязненного царя Василия Четвертого, батюшки нынешнего правителя. Не в силах удержать под рукой Новгород, он сделал все для того, чтобы сохранить московский патриархат. А так как новгородцы еще помнили свой горящий город, то, чтобы не нагнетать обстановку, царь отделил церковь от

государства.

А посему она теперь вне политики, и патриарх Московский и всея Руси пользовался всей полнотой власти в среде духовенства. Причем даже на территориях, подконтрольных Речи Посполитой.

Вообще-то думать, что все так уж благостно, мог только дурак. Любому разумному человеку понятно, что церковь является агентом влияния и исподволь действует в интересах Москвы. Но внешне все выглядело пристойно. И начини давить церковь, объявив ее пособницей московского царя, столкнешься с яростным, открытым сопротивлением народа.

А еще Василию Тишайшему, а именно такое прозвище он получил от своих современников, удалось провести реформу православной церкви, не допустив ее раскола. Ивану поначалу было непривычно наблюдать крестьяншихся двумя перстами. Впрочем, его тело проделывало это без труда. Сначала срабатывала мышечная память, а потом и сам привык...

Шли недолго. От слободы до площади всего-то чуть больше двух верст. Гостиный двор представлял собой двухэтажное каменное строение с крытой галереей. На первом этаже помимо лавок имелись и склады. Второй этаж был полностью отведен под торговые галереи. Товар тут представлен самый разнообразный, от специй и пряностей до дорогого оружия. Как, впрочем, и сами купцы были самых различных национальностей.

Причем в немалой степени присутствовали и восточные торговцы. Еще прадед нынешнего Годунова, будучи по факту правителем при своем шурине царе Федоре, сделал все для того, чтобы оживить торговлю по Волге, поставив на ее берегах города-крепости Самару, Царицын и Саратов. Его потомки продолжили это начинание, и вскоре торговля с восточными соседями оживилась. Так что купцов из Средней Азии здесь хватало.

Впрочем, басурмане Ивана сейчас мало интересовали. Нет, на Востоке любят превосходные клинки. И короткие в том числе. Но в их среде все же куда большей популярностью пользуется дамаск. Он, конечно, уступит булату, но не так чтобы сильно, а потом, на вкус и цвет у всех фломастеры разные.

Поэтому Иван уверенно прошел в уже знакомую лавку на первом этаже. Там разместился новгородский купец Жилин Игнат Пантелеевич. А к чему что-то изобретать, коль скоро отец уже пристроил тут первый их клинок? Да и второй скорее всего пойдет сюда же. Хотя нет, сомнительно все же.

Первый-то он и есть первый. А вот на второй батя станет искать покупателя куда как более вдумчиво. Покорпит малость, где-то подучится

чему новому, но постарается одеть клинок в нарядные рукоять и ножны, сдобрить самоцветами. В доме нужды в деньгах нет, а потому терять возможность получить полную выгоду глупо. А покупатель на сабельку найдется. Не может не найтись. Пусть и не сразу.

– Здравствуй, уважаемый, – поприветствовал Иван приказчика.

В прошлый раз он не заходил с отцом в лавку. Предпочел перекусить пирогами с зайчиной, они здесь знатные. Тем не менее отличить хозяина от слуги несложно. Поэтому он четко осознавал, кто перед ним.

– И тебе здравия, – любезно поздоровался приказчик, мужчина среднего сложения лет тридцати от роду.

– Мне бы с хозяином переговорить, – даже не глядя на разложенный товар, произнес Иван.

– Отчего же я не смогу тебе помочь?

– Оттого что я не покупатель, а продавец. Товар хочу предложить, – все так же с достоинством ответил Иван.

Впрочем, при его молодости выглядело это несколько комично. Прожитые годы сами по себе придают вес, и сколько ни пыжится безусый юнец, вровень со зрелым никогда не станет. И Иван прекрасно отдавал себе в этом отчет, одновременно испытывая некую неловкость.

– Что за товар? – уловив неуверенность молодого человека, с долей превосходства поинтересовался приказчик.

– Когда станешь хозяином этой лавки, тогда и будешь спрашивать. Я говорю, Игната Пантелеевича позови, или он тебе потом уши обрежет.

А вот это Иван уже бросил зло и с вызовом. Причем на этот раз выглядел настолько убедительно, что приказчик невольно даже отшатнулся и предпочел не обострять. К тому же он в Москве гость, стоит же перед ним служилый московского стрелецкого войска, а не голытьба какая. И плевать, что ты новгородец и гость. Случись что, парнишка может и по сусалам пройти за непочтительное обхождение.

– Андрей, что тут за шум? – появившись из-за двери, ведущей в складское помещение, спросил вышедший купец.

Мужчина за сорок, кряжистый, одет богато, как и подобает уважаемому и состоятельному торговцу. Окладистая борода, на голове мурmolка, подбитая бобром. Оно можно и соболем, денег хватит. Да только для этого одних денег недостаточно. Не Новгород. В Москве соболь только высокородным положен. А за послушание можно и под кнут встать.

– Да вот, Игнат Пантелеевич, тебя просит, говорит, что у него товар на продажу имеется.

– Ну все, все, не тарахти. Я, чай, здесь, и муж сам все мне обскажет.

Здравия тебе, добрый человек.

– И ты здоров будь.

– Чем могу помочь?

– Товар у меня имеется. Вот, взгляни.

С этими словами Иван вынул из сумки, что была у него через плечо, чистую тряпицу, в которой оказались завернуты четыре клинка с рукоятками в виде обычных деревянных плах, обвитых кожаным ремешком.

– Та-ак, что тут у нас? Ага. Ну что сказать, нормальные, в общем-то, клинки.

– Эка ты о булате, Игнат Пантелеевич.

– Так-таки и булат? – с долей сомнения произнес купец.

Иван, не говоря ни слова, протянул руки и начал заворачивать клинки в тряпицу.

– Да погоди ты, паря. Дай хоть подержать в руках да взглянуть. Ты на продажу принес иль похвастать?

– Гляди, – вновь разворачивая тряпицу, согласился Иван.

Купец-то он купец, но в металле толк знает. Да и неудивительно, коль скоро на его прилавке и оружие очень даже соседствует с иными товарами. Так что проверил все как надо. Даже с позволения парня пару раз рубанул по стальному прутку, оставив на нем зарубки и не попортив режущую кромку ножей. Проверил их на излом и остался доволен.

– Ну что же. Действительно булат, – произнес купец так, словно подобный товар к нему в лавку несут чуть не каждый день. – За каждый нож дам по пять рублей, – наконец подытожил он.

В ответ Иван только пожал плечами и вновь начал заворачивать ножи в тряпицу. Деньги-то, конечно, хорошие. Здесь же, в лавке, за эти деньги можно сторговать сабельку из доброй стали. Причем пусть и не в дорогой, но доброй оправе. Вот только та сталь не шла ни в какое сравнение с булатом.

– Ты чего опять собираешься? – вскинулся купец. – Ты же не саблю принес, а ножи. Так чему удивляешься? Вот коли сабелька была бы, то иное дело.

– Игнат Пантелеевич, в каждом этом ноже три четверти фунта доброго булата, цена которому по двадцать рублей за фунт. А ты меня хочешь осчастливить крохами.

– И сколько ты хочешь за один клинок?

– А двадцать рубликов и хочу. Причем это если ты все четыре клинка заберешь разом.

- Да побойся бога...
- Боюсь, Игнат Пантелеевич. Вот как есть боюсь, – уже собираясь уложить сверток в сумку, искренне повинулся Иван.
- Погоди, паря.
- А чего годить, Игнат Пантелеевич? Да, это нож, а не сабля. Но ведь вещица-то особая. Немало найдется тех, кто захочет вот так, с небрежением, отрезать кусок мяса за трапезным столом, играя настоящим булатным клинком. И я не стоял бы тут перед тобой, если бы мне не нужны были деньги сегодня же.
- А почему я знаю, может, клинки те уворованные?
- Купец, ты, конечно, уважаемый гость, но за словесами-то следи. Да, я молод. Но перед тобой стрелец, а не тля подзаборная.
- Прости, служилый. Я же не о том, – поспешил пойти на попятную купец. – Ну вдруг ты без спросу батюшки вынес их из дому? А мне потом головная боль.
- Мои клинки.
- Ну твои так твои. Ну чего ты их в сумку-то убрал? Доставай уж. Сейчас серебро вынесу.
- Рубль мелким серебром насыпь, – попросил Иван.
- Отсыплю, – пообещал купец.
- Получив полную плату, спрятал пухлый кошель на груди и вышел на улицу, где его уже поджидали друзья-товарищи. Каждому вручил по четвертаку серебряной мелочью. Мало? Ой ли? По делам и награда. Причем очень даже щедрая. Что парни тут же подтвердили с нескрываемым возбуждением. Потолкались. Пошумели. Да и разошлись в разные стороны. Четверо подростков пошли в торговые ряды, а стрелец куда-то вправо.
- Родька, – позвал купец.
- Здесь я, Игнат Пантелеевич. – В торговом зале тут же появился мужчина за тридцать, крепкого сложения и с цепким взглядом.
- Стрелец молодой только что отсюда вышел. Видал?
- Видал. Дмитриевского полка, служилый.
- Уверен?
- Я стрельцов хорошо различаю. Темно-синий кафтан, желтые петлицы из витого шнура, шапка малиновая, сапоги желтые. Дмитриевский и есть.
- Их слобода, кажется, за Мясницкими воротами? – припомнил купец.
- Там, – коротко подтвердил мужчина.
- Надо бы прознать, где он живет.

– Сделаю, – уверенно пообещал Родион.

Он был старшим охранной ватаги купца. И сторожили они его добро не только в пути, но и здесь. В Москве, как и везде, татей и разбойного люда хватало. Вот и приходилось постоянно беречь добро. Но кроме того, и другую работу выполнять. Как и разного рода поручения.

– А к чему это тебе, Игнат Пантелеевич? – встрял приказчик.

– А ты не смекаешь?

– Нет.

– Я за всю жизнь хорошо как с дюжину разных клинков дамасской стали в руках держал. Булатных – только два. А тут за неполный месяц сабля булатная да четыре ножа. По первости-то я решил, что взял стрелец трофей знатный. И ведь тоже в таком же платье был. А теперь еще и эти клинки. И у всех одна черта общая. Словно их только что сработали и до ума довести не смогли.

– Это с чего ты так подумал? – усомнился приказчик.

– А с того, что такую сталь в богатый оклад одевают. Иной ему неместен, – вместо купца пояснил Родион.

– А еще узор. Что на сабельке, что здесь, очень уж схож. Вот и выходит, что кто-то прознал секрет булата, который утратили в незапамятные времена. Вот так-то. Ты чего тут стоишь, Родька?

– Да куда он денется, – отмахнулся Родион. – Дальше слободы один ляд не уйдет. Там и сыщу. А так приметит еще. А нам, я так думаю, шум ни к чему.

– Это ты верно думаешь. Ладно. Делай как знаешь...

Ничего не подозревающий Иван хотя и расстался с друзьями, но покидать Красную площадь не спешил. Нужно быть либо дураком, либо много о себе думать, чтобы безоружным бродить по московским улицам, имея при себе такие деньжищи. А у него только нож за кушаком. С саблей он управляется откровенно плохо. С бердышом лучше, но не ходить же с ним по городу.

Вот и решил приобрести себе нормальное огнестрельное оружие. Причем к данному решению Иван пришел вовсе не потому, что боялся грабителей. Это, разумеется, тоже. Но главное, ему не по нраву то убожество, которое собой представляла его пищаль. Громоздкая, неудобная и непрактичная.

Избавиться от нее он не мог. А вот обзавестись чем-нибудь дополнительным – это пожалуйста. И парочка пистолетов вовсе даже не помешает. А то мало ли, вдруг завтра в поход. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

Дорого? Да, недешево. Что-то более или менее приличное обойдется не дешевле пяти рублей, а то и семи. Про эксклюзивные образцы лучше помолчать. Можно приобрести и мушкет, причем подобрать не из стреляющего мини-ядрами эдак граммов в сорок весом, а что-то более пристойное и с меньшим калибром. Но... Если только для личного пользования.

Чтобы убедить командование в необходимости владеть чем-то, выбивающимся из общего ряда, нужно иметь железный аргумент. В армии носить круглое и катать квадратное начали вовсе не в двадцатом веке. Когда Иван поинтересовался, а что, мол, если завести за свои средства мушкет с кремневым замком, то десятник посмотрел на него как на идиота и спросил, как же он, милый, тогда будет выполнять команды начальника. А ведь там чуть ли не половина команд про этот самый гребаный фитиль. Так что не майся ерундой и будь как все.

И это притом, что полки иноземного или нового строя все как один уже вооружены мушкетами с кремневым замком. Вот странное дело. Круглый год под ружьем именно стрельцы, а все самое лучшее – в полки под командованием иноземцев.

Нет, стрельцов, конечно, перевооружают. Правда, новые мушкеты, или, как их все чаще называют на Руси, ружья, пока лишь в двух стрелецких полках из двадцати шести. Но тут главное, что процесс идет. Да и начальству особо не возразишь. Разномастное вооружение подразделению на пользу ну никак не пойдет.

Так и не покинув Красную площадь, а только перейдя на другую сторону Ильинской, Иван оказался в оружейной лавке голландского купца. Тот не был гостем Москвы, а проживал в столице, причем не в Немецкой слободе, которую лет сорок назад вынесли фактически за пределы столицы, а в самом городе. Мало того, он проживал в том же доме, где располагалась его лавка, только на втором этаже. Такое устройство дома – единственное исключение, позволяющее лицам неблагородного происхождения проживать в двухэтажных строениях.

Не выселили же старого голландца по той простой причине, что он был выкрестом^[3]. С переходом в православие он уже не подлежал выселению. Кто знает, что его подвигло на смену веры, любовь к русской жене или нежелание расставаться с выгодами, которые сулил дом в самом сердце торговой Москвы.

О вошедшем в лавку посетителе возвестил легкий перезвон колокольчика. А вот станет ли он покупателем, во многом зависело уже от продавца, коренастого седовласого мужчины в европейском платье с

наметившимся брюшком. Нередко нам только кажется, что мы сами покупаем тот или иной товар. На самом деле опытный и одаренный продавец, едва почувствовав, чем именно вы интересуетесь, обставит все таким образом, что вы непременно отоваритесь у него.

Именно таким и оказался владелец лавки. Иван прекрасно осознавал, что его попросту подводят к правильному решению. Но в то же время не мог ничего с собой поделаться. Возможно, сказалось его увлечение в прошлой жизни. Он просто никогда не встречал подобного пистолета ни на просторах инета, ни уж тем более в реале.

Многоствольные системы – да. Кремневки револьверного типа – да. Этот же... Нет, он также револьверного типа. Только барабан состоит из трехзарядных камер, у каждой из которых имеется собственное кресало. Проворачиваясь вручную и становясь на защелку, барабан выводит кресало с затравочной полкой напротив курка. Выстрел. Отвести курок на предохранительный или боевой взвод. Провернуть барабан. И снова выстрел. Каморы и цевье устроены так, что при нештатном срабатывании всех зарядов одновременно стрелок не пострадает.

Очень интересная конструкция. А главное, при одном стволе возможность сделать три выстрела подряд. Вместо двух в случае покупки пары пистолетов. Но и цена у этого одного пистоля целых двадцать рублей. Не хухры-мухры. И габариты будь здоров. Шутка сказать – около полуметра.

Правда, и ствол длинный, выполненный, как и камеры, с особым тщанием, и диаметр ноготок к ноготку. Что в современных реалиях дорогого стоит. Вот только не помешало бы господину купить к этому пистолю пулелейку. Она как раз именно под него и выполнена. Так что пуля пройдет по стволу впритирку, ничуть не болтаясь. И стоит сущие мелочи, всего лишь два рублика. Но зато какая точная и приятная стрельба.

У-у-у, змей-искуситель!

Валить отсюда надо, вот что. Причем быстро так. Нащупал голландец слабое место Ивана и теперь долбит в него безошибочно. Еще чуть, и обязательно доведет какой припарадит. Талант у человека, чего уж там. Вот только зарядить новую игрушку, и на выход.

Надо будет еще и кожевенных дел мастера навестить. Не то носить эту бандуру за кушаком... Ну чисто башибузок какой или пират. Нет, местных таким не удивишь. Путешественники, которые могут себе позволить, зачастую именно так пистолеты и носят. Но ведь неудобно...

Белый город. Там, в самом конце Яузской улицы, у городской стены проживал еврей-выкрест Спиридон Семенович, которого все называли дядя

Яша. Старый еврей был одним из известнейших менял Москвы. Пробавлялся и ростовщичеством. А еще принимал на сбережение все что придется, и деньги в том числе.

За сравнительно небольшую мзду можно было не сомневаться, что имущество останется в целости и сохранности. Мало того, ты мог хранить свои деньги у дяди Яши совершенно бесплатно и даже получить за них небольшой рост. Только если не трогал свое серебро в течение года.

Ивану вовсе не улыбалось разом лишиться всех своих средств. А такая возможность вполне существовала. Дом ведь зачастую оставался под присмотром дворового пса да соседей, которые могли заметить посторонних, только если те подходили с улицы, а не с огорода. Вот и решил он определить их в этот средневековый банк, вместо того чтобы устраивать тайники и клады. Хватит того, что два еще не законченных клинка прячет под стеной сарая.

Лично с дядей Яшей Иван знаком, конечно, не был. Но у того была определенная репутация. А потому он уверен, что в этом доме за высоким каменным забором деньги будут в полной сохранности. Как ни крути, а с собой он собирался забрать двадцать семь рублей из остававшихся пятидесяти семи. Вообще-то, по его прикидкам, остаться должно было сорок, но так уж вышло, что дорогу ему перебежал голландец.

У дяди Яши все прошло чинно и спокойно. Тот не задал ни одного лишнего вопроса. Старый еврей лишь поинтересовался, не желает ли парень оставить деньги в рост. Нет. Ну, на нет и суда нет.

Вообще-то не сказать, что Иван чувствовал себя спокойно. Вместе с остатками от жалованья у него сейчас двадцать восемь рубликов. Сумму никак мелкой не назовешь. Двадцать пять нужно будет отдать хозяйке дома. Или скорее все же хозяину. Ну а трех рублей, чтобы начать осуществлять задуманное, более чем достаточно.

Хм. Это если с батей ничего не срастется. А как наладится, то... Ничего. Надо будет, опять навестит домик на Яузской улице. Невелика трудность.

На раскисшие и грязные улицы опустились сумерки. Еще немного, и стемнеет. Ивану не раз приходилось гулять по ночной Москве. И по Земляному валу, и по Белому городу хаживал. А то как же, молодежь нередко гуляет чуть ли не до первых петухов. А то, что городские ворота закрыты... Вот уж мелочи какие. Уж кто-кто, а московские мальчишки точно знают, где и как пролезть, чтобы ни собаки не задрали, ни стрельцы сдуру не пальнули из пищали.

Однако сегодня Иван чувствовал себя не в своей тарелке. Это если

мягко сказать. За то, что покоится в кошеле у него на груди, могут порешить и глазом не моргнуть. Если уж за сапоги... Кстати, они на нем совсем новенькие. Только сегодня надел обнову. Как, впрочем, и кафтан.

Молодцы все же дядька Антип и тетка Авдотья, дело свое знают туго. И ногам хорошо, и кафтан удобно обнимает тело, не смотри что новенький и необмятый. Погодка загляденье, поэтому подбитый мехом надевать не стал. Упарился бы. А вот теперь что-то подмораживает. Думает об этом, а сам непроизвольно взглядом по сторонам водит, нет ли кого в темных углах.

– А-а-а!

Громкий женский вскрик. И пусть он полон боли, в нем все же больше удивления.

– Помогите!!! Стра-ажа!!!

А вот этот... Нет, не истощный. Его даже с уверенностью нельзя назвать и испуганным. Нет, конечно, призывают на помощь, причем это не шутка какая. Но... Именно что призывают, только и всего. Хотя вкупе с первым вскриком звучит это все же как-то...

Кричали из-за угла. Шагах в десяти был перекресток, на котором стоял двухэтажный дворянский дом. Что с того, что Белый город. Татей и разбойного люда и здесь хватает. А патрулей на все улицы не напасешься.

Иван действовал скорее на одних рефлексах, чем осознавая происходящее. Рука, и без того время от времени теребившая рукоять пистолета, выдернула оружие единым махом. Даже не заметил, как палец взвел курок. Ноги уже сорвались в бег. Вот и перекресток.

Бежит какая-то женщина, одетая на европейский манер в плащ, который сейчас развевается за ее спиной. Сумерки уже достаточно сгустились, а потому детали не рассмотреть. Зато видно того, кто ее нагоняет. Хм. Судя по одежке, наш, русский душегуб, но вот в руках блестит клинок шпаги. Не то чтобы русские ими не пользовались, среди стрельцов половина со шпагами ходит. Но чтобы душегубы... Не суть важно.

Вскинул пистолет, отчего-то подумав о вовремя приобретенном оружии. Расстояние шагов сорок. Далековато. Оружие еще не пристреляно. Да и потряхивает с отвычки, чего греха таить. Выстрел!

Мужчина остановился так резко, что какое-то расстояние еще и проехал по подтаявшему снегу, едва не растянувшись на земле. А потом резко рванул в сторону, стремясь уйти за дом на противоположной стороне улицы.

Взвел курок. Отжал защелку. Провернул барабан. Готов. Вскинуть

пистоль. Взять упреждение. Выстрел! Мимо! Твою в гробину, душу, мать нехай!

И снова неизвестный меняет ход своих действий. Ну не носят тут больше двух пистолетов. Многоствольные игрушки достаточно редки, потому что при сравнительно низкой надежности стоят баснословных денег.

Женщина уже в нескольких шагах от Ивана, бежит молча, взгляд испуганный, но решительный. Как хотите, так и понимайте. Убийца же вскидывает руку, в которой уже зажат пистолет. Сволочь, решил достать свою жертву пулей.

А вот не угадал, собака! Третья камора заняла позицию напротив ствола. Курок уже взведен. Иван выстрелил, практически не целясь, навскидку, чтобы только напугать неизвестного. Глядишь, рука дрогнет, и тот промажет.

Но вышло неожиданно удачно. Похоже, свинцовый гостинец угодил неизвестному в руку. Мужчина вдруг схватился за правое предплечье, выронив пистолет. Тот, в свою очередь упав на мостовую, разразился выстрелом. И что примечательно, пуля провизжала совсем рядом с ухом Ивана. Или это ему показалось.

Женщина навалилась на него с мощью стенобитного орудия, едва не опрокинув на мостовую. Хм. Ошибочка. Тут нет мостовой. Лишь раскисший снег и грязь, еще не прихваченная только-только начинающим поддавливать морозцем. Ну да удержался, и слава богу. Не хватало еще изгваздать обнору.

Подхватив женщину за талию, единым махом развернул ее, заводя себе за спину. Пистоль за кушак, и нож из ножен. Бог весть, как он собирался противостоять с этой безделкой шпаге. Но страха нет. Оно всегда легко, когда боишься за кого-то. Потому как тот страх другой. Не имеющий ничего общего с медвежьей болезнью.

Но неизвестный решил, что с него на сегодня достаточно. Пока Иван возился с женщиной, пистолем и ножом, того и след простыл. Никого. Словно и не было. Разве что запах сгоревшего пороха, разнесшийся по переулку, да белесые облачка, поднимающиеся в холодное и быстро темнеющее небо.

– Господи! Даша! – решительно и с явственной тревогой выкрикнула женщина.

О как! Русская. Впрочем, ничего удивительного. Многие дворянки частично перенимают туалеты у иностранцев. Правда, в основе берут только самое удобное. Хотя хватает и тех, кто готов приносить жертвы красоте и

слепо следовать европейской моде. Как то – покрывать свои лица белилами. Бред. Но достаточно распространенный среди московских модниц.

Женщина вырвалась из его объятий и побежала в ту сторону, откуда еще недавно улепetyвала во все лопатки. Ну и Иван за ней. Только сначала сделал петлю, чтобы подобрать пистолет. Как ни крути, а это его первый военный трофей. Во всяком случае, в этом мире.

Ничего так. Пусть и самый обычный одноствольный, популярный среди путешественников, но ладный такой. И калибр сродни его трехкамерному. Миллиметров двенадцать. Что не может не радовать. Местные ручные гаубицы Ивану претили.

Ага. А вот и та, чей вскрик он услышал первым. Товарка склонилась над ней, призывая тихим голосом:

– Даша. Дашуня. Милая, отзовись.

Легкий, едва уловимый стон. Иван склонился над раненой и уверенно приложил палец к живчику на шее. Есть! Прощупывается пульс! Значит, не померещился стон. Надо срочно...

– Стрелец, бери ее и неси за мной, – вдруг властно распорядилась женщина.

Хм. На вид за тридцать. Но прехорошенькая. Следит за собой баба, причем не на европейский манер. В том смысле, что ни следа этой местной косметики. Только то, чем боженька одарил. И фигурка благодаря распахнутому плащу и правильно сшитому сарафану угадывается. Не худосочная, но и не в теле. Кровь с молоком, как бы это избито ни звучало. И все это Иван успел рассмотреть за доли секунды.

– Чего встал, служивый?

– Патруля нужно дожидаться, – вдруг невпопад ответил он.

– С ума сошел. Да она сейчас кровью изойдет.

– Так я перевяжу. – Иван задрал кафтан, без тени сомнений намереваясь оторвать полосу от рубахи под ним.

– Да бери же ты ее, остолоп! Живо, кому говорю!

Вот кто бы ему объяснил, с какого такого перепуга он вдруг взялся выполнять ее приказы? Но послушаться отчего-то не получалось. Бывает такое, когда на твоём пути попадают не просто властные люди, но еще и способные одним своим видом внушить к себе уважение. А еще, вроде ничего и не предприняв, безошибочно дают понять, что они имеют право и умеют распоряжаться.

Нести раненую оказалось недалеко. Всего-то шагов сто. В смысле именно через столько подбежали к ним четверо мужиков. Все вооружены ружьями с кремневыми замками, с заткнутыми за пояс пистолетами и

большими ножами. Иван даже грешным делом едва не опустил раненую на землю, чтобы встретить новую напасть.

– Не смей, – велела женщина, четко уловив его намерение. – Свои.

– Ирина Васильевна, цела? – выпалил мужик с аккуратной бородкой с проседью посредине.

– Все потом. Возьмите Дашу. Да поворачивайтесь, черти! А ты куда, служивый? А ну-ка, давай за нами.

Двое подоспевших на помощь уже подхватили его ношу, а оставшиеся лихо так взяли Ивана под белые ручки. Он и охнуть не успел, как уже лишился и обоих разряженных пистолетов, и ножа. Даже был охлопан. Правда, обнаруженный под кафтаном кошелек эти ухари и не подумали трогать.

Еще полтора шагов – и высокий каменный забор, выкрашенный в какой-то светлый цвет. Доподлинно уже не разобрать. Скрипнула калитка. Двое с раненой скользнули вовнутрь. Следом женщина. Ну и Ивана, решившего было упереться, подтолкнули. Не грубо, но настойчиво так. И не откажешь.

– Алеша, этот пистолет убийцы, – уже в гостиной дома, указав на трофей, произнесла неизвестная.

Хотя отчего это неизвестная. Какая-то Ирина Васильевна. Н-да. Ну очень информативно. Хотя-а... А вот не хочется ему отчего-то выяснять подробности. Совершенно никакого желания. И напротив, Иван сейчас предпочел бы быть подальше отсюда.

– Понял, Ир... кхм, – вдруг стушевался статный парень лет двадцати пяти.

– Ничего, Алеша, Матвей уж возвестил мое имечко чуть не на всю округу.

– Кхм, – теперь уже прокряхтел бородатый мужчина. – Прости, так уж вышло. Испугался за тебя.

– Не винись. Сама виновата. Верни ему его пистоль, – велела женщина третьему.

Потом как-то внимательно посмотрела на Ивана. По-хозяйски, что ли. Оценивающе так. Ну не принял Иван еще полностью реалии этого мира, а потому и смущаться не стал. Умом, разумеется, понимал, что за подобное поведение можно очень даже поплатиться, да толку-то. Все на рефлексах. Ну не смог он удержаться, чтобы не окинуть женщину ощупывающим, едва не раздевающим взглядом. А все потому, что при свете свечей, да еще и без плаща, в одном только сарафане, она была куда как краше, чем в сумерках на улице. Сдаться бы такой на милость победителя. Но...

Породу видно. Попробуй только. Если что не так, голову враз снимут. Общество здесь сословное, и это еще мягко сказано. Нет, если сверху вниз, то чего только не случается. А вот снизу вверх... Ну, это только при незначительной разнице. Тут же пропасть видна сразу.

Ага. Поняла, что творится в его голове. И странное дело, эта властная женщина вдруг стушевалась. Едва заметно, но внимательно наблюдавший за ней Иван рассмотрел это явственно. Машинально заправила за ушко прядь волос, выбившуюся из-под кокетливого кокошника. И...

Перевела взор на диван, залитый кровью, где сейчас какой-то дядька с пенсне на носу колдовал над раненой. Помогала ему молоденькая служанка, вовсе не боявшаяся кровушки. Иван был готов голову прозакладывать, что женщина таким образом хотела отвлечься и взять себя в руки, явно выбитая из колеи несвойственным поведением юноши. Правда, по факту этот паренек был куда старше ее самой. Ну да кто же об этом знает.

– Что там, Христофор Аркадьевич? – спросила Ирина Васильевна.

– Убийца был какой-то неумеха, – отозвался мужчина в пенсне, судя по всему, врач.

– Еще какой умелец, – возразила женщина.

– Значит, Даша дернулась, и клинок прошел неточно.

– Она меня оттолкнула и приняла сталь на себя, – подтвердила Ирина Васильевна.

– Крови потеряла много, но ее жизнь вне опасности. Разумеется, если клинок был чистым.

– Ясно. Теперь о тебе, служивый, – наконец взяв себя в руки и став прежней, властной и сильной, вновь обернулась к стрелцу женщина. – Как звать?

– Иван, Архипа Карпова сын, – привычно ответил парень, еще не привыкший к тому, что успел ступить на тропу самостоятельной жизни и от отца по факту не зависел.

– Дмитриевский полк?

– Точно так. – Вот ни капли сомнений в том, что она имеет право задавать эти вопросы.

Правда, отвечая, Иван все же старался смотреть в сторону. Ну ее к ляду, эту благородную. Пока-то вроде ничего, но еще обидится. А он на нее просто так смотреть не может. Сразу начинает ощупывать взглядом. А что такого? Карпов-то молод, что есть, то есть. Но ведь для Rogozina эта красавица самая что ни на есть молодка.

– Запомни, стрелец. Ничего не было. Вообще ничего. Шел ты по своим

делам, шел и дошел туда, куда и направлялся. Никого не видел. Ни в кого не палил. И никого не спасал. Уяснил?

А что тут еще скажешь? Его, по сути, никто и не спрашивает, как и не ждут иного ответа. Просто обозначают то, что он должен принять безоговорочно. А он что? Он готов.

– Уяснил, – подтвердил Иван.

– Христофор Аркадьевич, запомни паренька.

– Да уж и без твоих указаний запомню, – не отвлекаясь от раненой, ответил врач.

– Дом и хозяина запомни, – это уже Карпову. – Нужда серьезная будет, обращай к нему. В нужное время и в нужном месте ты оказался, стрелец. Я добро помню. Но имя мое забудь.

– Уже забыл, – с готовностью согласился Иван.

– Все. Можешь идти.

Ну и пошел. Про трофейный пистоль поминать не стал. Ясно же, что его оставили, потому что пистолеты здесь в основном парами ходят. У оружия Ивана, кстати, также пара есть. В смысле осталась у голландца. Ну да такой ствол и отдельно прикупить не грех. Проверено.

Так вот, имея один пистоль, можно с большой долей вероятности найти и его побратима. Оружейников в Москве не так чтобы и много. Железки же имеют свойство ломаться. Причем скорее чаще, чем реже. А стало быть, и починки требуют. Валовое производство оружия тут отсутствует как класс, а потому у всего огнестрела хватает индивидуальных примет. Ох и не завидует Иван этому убийце.

Перед тем как выйти со двора, перезарядил пистоль. А то мало ли, как оно все. Парень, которого женщина назвала Алексеем, с пониманием отнесся к заминке. Молча дождался, пока парень закончит возиться с оружием, и только потом выпроводил.

Снаружи Ивана плотно обступила темнота. Где-то в начале улицы или в конце, кто же поймет, где тут что, нумерация-то отсутствует, видны несколько факелов. А вот голосов не слышно. Да и поблизости никого. Вот и не надо. А то он сейчас нервный. Еще пальнет сдуру.

Еще раз ощупал пистоль за кушаком. Запомнил, как выглядит дом. Тот в общем ряду не выделяется. Видно лишь, что это дворянская усадьба, а не доходный дом, каковых тут, кстати, хватает. Не всем улыбается счастье иметь свои владения в Белокаменной.

Так что сомнительно, чтобы такая властная особа жила в этом доме. Уж скорее те, кому она благоволит. И по ее поведению это вполне заметно. А не прокатили ли его только что? Хотя вряд ли. Тогда бы уж проще было

приголубить по голове и скинуть в ров. Мало ли разбойного люда в Москве. Так что нужно запомнить дом-то. Вдруг и впрямь пригодится.

Поправил шапку и зашагал в сторону другой улицы. Обойдет квартал да потом опять выйдет к стене. Вдоль нее все же идти сподручнее. Меньше закоулков. Оно бы, если вернуться, короче вышло. Но ручкаться с нервными стрельцами, набежавшими по горячему делу, нет никакого желания.

Глава 4

Немного интриги

– Как ты, Марио? – обратился мужчина, войдя в небольшую, но светлую комнату на чердаке.

Если судить по шелковому камзолу, богато изукрашенному вышивкой и галунами, человек состоятельный и благородный. Не будь он дворянином, у него и одежда была бы попроще. Впрочем, в пользу его происхождения говорили еще и манеры, приличествующие французскому двору «короля-солнце».

Хм. Вообще-то Франсуа де Бриен и был французом. Как и говорил на своем языке. Разве что состоял на службе не при французском дворе, а при польском. В Русском же царстве вот уже год как выполнял обязанности посла. И всеми путями проводил в жизнь политику короля Речи Посполитой Яна Третьего Собеского.

Следует заметить, что тот был ближайшим союзником Франции и по факту ставленником Людовика Четырнадцатого. Так что, служа Яну, де Бриен служил Людовику. Если тому вообще есть дело до Московии. Как, впрочем, и до папы с его интригами в вопросах вероисповедания.

Зато посол одновременно был и на службе у иезуитов, верных слуг папы, имевших серьезные позиции в Польше. Орден давно лелеял мечту закрепиться в Московии, имея далекоидущие планы. Их вообще отличало стратегическое мышление, а закрученные многоходовые комбинации растягивались на десятилетия.

– Здравствуй, Франсуа. Я в полном порядке, – поднимаясь с постели, поздоровался с вошедшим Марио.

На его итальянское происхождение кроме имени указывал еще и характерный акцент, с которым звучал его французский. Но, несмотря на эту разницу, было отлично видно, что этих двоих связывает давняя и крепкая дружба. И не только дружба. У них хватало общего.

– Извини. Здравствуй, Марио. Голова кругом.

– Из-за моей неудачи?

– Если бы твоя неудача оказала влияние на мою головную боль, то мы бы уже висели на дыбе, пуская кровавые пузыри, – покачав головой, возразил посол. – Доктор сказал, что кость не задета?

– Да. Повезло. Так что вскоре буду готов к делу. И поверь, я исправлю

свою ошибку.

– Было бы неплохо. Но не спеши, Марио. Это дело дальней перспективы.

– Что слышно в городе?

– Ничего.

– То есть? – искренне удивился итальянец.

– А то и есть. Полная тишина. Словно и не было никакого нападения в Серпуховском переулке. Эта стерва с утра во дворце, всем улыбается и сама беззаботность. Не понимаю, как ты мог промахнуться.

– Случайность. Найдется не так много слуг, готовых заслонить господина своей грудью. Ее служанка оказалась из них.

– Не служанка, а подруга.

– Из бедных дворян, – с явным пренебрежением уточнил Марио, словно говоря, что разница невелика.

– Как бы то ни было, но Дарья Рощина жива. По крайней мере, ни о каких похоронах не слышно. А замалчивать это они не смогли бы. И в этой связи опять вопрос. Как так получилось, что жива не только Хованская?

– Говорю же, эта дура каким-то звериным чутьем почувствовала неладное и бросилась на клинок. Вот и вышел удар неточным. А что там с ней, я и смотреть не стал. Главное было достать другую.

– И как результат упустил обеих.

– Эти сумасшедшие русские, – горько ухмыльнулся итальянец. – Одна бросается на шпагу, другой спешит на помощь совершенно незнакомому человеку. А я готов прозакладывать голову, что он оказался там случайно. Да еще и носит с собой три пистолета. Вот ты носишь с собой три пистолета?

– Это мог быть многозарядный, – пожал плечами француз.

– Ну, может, – с кислой миной согласился несостоявшийся убийца.

– Тебя не опознают? – спросил посол.

– Нет. Я был в мужицкой одежде.

– И со шпагой, – не без иронии поддел Франсуа.

– Можно подумать, у русских это такое уж редкое оружие, – отмахнулся Марио, но все же добавил: – Они не настолько тупы, чтобы не понять, что это было не ограбление.

– Но тебя не опознают? – вновь надавил Франсуа.

– Исключено. Просторная одежда хорошо маскирует фигуру и движения. Маска скрывает лицо. И за все время я не произнес ни слова. Я не первый день пробавляюсь этой работой, Франсуа.

– А потерянный пистолет?

– Ерунда. Я приобрел эту пару в Польше четыре года назад и использовал только для работы. Пистолет никуда не приведет.

– Но от второго я бы избавился, – с самым серьезным видом произнес посол.

– Понимаю, Хованская не та особа, с которой следует шутить. Но стоит ли просто избавляться от пистолета? Можно подбросить какому-нибудь ограбленному бедолаге с проломленным черепом.

– Хм. С ней такая мера не помешала бы. Она ведь не успокоится, пока не найдет, как это говорят у русских, откуда ноги растут.

– Вот и займусь, как только оправлюсь. А ты пока подбери того, кто лучше всего подойдет на эту роль, – жизнерадостно подмигнув, предложил Марио.

– Их уже четверо, – с самой любезной улыбкой заверил посол.

– Но ты все же определись. Пистолет-то у нас один, – едва не рассмеявшись, погрозил пальцем Марио. – Послушай, Франсуа, а чего это братья-иезуиты так набросились на эту прелестную веселую вдову? Ну скачет она по постелям мужиков, так и пусть скачет. Или братьев так задевает ее грехопадение?

– Братьев задевает ее дурное отношение к иноземцам.

– Они считают, что коль скоро дошло до грехопадения, то это неизменно должны быть европейцы? – явно веселясь, заметил Марио.

– Очень смешно, – хмыкнул посол, а потом продолжил, сменив тон: – Нам удалось подвести к царевичу Николаю полковника де Вержи.

– Это тот весельчак-француз, что по полгода командует полком, а вторую половину кутит в свое удовольствие?

– Именно он. Они сошлись на охоте. Царевич все время заглядывает ему в рот и слушает его рассказы о Европе, Новом Свете и многом другом. Мальчишке только пятнадцать, и если приложить должные усилия, из него еще можно слепить нечто удобоваримое для Польши и нашей католической церкви. Но великая княгиня со своим неприятием иноземцев может помешать этой зарождающейся дружбе. В глазах Николая эта женщина имеет несомненный авторитет.

– Цесаревич настолько безвольная личность? – баюкая раненую руку, с долей презрения поинтересовался итальянец.

– Эта безвольная личность грозит превратиться в весьма своенравного, целеустремленного и волевого государя, способного скрутить Московию в бараний рог.

– И чем может быть выгоден такой правитель? Эдак, глядишь, он полезет своим бородатым рылом в европейские дела, – заметил Марио.

– Не полезет, – покачал головой Франсуа. – Если направить его энергию в нужное русло. Работы для его деятельной натуры найдется более чем достаточно. Король Ян хочет подружиться с Николаем и заключить союз с Москвой на вечные времена. А заодно заручиться поддержкой московского царя в борьбе с турками и шведами. Правда, для этого Московии придется сначала в очередной раз покорить Новгород.

– А разве Речь Посполитая уже не претендует на новгородские земли?

– После того как у нее под боком вызрел такой соперник, как Швеция, а на юге все больше донимает Турция? Королю сейчас впору думать не о расширении границ, а об удержании прежних. И тут совсем не помешает друг, готовый пролить на алтарь их дружбы жертвенную кровь своих подданных. Так что моему королю именно такой московский царь и нужен.

– А если и он в свою очередь решит откусить кусок от Речи Посполитой? Ведь было уже, и не так давно.

– Вот поэтому и следует вложить в голову наследника нужные мысли и великие устремления, дабы это пошло на пользу моему королю, а не во вред.

– То есть де Вержи также сотрудничает с иезуитами?

– Ни в коей мере, – возразил посол. – Гастон искренне рад дружбе с цесаревичем, и все его устремления теперь прочно связаны с Московией. Он приехал сюда, памятуя о щедрости русских царей, чтобы заработать и вернуться в Европу. Но если ему удастся стать настоящим другом царя... К чему возвращаться домой, чтобы быть одним из многих, если здесь можно стать если не первым, то уж точно вторым. Так что он верен царевичу. И будет верен до конца, дорожа его дружбой.

– Ничего не понимаю. Но как же тогда?.. – Марио сделал неопределенный жест.

– Мы используем его втемную, – легонько пожав плечами, ответил посол. – Нужно только вложить в голову де Вержи правильные мысли. И это не так чтобы трудно. Веря же в свою правоту, он заставит поверить и царевича. Вот и все.

– И какой тут интерес у иезуитов?

– На данном этапе они хотят всерьез закрепиться в Московии. И для начала добиться разрешения на создание в Немецкой слободе коллегиума^[4]. И мысль о том, что в Москве должно быть учебное заведение, общепризнанное в Европе, уже вкладывается в голову цесаревича. О дальнейших планах братьев мне ничего не известно. Но уверен, что они есть. Причем с дальней перспективой. У иезуитов простых путей нет в принципе. Так что выздоравливай, необходимо доделать работу.

– Можешь в этом не сомневаться, – задорно подмигнув, заверил итальянец.

Не сказать, что Ирина Васильевна не думала о тех, кто покушался на ее жизнь и едва не убил ее фаворитку. Разумеется, Хованская не царица и даже не цесаревна, а великая княгиня, то есть лицо, уже отринутое от трона. Но кто сказал, что фаворитов и фавориток могут иметь только царствующие особы? Ведь это всего лишь выделение кого-то в общем ряду.

Вот и великая княгиня выделила молодую и преданную девушку из бедного дворянского рода. До вчерашнего вечера ее преданность, как и преданность ее батюшки, известного московского врача, выражалась в сбережении некоторых тайн из ее личной жизни. Но теперь все изменилось.

Даша без тени сомнений заслонила собой Ирину Васильевну, жертвуя собственной жизнью. Христофор Аркадьевич даже при виде раненой дочери сохранил присутствие духа и ни взглядом, ни жестом не попрекнул великую княгиню за произошедшее. Иной бы обвинил, помянув ее любовные похождения. А вчера она возвращалась с очередного свидания.

Но Роцин был достаточно умен, чтобы понимать, что покушение организовала вовсе не ревнивая супруга. Хованская никогда не крутила романы с женатыми, это первое. А второе – пусть она и не могла претендовать на трон, выйдя замуж за покойного боярича, тем не менее играла видную роль на политической арене Русского царства.

Коль скоро она стала кому-то мешать настолько серьезно, то и покушение могло случиться где угодно. Причем даже при наличии серьезной охраны. И тут уж выбирай. Либо быть подле сильных мира сего, пользуясь их благосклонностью и приобретая некое влияние, но вместе с тем подвергаясь опасности. Либо жить в тиши, безвестии и бедности.

И Роцины сделали свой выбор. Христофор Аркадьевич получил кафедру и лабораторию в медицинской академии, оборудованную по последнему слову современной науки. Даша – возможность удачно выйти замуж и обеспечить свое будущее. К тому же у нее есть два старших брата, которые не пошли по стопам родителя, а поступили на службу и имели серьезные перспективы роста.

Несмотря на то что ее люди сейчас вовсю разыскивали злоумышленника, Ирина Васильевна была вынуждена заниматься совершенно иным делом. А именно находилась в рабочем кабинете царя в Кремлевском дворце и вместе с ним принимала экзамен у своего племянника, который, как ни странно, добился за последнее время

серьезных успехов.

Мальчик был достаточно одарен, и науки ему давались легко. Вот только желания изучать их у него не наблюдалось. Профессора Московского университета устали бороться с его ленью. А тут... Николая словно подменили.

– Что скажете, Степан Андреевич? – обернувшись к Сытину, известному во всем мире математику и профессору Московского университета, спросил самодержец.

Именно самодержец. Вот уж чего удалось добиться Рюриковичам, так это упрочения самодержавия в Русском царстве. Государь крепко удерживал власть в стране, подмяв под себя как знать, так и церковь. Оставалось с умом распорядиться этой самой властью. Но... При всем при том, что Дмитрий Первый был не лишен прозорливости, для этого ему все же не доставало воли. Самой малости. Но все же.

– Ну что я могу сказать, государь. Несомненно, за последние полгода цесаревич серьезно продвинулся вперед. Конечно, при наличии более образованных преподавателей успехи могли бы быть и более значимыми. Но они все же впечатляют. Прими мои поздравления, Николай Дмитриевич, сумел ты меня удивить.

– И еще удивлю, Степан Андреевич, – бросив мимолетный горделивый взгляд на стоявшего чуть позади и в стороне полковника в зеленом мундире на европейский манер, заверил подросток.

– И чем же, если не секрет? – полюбопытствовал профессор.

– Я хочу серьезно изучать кораблестроение, а это никак невозможно без математики.

– Хм. Смею тебя заверить, Николай Дмитриевич, что для этого потребно изучать не одну лишь математику.

– Я знаю, – с самым серьезным видом кивнул подросток, а потом перевел взгляд на царя. – Батюшка, я стал совсем по-другому смотреть на науки, от которых, вижу теперь, проистекает польза великая. Вот словно прозрел.

– Верю, сынок. И замечая. Что меня очень радует. Ладно. Будем считать экзамен завершенным. Николай, я очень доволен. Надеюсь, ты и дальше будешь меня радовать. Причем не только в науках, но и в других областях.

– Конечно, батюшка, ведь правителю не стать великим, коль скоро он не ведает творящегося в мире.

– Иди уж, великий, – с довольной улыбкой произнес царь, подкрепляя свои слова взмахом руки.

Цесаревич поспешил удалиться в сопровождении полковника и профессора. И судя по тому, как этот худощавый юноша среднего роста в буквальном смысле слова надвинулся на ученого, тому предстоит выдержать некое сражение. Николая вдруг обуял голод познания, и, похоже, он намеревался его утолить. Причем в своей обычной манере, нахрапом, сметая все на своем пути и впитывая то, до чего сумеет дотянуться. Есть у него такая черта.

– Ну, что скажешь, сестрица? – едва закрылась дверь, поинтересовался царь.

При этом из него словно выдернули стержень. Он как-то сразу осунулся, разве что цвет лица остался прежним. Впрочем, ничего удивительного, коль скоро на нем добрый слой пудры. Дмитрий Первый был болен. Причина и природа болезни пока оставались неизвестными. Лучшие медицинские умы не могли понять, что происходит с государем. Но факт оставался фактом: болезнь медленно, но верно подтачивала его силы, приближая неизбежный конец.

– А что тут скажешь, Дмитрий. Твоя правда. Коленька за ум взялся и в науку вгрызся, как голодный в краюху хлеба.

– Во-от. А ты говорила «иноземец, иноземец», – передразнивая ее, произнес царь. – А оно вишь как вышло. Этот де Вержи как нельзя кстати свалился.

– Верно. И мальчика к себе привязывает всеми доступными способами, – вовсе не разделяя благодушного настроения старшего брата, отозвалась Ирина. – Платье на Коле немецкое, разве что парик дурацкий не напялил. Но зато уже начал отпускать волосы на европейский манер. Скоро в хвост забирать станет, как девка какая. Из Немецкой слободы, считай, не вылезает. И все-то ему там нравится да пригожим видится. Часами готов внимать о том, как в тех Европах все обустроено. А паче всего в Новом Свете. А уж байками о разбойниках морских так и вовсе заслушивается. Пару раз, случилось, не одернул тех, кто в его присутствии поминал «русских варваров». Пусть и говорили те о мужичье. Но ить подданные, православные. Вот ведь какое дело. Девку под Колю подсунули, чтобы слаще ему среди немцев было. А еще эти корабли. Ведь через них он к наукам потянулся. И как бы беда именно отсюда и не пришла.

– Ох, Ириша, вот как погляжу я на тебя, так столько жути понагнала, прямо страх берет, – покачав головой, не без иронии заговорил царь.

Покряхтел, устраиваясь поудобнее. Сестра тут же поспешила ему помочь. Тяжко братцу. Но тот недовольно покосился в ее сторону. Благодарно кивнул и сам же придал телу нужное положение. Больше всего

на свете его сейчас злила беспомощность, и он всячески ей сопротивлялся, пусть и выходило не всегда.

– Платье немецкое? Так на себя посмотри. Во что одета?

– Я огульно европейцам не подражаю, беру только то, что удобно.

– Ну так и Николаю удобно в европейском платье. Парик же этот вшивый на себя не напялил. Вот гляжу я на тебя и диву даюсь. Вроде и не цепляешься за седину далекую, но Коле отчего-то крылышки все время норовишь укоротить. Немцы? Ну так еще прадед наш, Грозный, заложил первую Немецкую слободу. Чай, не был дурнем-то. И мы ой как много почерпнули у европейских народов. И нам еще есть чему поучиться. Корабли? – Дмитрий Первый безошибочно указал рукой в нужную сторону и выпалил: – Море по сию пору зовется Русским, а русские на его берегу только рабами и появляются. И как на том море встать, коли корабли не строить? Мы уж трижды Крым воевали, и снова воевать придется. Потому как мало что выход к морю нужен, так еще и татары все время набегами своими земли наши разоряют.

– Да беда-то не в учении. Поучиться никогда не грех. И к морю выход нужен, торговлишку вести. И с татарами решать надо. Но ить он все на немецкий манер норовит перековать. А немцы те... У себя в Европах они, может, и собачатся. Да только тут все дружно держатся. И варвары для них не мужичье, а все мы.

– И что? Гнать всех?

– К чему же гнать? Я такой глупости не говорю. Но вот оградить слегка от иноземцев цесаревича нужно.

– Ну так и ограждай. Чай, он тебя поболее иных любит и слушает. А что до девки... Что же ты, сестрица, не озаботилась, раз уж видишь такое дело? Сама-то, поди, не забываешь любовников менять.

– Дмитрий...

– Молчи уж, – отмахнулся царь. – Не одной тебе доносят о всяком-разном. И я сейчас корю тебя не за твои шалости, а за то, что коли видишь корень зла, отчего сама не уредила?

– Прости, братец. Признаться, хотела, но поначалу подумала – не ко времени. А там уж Колю этот де Вержи в оборотку взял. И охнуть не успела.

– Меньше по чужим постелям скачи, так и успевать будешь. И не зыркай на меня. Не зыркай. Я ить тебя, сестрица, никогда ни о чем не просил. Ты сама в ярмо влезла. Ну а коли так, то и делать все надобно на совесть или вовсе не браться. Не убедила ты меня, Ириша. Пока от этого полковника для Николая одна польза. А что до того, что сынок уж больно

сильно посматривает на Европу... Я ить тебе не мешаю. Вправляй ему мозги. Я уж как могу стараюсь, да, видно, все без толку. Меня-то он слушает, но вот слышит ли? Ты же дело иное. Ладно, иди уж, – скривившись от боли и вновь прилаживая поудобнее многострадальное тело, закончил разговор царь.

– Плохо тебе, братец? – с искренней заботой подхватила Ирина, бросаясь к Дмитрию.

– Да иди, говорю, маета. Не твоя забота с хворобой разбираться, – огрызнулся он, вновь озлившись на болезнь.

Де Вержи примерно представлял, о чем сейчас может говорить великая княгиня Хованская. Для него это не было тайной за семью печатями. Но он не опасался этого. Пока он дружен с наследником престола, ему ничто не угрожало. Как бы ни была Ирина Васильевна настроена против иноземцев, открыто противиться племяннику она не станет. Не глупа. Понимает, что собой представляет цесаревич.

А после сегодняшней аудиенции плюсом к хорошему отношению со стороны цесаревича стало еще и благоприятное впечатление, произведенное на царя. Как бились с наследником, стараясь пробудить в нем интерес к наукам, одному богу известно. И тут вдруг нашелся тот, кто подобрал к нему ключик. А тут всего-то нужно было нащупать тему, вызывающую интерес у Николая. Корабли с овевающей их романтикой. Различные игрушки и станки, полные секретов механики. Дальше только поспевай.

Конечно, будь великая княгиня злопамятна, де Вержи несдобровать бы. Но при всей своей жесткости Хованская не отличалась мстительностью или коварством, как, впрочем, и всепрощением. Так что полковнику бояться нечего. Разве что придется выдержать борьбу за внимание наследника. Пусть и не кровавую, но весьма серьезную. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Николя, ты обратил внимание, как на меня посмотрела твоя тетка Ирина? – с мягким французским акцентом произнес полковник, едва они оказались в личных покоях цесаревича.

– По-моему, весьма равнодушно, – пожимая плечами и проходя к столу у высокого окна, произнес подросток.

– Вот именно. И эта холодность не была естественной. Хотя бы потому, что она ей не свойственна.

– Ты это о чем? – со звучным шлепком опустив на стол стопку бумаг, которые он нес в руках, вскинулся цесаревич.

Нужно быть слепоглухим, чтобы не знать, о чем шепчутся все придворные. Да и по Москве слухи ходили. Шила-то в мешке не утаишь. Вот и о любвеобильности его тетушки болтали всякое. Правда, не без опаски посматривая по сторонам. Не приведи господь услышит кто посторонний.

Николай понимал, что далеко не все правда и на деле у тетки Ирины любовников куда меньше, чем приписывает ей молва. Но в том, что дыма без огня не бывает, не сомневался. Как замечал и потуги многих придворных обратить на себя ее внимание. И среди этих претендентов хватало иноземцев, которых она неизменно игнорировала. Уж не из таких ли Гастон?

– Я о том, что великая княгиня явно не благоволит нам, европейцам. А тут была просто холодна, словно ничего и не происходит, – ничуть не смутившись, совершенно спокойно ответил француз.

Ага. Выходит, все предположения Николая – всего лишь плод воспаленного воображения. Вот и ладно. Очень уж не хотелось бы выговаривать де Вержи. Николай искренне дорожил дружбой старшего товарища, который был достаточно образован, успел повидать мир и даже побывать в Вест-Индии, а еще прошел через горнило войны и своей шпагой завоевал право командовать полком.

Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что цесаревич не так уж сильно ошибался, предполагая потуги своего новоявленного друга. Де Вержи не был бы французом, если бы не попытался добиться благосклонности веселой и весьма влиятельной вдовы. И только потерпев неудачу в варианте, который считал беспроектным, обратил свои усилия на Николая. Признаться, без особого энтузиазма, но неожиданно удачно.

– Ты не прав, Гастон. Тетушка, может, и не благоволит иноземцам, но всегда готова учиться у европейцев. Впрочем, как и у выходцев с Востока. Она вообще говорит, что не имеет значения, где черпать знания, потому что они бесценны. И потом посмотри, как она одевается. Многое в ее туалете взято от европейцев.

– Возможно, цесаревич. Но, признаться, у меня сложилось такое впечатление, что если она захочет, то может совершить что угодно. Сжечь Немецкую слободу, захватить трон. И клянусь, у нее для этого есть все. Популярность в народе, преданность стрельцов, круглый год находящихся на службе и подчиняющихся ее свекру...

– Гастон, – резко оборвал друга Николай, – тетка Ирина была близкой подругой моей матушки. И когда та умерла, давая жизнь мне, заменила ее. Заменила полностью. Она вскормила меня своей грудью, потеряв в то же

время своего первенца. Именно она была моей кормилицей, пусть я того самолично и не помню. И еще. Об этом никто не говорит. Батюшка и тетушка запрещают о том поминать. А теперь и я запрещаю говорить тебе. Четыре года назад я заболел черной оспой. Да-да, не смотри на меня так. Все знали, что я болен, но чем именно, никому не говорилось, чтобы не было паники. О том знали только четверо. Тетушка сама, добровольно, отправилась со мной в карантин. Потому что мне было страшно, и я просил ее не оставлять меня. И это-то я помню отлично. Помню, как мне было плохо, как я изнывал от болезни и страха. Помню, как она, презирая болезнь, прижимала меня к своей груди и успокаивала. И если на моем теле осталось лишь несколько небольших отметин, то это только ее молитвами.

– Но-о... – удивленно протянул француз.

– Хворь обошла ее стороной, – подняв руку, остановил его Николай. – Но не это главное. Ты пока только клянешься мне в дружбе или искренне хочешь стать другом. Она же однажды уже сделала шаг, чтобы ради меня принять мучительную и страшную смерть. Вспомни этот наш разговор, когда в следующий раз захочешь сделать намек, подобный сегодняшнему.

– Николай Дмитриевич, поверь, я...

– Гастон, – чуть возвысив голос и метнув в собеседника бешеный взгляд, буквально прорычал подросток.

– Сначала выслушай, Николя, – вовсе не собиравшись отступать де Вержи.

– Говори, – медленно кивая, выдавил из себя цесаревич, похожий на грозную тучу.

– Я завел этот разговор, вовсе не желая очернить имя великой княгини. Я просто озвучил то простое обстоятельство, что ты фактически один. Ты готовишь себя к великим свершениям, хочешь начать коренные реформы, но у тебя нет соратников. Если ты захочешь править так, как правит твой батюшка, тогда все в порядке. Ты унаследуешь власть, займешь московский престол и продолжишь дело своих предков. Московия же останется все тем же болотом.

– Ты сейчас говоришь о Русском царстве, Гастон.

– Я знаю, о чем я говорю, цесаревич, – продолжал гнуть свое француз. – Сколько раз твои предки пытались устранить опасность, исходящую от Крымского ханства? И сколько раз в этом преуспели? А все потому, что прежняя армия, даже с полками нового строя, для этого не годится. Нужно создавать новую армию. Нужно строить флот и завоевывать право для русских купцов торговать на берегах Русского моря. С кем ты это собираешься делать? С боярами, которые не желают поднять с

лавок свои седалища? Да если бы не твой батюшка со своим запретом на деревянное строительство в Москве, то она и сегодня бы ничем не походила на европейские города.

– Так о чем ты толкуешь? Где мне брать соратников? – ничего не понимая, заинтересованно спросил Николай.

– Вспомни историю мамлюков.

– Ты предлагаешь набрать соратников из мальчиков-рабов?

– Я предлагаю их вырастить, Николай Дмитриевич. Собрать тысячу мальчиков из тех, что посообразительнее, возрастом от десяти до четырнадцати-пятнадцати лет. И начать их воспитывать так, как надо тебе.

– Но сколько лет пройдет, пока они вырастут? – разочарованно протянул цесаревич.

– Но и твой батюшка, дай ему Господь здоровья, пока что крепко сидит на престоле. Это и хорошо. Потому что верных соратников нужно еще подготовить. А кроме разных наук мы с ними будем заниматься и воинским искусством. Когда же придет срок, у тебя будут готовы офицерские кадры. Набрать солдат из крестьян, и уже через год после твоего восшествия на престол у тебя под рукой будет настоящая армия.

– Ты возьмешься обучить их воинскому искусству? – с запалом спросил юноша.

– Всему, что знаю сам, и тому, что мы сможем измыслить вместе, Николя. Военная наука, как и все в этом мире, не стоит на месте и постоянно развивается.

От услышанного глаза молодого цесаревича буквально загорелись. Он уже был в гуще сражения, ведя за собой стройные ряды преданных полков и сокрушая порядком надоевших крымчаков. Причем делал это с помощью особой, разработанной им самолично тактики.

Но потом вдруг вернулся на грешную землю и разочарованно вздохнул. Когда еще это будет. А до той поры придется ой как много сделать.

До обеда Иван провел время на тренировочном поле, паля из своего нового пистоля. Уж очень ему не понравилось, как он вчера мазал. Подумал уж, что ствол кривой. Но оказалось, что со стволом все в порядке. И пуля входила в него не просто плотно, но еще и сминалась малость, отчего ни о какой болтанке не приходилось говорить в принципе. Так что пусть и содрал с него голландец изрядно, но ничуть не соврал.

Мало того, при стрельбе на полсотни метров пистолет показывал отличные результаты. Для гладкоствола, разумеется, да еще и без

прицельных приспособлений. А вот пицали не помогал даже суконный пластырь, в который оборачивалась пуля. Рубль за сто, ствол у нее кривой. Придется начинать со станка для правки и разбирать эту ручную артиллерию. Правда, прежде чем разбирать оружие, нужно будет понять, получится ли выпрямить эту тонкостенную трубу или лучше не заморачиваться. С другой стороны, без станка все одно не обойтись.

Получается, вчера в переулке Иван безбожно мазал вовсе не от кривого оружия, а от избытка в крови адреналина. Ну или от испуга. Чего уж там, отвык он от подобного веселья. Труса вроде бы и не праздновал, но испугался. И тут лучше смотреть правде в лицо. Впрочем, сейчас время мирное. На войне он себя поведет по-другому. И это была не уверенность, а знание.

Пока стрелял, парни крутились вокруг него восхищенной стайкой. Перепало пальнуть по разу и им, причем как из пистоля, так и из пицали. Старшие же посматривали как на дурня, попусту прожигающего деньгу.

Покончив с тренировками, отправился домой, уговорившись с парнями о встрече на гульбище. Хотел было сходить к родителям, но, как это часто бывает, очень быстро нашел себе целую кучу оправданий. И оружие нужно почистить, и поесть приготовить, прислуги-то у него нет, самому обо всем заботиться приходится. Да и себя привести в порядок не помешает. Пока то да се, дело подошло к вечеру.

Оделся в парадный кафтан. А то как же, знай наших. Из оружия с собой только нож. Ну да раньше и без него хаживал. А вообще при таких делах не помешало бы какой карманный ствол заиметь. Уж больно Ивану не понравилось, как тут в Москве все кучеряво бывает. Таскать же с собой купленный револьвер...

Нет, если завтра война, если завтра в поход... ну или в наряд по ночным московским улицам, то он его однозначно прихватит. Достойный ствол. А вот так... Нет, ну ее, эту бандуру.

Пройдя переулком, что был, считай, посредине слободы, вышел за околицу. Переулок-то он и не переулок вовсе. Так, набита тропка между двумя заборами, отстоявшими друг от друга на расстоянии полутора сажен. Только и того, чтобы телега свободно прошла. А если груженная сеном, так и вовсе впритирку. Проходом этим как раз для провоза сена и пользовались, как, впрочем, еще и гоняли на выпас коров.

Ну и молодежь по нему ходила. Гульбище-то их как раз в той стороне и находится. Летом все больше на вершине невысокого холма собираются. Место там примечательное. В том смысле, что комаров вообще не водится. Что не оценить весьма сложно.

А чтобы было где собираться и зимой, неподалеку срубили дощатый сарай. Эдакая халабуда. Материал на возведение этого довольно хлипкого строения шел самый разнообразный и бросовый. Как говорится, с миру по нитке.

Слободчане не больно-то скупилась, если речь шла о том, чтобы помочь молодежи. Стрельцы – они народ зажиточный. К тому же все семьи в слободе за последние пару десятков лет как раз от этого сарая и пошли. Правда, тот уж несколько раз сгорал дотла. А нечего с огнем играть. Но стараниями слободских парней всякий раз вновь возникал на прежнем месте.

Нет, как дело к лету, так и ляд с ним. Главное, чтобы крыша не текла. А то ведь и дожди случаются. Ну а к зиме, хочешь не хочешь, а парни начинают чесать репу, мол, надо что-то делать. А то как же! Не девкам же о том думать!

Наличие какого-никакого помещения подманивает в Стрелецкую слободу девчат из соседних слободок, где такого не водится. А значит, и выбор невест куда как шире выходит. Иных-то парней сюда и близко не пустят, только свои!

Вот так и стоит тот сараюшка год от года. Все кажется, что вот-вот завалится. Ан нет. Еще и внукам послужит. Если в очередной раз не сгорит. Ну да дело привычное, заново поставят.

Не сказать, что в зиму молодежь постоянно прячется под его крышей. Все же тесновато там. Так что в хорошую погоду на гульбище полыхает костер, раздаётся смех, заливаются рожки со свистульками.

Но сегодня на улице никого. Слякотно. Из-за дощатых стен долетают звуки безудержного веселья.

Иван подошел к широкой скособоченной входной двери, открытой нараспашку. А что такого, внутри посредине сложен очаг и полыхает огонь. Народу – с полсотни парней и девок от четырнадцати до двадцати. А то и постарше встречаются. А вот младше – уже шалишь. Летом-то мальцы крутятся вокруг старших, ну да никто им и не запрещает. А вот в непогоду уже по-другому. Сараюшка-то не безразмерный. А потому брысь домой.

– Ой, девоньки, вы только поглядите, какой к нам красавец писанный заявился. При кафтане в петлицах, да в сапожках нарядных и шапка набекрень. А за кушаком-то, вы только гляньте. Клинок боевой всамделишный! – раздался голос разбитной бабенки.

Нет. Тут никакой ошибки. Именно что бабенки. Лет двадцать пять ей. Есть пара-тройка неугомонных, на которых уж давно все махнули рукой. И родители в том числе. А что с ними поделаешь? Ну сильна в них любовь

к плотским утехам. Разве только прибить.

Однако и польза от них несомненная. Да хоть тем же молодым да горячим пар спустить, пока дурь в голову не ударила. Осуждает этих девок общество, не без того. Но принимает.

Вот и девчата молоденькие да честные принимают. А куда деваться? Сами-то до свадьбы ни-ни. А парням-то что делать? Мужики ведь они страсть какие слабые. Только чуть, и сразу ум за разум заходит. А уж если случаем каким взору открылось больше, чем приличиями позволено, или почуют разгоряченное тело через сарафан, так и вовсе шалют.

– Ох, Глашенька, не дразнила бы ты судьбу-злодейку. А то ить я стрелец молодой, горячий да удалой. Подхвачу вихрем да унесу в даль несусветную, – в тон ей задорно отозвался Иван.

– Ой, да все бы тебе только грозиться, Ванечка. А как до дела, так только тебя и видели.

– Ох, красавица, а не спутала ли ты меня с кем?

– Да где уж путать-то. Чай, не стара пока да при разуме, – нахально оглаживая свои статные формы, выделяющиеся даже сквозь овчинный полушубок, ответила Глафира.

Иван чувствовал себя здесь как рыба в воде. Да и с Глашей ему не впервой открыто заигрывать. Ну и она от этого получала удовольствие. Это другие парни опасались столь откровенной связи.

Оно ведь как. Если тишком да бочком, то этого вроде как и нет, а значит, можно и к честной девушке клинья подбивать. Если же вот так в открытую выставлять напоказ свою кобелиную сущность, никакой красавице это по нраву не придется. Эдак глядишь, и приударить еще не успел, а тебе уже от ворот поворот.

Нет, родители все одно оженят, в бобылях не останешься. Но ведь хочется-то по любви. Так, чтобы сердце зашло и тепло по груди разлилось. И кто сказал, что о том только девицы думают? Брехня! Просто парни больно важничают и не признаются в этом.

Иван же жениться не собирался. Ну не ко времени. Быть может, дело в том, что попросту ошалел от вновь обретенной молодости. А может, в том, что в памяти все еще жива прежняя семья. Да и дочь его Мария была чуть старше основной массы невест. Глафира – та дело особое. Она и постарше, и нацелена совсем на иное.

– А это кто таков? – спросила, глядя на вошедшего Ивана, девчушка лет четырнадцати, пристроившаяся в уголке.

– Ванька Карпов. Его отец недавно в стрельцы записал, – охотно пояснила другая девушка, лет семнадцати.

– Экий видный, – вновь произнесла девчушка, не отводя от него взора.

Ее собеседница окинула взглядом пусть уже изрядно оформившуюся, но все же натуральную пигалицу и, не сдержавшись, ухмыльнулась. Правда, та этого не заметила. А вот подруга, что привела девчушку, очень даже рассмотрела и тут же надвинулась на девицу с грозным видом.

Анюту, девку не просто видную, а настолько здоровую, что иные парни от нее отлетали, словно вороги от былинных богатырей, в Стрелецкой слободе знали хорошо. Сама она была из Огородной слободы, что раскинулась по соседству. Но к стрельцам зааживала.

Ну некуда было податься в зимнюю пору. Коли безветрие и не так морозно, то еще ладно. А как непогода завьюжит, так только здесь. Закидывали девчата парням удочки, и уж не раз. Мол, неплохо бы как в Стрелецкой слободе сделать. Да только либо глупые они, либо прижимистые. Но скорее все же ленивы. Оно ведь и из плетня можно соорудить. Конечно, выйдет не так, как тут, но все одно куда лучше, чем по домам сидеть.

Вместе с Анютой порой приходили и девчата от соседей. А что. Девка – бой. С такой не страшно по чужим улицам пройти. Счастье – оно ведь необязательно в твоей слободке. Вдруг как раз по соседству. И пусть местные девчата на них откровенно косились, парни такому разнообразию были только рады.

Хотя девчушка, которую Анюта привела с собой в этот раз, мала еще о замужестве думать. Ну да тут никто особо не думает о венчании. Повеселиться, разогнать кровь по жилам, это да. Молодость свою дань требует. Так что ничего удивительного.

– Ты чего, Анюта? – вскинула бровь девушка.

– Да вот, Леночка, хочу предупредить, чтобы сестренку мою не обидела.

– И не думала никого обижать. Просто она ведь на Ваньку так засматривается, того и гляди слюну пустит.

– А тебе что за печаль? – насупилась Анюта.

– Мне? – удивилась Лена. – Никакой печали. А вот сестренке твоей, коли не начнет глядеть в иную сторону, попечалиться придется.

– С чего бы это?

– Так ведь Ванька – он не как все. Парни все больше пару себе ищут, понравиться хотят. А ему до девчат и дела никакого. Если только колкостями перебраться. Он вон все больше на Глашу да ее товарок посматривает. А уж после того, как жить стал отдельно, так и подавно. С год назад начал было гулять с Настей Коровиной, но после того как головой принял сосульку с крыши церкви, сразу к ней и охладел. Уж как

она убивалась по аспиду этому. Хорошо хоть нашлось кому утешить.

– Ясно, – бросая взгляд на младшую сестренку, произнесла девушка.

– Анюта! – окликнула ее Лена, когда та уже отвернулась. – Ты бы присмотрелась к Егору, а то он все время тебя высматривает. Да, видать, побаивается, а ну как пришибешь сгоряча, – с немалой долей иронии произнесла она, как видно желая поддеть здоровую девицу.

– С чего это ты взяла? – стушевалась Анюта, что при ее габаритах смотрелось ну очень потешно.

Нет, Анюта вовсе не была в теле. Просто высока, куда иному статному парню. А так стройна при весьма впечатляющих формах и милым, простодушным ликом.

– Ну я-то уж знаю, – авторитетно заявила Лена.

– Уж больно много ты знаешь, как я погляжу, – недовольно буркнула Анюта.

Правда, при этом непроизвольно выискивая названного Егора. Вон он, стоит в уголке, ведет беседу с парнями. Его едва рассмотришь в свете лучин, но девушка все же заметила брошенный на нее украдкой взгляд. Как, впрочем, и он ее. Вот так, стрельнули глазами и поспешили отвести взор, оба залившись краской.

Время пока было раннее, поэтому молодежь, разбившись на группы, вела беседы. То там, то сям возникали веселые перепалки. Но наконец в сарай подтянулись трое весело переговаривающихся парней. Двое из них держали в руках балалайки, а третий – рожок.

Их появление было воспринято всеобщим ликованием. Народ настолько заждался и застоялся, что тут же начал наседавать на музыкантов, требуя начать игру. Ну что тут поделаешь. Расположились на лавке, и сарай наполнила веселая разбитная мелодия.

Иван помнил по своей молодости, как на школьных дискотеках ученики поначалу жались к стенам и нерешительно втягивались в веселье. Все знали, зачем туда приходили. Но быть первым всегда трудно, даже если речь идет всего лишь о танцах.

Здесь же все иначе. Едва зазвучала музыка, как большинство девчат и парней тут же сорвались с места. Веселье и пляски начались практически сразу, без разогрева.

Чуть позже подтянулись и другие музыканты, так что теперь они могли чередоваться, а не только лишь трудиться на благо общества. Играть оно, конечно, интересно, но ведь и поплясать хочется и девиц пощупать. Подумаешь, те обряжены в полушубки. Ничего страшного.

Здесь с медленными композициями были определенные сложности. Но

это вовсе не значит, что нет танцев в парах. Ну а кому понравится за так скакать козликом? Нет, поскакать, разумеется, можно. Но только чтобы показать свою удаль, привлечь к себе внимание и получить право на танец в паре.

Признаться, Иван сильно удивился, когда какая-то незнакомая девчушка вдруг пригласила его на танец. Нет, здесь это не редкость. Нужно же порой как-то подтолкнуть нерешительного воздыхателя, мнущегося и млеющего в сторонке. Да и не одни только парни кладут глаз на девчат. Нередко случается и наоборот.

Иван несколько раз ловил на себе заинтересованный взгляд этой девчушки. Впрочем, не только ее. А то как же! Молодой, статный, приятной наружности, и не абы кто, а уже стрелец. Форма во все времена оказывает на девчат какое-то магическое воздействие.

Потанцевал с ней в паре. А куда деваться? Девушек и женщин нельзя обижать в принципе. Да и не одна она была из тех, что приглашали его. Случалось, разумеется, что его и игнорировали весь вечер, и тогда уж он сам спешил пригласить Глашу ну или кого из двух ее товарок столь же легкого поведения. А ближе к полуночи, протанцевав с дерзкой малолеткой уже четырежды, от пятого так и вовсе нагло увернулся.

Ну его к ляду. Не хватало еще, чтобы кто-то там себе что-то накрутил. Ну не собирается он жениться. И голову дурить невинным девицам не хочет. А уж таким юным и подавно. Ни к чему оно. Лишнее.

Хм. А может, ну его к лешему, ходить сюда? Скучно, конечно, не без того. Но ведь со скукой той можно и по-иному бороться. Ну, к примеру, читать те же книги. Нет, пожалуй, местных авторов он все же не потянет. Уж больно стиль у них заковыристый. К тому же одно приторное рыцарское благородство и все такое в том же духе. Ивану все же ближе продукт куда более поздних времен.

Так что по его интересам сейчас самое лучшее – это уйти с головой в работу. Еще бы со службой как-нибудь решить, чтобы не дергаться на эти клятые наряды. Они ему поперек глотки. Вот же удружил батя! А что до плотских утех, так задел уже есть. Только помани, желающие сразу сыщутся. Не одна, так другая. А что, он парень нежадный. Вон Глашенька в алых бусах расхаживает да эдак многозначительно поглаживает их пальчиком. Стоят-то не так дорого, но тут ведь важно внимание.

Ну и наличие отдельной жилплощади – весьма серьезный аргумент. Кстати, дружки разлюбезные уже удочку забрасывали, мол, не поспособствуешь ли. Ведь все равно один проживаешь. Ага. Осталось только дом свиданий устроить. Перетопчутся. Дружба дружбой, но и

границы понимать надо.

Так что когда настырная девчушка в очередной раз навелась на него, Иван поспешил спрятаться от нее за Глашей. Вроде как при деле, звон танцует, ну и с бабенкой пора бы уже уговориться. Не до петухов же тут булками трясти. Впрочем, до рассвета – это когда потеплеет. В студеную же пору только за полночь.

Она была уже на полпути к своему избраннику, когда тот попросту сбежал. А как еще это назвать? Она, конечно, молода, не без того. Но не дура! В отчаянии девушка даже слегка притопнула ножкой в кожаном сапожке, слегка взметнув истертую в труху солому.

А что, Огородная слобода – это царские угодья, и народ там вполне может себе позволить не ходить в лаптях. Чай, не простые крестьяне, а царевы огородники. У них там, между прочим, даже в зимнюю пору свежие фрукты и овощи выращиваются к царскому столу. И даже заморские диковинки имеются.

Дабы не показывать, насколько зла, отвернулась к стене, чтобы перевести дух и успокоиться. А когда вновь обернулась, то не поверила своим глазам. Стрельца и след простыл. В недоумении она обвела взором водящие хороводы пары. Нет. Не видно ни кафтана приметного, ни самого его владельца.

И тут она вздрогнула от внезапно прострелившей ее мысли. Глянула в сторону кривоногой лавки, где восседали эти гулящие девки. Пусто. Ага. Вон они две, тоже в хороводе, бросают друг на дружку недовольные взгляды. А третьей их товарки и след простыл. Той самой, с которой Иван танцевал целых три раза и с которой пошел в хоровод сейчас.

От мысли, что бы могло означать отсутствие этих двоих, Лизу даже передернуло. Да как он мог! Что он вообще себе позволяет! Как можно сравнивать ее и эту... эту... Не найдя подходящего эпитета, так как все известные ей показались мягкими, она отыскала взглядом Анюту.

Та идет в хороводе с парнем, который на ее фоне явно проигрывает статью. Но не сводит внимательного взгляда с Лизаветы, даже дернулась было выйти из хоровода. Девчушка только сжала губы и отрицательно мотнула головой. Не стоит портить Анюте вечер, коль скоро у самой не задался.

И вообще, что это он себе думает? Высмотрела одного из нерешительных парней, что ютились по углам, и тут же взяла его в оборот. Остаток гулянья Лиза все время танцевала, предаваясь безудержному веселью, задорно притопывая сапожками и щедро одаривая окружающих

улыбкой.

– Я гляжу, весело тебе сегодня было, а, Анюта? – когда они уже направлялись домой, заговорила Лиза.

– Ну-у, это... – не нашлась с ответом девушка, прекрасно понимая, что из нее хотят сделать виноватую.

Вот только еще понять бы за что. Восхотелось Лизавете Дмитриевне пойти на молодежное гулянье, Анюта ее и повела. Причем рисковала серьезно. И кстати, ничего еще не закончилось. Пока не доведет до дворца, что построили посреди плодового сада в слободе, покоя ей не будет.

– Что это? – строго спросила Лиза.

Но потом все же спохватилась. С одной стороны, та ни при чем. С другой – в следующий раз упрется так, что ни с места, и ни о каких тайных прогулках можно будет не вспоминать. А ведь несмотря на то, что Лиза слегка расстроена выказанным пренебрежением, в целом вечер ей очень понравился.

– Аня, прости меня. Просто этот... Ты понимаешь, он с этой ушел.

– Царевна, да какое тебе до него дело? Подумаешь, стрелец, первый парень в слободе. Чай, вокруг тебя эвон какие красавцы, не чета этому.

– Это-то да. Но чтобы вот так! Попомнит он у меня еще. А Егорка-то твой вроде как с ним шептался о чем-то.

– Так они друзья-товарищи. Егор говорит, что сызмальства не разлей вода. Хвастал, мол, сегодня на тренировочном поле палили из пистоля и пищали. А еще сказывал, что вскорости и сам в кафтан стрелецкий обрядится.

В темноте никак не рассмотреть залившуюся Анютино лицо краску. Но будь царская дочь чуток повнимательнее – обратила бы внимание на смущение, которое явственно угадывалось в голосе спутницы. Вот только Лизавета вычленила из разговора лишь заинтересовавшее ее.

– Анюта, а ты у Егора побольше вызнать про этого Ивана сможешь?

– Ну-у не знаю.

– Тебе что, трудно поспрашивать своего ухажера?

– Какого ухажера? – еще больше смутилась Анюта.

– Анька, оглобля стоеросовая, а кто же он, если все время вокруг тебя увивался, да потом еще и проводить до дому порывался? Ухажер и есть.

– Прости, царевна.

– Чего «прости»? Значит, так. Вызнаешь у него все про того нахала. А я уж ему... Аукнется еще тебе, добрый молодец. Нет, ну каков!

Анюта предпочла промолчать и только поддакивала всю оставшуюся дорогу. Правда, при этом мысли ее были далеки от разглагольствований

царевны. Пусть ей и исполнилось только семнадцать, девушка была уверена, что никому-то она не интересна. Ну какому мужику понравится иметь под боком бабу, способную заткнуть его за пояс или скрутить в бараний рог? Так что точно знала, что если и найдет семейное счастье, то не по любви, а по родительскому уговору. И тут... Она просто не могла поверить в происходящее.

Глава 5

Долг платежом красен

Признавать, что был не прав, всегда трудно. Но коль скоро так уж случилось, то лучше все же найти в себе смелость сделать это. Причем не столько для окружающих, сколько для самого себя. Как ни странно, но это позволяет почувствовать себя сильным. Одно только осознание того, что ты способен признать свою неправоту, глядя человеку прямо в глаза, поднимает твою же собственную самооценку. А уж она-то дорогого стоит.

Поэтому, разложив все по полочкам и придя к выводу, что все же повел себя неверно, Иван наконец отправился в родительский дом. Трудно ли ему было это сделать? Признаться, не особо. По факту ведь он не восемнадцатилетний юнец со взором горящим и раздутым самомнением. Взрослый и вполне состоявшийся мужик, разве что в юношеском теле.

Другое дело, что мир этот прост, как валенок, с такими же простыми нравами. Нагадил – отвечай. А какой тут ответ? Получи свою долю розог, плетей или вожжей. Простенько так, но сытно, по самые гланды. Получать по хребтине или пониже спины не хотелось. Совершенно. Но и отринуть себя от семьи не получается.

Подворье родительского дома встретило Ивана вполне обыденно. Два дворовых пса вылезли из своих просторных будок и с легким скулежом начали тянуться к нему. Из-за ограничивающих их свободу цепей здоровенные псыны как-то уж очень потешно прижимали бошки к земле и пытались дотянуться до хозяина передними лапами. Словно выпрашивая внимания. А отчего, собственно говоря, «словно»? Именно что выпрашивая.

Иван вообще любил собак. И эти выросли практически на руках у прежнего обладателя тела. Подошел сначала к одному кобелю, потрепал за ушами. От второго послышалось недовольное рычание, смешанное со скулежом обиды. Пришлось одарить лаской и его. И только после этого ступить на крыльцо дома.

Войдя под кров, перво-наперво посмотрел на образа и перекрестился. Семья как раз собралась за обеденным столом.

– Здрав будь, батюшка. Здрава будь, матушка. Здравы будьте, братец и сестрицы, – церемонно начал он.

А то как же. Виниться так виниться.

– Прости, батюшка. По молодости да по глупости начудил.

Отец смотрит исподлобья проницательным взглядом. Иван же, тихонько вздохнув, поклонился и протянул ему кожаный ремень. По телу тут же пробежала непроизвольная дрожь. Хорошо хоть в кафтане, не то было бы неловко.

Архип отложил ложку. Поднялся из-за стола. Подошел к сыну. С задумчивым видом принял ремень. Ага, ритуального легкого касания ремнем спины не последовало. Будет бить. Нет, ну оно ему надо было?!

Иван снял кафтан. Следом рубаху. И, отвернувшись, подставил спину. В ожидании удара всеми силами старался не напрягаться. Да только напрасно все. Напряжение пробегало по телу волнами. Едва он расслаблялся, как мышцы тут же сковывало рефлексорным спазмом.

Удар вышел хлестким. От души. У Ивана едва не выскло слезы. Они набухли в уголках глаз, но чтобы пролиться, не хватило самой малости. Вот сейчас приложится еще разок, они и потекут. Но если с этим Иван ничего поделать не мог, то болезненный стон сдержать все же сумел. И пребывал в уверенности, что по меньшей мере на второй удар сил тоже хватит.

Но в тот момент, когда он был готов принять его, Архип повесил ремень на плечо сына. За спиной послышался скрип половиц – родитель отошел в сторону. И наконец – лавки, на которую опустилось массивное тело.

– Марфа, подай ложку. Сын к обеду пришел. Ну чего встал столбом? Одевайся и за стол. После обеда поговорим.

Н-да. Удар-то был один. Зато приложился батя от души. Если не останется рубец, то синяк во всю спину гарантирован. Однако припомнилось, как тот учил сына еще до появления здесь Рогозина. Не то чтобы злобствовал, но все же доставалось прежнему владельцу тела регулярно и качественно.

Обед оказался немудреным. Чугунок посреди стола с наваристыми щами да краюха домашнего хлеба. Вот ведь. Вроде и пекут раз в несколько дней, а с продуктом из его мира не сравнить. Этой выпечке по ощущениям дня три, никак не меньше, но рядом с ней не станет и свежий магазинный хлеб.

После обеда вышли во двор, а там и в кузню прошли. Незачем домашним слышать мужской разговор. Митя было увязался, но отец шуганул его, чтобы под ногами не путался. Он-то вроде и не мал уже, четырнадцать годочков, и бате помощник вместо Ивана. За молотобойца-то Архип его пока не пользует особо, чтобы не надорвался малец. Так, на пробу. Но науку кузнечную брат уже постигает и даже кое-что сам выковать

может.

Вот только подозревал отец, что разговор с сыном может выйти непростым. А по такому делу лучше без свидетелей. После той клятой сосульки сын словно сам не свой стал. Станный и порой совершенно незнакомый.

– Батя, я тут подумал. Не дело это, когда кузнец без молотобойца остается.

– Хочешь вернуться в кузню? – вздернул бровь отец.

– Не, батя. Прости. Но молотом махать я больше не стану. И не оттого, что считаю зазорным. Просто лишнее это, коли можно все сделать по уму. И Митю на том пользоваться неправильно. Ты ведь верно поступил, когда отдал его в учебу. Будущее оно за образованными. Я себе на замену хочу механический молот у тебя поставить. Только не думай, все траты моими будут, сам же все и слажу, – поспешил заверить Иван. – Ты просто позволь поставить переделку.

– Вот, значит, как, – неопределенно произнес кузнец.

– Да помню я твои слова о том, что Господь заповедал нам добывать хлеб в трудах. Но ить я не к безделью веду. И потом, купцы ничего не куют и не создают. Только и того, что перепродают товар. И все же грехом не считают. А ведь потом соленым тот товар не окропляют.

– Хм. В чем-то твоя правда есть, – почесав в бороде, задумчиво произнес Архип, а потом словно между делом заметил: – А от чего привод? От речки? Так это какой длины ось нужно будет устроить, чтобы к кузне подвести. Да на реке колесный сарай ставить, чтобы в зиму не перемерзло. А для того еще и очаг ладить.

Угу. Кто бы сомневался. Натура у отца бережливая дальше некуда. И нести расходы, вкладываясь во что-то новое, он ой как не любит. Да только...

– Батя, не бросив зерно в землю, урожай не собрать.

– Поучи еще, – явно сдаваясь, проворчал Архип.

– А колесо водяное ставить не будем. Твоя правда. Далеко до речки. Тут или кузницу переносить, или лучше ставить колесо на конной тяге. Лошадь и молот с мехами работать заставит, и в повозку станет. Хоть в кузню, хоть по дрова, хоть на рынок.

– Вот гляжу я на тебя, сынок, и диву даюсь. Иной ты стал. Ничего в тебе такого я ранее не примечал. А тут... Откуда все и берется. Ну ладно. Про булат ты вычитал в книжке. Скажешь еще, что и про эти махины молота и мехов прознал оттуда же. Но мне пришлось сначала с десяток подков загубить и получить по маковке от батюшки, пока первую сладил.

А уж сколько учился металл распознавать по цвету, какой ковать, какой калить, а какой и погодить, так и вовсе молчу. А ты вот так. Походя. Р-раз – и булатный клинок выковал. Два – и махину собрался ставить. И ведь никаких сомнений, непременно поставишь.

– Да ты не поверишь, батя, – вздохнул Иван.

– А ты не сомневайся, сынок, говори. Я ить родитель твой. Так что пойму. Ну было дело, решил наставить на путь истинный. Но ты ведь сворачивать не хочешь. Вот я и желаю понять, по какой такой дорожке ты идешь и куда она тебя заведет.

– Да тут такое дело. Словом, когда мне на голову та сосулька упала, я многое видеть стал. Ну-у... Не знаю. Откровением называть как-то неправильно. Чай, не святой. Но вот много нового мне видеться стало. А на кое-что старое уж по-иному гляжу. Одно только и ведаю, что не от нечистого это.

– Откуда такая вера?

– Так ить сосулька та с церкви упала. Да на освещенной земле все случилось. Нечистому туда ходу нет.

– Надо бы со святыми отцами посоветоваться, – с сомнением проговорил Архип.

Особо удивленным он не выглядел. Возможно, оттого, что уже давно ломал голову над переменами, произошедшими с сыном. Кто его знает, до чего он там додумался. Может, сейчас мужик вообще облегчение испытал.

– Не надо, батя. Вот ей-ей беду накличем, – тут же подхватился Иван.

– Это как же?

– А вот так. Уволокут меня в какой свой монастырь и запрут, так что я света белого не увижу.

– Ты чего это о святых отцах так-то?

– А того. Попомни мои слова, пойдешь к ним за советом – сбегу. Уж лучше, как тать, по лесам хорониться, чем в монастырском узилище сидеть.

– Ладно. Тут я тебя понял, – сразу же уверившись, что Иван так и сделает, произнес Архип. – Но это получается – и булат, и махины от той сосульки приключились. А насчет иноземца того ты врал.

– Врал, батя. Прости. – Глянул на отца и снова вздохнул: – За ремнем идти?

– Обойдется, – смерив парня взглядом, возразил отец. – А деньгу на переделки откуда возьмешь?

– Ну так я же не сразу сообразил, чего это такое мне мнится, и взялся выделывать ту первую сабельку. Решил поначалу проверить. Ты ни в какую слушать меня не хотел. Вот я с ребятами в лесном овраге и устроил

плавильню. Обломок клинка старого нашел, еще пару железок, да и выплавил первый булат. Потом, когда ты в наряде был, вынес ночью инструмент, и мы в лесу выковали полосу. А после, так же тайком, сладил несколько ножей. Ну и купцу запродавал. Так что деньга у меня есть.

– Н-да-а. Вот гляжу я на тебя и думаю, может, все же надо бы за ремнем-то сходить.

– Воля твоя, батюшка.

– Ладно. Пошли в кружало^[5], – вдруг неожиданно выдал Карпов-старший. – Там обо всем поговорим. Тебе ить сегодня в наряд?

– Сегодня, – согласно кивая, подтвердил Иван.

– Ну, значит, сегодня обговорим. Завтра я это все додумаю. А послезавтра, если не передумаю, за дело и возьмемся. И коли так, то деньгу свою попридержи. У меня с серебром порядок. Верно ты говоришь, сынок, не бросив в землю зерно, урожай не соберешь. Но ить и думать надо, куда то зерно кидать. А ну как болото. Так зерно то и всходов не даст. Ладно. Пошли.

Ну а куда деваться? Пошел. Впрочем, не с такой уж неохотой. Нет, вино местное ему не по вкусу. Ну, может, оттого, что действительно хорошее еще не попадалось. А вот пиво – совсем другое дело. Пил он его с удовольствием. Впрочем, смотря чье. Медовое же вино пробовать пока не доводилось. Да и редкость оно нынче на Руси. Потому как вытеснили его иноземные напитки, которые стоят куда дешевле.

Ну и водка. Куда же на Руси без нее. А главное, все как в его мире. Качество различается просто радикально, от откровенной сивухи до чистого продукта. Правда, об этом Иван только слышал. Пить же нечто, по качеству схожее с паленкой, желания не было никакого.

Вообще-то вот такой поход в кружало – здесь особый ритуал. Эдак отец показывает всем, что почитает сына за взрослого, самолично угощая его хмельным напитком. Можно, конечно, и обойти эту процедуру, попивая спиртное тайком. Но тогда либо хоронись от родителя, либо, если застукает во хмелю, то и прилюдно может отходить ремнем, как пса шелудивого.

Напиваться не стал. Оно и невместно, с отцом-то в компании, и в наряд заступать. А вот отец, похоже, на радостях решил свалиться в штопор. Иван и не предполагал, в каком тот пребывал напряжении все это время. А то как же, повинится сын или все же придется ронять лицо? Тут вам не там. Все куда как веселее и серьезней. Так что радость у мужика.

Лишь когда оказался на улице, Иван вдруг сообразил, что пошел к отцу не только из-за общественного мнения или своего душевного равновесия. Пусть и иное общество, но по большому счету Иван – дитя другого

времени, поэтому ему плевать, что о нем скажут. Не он первый, кому кости моют, не он последний. И вообще, скучно людям, вот и развлекаются как могут.

Стало жаль отца и мать? Ну понять-то он Архипа понял. Все так. И даже во многом признал его правоту. К тому же в ходе разговора выяснилась причина стремления родителя одеть сынка в перешитое старье.

Иван-то решил, что в бате скупость заговорила. И даже предположил грешным делом, что тот хотел полученное на складе продать с прибытком. По факту же имели место банальная бережливость и здравый смысл. Сын-то все еще растет. А ну как вытянется за лето? В его возрасте это очень даже легко может случиться. И что, ходить в подстреленном кафтане? Ну это еще ладно. А как с сапогами быть? Эдак никаких ног не хватит, в тесной обуви расхаживать. Да и нечего новое занашивать на тренировках и в нарядах, коль скоро старое все еще ноское.

Так вот, одной из главных причин примирения явилось то, что Ивану банально нужны были помощники. Из друзей соратники получились откровенно никакие. Одно дело шалости ради помочь поставить кузню в овраге. С риском быть битыми родителями таскать с подворья Карповых инструмент. Да при всем при этом принимать участие в создании настоящих булатных клинков. И совсем иное – пахать с утра до вечера, света белого не видя.

Парни семьями не обременены. Да еще и возраст такой, что только держись. Вот гулять, хорохориться перед девками да отплясывать они готовы до рассвета. Ну еще воинскую премудрость постигать. Это они тоже завсегда готовы. А работать – только из-под палки и с одной лишь мыслью о том, когда же родители их наконец отпустят. Вот женятся, пойдут детки, взвалится ноша на спину, тогда уж смотреть станут совсем по-иному. А пока... Дело-то молодое.

Вот и выходит, что друзья-товарищи – это замечательно, но положиться на них никак не получится. Но даже если все же привлечь, их еще учить и учить. А вот Архип пусть звезд с неба не хватает, но уже готовый кузнец. Опять же отец. А потому и надежды на него куда больше.

Выспаться перед нарядом не вышло. Пришлось становиться к печи и готовить. А что прикажете делать? Хозяйки-то нет. Вот и вынужден сам кашеварить. Иван-то рассчитывал пораньше освободиться после беседы с отцом, а тот его в кружало повел. Ну да что тут поделаешь. Нет, понятно, что можно как бы и в родительском доме поужинать, да только лучше все же поддерживать дистанцию. Ну не горел он желанием возвращаться.

Пока возился с ужином и готовил снаряжение, время и прошло. Поел,

да и на улицу. Надо поспеть в приказную избу на развод. Все же хорошо, что в наряд не требуется брать полное вооружение. Командование как рассудило? Огненный бой в патруле очень даже может пригодиться. Ватаги в Москве случались столь дерзкие, что порой чуть ли не сражение приходилось выдержать. А вот бердыш – уже лишнее, тут и сабелька сойдет. Ну и сухарная сумка, ясное дело, ни к чему. Так что облегчение служилым выходило изрядное.

А вот дежурство не заладилось сразу. Едва только вышли на улицу, как тут же прибежал постреленок из кружала. Оказывается, там имело место самое настоящее пьяное побоище. Десятник, дядька Кузьма, тут же снарядил свой десяток в нужном направлении. Пришлось побегать, да еще и чавкая жирной грязью. Снег уже практически сошел, мороза нет, сплошная сырость и слякоть.

Когда прибежали в кружало, там уже все закончилось. В помещении полный кавардак. Даже пара скамей из массивной доски поломана. В смысле ножки, конечно. Потому как ты эту плаху поди еще сломай. Тут и бердышом не вдруг управишься. Ну а так – форменный погром.

Четверо стрельцов из разных десятков, отдохавшие в кабаке, удерживали Архипа, скрутив ему руки. Около дюжины человек, охая и подвывая, искали себе место, где можно отдышаться после драки. Посредине небольшого зала у опрокинутого стола двое вздыхают над третьим, у которого из груди торчит нож.

Картина маслом, йолки! Причем чья работа с трупом, сомневаться не приходится. Во-первых, удерживают именно Архипа. Во-вторых, в груди убиенного видна рукоять отцовского ножа. Уж Иван-то его знал хорошо. Богатый нож, из хорошей стали. Еще тот, прежний Иван, завистливо поглядывал на этот клинок.

– Емеля, что тут у тебя стряслось? – строго поинтересовался десятник, подавая сигнал своим подчиненным и придерживая Ивана за плечо.

В конце концов на службе они, а не те четверо. Поэтому и дело надлежит брать в свои руки. Ну и нечего кому постороннему крутить их соратника, пусть и бывшего. Опять же сын его вполне себе в их десятке.

– Да чего стряслось, Кузьма Гордеевич. Сидел Архип, выпивал. Сначала с сынком, потом еще подходили люди. А как один остался, эти трое подсели. – Кивок в сторону двоих, склонившихся над трупом. – О чем говорили, не ведаю. Да только Архип как взвился, да по морде вон этого.

Иван посмотрел на указанного мужчину, признавая его. Как звали, не то что не помнил, просто не знал. Но зато видел его в лавке у того самого купца, которому сдавал клинки. Вот с товарищем его ни разу не встречался.

Глянул повнимательнее на труп. Вот так вот! Йолки! Это же приказчик купца. Как же его? Точно, Андрей! Ох, что-то тут нечистое творится.

Нет, понятно, что кружало расположено близ Мясницких ворот и народ тут крутится самый разный. От обитателей близлежащих слобод до проезжего люда. А то как же, Мясницкая ведь ведет в Немецкую слободу, и на нее же выходит Владимирский тракт.

Вот только что тут делают торговые гости Москвы? Коль скоро обосновались в Гостином дворе, то тут им точно ловить нечего. Кабак можно и в Китай-городе сыскать, причем куда приличнее, чем этот, на окраине. Тут ведь дело-то какое. Если рогатки, что выставляются на основных перекрестках столицы, еще можно обойти, то караулы у запертых ворот никак не миновать. Это как бы в нарушение существующих правил. Местные, конечно, еще и не там пролезут. Но на то они и местные.

Так что же вы тут делаете, торговые люди? Да еще и к батюшке подсели. Плевать, что Иван не чувствует сыновней почтительности и любви. Однако за добро нужно платить добром, к тому же Иван уже видел в Архипе своего сподвижника, соратника и опору. А он своих не бросает. И вообще жуть какой собственник.

— Далее что было? — окинув взглядом человека, на которого указал кружальщик, спросил десятник.

— Ну а что дальше. Архип как врезал, этот на соседний стол отлетел да по сусалам Ремезову попал. Гнат долго разбираться не стал и тоже в морду. А там дружки этого подхватились и Архипу в морду, значит, ну и с Гнатом посчитались. А там завертелось, уж и не поймешь, кто кого по сусалам али еще куда. Ну я мальчика и отправил в приказную избу. Прикинул, что как раз только выходить должны будете.

— Ясно. Кто ударил этого, видал?

— Так Архипа нож. Он им в костях ковырялся.

— Я тебя спросил, чей это нож? Ты видел, кто ударил?

— Нет. Не видал.

— Десятник, беззаконие хочешь учинить? Своего выгородить? — промокнув тряпицей разбитую губу, покачивая головой, произнес мужик, с которого вроде как началась драка.

— А ты не гоношись. Кто таков будешь?

— Кислицин Родион, старшина охранной ватаги новгородского купца Жилина.

При этом многозначительно взглянул, мол, вон оно как. Этот-то вроде и из ваших будет, но и нас задарма не сожрешь. К купцам в Москве со всем уважением. Не холят и лелеют, нет. Но и в обиду попусту не дадут. Царь о

торговле радеет.

– И что, по-твоему, тут произошло?

– Мы специально сюда пришли. Купец случаем прознал, где кузнец живет, и отправил договориться насчет товара. Этот, – кивок на труп, – приказчиком у Игната Пантелеевича и за доверенного. Я и ватажник мой охраной к нему, чтобы кто не обидел. Нашли кузнеца здесь. Подсели чин чинком, повели разговор. Андрей ему предложение сделал, начали торговаться. Ну, пока рядились, кузнец Андрюху по матушке, я ему предложил укоротить язык. Слово за слово, а дальше вы знаете. Дело, в общем-то, житейское, кабы этот Андрея ножичком не приласкал.

– Сам видал? – уточнил Кузьма Гордеевич.

– Сам, – подтвердил Родион.

– Врешь, собака! – взъярился Архип. – Драться дрался, но за нож не брался. Кузьма Гордеевич, Христом богом клянусь, как началась драка, я того ножа и не видел, – обращаясь уже к десятнику, убежденно произнес кузнец.

Дальнейший опрос особых результатов не дал. Все свидетели и участники описали одни и те же события с незначительными вариациями. А вот как Архип ударил приказчика ножом, кроме Родиона, не видел никто. Тот же стоял на своем твердо.

Посчитав, что первичные следственные действия выполнены, десятник увел с собой как обоих гостей столицы, так и задержанного Архипа. Ну разве что еще нескольким участникам событий велел поутру явиться в приказную избу. Пусть завтра этим делом уже занимается дьяк. Составит опросные листы да отправит бумаги вместе с задержанными на съезжую в Китай-городе.

О теле убиенного велел позаботиться кабатчику. Тому надлежало поутру доставить его в Гостиный двор, купцу Жилину. Оповестить его о случившемся и считать себя совершенно свободным. Дальше пусть купец сам разбирается.

– Дядька Кузьма, ты веришь в то, что батя мог вот так вот?

– Не дядька, а господин десятник, – без резкости, но все же твердо одернул парня старый вояка.

– Прости, господин десятник.

– Служба, сынок. Ты уж привыкай. При любых делах мы на службе. А что до батьки твоего... В прошлом походе в Крым, когда мы обратно улепетывали, наш полк зажали ногайцы. Ну и ворвались в ряды, думали, сейчас покуражатся. Да только зубы обломали. Стрельцы в рукопашной, если не побегут, страшная сила, сынок. Мы ить своими бердышами любого

ворога в капусту порубаем. Так вот, в ту сечу твой батька чуть не дюжину ногайцев покрошил. Лют Архип в сече. Страшно лют.

– Так то в сече. А то в драке кабацкой, – не согласился Иван.

– Разница порой невелика. А тут он еще и в подпитии.

– Значит, по-твоему, батя мог?

– Он ли, нет ли, не ведаю. О том только этот охранник купчишки говорит. Но то, что мог, это правда.

Иван отстал от десятника и, обождав малость, пошел рядом с отцом. Тот был подавлен и уныло брел под караулом с повязанными за спиной руками. Пил? Да, пил. Но вот только пьяным он совсем не выглядит. Вопрос не в трезвости, а в том, что он все же отдает отчет в своих действиях. Глянул на сына:

– Вот такие дела, Ваня. Ты Марфе все обскажи. Да передай, чтобы не волновалась. Нет на мне крови того приказчика. Оговор все.

– Я понял, батя.

Угу. Оговор. Даже если и так, на дыбу Родиона не потащат. Это факт. И от своих показаний он также не откажется. Тоже факт. Почему? Да потому, что Иван вдруг четко осознал, что тут случилось. Архипа попросту спровоцировали, чтобы подвести под суд и крупный штраф. А как у того не окажется денег, то он отправится в кабалу. И купец заполучит кузнеца, владеющего секретом булата.

Вот только перебор вышел. Как предполагал Иван, гости должны были подрезать своего. Ну мало ли в чем он провинился перед купцом. А вышло так, что убили. Убийство же в Русском царстве каралось смертной казнью. Во всяком случае, насколько знал Иван.

Но есть еще загвоздка. Каким бы ты ни был умелым воином, одно дело – в драке незаметно сунуть нож и совсем иное – сделать это аккуратно, чтобы клиент выжил. Признаться, Иван плохо себе это представлял. Да вообще не представлял. Все же скорее всего он чего-то не понимает.

– Батя, ты духом не падай. Я что-нибудь придумаю. Обязательно.

– Ты мамку навестить не забудь, – не веря в возможности сына, велел Архип.

Ладно, не веришь, и не надо. Как, говорите, вас звать, сударыня? Ирина Васильевна? А фамилия случаем не Хованская? Он-то ее раньше не видел, но был убежден, что недавно успел познакомиться. Причем она ему малость задолжала. В тот-то вечер как-то не до анализа было. А вот потом...

Разговоров о развеселой великой княгине ходило много. По столице

гуляли небылицы одна краше другой. Причем все по секрету, под страхом если не лишения живота, то батогов, а то и кнута, точно.

Если бы не ее слова о возможности обратиться к ней за помощью, Иван и не подумал бы этого делать. Ищите дурака злить сильных мира сего. Открой рот не по делу, так и языка лишиться можешь. И это если повезет. Ох не с официального приема она возвращалась с подругой или служанкой, когда их попытались прижать.

Отпроситься у десятника на пару-тройку часов не составило труда. Тот отнесся с пониманием и отпустил до полуночи, наказав к тому времени обязательно вернуться. Ну и от глупостей разных предостерег. Условились, мол, Иван животом занемог, и десятник его отпустил. Ну какой из него вояка при таких делах. Так что если Иван где засветится, это будет сугубо его геморрой. Впрочем, парня это полностью устраивало.

Заскочил сначала в родительский дом, сообщил матери о беде. Это дело такое, лучше уж знать. Конечно, не помешало бы поддержать ее, но недосуг. Потом к себе домой, оставил пицаль с припасами и саблю. Они будут только помехой. Подхватил свой пистоль. В наряд его таскать смысла нет, тяжесть лишняя. А случись надобность, так рядом десятков товарищей. Сейчас же эта дура вовсе даже не мешает.

Подумывал прикупить и второй пистоль, но по здравом размышлении отказался. Уж больно неудобный. Считай, мини-карабин. Ну его к ляду, такую радость. Нужно придумать что-нибудь поприличнее. Однако начать придется не с него, а с вещей куда более прозаичных, призванных повысить благосостояние. Ну и мастерскую нужно поставить да оборудовать надлежащим образом. Не на коленке же ваять огнестрел. Это не нож выковать в овраге. Пока же надо обходиться тем, что есть.

Добрался до известного пролома в стене. Не сказать, что им пользовались все кому не лень. Кирпич-то осыпался, но свободного прохода все одно нет. Нужно карабкаться на стену, прикладывая определенные усилия. Так что пусть тут и набита тропа, но пользуются этим маршрутом исключительно молодые, скорее даже подростки, и тати, которым ну никакой радости пересекаться с патрулями.

Вроде и не поздно, но улицы совершенно пустынные. Народ здесь вообще рано ложится спать. Только и того, что собаки облаивают. Когда проходил мимо дворца боярина Рыльского, к кованому забору подбежали три здоровенные псины. Да так гаркнули, что Иван с перепугу едва не всадил в них заряд свинца. Насилу успокоился, сообразив, что этим зверюгам никак не выбраться за ограду. Бог весть что за порода, но он впечатлился.

Обратил внимание, что во дворце князя Черкасского все окна ярко освещены. Обычная светская тусовка. Здесь она называется не «ассамблея» и не «бал», а «гулянье». Правда, смысл от этого ничуть не меняется. Все те же танцы и веселье, сопровождаемые горячительными напитками. Разве что напиваться в хлам – это моветон.

Кстати, случаются и европейские мотивы с их менюэтами и тому подобной белибердой. А то как же, тут ведь и иноземные гости бывают. Это в Европе никому нет никакого дела до гостей, их обычаев и культуры. Русские куда более терпимы и гостеприимны. Впрочем, есть и ярые подражатели европейскому стилю.

До знакомого дома дошел без происшествий. Даже ни с кем не повстречавшись. Правда, несколько раз едва не растянулся на грязной улице. Даже подумал о том, чтобы устроить в Москве уличное освещение. Нет, понятно, что сейчас это никакая казна не потянет. Но ведь можно озадачить домовладельцев вместе с хозяевами дворцов и усадеб. Как вариант. А он бы под это дело развернул производство газовых генераторов.

И Москва сразу же стала бы самым продвинутым городом. А то все эти русские князья да бояре только и знают, что складывать деньги в кубышку. Да и владельцы доходных домов недалеко ушли. А газовый генератор обойдется не так уж дорого, зато и в доме освещение, и по улицам можно ходить с куда меньшим риском переломать себе ноги.

Да и окупится в конце концов. Не быстро и не вдруг, но польза будет. А то как же. Отходы от работы этих генераторов – древесный уголь да деготь. Если, конечно, пользоваться березовые дрова и желательно с корой. Можно и сосновые дровишки, но тогда уж только смола, потому как уголь из сосны совсем поганый. Ну или какие твердые породы. Тут только уголек получится. Нет, береза самый оптимальный вариант.

А вот и нужный дом. Постучал висящим у калитки молотком. Как ни странно, очень скоро ему ответил привратник. Не успел еще лечь? Да мало ли. Оно ведь и впрямь не так поздно. Скорее уж рано. Всего-то девять часов вечера. Впрочем, все в этом мире относительно, тем более при отсутствии электричества и телевидения.

- Кто там? – раздался старческий голос.
- Я к Христофору Аркадьевичу, – ответил Иван.
- Как доложить?
- Карпов Иван, стрелец Дмитриевского полка.
- Жди, – последовал короткий приказ.

Впрочем, ждать пришлось совсем недолго. Не прошло и пары минут,

как гроыхнул засов и дверь гостеприимно распахнулась. И впрямь старик. Стоит эдакий боровичок, в руках стеклянный фонарь с горящей свечой. Кстати, дороговатое удовольствие. Если фонарь со слюдой стоил шесть копеек, то вот такой, с прозрачным стеклом, целых пятьдесят. Стекло – товар заморский, тут его варить не умели. Или не хотели.

Вообще ситуация непонятная. Академия наук есть, а производство на уровне прошлого века. Нет, какие-то мануфактуры имеются. Но этого явно недостаточно для обеспечения даже внутреннего рынка. Оттого даже текстиль весьма дорог. Причем настолько, что многие по сию пору предпочитают обходиться домотканым полотном. Ну и цены на промышленные товары традиционно высоки.

Да что там. В стране даже нет оружейных заводов или хотя бы мануфактур. Единственное производство оружия имеется в Туле. Но ни о каком централизованном выпуске там и речи нет. Каждый мастер сам себе хозяин и делает ровно столько, сколько считает нужным для собственного благосостояния. А это хорошо как пара ружей в месяц. Холодное оружие и доспехи традиционно куят в московской Бронной слободе, ну и где кому придется.

Вот медики те да, очень даже преуспевают. Мало того, есть царский указ, запрещающий врачам выезжать за границу и заводить там практику без пятилетней отработки в Русском царстве. И результаты заметны. Смертность, в особенности детская, значительно уменьшилась, численность населения неуклонно растет.

Пока размышлял об этом, прошли знакомым двором и дальше в дом. В прихожей останавливаться не стали. Слуга повел вглубь. Правда, не на второй этаж. Ага, вот и просторная комната, заставленная книжными шкафами, у окна большой рабочий стол, заваленный свитками, стопками бумаги и раскрытыми книгами. На углу стоит канделябр на три свечи. Наверняка рабочий кабинет.

Сам хозяин восседает за столом, водрузив на нос очки. Это да, если работать вечерами с таким освещением, зрение посадишь на раз. И чего не догадаются использовать стеклянные плафоны? Оно куда ярче получится. Достаточно взглянуть на фонарь в руках старика, чтобы сделать соответствующие выводы.

- Здравствуй, дружок, – поздоровался с Иваном хозяин дома.
- Здравствуй, Христофор Аркадьевич.
- Решил не затягивать с обещанной тебе помощью? – с легким неодобрением поинтересовался Роцин.
- Так уж вышло, – не стал лукавить парень.

Да и не до того как-то. Тут время дорого. По своему прошлому опыту он прекрасно знал, что практически любую проблему гораздо проще решить по-горячему.

– Излагай.

– Отца моего с час назад на убийстве прихватили.

– Та-ак.

– Но только он не убивал, – тут же поспешил заверить Иван. – Тут просто дело такое. По-моему, на него специально напраслину возвели. Хотя я в толк не возьму, какая им от этого может быть польза.

– Давай-ка ты сейчас все подробно изложишь, чтобы мне было с чем идти к Ирине Васильевне, – враз стал серьезным Роцин.

Ну а что тут поделаешь. Начал рассказывать со всей обстоятельностью, стараясь ничего не упустить. Правда, о своей роли в получении булата скромно умолчал. Мол, снизошло на отца озарение, и он открыл секрет благородной стали. О том они и с отцом договорились, пока выпивали в кружале. Оно и впрямь проще так.

– Та-ак. Твоя правда, в простое совпадение верится с трудом. Но чтобы ради этого на смертоубийство идти... Хотя если человек жаден до богатства, еще и не на такое сподобится. Правда, на что они рассчитывали, я не знаю. Однако я не законник, может, есть какие тонкости. Значит, так. Я немедленно донесу эту весть до известной особы. Что твой батюшка окажется на свободе, обещать не буду. Но можешь не сомневаться, следствие будет честным, а суд справедливым. Уж это-то от имени Ирины Васильевны я могу обещать непременно.

– Спасибо, Христофор Аркадьевич, – искренне поблагодарил Иван.

– Да мне-то не за что. А вот я твой должник не меньше Ирины Васильевны. И ты помни об этом.

– Вам-то я когда успел удружить?

– А вот когда вступился за двух женщин в темном переулке, тогда и удружил. Даша – дочка моя. Тем вечером она сопровождала Ирину Васильевну, и на обратном пути на них напали. Если бы не ты, убийца непременно вернулся бы и добил ее.

– Ясно.

– Ну иди. Мне еще нужно поспеть донести весть.

Прежде чем возвратиться к десятку и продолжить нести службу, навестил отца в узилище. Как мог обнадежил, чтобы он духом не падал. Хм. А он и не падал. Сидит себе совершенно спокойный и в ус не дует. Ну не считает себя повинным, и все тут. Н-да. Святая простота.

Наряд прошел без происшествий и ничем примечательным не

отличался. Ну если не считать того, что десятника дернули в приказную избу, чтобы снять показания. По возвращении Кузьма Гордеевич рассказал, что там уже вовсю разбирается дьяк со съезжей. Архипа же после обеда собираются увозить в Китай-город. Выходит, великая княгиня начала действовать. Откуда же еще может быть такая прыть?

После дежурства направился к матери и попытался ее успокоить. Марфа неустанно лила слезы, не веря, что все может разрешиться добром. Оно бы остаться с ней. Но... Не умеет Иван утешать. А выслушивать все эти стенания...

Нет, дело вовсе не в том, что он не воспринимает Марфу как мать. За добро он привык платить добром. К тому же эта семья стала Ивану близкой. И ответственность за нее он на себя принял вполне серьезно. Но он и впрямь не знал, как помочь женщине, а от ее причитаний чувство беспомощности и вины только усугублялись.

Оказавшись дома, сбросил с себя сбрую и завалился спать. Только того и сделал, что растопил печь, чтобы не околеть. Если бы не холод собачий, даже не стал бы возиться. И дежурство измотало, да еще и из-за Архипа перенервничал.

Однако со сном как-то не заладилось. Иван даже не смог понять, сколько времени успел поспать, когда его разбудил лай дворового пса. Да и немудрено, без часов-то. Кстати, не мешало бы озаботиться. Прежний-то Иван умел определять время по звездам и солнцу, и нынешний вполне себе этими знаниями обладал. Но работало это только в ясную погоду и уж точно не в стенах дома.

Впрочем, польза от нынешних часов сомнительная. Даже на башенных есть лишь часовая стрелка при относительной точности. И карманные вовсе не стали исключением. Но с другой стороны, возможность установить хотя бы приблизительное время куда лучше отсутствия таковой. Только стоят эти хронометры немерено. Нет, ну его, такое сомнительное удовольствие.

С другой стороны, отчего бы не сделать это дополнительной статьей дохода. Тем более что он может создать часы не только с минутной, но и с секундной стрелкой. В принципе может. Дело в том, что опыт создания деревянного часового механизма у Ивана имелся. Еще по прошлой жизни в двадцать первом веке. Но, во-первых, он сейчас точно не вспомнит все размеры шестерней и количество зубьев на них. Хотя и помнит схему механизма.

Во-вторых, он проделывал это еще в своей домашней мастерской. То есть той, где у него имелся не допотопный, а самый современный

инструмент. Имелся и хороший мини-токарный станок. А значит, и точность выделки деталей была куда как выше.

Ну и в-третьих. Понятно, что если он что-то сделал своими руками, то забыть это сложно. Но часовой механизм слишком требователен к точности, а потому придется изрядно потратить времени, чтобы все детально вспомнить. И с первой попытки ничегошеньки не получится...

О чем только не подумаешь, пока тянешься к пистолю и взводишь курок. После случившегося с Архипом Иван ничего хорошего не ждал. Кто знает, на что еще пойдет новгородский купец, чтобы заполучить обладателя секрета булата. Мало ли какими путями прознал про сына кузнеца. Те же друзья могли где прихвастнуть, а там пошла гулять сплетня. Да и предположение, что парень также владеет секретом, само просится на ум.

И коль скоро Жилин пошел на смертоубийство, очень даже может пойти и на похищение стрельца. А в причастности купца к этой заварухе Иван не сомневался.

Пес разрывается у ворот. Кто-то в них стучит. Ну и сколько еще отсиживаться в доме? Пока все соседи не всполошатся? Не то чтобы их тут много, его дом все же последний в ряду, но они есть. Опять же, коли стучат, то вряд ли это татьба.

Поднялся и, накинув на плечи кафтан, вышел на крыльцо. Ночь темная, хоть глаз коли. Пса у ворот, кстати, только слышно, но не видно.

– Буян, молчать! Иди в будку! Ну! Кому сказал! Кто там?

– Здрав будь, Иван Архипович. Это я, Алексей. Признал? – донесся вроде как знакомый голос.

– Это который? – не испытывая особой уверенности, уточнил Иван.

– В Серпуховском переулке встречались.

Опа! Вон откуда ветер-то дует. Это же один из охранников Ирины Васильевны. Теперь Иван четко опознал гостя. А потому поспешил к калитке. Не иначе как он с вестью об отце.

– Собаку на цепь посади, – едва расслышав, что хозяин отодвигает засов, произнес другой человек.

Этого Иван опознал сразу. Матвей. Тот, что постарше как возрастом, так и по положению. Видать, сам не захотел надирать голос, вот и озадачил молодого.

Иван не стал чиниться: раз просят, значит, нужно пройти во двор. А сторожевой пес он такой: дурь в башку ударит, так и не посмотрит, что хозяин рядом. Погромыхал цепью, прилаживая ее на ошейнике, потом вновь поспешил к калитке. Правда, не расставаясь с пистолетом и не думая спускать курок на предохранительный взвод. Поглядит сначала.

В распахнувшуюся калитку вошли пятеро. Четверо мужиков и женщина, прикрытая плащом. Однако сомнений в том, кто это, у Ивана ни на грамм. Только близкого общения с царственными особами ему и не хватало.

– Во дворе ждите. А ты води в дом, – раздался ожидаемо знакомый женский голос.

Повел. А куда деваться. Оно бы, конечно, ну ее, эту радость. У Ивана вообще с почтением к высокопоставленным лицам так себе. Да и с почитанием старших не больно-то ладится. Еще учудит чего по дурости, поди потом разгребь.

– Кваском-то гостью угостишь? – опускаясь на лавку у стола, спросила Хованская.

Угостил. Все еще не понимая, к чему это все. Потом вдруг осознал, что великая княгиня также может возжелать заполучить секрет булата. Если не для себя лично, так для государства. А что такого? Товар дорогой, спросом пользоваться будет, только выкладывай на прилавок. А в казне, как всегда, денег не хватает.

– Хорош квасок. Сам настаиваешь? – облизнув полные и весьма соблазнительные губы, поинтересовалась гостья.

– У соседки беру, – ответил Иван.

– Добрая хозяйка, – одобрительно заметила великая княгиня. – Поди гадаешь, за какой такой надобностью я к тебе пришла?

– Гадаю, не без того.

– А по просьбе твоей и пришла. Дознание по делу твоего батюшки провели честь по чести. И по всему выходит, что вина Архипа Алексеевича доказана.

– Не убивал он, – покачал головой Иван.

– Вот и дьяк говорит, что не верит в то, что убил он. Мог, не без того. Но не он.

– На дыбу тащили? – нервно сглотнул Иван.

– Это родителя-то человека, что от смерти меня спас? Плохо же ты обо мне думаешь.

– Прости, ве...

– Не смей, – оборвала она его. – Зови Ириной.

– Прости, Ирина, – легко принял это Иван.

– Так-то лучше. Ты пойми, Ваня, мы, конечно, можем обоих гостей потянуть на дыбу. Да только то беззаконие с нашей стороны выйдет. Безобразие учинил твой отец. И в том все сходятся. Нож его. И когда он ударил Родиона, держал клинок в руке. Так было иль нет, но половина

указывает на это. И пусть на то, что ударил именно Архип, указывает один Родион, по закону судья должен верить ему. Словом, все против твоего родителя.

Странные у них тут какие-то законы. Но в принципе она права. Косвенных улик предостаточно. А даже в его мире по косвенным уликам людей за решетку отправляют. Вот только тут все куда проще. Повесят или отрубят голову, и вся недолга.

– Значит...

– Не значит, Ваня. Оно вроде как и все ясно. Но купец, как видно, хорошо знает Судебник. Потому как есть тут тонкость. Убийство случилось в драке кабацкой. А значит, умысла прямого у убийцы не было. Родственник убитого имеет право попросить заменить казнь на виру. И в свете того, что ты рассказал о секрете булата, это очень даже вероятно.

– Но ведь судья может и отказать?

– Не может, коль скоро о замене просит родня убиенного. И если виру за повинного выплатить некому, то он уходит в кабалу к родне. Вира пять сотен рублей. Деньги немалые, и сомнительно, чтобы нашлись у душегуба или его родных. Но и такого к себе в кабалу не очень хочется заполучить, потому как мало ли какой бедой обернуться может. Вот и не просят родные никогда. Ну разве что в случае, когда кто состоятельный попадает.

– А отсрочить выплату? Ну хотя бы на пару недель? Или суд отложить. Я найду деньги.

– Булат ковать станешь?

– Стану, – решил не юлить Иван.

– Суд уж назначен на завтра, – возразила Ирина.

– Ну тогда пойду к купцу и предложу ему вместо выкупа за отца секрет булата. К гадалке не ходи, из-за этого вся кутерьма.

– Купец и разговаривать с тобой не станет. Потому как если согласится, то, почитай, вину свою признает. А так, мол, понимаю все, беда в двух домах приключилась. Побудет малость кузнец в кабале, рассчитается с долгом, да и вернется к семье.

– Не будет этого. Если батя в неволю угодит, из кабалы уж не вынется.

– Правильно. Но и законы в Москве существуют для того, чтобы их выполняли, а не попирали как кому придется. Я, конечно, могу просить царя, но тому потворствовать не буду. А потому, – на стол упал глухо брякнувший увесистый кошель, – здесь пятьсот рублей золотом. Завтра будь на суде. Заплатишь виру и освободишь отца. Иного пути нет.

– Я и не знаю, как тебя благодарить, вели... Ирина. Как и сказал, в две недели отдам весь долг.

– Не должен ты мне ничего, дружок. Это я тебе еще задолжала. Ты ведь две жизни в тот вечер спас. Я же пока лишь за одну отдалась.

– Не много ли должников у меня? – рассматривая в свете свечи лицо великой княгини, усмехнулся Иван. – Христофор Аркадьевич в должники записывается. Ты вон никак не считаешься.

– А ты не переживай, добрый молодец. То ведь не ты нас в кабалу загоняешь, а мы сами цену выставляем, – глядя ему прямо в глаза и вздымая высокую грудь, возразила Хованская.

Ох, держите меня трое. Это она что же, решила... Нет, баба она видная. И теперь понятно, отчего сама пришла к нему в дом. Ведь могла же прислать послание и кошель с доверенными людьми. А как минимум на четверых она может положиться целиком и полностью. Вон волкодавы обступили дом и стерегут хозяйку. Но тут ведь как на минном поле. Одно неверное движение, и...

Но здравый смысл подсказывал, что обижать Ирину, коль скоро она сделала первый шаг, глупость величайшая. Нет и не может быть беспощаднее врага, чем оскорбленная женщина. Как, впрочем, не бывает и друга, преданнее благодарной женщины. И в правдивости этого Иван убеждался уже не раз.

Хм. Ладно. Ну и как теперь быть? Ведь знатная настолько, что выше только царь. Да плевать! Не великая княгиня пришла к нему, а женщина, которая ищет тепла. В тот вечер в доме Рощина он неосознанно буквально раздел ее взглядом, заставив смутиться. И, как видно, этим и зацепил. Но тогда он сделал это неосознанно, на автомате. А теперь...

Ну а теперь Иван, вполне отдавая себе отчет, шагнул к Ирине. Мгновение, и взволнованная княгиня оказалась прижатой к молодому сильному телу. Иван заглянул в глаза, затянутые поволокой, и наконец решительно, но вместе с тем мягко впился в ее губы.

Ирина даже легонько замычала, в том числе от удивления. На необычность молодого человека она обратила внимание еще в вечер знакомства. И, чего греха таить, это заставило ее тело затрепетать. Признаться, она уже устала от почтения и раболепства. Ей до дрожи хотелось ощутить рядом с собой мужчину. Такого, каким был ее покойный супруг. Властный, сильный, самоуверенный.

И казалось бы, вот он. Пусть и слишком молод. Но когда она оказалась в его доме, тот повел себя... Да как все, в общем-то. Растерялся, был не уверен и явно опасался ее. Она уже успела разочароваться. Но не уходить же несолоно хлебавши. Хоть что-то взять. Разок. Зря ноги, что ли, била. Ведь карету пришлось оставить у самой стены Белого города.

Вот и пришлось поощрять его, вздымая грудь да подпустив томности во взгляд и голос. И сработало это как всегда. Настолько глупых, чтобы не понять призыва, она еще не встречала. Вот только этот, едва осознав, повел себя не так, как прошлые любовники.

Молод? Несомненно. Но довольно опытен в любовных делах. Это Ирина почувствовала сразу. От этой мысли по ее телу пробежала горячая волна, а взор затуманился. И на этот раз она ничуть не лукавила.

Ну вот. Все идет, как и задумывалось. Кто бы сомневался, что этот идиот угодит в расставленную ловушку. Впрочем, никакой заслуги самого Марио в этом не было. Англичанин оказался здесь вовсе не его стараниями, а заботами де Бриена. Тот сумел подсунуть господину Далтону, секретарю английского посла, несравненную Мари.

Дочка одного бедного московского дворянина была вовсе не против снискать чье-нибудь покровительство. И отчего-то решила сосредоточить свои усилия на польском после. Но Франсуа ловко перенаправил ее усилия в другую сторону. А именно на весьма симпатичного и перспективного англичанина.

При этом француз остался ее преданным другом. Ну и за одно наперсником. Де Бриен брался помочь бедной девушке обрести семейное счастье. Причем совершенно бескорыстно. Ну почти. Не считать же корыстью парочку свиданий. Зато какие перспективы за столь незначительную и, чего уж там, приятную плату.

Ничего не подозревающий англичанин угодил в расставленную ловушку. Что и говорить, партия для девушки действительно завидная. Представитель знатного и состоятельного рода. И, похоже, действительно без ума от Мари. Девушка и впрямь чудо как хороша. И уж тем более на фоне этих блеклых англичанок. Очень даже можно потерять голову. Да, звучит как-то...

Марио скользнул из-за угла и без сильного замаха приложил господина Далтона по голове деревянной дубиной. Тот даже ничего не заметил. Глухой стук. И мужчина свалился как подрубленный. Взгляд вокруг. Вроде никого. И это не может не радовать.

Пощупал живчик на шее. Бьется. Плохо. Рука дрогнула из-за проклятого ранения, от которого Марио еще не оправился. Придется исправлять.

Снова удар. Полетевшие в стороны капли крови и хруст проломившегося черепа. Все. Теперь можно даже не щупать пульс. Но он все же проверил. Порядок. Клиент готов.

Быстро обыскал. Ага. За поясом пара пистолетов. Кто бы сомневался. По московским улицам без оружия лучше не бродить. Пистолеты вполне сопоставимы с его. Пусть они и от разных мастеров, но являются однотипными. Даже пулелейкой можно обойтись одной. Будь иначе, и на трупе остался бы единственный пистолет. Но все сложилось вполне удачно.

Ничего удивительного. Потерял один и прикупил к нему в пару другой. Это вполне сложившаяся практика. Тем более что господина Далтона отличали педантизм и бережливость. Новая пара пистолетов обойдется куда дороже.

Один из пистолетов себе за пояс. Извлечь шпагу англичанина и уронить ее рядом с телом. Теперь отойти на несколько шагов.

– На помощь! Стража! – с явным акцентом прокричал итальянец.

Потом выстрелил. Уронил пистолет на землю. Сделал пару шагов в сторону тела. Еще выстрел. И снова бросить оружие. Все выглядит так, словно англичанин отстреливался, при этом отступая и отбрасывая разряженные пистолеты.

– Стража!

Призвав помощь в последний раз, Марио поспешил юркнуть в темную подворотню и со всех ног побежал прочь. Уже покинув открытое место, он услышал топот множества сапог. Быстро же стрельцы набежали. Это он вовремя.

Еще через десять минут Марио полностью уверился, что погони за ним нет. Теперь можно совершенно свободно вернуться в дом польского посла. Дело сделано. Причем одним ударом... Хм. Ну ладно. Двумя ударами палки он разрешил сразу две проблемы.

Если стрельцов не обуяет жадность, подручные Хованской, а ее люди были повсюду, вскоре должны будут опознать пистолет. И, как следствие, прекратят поиски того, кто напал на великую княгиню. Но зато эта веселая вдова обратит пристальное внимание на английского посла и его окружение.

И это решение второй проблемы. Польскому королю совершенно не нравилось усиление позиций Англии при дворе московского царя. Дмитрий отчего-то благоволил этим протестантам и склонялся к предоставлению им неких торговых привилегий. Чему открыто и настойчиво противилась великая княгиня.

Англичане хотели получить исключительное право прохода торговых караванов в Каспийское и Русское моря, а также возможность напрямую торговать с Китаем. При этом, естественно, рассматривалось оттеснение конкурентов из других европейских стран.

Если бы англичанам удалось склонить царя к подобной мысли, то выгода для них была бы несомненной. И не надо думать, что Дмитрий не согласился бы на подобное. Решение могло быть положительным хотя бы потому, что если на Каспии и в Китае русские купцы еще торговали, то в Русское море путь им заказан.

Турецкий вассал, крымский хан, даже не помышлял о том, чтобы допустить русских купцов на свои земли. Нет, те могли рискнуть. Да только итог был бы один. Купца и его слуг – в цепи и на невольничий рынок, товар – в ханскую казну. Это при условии, что торговец вообще доберется до Крыма.

Но Хованская встала на пути англичан непреодолимым препятствием. Насчет того, чтобы допустить англичан на Дон, она вовсе не возражала. Хотя и была против предоставления им исключительного права. А вот пускать на торговые пути с Китаем и прикаспийскими государствами не собиралась вовсе. Там вполне справлялись и русские купцы. Ни к чему их ущемлять.

Словом, причины для ненависти и устранения этой влиятельной стервы у англичан были. И еще какие. Даже трудно представить, насколько им был бы выгоден подобный договор. Вот и пускай княгиня думает, что это они покушались на ее персону. Глядишь, еще и взаимоотношения двух стран зайдут в тупик.

Так что с де Бриена причитается. Причем вдвойне. А что такого? Ведь Марио только что обеспечил французу беспрепятственный доступ к телу этой красотки Мари. Ну где же еще она будет искать утешения, как не в его объятиях. К тому же Франсуа однажды уже подобрал ей жениха, и не сказать, что его усилия оказались бесплодными. Просто так распорядилась судьба, только и всего.

Глава 6

Винтовальная пиццаль

Последний штрих. Ось становится на свое место. Теперь слегка ее провернуть, чтобы заняла нужное положение и отверстие на неподвижной петле совпало с выемкой на ней. Есть. Забить плотно вошедший штифт. Порядок.

Иван захлопнул крышку табакерочного затвора. Потянул защелку, и тот с легкостью откинулся влево, открывая ствольную коробку и казенную часть ствола. Опять закрыть. И снова защелка. И уже привычно откинувшийся затвор. Все работает.

Взял со стола увесистый патрон. Весу в нем десять золотников, а это чуть больше сорока двух граммов. Серьезным вышел, чего уж там. Гильза латунная, бутылочной формы, без закраины. Ее роль выполняет торчащая у донца шпилька, входящая в вырез в казенной части ствола под углом сорок градусов от вертикали. О выбрасывателе не может быть и речи, так что стреляная гильза извлекается из патронника ручками. Кроме этого шпилька позволяет точно выставить отверстие в гильзе с затравочным отверстием винтовки.

За образец, как и в своем мире, Иван взял патрон Бердана. Коль скоро затея вполне оправдала себя там, оправдает и тут. В настоящий момент к стрельбе готово три десятка патронов. На первое время более чем достаточно. К тому же именно это число размещается в паре патронташей в виде газырей. Правда, те не нашиты на кафтан. Уродовать форму никто не даст. При помощи же ремешков можно надеть поверх любой одежды.

Патрон с легкостью вошел на законное место. Затвор захлопнулся без проблем. И точно так же откинулся. Пальцы, пока еще непривычно, ухватили головку шпильки и потянули патрон наружу. Все работает просто отлично. Еще пару раз повторить операцию. Вроде порядок.

– Что, сынок, сомневаешься? – подойдя к Ивану, поинтересовался Архип.

– Да так. Есть малость, – ничуть не покривив душой, ответил тот.

А как тут не сомневаться. Подумаешь, он нечто подобное делал в своем мире. То-то и оно, что нечто. И дело вовсе не в том, что ложе этого образца отличается от того убожества, так как приходилось создавать историческую копию. Тот мушкет был гладкоствольным. И, как следствие,

требования к прочности у него куда как скромнее. Здесь же Иван баловаться не собирался. Делать так сразу по-взрослому.

– Ничего. Все будет хорошо. Я в тебя верю.

– Теперь веришь? – бросив искоса взгляд на отца, спросил Иван.

– Всегда верил. Просто сомневался малость, – подтолкнув его в сторону выхода из мастерской, с лукавой улыбкой произнес отец...

На суде все вышло именно так, как и предсказывала великая княгиня. Архип не признал свою вину и упрямо утверждал, что невиновен. Но судья рассудил по-своему. Да и могло ли быть иначе, коль скоро все против Карпова?

Купец решил проявить милосердие и попросил судью помиловать кузнеца. И каково же было его удивление, когда прямо на суде Иван выложил назначенную виру и вышел из судейской избы вместе с освобожденным отцом.

Вечером того же дня Иван вновь посетил купца, да не один, а в сопровождении десятка стрельцов. Те в лавку не входили. Просто находились в пределах видимости и вели неспешную степенную беседу. Парень без обиняков заявил купцу, что в этот раз он остался в прибытке. Только если вздумает что учудить, ему и всем его людям попросту выпустят кишки.

Нет, понятно, что он ни при чем и хотел вести дела честно, а произошедшее – самое настоящее несчастье. Иван ведь ни в чем его не обвиняет. Но если вдруг надумает, то пусть имеет в виду. Никто с ним судиться и рядиться не будет.

А тут еще и с Родионом несчастье случилось. Пошел в кружало пропустить кружечку пива, а на обратном пути ему череп проломили. Да труп обобрали подчистую. Даже одежду сняли. Ну что тут скажешь, хватает в Москве лихого народца. К какому там выводу пришел Жилин, Иван не знал, но подозревал, что глупые в видные купцы не выходят.

Как бы то ни было, все эти тревобления остались позади. Впереди же отца и сыновей ожидала большая работа. И тут уж только успевай поворачиваться. Причем Ивану приходилось трудиться чуть ли не на износ.

Дело в общем-то привычное. Он и в прошлой жизни был натурой увлекающейся, и если загорался чем, то мог трудиться сутки напролет. Но это когда ты горишь идеей и творишь своими руками нечто новое и захватившее тебя целиком. Тут же приходилось чередовать работу в отцовской кузнице с нарядами и тренировками на учебном поле.

Да еще и регулярные свидания с великой княгиней, которая прицепилась к нему как репейник. Перестарался он в ту их первую ночь.

Хотя он и не старался особо, отпустил вожжи и получал удовольствие, вот и все. Просто не забывал о том, что женщина не должна быть обделена.

Словом, долго в таком темпе ему было не выдержать. Только и того, что успели переоборудовать отцовскую кузницу, а он уже уподобился загнанной лошади.

Нет, теперь-то отец в кузнице управлялся и сам. Причем споро так. Поначалу обращаться с механическим молотом было, ясное дело, неудобно. Но выковал пару топоров, несколько подков, да еще чего по мелочам и довольно быстро приновился. Так что в помощи Ивана больше не нуждался.

Но ведь не эту цель ставил перед собой парень. Это только промежуточный этап. Причем не так чтобы и важный. Глядишь, и через пару-тройку месяцев надобность в той кузне и вовсе отпадет. Сомнительно, чтобы Архип захотел и дальше ковыряться по мелочам. Булат – не мелочи? Еще какие мелочи, если у человека есть амбиции. А у отца аппетит разыграется, в этом Иван не сомневался.

Как оказалось, выторговать себе время было проще простого. Он только заикнулся об этом Ирине, как та все устроила в лучшем виде. И даже не сама лично. Просто передала весточку полковнику, мол, хороший парень Ваня Карпов и делом занят очень полезным. Неплохо бы ему не мешать и предоставить некоторую свободу, коль скоро войны пока не случилось.

Нужно ли говорить, что полковник намек понял именно так, как и должен был. Правда, Ивана вовсе не устраивало, чтобы начальство заимело на него зуб. Потому и поклонился ему одним из ножей, который очень даже пришелся в пару сабельке, купленной Дмитриевским за небольшую сумму.

И про десяток не забыл. А то как же, мужики службу будут нести за себя и за того парня. Но скромное подношение в виде ежемесячного отчисления по рублю стрельцам и по два десятнику вполне вернули их расположение. Еще бы! Да хоть год не появляйся, только отдаривайся.

Ну, это сомнительно. Пока Иван и Архип гнули спину на новом подворье да вкладывали деньги в строительство, все выглядело вполне себе пристойно. А что такого? Это ж понимать надо, насколько приятно наблюдать за тем, как кто-то выбрасывает деньгу на ветер.

Как еще назвать возведение высокого и крепкого частокола вокруг усадьбы? А потом еще и строительство бестолковой мазанки, причем таких размеров, что просто диво, да и только. Колесо это водяное, сродни тому, что в Немецкой слободе на мельнице стоит. И ведь с сараем, чтобы в зиму не перемерзало и с расчетом на весенний ледоход.

Покончив с этой подготовкой, Иван поставил небольшую домницу наподобие той, что была в его мире. Ну и конвертер соорудили вместе с отцом. Возвели складской сарай, вторую половину которого вскоре забили древесным углем.

Иван хотел было наладить выжиг угля за свой счет. Тут ведь если с умом, то можно получить и побочный продукт, как то: деготь и горючий газ. Уголек-то выжигался строго березовый. Богата Русь этим деревом. Да по здравом рассуждении отказался от этой затеи. Не ко времени пока. Так что проще закупать.

Словом, выложились они с батей едва не до последнего медяка. А и то – одни лишь траты без намека на отдачу. Архип только горестно вздыхал и косился на сына. Но, несмотря на свою бережливую натуру, раз за разом лез в кошелек и выкладывал серебро. Вот когда Иван окончательно понял, что отец ему поверил.

Вскоре соседи и жители Стрелецкой слободы начали уже коситься в сторону Карповых. А то как же. Все люди как люди, а эти кабальными обзавелись. Появилась на подворье Ивана семья Мироновых. Муж с женой лет тридцати да двое деток, сынишка двенадцати лет да дочурка семи. Были у них еще трое, да схоронили. Медицина в Русском царстве, конечно, получше, чем в иных странах, и смертность пониже, но никуда не делась.

Оно вроде как в мироеды не больно-то хотелось. Но, с другой стороны, выяснилось, что рук им уже не хватает. И подворье Ивана оставлять без присмотра как бы неправильно. Там ведь постепенно начинала появляться разная продукция из кузницы Архипа. Вот и выкупили крестьянскую семью, попавшую в долговую кабалу.

Вообще, насколько Иван разбирался в этом вопросе, в крепостном праве этого мира имелись существенные отличия. Закрепощенных было не так чтобы и много. Примерно треть крестьян владела собственными наделами, передаваемыми по наследству. Большинство являлись арендаторами у крупных землевладельцев или казны. В Юрьев день при отсутствии долговых обязательств они по своему усмотрению были вольны сменить арендодателя. И лишь малая часть от общего числа находилась в кабале. Та же ситуация и с посадским людом.

Продать человека нельзя. Полной власти над ним кредитор не имеет. Но он может продать долг человека, ну а вместе с долгом переходит и сам должник. И опять нюанс. Должниками являются муж и жена, и по наследству тот долг переходит к старшему сыну. А вот младший уже никакими долговыми обязательствами не связан и волен отделиться от семьи. Если есть для этого средства. Зачастую они заключают договор с

тем же землевладельцем и оседают на его же землях. И рабочий инвентарь получают от него же. Нередко младшие сыновья так и живут в родительском доме с закономерным итогом, постепенно попадая в кабалу все к тому же помещику.

Так вот, окружающим и сослуживцам Ивана очень уж не понравилось, что у Карповых появились кабальные. Когда же и плавильня заработала, быстро озолотив кузнеца с семейством... Ну и какой добрый сосед будет спокойно на подобное взирать? Пошли разговоры да пересуды.

В принципе ничего сложного. Иван попросту воспроизвел процесс варки стали, который некогда имел место в прежней мастерской в его мире. Поставили небольшую домницу с конвертером и приступили к выплавке.

Не сказать, что все сложилось так уж гладко и просто. К тому же ушло немало времени на доставку руды из Серпухова. Это было ближайшее место добычи. Причем сырье оказалось донельзя грязным, с низким содержанием железа. Ну да нельзя получить все и сразу. Признаться, Иван не помнил, чтобы в Подмоскovie добывали железную руду, так что нужно радоваться хотя бы этому.

Впрочем, грех жаловаться. Железо получили с первой же попытки. И не такого уж плохого качества. Не сталь, это да. Вот с ней-то пришлось повозиться. Серпуховская руда, по сути болотная, не шла ни в какое сравнение с той, с которой Ивану уже приходилось работать.

Тем не менее уже через неделю они с отцом получили вполне добротную сталь. А еще через неделю опытов методом тыка в их руках оказались полосы первоклассной стали. На закуску же они сварили упругую сталь. Иван сгибал прут в кольцо, и, высвобождаясь, тот обретал прежнюю прямизну.

Все же хорошо, когда у тебя за плечами пусть и не институт, но зато практический опыт. Если там, в своем мире, он воспроизводил всю цепочку, имея свободный доступ к информации, то здесь просто шел по уже проторенной дорожке.

Помимо сложностей технологического порядка Ивану пришлось столкнуться и с крутым нравом родителя. Отец даже в очередной раз прошелся ремнем по спине отпрыска. А как же иначе! Этот же паршивец что удумал-то!

Пока Карпов-старший был занят в кузне изготовлением всех заказов сыночка, этот аспид подался в Бронную слободу. И додумался же! Собрал десятка полтора самых знатных кузнецов и в деталях показал им весь процесс варки булата. Как и преподал навыкиковки и закалки клинков. Все! От начала и до конца! Был семейный секрет, и нет его!

Правда, потом отец все же поостыл. А уж когда сынок рассказал, отчего так поступил, так еще и похвалил, признав его правоту. А цель была такова, чтобы батя не почивал на лаврах и не плевал в потолок, что вполне было возможно, обладая секретом булата. А что такого? В месяц выделывать одну сабельку более чем достаточно. Да тут целый боярский терем можно поставить, и даже обзавестись слугами. Ну и власти особо наседать не станут.

А между тем перед Архипом открывались такие горизонты, что вот так бездарно топтаться на месте... Иван даже не знал, как это назвать. И, к его радости, отец проникся.

Но была тут и еще одна причина. Тоже немаловажная. Ну не хотел Иван прикипать к заводскому делу. А он планомерно все вел именно к обустройству полноценного завода. Не на территории своей усадьбы, ясное дело. Здесь только мастерская для изготовления опытных образцов, пилотных станков, необходимых инструментов. Место для отработки методов. И не более.

А заботы обо всем этом он собирался взвалить именно на батю. Начать что-то новое, поднять процесс с нуля и запустить его – тут Иван горел. Но как только все начинало работать... Вот скучно ему становилось, хоть ты тресни.

За месяц они успели сварить тысячу пудов железа и пятьсот – различной стали. А заработать... В Москве вдруг появилось дешевое железо, которое сразу же стали отрывать с руками. Еще бы, рубль за пуд против рубля двадцати. Брали с запасом. А еще отличная сталь, причем двух видов, и снова по смешной цене два с полтиной рубля за пуд.

Сказать, что отец был возмущен подобной дешевизной, это не сказать ничего. Однако Иван, набравшись терпения, посадил Архипа рядом и расписал все выгоды нового способа против кричного железа. Из имевшейся руды при кричном способе выход железа составлял в самом лучшем случае двенадцать процентов против сорока при выделке новым способом. Расход же угля был выше примерно в пятнадцать раз. Вот так вот.

Продали конечно же не весь металл. Не забыли оставить и себе. Для задумок Ивана им его требовалось изрядно. Возвращаться же к его выделке в ближайшее время он не собирался. Ни к чему.

Попутно отработали и технологию чугунного литья. Ничего особенно сложного. Столовая утварь, варочные плиты с кольцами, колосники, дверцы, задвижки, все для обустройства новых печей. Русская печь с местными зимами – просто замечательно. Но топить всю печь ради того,

чтобы приготовить обед... Тут не просто приходится протапливать весь дом, но еще и расход дров аховый. Новая же печь позволяла избежать подобных неудобств.

Разумеется, объемы литья были более чем скромными. Только и того, что обзавелись дома новой посудой да близким друзьям чего подбросили. Ну и в домах Ивана и Архипа печи переложили. Причем впрягаться пришлось и самому парню. Русские печники ничего подобного не делали. Он же имел кое-какой опыт. Вот и поставили на пару. В отцовском доме печник уж сам сподобился. Покачал головой, мол, чудит народ от избытка денег в карманах.

Угу. Было такое дело. Деньжата в кошельках и впрямь завелись. Причем бешеные, иначе и не сказать. Вот тут-то соседей и прорвало. Кто из них сподобился настрочить донос, Иван так и не узнал. Впрочем, и не стремился. Как и батю отговорил.

А тем временем нагрянули соколики из приказной избы и ну шерстить в хвост и в гриву. Столько всяких-разных налогов и податей нарисовалось, что держись. И все дай, дай, дай. Иван не особо удивился данному обстоятельству. Скорее уж схожести двух миров, а не налетевшим стервятникам. Но, признаться, и рвать жилы на казну или чей карман не желал.

А ведь не у всех есть такие серьезные покровители. Отец поразился, когда вдруг выяснилось, что кроме обычного налога, да еще и за вычетом льготы Ивана, с них ничегошеньки не причитается. Вот только вчера едва без штанов не оставили. Образно, конечно, но все одно изрядно так затребовали. А сегодня «будьте любезны» и «сильно не огорчайтесь». А Архип что? Охренеть, разумеется, охренел, но огорчаться и не подумал.

Когда утрясли все конфликты, продолжили работы по созданию мастерской. И двигались стахановскими темпами. Пусть до рождения советского рекордсмена и оставалось эдак лет двести, это ни о чем не говорит. Трудились не за страх, а за совесть.

И первое, что сделал Иван, когда в мастерской заработали хоть какие-то станки, это проявил заботу о родном десятке. Вот не верилось ему, что обошлось без наушника^[6] из их числа. И после этого ежемесячно подбрасывать им деньги? Да пошло оно все.

Испросил разрешения. Взял да и поставил чуть выше по течению речки водяную лесопилку. А потом передал артели, в которую вошел весь его десяток. Пускай варятся в своем соку и портят друг другу кровь. А от него больше ни копейки не получают. Кстати, все это удовольствие обошлось ему дешевле ежемесячной выплаты им. Вот так вот. Вроде и заработок

подбросил, ну и яблоко раздора подсунул. И в том никаких сомнений. Натура человеческая она такая. Чтобы компаньоны не передрались из-за денег... Когда же их, почитай, полный десяток, это случится скорее рано, чем поздно.

Веселая жизнь пошла, чего уж там. Параллельно Иван двигался к намеченной цели. Ну вот не нравился ему его карамультук, хоть тресни. И трехзарядный пистоль не грел душу. Хотелось заполучить что-то более приемлемое, и так, чтобы при случае можно было развернуть относительно недорогое массовое производство.

Словом, сейчас он держал в руках собственное творение. С одной стороны, переполняемый гордостью. С другой – робея как мальчишка. Хм. Вообще-то фактически он и есть мальчишка. Подумаешь, успело стукнуть девятнадцать годков и уж полгода как числится в стрельцах. Молодость – она и есть молодость.

Стрелять выбрались на импровизированное стрельбище за околицей. Считай, сразу за двором. Место вполне позволяло. Можно, конечно, и на тренировочное поле стрельцов. Но, во-первых, оно в стороне, а во-вторых, ну их, эти лишние взгляды. Нет, Иван не боялся, что его кто-то сглазит. Вот еще. Но толпа народа, дышащая тебе в затылок, по определению не может не раздражать. Правда, совсем без зрителей все же не обошлось. Тут и батя, и кабальный Серафим Миронов, и четверо друзей в полном составе.

Вот когда требовалось жилы рвать, работать не покладая рук, их было не дозваться. Не то что они вообще не помогали, случалось все же, когда отвертеться не выходило. Но в основе своей у них всегда были дела, нарезанные родителями. А вот как только коснулось стрельб, то сразу же тут как тут.

Правда, огорчились тому обстоятельству, что Иван не прихватил никакого иного оружия, кроме новой винтовальной пищали. А то они бы с радостью постреляли из трехзарядного пистоля. Да хоть из того же фитильного ружья. А эта поди еще пойми, станет ли палить или останутся одни лишь разочарования.

Иван закрепил винтовку в специальных тисках. Потом навел по стволу на цель и зафиксировал карабин намертво. Поддел за шпильку и потянул из гнезда газырей первый патрон. Вставить в патронник. Заккрыть крышку затвора. Засыпать в дозатор на кресале порох. Этой коробочки хватает на десяток выстрелов. Мысленно перекрестился.

Нажал на спуск. Курок ударил по кресалу. Вспыхнул порох на затравочной полке. Выстрел!

Ну что же. С почином. Еще четыре выстрела вдогонку. И каждый раз

на том месте, где должно находиться лицо стрелка, Иван держит лист бумаги. Заодно и штормку на курке испытает. Она должна предохранять лицо, и глаза в особенности, от угольков несгоревшего пороха. Усовершенствование так, копеечное. Но зато весьма эффективное. На бумаге ни одной крапинки.

Отстрелявшись, в сопровождении всех присутствующих отправился к мишени. На месте остался только Миронов. Ну не бросать же без присмотра все имущество и карабин, все еще зажатый в тисках. Подумаешь, околица и народу вроде как нет. Потом будешь локти кусать. И вообще лучше не вводить людей в искушение.

– Вот это сила! – чуть ли не в один голос воскликнули парни.

Отец только крикнул. Было дело, высказывал сомнения по поводу легкой пули. А и то – цилиндрическая, в два калибра длиной, против пищальной едва не втрое легче. А тут два железных листа, каждый толщиной в одну линию^[7], с дистанции в полсотни сажен^[8] были пробиты насквозь. То есть никакой доспех не мог противостоять выплевываемому свинцу в принципе.

– А молодца, сынок. Ладно все сделал. Прими похвалу.

Ага. Архип решил не поминать свои сомнения по поводу пули. Зато заметил кое-что поважнее, нежели пробитые листы металла. Точность. Все пять пуль легли очень кучно.

При виде этой картины у Ивана отлегло от сердца. Он, конечно, понимал, что ему удалось получить куда более точные станки в отличие от местных образцов. Хм. Вообще-то таких станков тут и не было. Нет, нечто подобное винторезному имелось, да и то только для работы с мягкой бронзой. А вот все остальное...

Ну его, пользоваться современными технологиями. Сегодня хороший гладкоствольный мушкет стоил десять рублей. И львиную долю этой цены составляла выделка ствола. В лучшем случае при наличии механического молота кузнец мог отковать за день три кривых заготовки под стволы, поочередно нагревая их и отковывая. А ведь потом их нужно высверлить, пройтись разверткой. Дальше сточить все лишнее снаружи точильными камнями. Словом, процесс долгий и мучительный.

Иван же пошел гораздо более эффективным путем. Правда, предварительный период растянулся на несколько месяцев. Зато теперь, даже притом, что весь процесс еще недостаточно технологичен, они могут выдавать на-гора в среднем где-то по три винтовки в день. Весьма скромно? Так и есть. Но это только пока. Главное же, у него получилось добиться вполне приемлемой точности в работе станков. И вот это

дорогого стоило.

- Спасибо за добрые слова, батя, – поблагодарил Иван.
- Заслужил, чего уж там. Теперь что?
- Будем пристреливать прицел. Ну, помнишь, я тебе рассказывал?
- Чай, не старик еще. Помню, конечно. Ну давай.

Процесс пристрелки растянулся на пару часов. Но ничего, управились. Целик Иван сделал в форме буквы «Г». Малая палочка, постоянный прицел на полсотни сажен. На большой, поднимавшейся вверх при повороте, рамка и ползунок с прорезью. По мере пристрелки сделал отметки, потом нужно будет устроить пропилены, чтобы ползунок фиксировался.

Наконец с пристрелкой было покончено, и настал час триумфа парней. Они целый день кружились вокруг Ивана ради одного. И вот он, долгожданный момент. Правда, все закончилось, так и не успев начаться. Только и того, что пальнули по три раза, как все. Патронов не осталось.

– Пустое ты затеял, Иван, – неодобрительно высказался самый младший, Гришка. – Все же берендейка она куда надежнее, чем твои эти патроны.

– Ой ли? – скосив на парня лукавый взгляд, усомнился Иван. – И сколько в той берендейке зарядов?

– Так дюжина.

– А сколько вы сейчас походя расстреляли? Уж не дюжину ли? Да еще и куда как более споро, чем из пищали.

– Так на берендейке еще и пороховница есть. Можно и сверх той дюжины стрелять.

– А тут сколько было готовых патронов? Считать умеешь? Три десятка. Мало?

– Ну-у, в пороховнице может быть и больше, – не желал сдаваться Гришка.

– А вот и у нас пороховница. Да и сумка с пулями в наличии.

– А где этот твой пресс, которым ты в мастерской свои патроны крутил? – решил поддержать друга Егор.

Если бы парни хоть чуть разбирались в механике, то подобных вопросов и сомнений не последовало бы. Они по меньшей мере задумались бы, что это за ерунда такая имеется сбоку цевья. Но с технической грамотностью у них определенные трудности.

– Гляди сюда, парни, – расставляя на столе гильзы, назидательным тоном произнес Иван. – Сыпем порох до вот этих плечиков. Видите?

Он засыпал порох в толстостенные латунные гильзы. Плюс-минус чуть, ничего страшного. Конечно, на точности скажется, но черный порох

прощает и вполне серьезную передозировку. Здесь же серьезно превысить лимит попросту не получится. Объем не позволит. У Ивана имелась мерка, с помощью которой дозировалось нужное количество пороха, но здесь и сейчас отработывался полевой вариант.

– Теперь ставим гильзу сюда, – он приладил ее на стальной выступ на цевье, – наставляем на нее пулю. Вынимаем из зажима этот рычаг и давим.

– Так это как твой пресс, что в мастерской остался, – сообразил Артем.

– Именно. Р-раз, и пуля в гнезде. Р-раз, а вот и второй патрон собран. Р-раз, третий.

За разговорами он снарядил все три десятка, и заняло это не так много времени. Разумеется, если сравнивать с заряданием пищаля. А потом парни вновь стреляли, радостные, возбужденные и донельзя довольные.

Ничего. Пусть веселятся. Лодыри, конечно, несусветные. Но Иван и не собирался ставить их к станку. Глупо бы было. А вот занять рядом с собой хороших стрелков с достойным вооружением – это уже дорогого стоит. Ивану вовсе не улыбалось стоять в общем строю и палить залпами. Куда лучше выделиться в штуцерники.

Нет, он вовсе не собирался именовать привычную винтовку штуцером. Тут подразумеваются штучные стрелки. Можно и охотниками обозвать, но... Словом, воинского меткого стрелка следует как-то выделить. Оно бы куда привычней обозвать снайпером, но ты поди обоснуй подобное название в местных реалиях. Так что будут штуцерниками.

Но одного выделять никто не станет. А вот если их наберется десяток, то совсем иное дело. Ирина свет Васильевна уж похлопочет. Полностью соскочить, если вдруг какая войнушка нарисуетя, не получится. И она первая этого не поймет. Тут ведь нравы совсем иные. Вот так попробуй откосить, так она же еще и под кнут загонит. Впрочем, не сказать, что он ее за это осудил бы. Зато если Иван предложит в качестве эксперимента выделить в отдельное подразделение первоклассных стрелков, это будет совсем другое дело.

Батя уже присматривает себе помощников. Да даже своими силами они вполне смогут изготовить десяток нарезных карабинов. Без проблем. И в сжатые сроки. Не за трое суток, разумеется, для такой скорости народу все же требуется побольше. Но и не месяц придется трудиться, это точно.

– Ну как, набаловались? – встретил отец Ивана, когда тот вернулся во двор.

– Ну а чего ты ждал, батя? Молодые же.

– Это да. Молодо-зелено.

– Батя, я это... В общем, пока суд да дело, а потом бежать мне надо.

- Бежа-ать. Кобель малолетний.
- Батя...
- Цыть! Жениться тебе надо, вот что.
- Батя, не начинай, а? Нам оттого пока только польза была, – примирительным и увещающим тоном произнес Иван.
- Человек без семьи никто и звать его никак, – решительно рубанул Архип.
- Согласен.
- Так женись.
- Да чего сразу «женись»-то, батя? – слегка притопнув ногой, возмутился Иван.
- Тьфу, бестолочь. Вон еще один идет.

Во двор как раз вошел улыбающийся Митя. Летом Иван взял отца в оборот и настоял на том, чтобы определить Митю в школу при академии. Благо церковно-приходская школа ему уже ничего толком дать не могла. Парнишка имел тягу к наукам, которые давались ему с необычайной легкостью. И такого к наковальне? Намашется еще молотом, случись из него бестолочь. Да только не будет этого. Тут Иван был готов прозакладывать голову.

И младший брат не обманул ожиданий. Набросился на учебу как голодный. Правда, при этом ему было настолько интересно происходящее на подворье у брата, что он и не знал, за что хвататься, за учебу или бежать сюда. Ну да пока вроде бы успешно совмещал. И это радовало.

Поздоровались. Переговорили. Старший брат всегда подробно выспрашивал Митю об учебе, не забывая о похвале. Подростка буквально распирало от гордости. Иван же откровенно удивлялся успехам мальчишки. Вот шинкуй в капусту, но Иван при подобном обучении, да еще упустив столько времени, ничему толком не выучился бы. Этот же пер семимильными шагами. Гений, вундеркинд, иначе и не скажешь.

- Ну как, Вань, сегодня стреляли?

И чего спрашивать, когда сам ответ знаешь. Опять же, вот он старший брат в копоту, с карабином на плече и патронташами в руках. Но...

- Ладно, братишка. Сейчас снарядим патроны и пойдем снова пальнем.

– Не настрелялся? Чего порох пережигать? – вновь проснулась в отце бережливая натура.

- Батя, ну что того пороху? И вообще, я вскорости хочу свой начать выделывать. Все получше этого покупного будет. А Митя, он, между прочим, не меньше нашего над карабином этим работал.

– Вот же бестолочи на мою голову. Делайте как знаете, – махнул на них рукой кузнец. – Серафим! – позвал он Миронова.

– Да, Архип Алексеевич, – отозвался кабальный.

– Пошли закончим с верстаком, что ли. А то у молодняка в одном месте зудит.

– Так на то и молодые, – не поддержал хозяина Миронов, тем не менее присоединяясь к нему.

– Поговори мне еще. Вот возьму и начну баловать твоего Аркашу. Взгромоздится он тебе на голову, а тогда я посмотрю, как ты запоешь.

Братья переглянулись и, как по команде осветившись улыбками, поспешили в мастерскую. Вообще всю снарягу нужно переносить в дом. Или сделать еще один комплект, конкретно под карабин. Пресс, имеющийся на цевье, все же походно-полевой вариант, незачем его насиловать.

Незадолго до заката все же утомонились. Так как времени оставалось совсем немного, Митя принялся за чистку оружия, как его учил Иван. Не кирпичным порошком, а маслицем. Под это дело они даже ершики из конского волоса изготовили. Правда, надо будет еще ершиком из металла озаботиться, чтобы можно было с освинцовыванием ствола бороться. Тоже проблема. Йолки.

Уже на вечерней зорьке Иван вывел из конюшни лошадь под седлом и выехал со двора. Имелся у него теперь живой транспорт. А то как же. Нужно же как-то добираться на свидания. Не дело Ирине бывать в его доме. Ну и ему в ее московский дворец ходу как-то нет. А вот загородная усадьба в Измайлово – самое то.

Было дело, Романовы как-то оказались не в чести у царя Василия. Тот пусть и обладал кротким нравом, но на боярина Алексея Михайловича взъелся не на шутку. Еще и в ссылку сослал. А чтобы неповадно было, в ряду других изъял и две подмосковные вотчины, Измайлово да Преображенское. Первое затем отошло в качестве приданого за дочь.

В настоящее время там раскинулась богатая усадьба великой княгини Хованской. Двухэтажный особняк с фронтоном и колоннами, выдержанный в русско-греческом стиле. Том самом, который так по нраву пришелся Ивану и который он не взялся бы описать. Ну не встречал он раньше ничего подобного, и все тут.

В кобуре пистоль, с которым он никогда не расставался, отправляясь в подобные поездки. За плечами на ремне повис карабин. Ребячество чистой воды. Ведь не мальчик давно, а туда же. Не удержался. Решил блеснуть обновой перед любовницей.

Коль скоро Иван решил создать отряд штуцерников, то не помешает уже сейчас начать прорабатывать почву. А то и разом решить вопрос. Ирина как пить даст начнет со всем вниманием изучать новинку. Не удержится. Уж было.

Тем же булатом всерьез заинтересовалась. Хотел сладить ей что-то вроде стилета или кинжала, но она отмахнулась от такой глупости. А вот ножу очень даже обрадовалась. Потому как ему и в быту есть применение, и для защиты очень даже годится. Правда, дальше вот такого, личного интереса не пошло. Да оно и понятно. Баба она, может, и вздорная, но об интересах государства печется. А какая польза от булата государству? Баловство одно. Зато его идею с передачей секрета другим мастерам вполне одобрила. Мастера, кующие булат, повышают престиж царства.

Ирина и мастерскую посетила, уж больно ей было интересно, как там все устроено. Ну не могла она ее не заинтересовать. Шутка сказать, но на ровном месте Иван с отцом успели заработать столько, что ей пришлось вмешиваться, чтобы оградить своего любовника от поборов. Правда, парень так до конца и не сообразил, что ее больше интересовало, технология производства или знакомство с его отцом. Уж больно мило она с ним беседовала.

Так что новинкой великая княгиня заинтересуется. Пока же будет изучать и палить из нее, можно подбросить идею насчет штуцерников. А пострелять она не откажется. Между прочим, с мушкетом обращается вполне на уровне. И на охоте бывает регулярно. Вот так вот. Вроде и Петра с его реформами не было, и в то же время общество имеет серьезные такие отличия от допетровской России. Поэтому никаких сомнений – точность, легкость и убойность оружия Ирина оценит...

Ага. Вот так все бросила и тут же кинулась изучать новинку. Да еще и засыпала разного рода вопросами. И непременно на ночь глядя стрелять! Как бы не так. Наброситься-то она набросилась. Да только не на карабин, а на его владельца. Можно сказать, с порога взяла в оборот...

– Станный ты, Ваня, – пристроив голову с распущенными волосами на его плече, вздохнула Ирина.

Они лежали на широкой постели под легким шелковым балдахином. От постороннего взора или сквозняков он не спасет. Да и нет в том необходимости. Усадьба построена качественно, отопление продуманное, так что в доме тепло. О посторонних взглядах и говорить нечего. Зато очень даже может противостоять комарам. И в летнюю пору Иван вполне это оценил. Благо думать о них сейчас не приходилось.

– И чем же я странен? – кладя руку на ее голову и поглаживая темные

волосы, поинтересовался он.

– Да многим, – задумчиво продолжила княгиня, глядя в какую-то только ей ведомую точку. – Вроде и восемнадцать годков.

– Девятнадцать, – поправил ее Иван.

– Очень большая разница, – все так же задумчиво фыркнула Ирина. – Вот гляжу я на тебя, молод, а как в тот первый вечер посмотрел... По сей день вспоминаю, и дрожь по телу. Ты тогда не на высокородную особу смотрел, не на бабу, что вдвое старше, а как на желанную женщину. Не ведут себя так молодые. Не упомяну такого. А в постели... Уж сколько всего я повидала, а ты в особом ряду стоишь. Когда только успел понабраться. И вообще, ты ведешь себя со мной как-то по-хозяйски, что ли. Вот и голову оглаживаешь покровительственно так, словно маленькой, о которой хочешь позаботиться.

Иван машинально оторвал руку. Не хватало еще задеть чувство гордости этой особы. Что ни говори, а он от нее зависел. Так уж случилось.

– Куда? – тут же возмутилась она, требуя все вернуть как было. – Глупый. Мне ведь в радость. Ни с кем такого более не было. Только с мужем покойным, который и любил меня, и хозяином моим себя почитал. Остальные так... Старались угодить да боялись рассердить.

– Кхм, – крикнул Иван, словно желая напомнить о произошедшем только что.

– Это не в счет, – отмахнулась Ирина. – То я тебе указала, вот ты и поостерегся. Другие же все время следили за собой, опасаясь вызвать мое неудовольствие.

– Это не я странный, а ты, Ириша, – возразил Иван. – Сама стремишься обрести рядом друга, крепкое плечо, на которое можно опереться и рядом с ним почувствовать себя женщиной. А только такого нашла, так и не можешь взять в толк, как такое может быть. Вот и подумай, а нужно ли оно тебе?

– Нужно, – тут же встрепенувшись, приподнявшись на руках и глядя ему в глаза, поспешно ответила она. – Странно все. Непривычно. Неправдоподобно. Но это мне нужно. И богом заклинаю, Ванюша, коли что удумаешь, лучше поостерегись. Неволить тебя не буду, но и делить тебя с другими бабами не стану. Коли наскучу или жениться надумаешь, то так тому и быть. Но только не путайся, как кобель, а прямо скажи.

– Ух ты, какая грозная, – подбивая ей руки, роняя на себя и прижимая горячее тело, заодно оборвал он ее. – Я, может, и молод, но не тля какая. Пока ты со мной честна, я буду честен с тобой. И иного от меня не жди.

Ага. Вот сейчас все бросит и начнет ей верить. Нет, в том, что она

оставит его в покое, если он соберется жениться, Иван не сомневался. В конце концов, на это ясно указывает то простое обстоятельство, что княгиня никогда не водила шашней с женатыми. Но если он решит сменить ее на какую другую любовницу, ему это аукнется. Вот в этом он совершенно не сомневался. Впрочем, по этому поводу особо не напрягался. Пока его все устраивает. А дальше будет видно.

– То есть хочешь заключить договор? – прижимаясь к нему всем телом, поинтересовалась Ирина.

– А что такого? Нормально получится. Предательство одного из нас полностью высвобождает другого.

– Даже не надейся, Ванюша. Плевать на ту славу, что вокруг меня вьется. Я первой не предам. Так и знай.

И тут же полезла с притязаниями, чтобы показать, насколько она серьезно настроена. Ну а он-то что. Да со всем удовольствием. Молодость она ведь не порок...

Завтракали на террасе. Так сказать, ловили последние погожие дни бабьего лета. В этом году оно оказалось затяжным. Впрочем, Ивана данное обстоятельство только радовало. Ну не любил он холода. Н-да. Как и жаркое лето. Московская погода его вполне устраивала. Или это так совпало, он-то тут всего второй год. В памяти же прежнего Ивана ассоциации сугубо положительные.

– Это еще что? – Иван даже завертел головой от неожиданности.

А и было отчего. Не каждый день услышишь орудийный грохот. А там подспела и частая трескотня пищалей. По ощущениям не рядом, но и не далее пары верст.

– Коленька забавляется, – отмахнулась Ирина.

– Это цесаревич со своими потешными, – догадался Иван.

– Потешные. Вот же выдумал Дмитрий. Да какие они потешные, коль едят в три горла. Да пороху уж сожгли столько, что военный поход обеспечить по маковку можно. Еще и полный годовой кошт им да жалованье служилых полков нового строя. А там только солдат в месяц девяносто копеек получает, и в год выходит... – Ирина запнулась.

– Десять рублей восемьдесят копеек, – выдал Иван.

– Эка как у тебя споро-то, – удивилась Ирина, застыв с ножом и куском хлеба, на который мазала масло.

– Ну так. Могу по малости, – скромно улыбнулся Иван.

– Молодец, – одобрительно протянула она. – А теперь еще и прикинь все жалованье того потешного полка.

– Ну, для этого мне надо знать точное число солдат, сержантов,

капралов, офицеров, нестроевых да месячное жалованье каждого из них.

– Х-ха. Надо же, клюнула на красивую мордашку и мужеский нрав, а угодила в разумника.

Говоря это, Ирина зарделась от удовольствия. Вот так сразу и не поймешь, за кого испытывает гордость, за себя или своего любовника. Нет, правда. У Ивана ведь за плечами прожитые годы, и в людях он, что ни говори, разбирается. А на этот вопрос с уверенностью ответить не мог.

– Годовое содержание такого полка вместе с котлом, мундиром, иным снабжением, учениями и жалованьем казне выливается в тридцать тысяч рублей. Каково?

– Ну, по мне так оно того стоит, – ответил Иван. – Хотя бы потому, что на выходе цесаревич обзаводится сподвижниками. Храни Господь царя-батюшку, но ить все мы не вечны.

– Вот и братец так же говорит, – вздохнула Ирина. – Да только где на это все средства сыскать. Хорошо тем же шведам, у которых серебряные рудники доход в казну немалый приносят. А у нас ничего. Кабы было свое серебро, все иначе стало бы.

– Да ерунда это все, – отмахнулся Иван. – Серебра этого на Руси сколь угодно много. Да толку-то от этого мало будет.

– Глупости говоришь.

– С чего бы это?

– Еще Иван Третий пытался изыскать серебро на Руси. Да сыскали лишь малость злата. Только на медальон для его дочери и хватило. Прадед наш, Иван Грозный, тоже искал, и все попусту. Вон и братец каждый год экспедиции шлет, в кои ученые мужи из академии входят, и все без толку.

– То, что они не там ищут, еще ни о чем не говорит, – убежденно возразил Иван. – Если так уж нужно, то я могу найти. Правда, не серебро, а золото, – вдруг подумав о своем, произнес Иван.

– Что, вот так возьмешь и найдешь? – откусывая кусок хлеба с маслом, политым малиновым вареньем, подначила Ирина.

– Вот так возьму и найду, – твердо ответил парень.

– Ты сейчас серьезно? – спешно проглотив кусок, спросила княгиня.

– Ну да. Мне тут один старичок-бродяжка повстречался. Я его подкормил малость, чарку налил, так он поведал мне, что нашел золото в Уральских горах.

– И нищим помер? – И верить хочется, и сомнения одолевают.

– Отчего нищим, спрашиваешь? Ну так попытался он то золото продать, да его тут же взяли в полон и пытать стали, где он золото сыскал. Он смолчал, а ночью сумел сбежать. Потом подумал, плюнул на свою

находку, потому как от золота одни беды.

– Под пыткой не сказал, а тебе вот так взял и рассказал.

– Но я-то его не пытал. Крепкое же вино и благодарный слушатель кому хочешь язык развяжут.

– И ты то место сможешь сыскать?

– Смогу, отчего не сумею. Приметы он мне обсказал.

– А если сказки это?

– Вы экспедиции все одно отправляете?

– Да.

– Ну так поставь во главе одной из них меня.

– Ваня, тебе всего девятнадцать годков.

– А чтобы вашим академикам урона не было, определите ко мне какого студента посмышленнее. Да в десяток бы мне набрать парней помоложе, чтобы годами своими не потрясали, как дурень писаной торбой.

– Вот гляжу я на тебя и... Ты что, действительно поверил тому старику?

– Я верю в то, что сыщу это золото.

– Ладно. Я поговорю с братцем.

Иван окинул Ирину внимательным взглядом. Н-да, как же крепко сидят в людях заблуждения. Вот она сейчас верит, что стоит найти месторождение золота, как тут же казна наполнится и разрешатся все проблемы. Ерунда это все. Путь в никуда. Нужно развивать производство. А серебро в казну притечет от тех же европейцев. Впрочем, его это все устраивает.

Идея возникла только что. Но кто сказал, что от этого она менее гениальна? Государю золотой прииск. Один. Остальные месторождения пусть сами ищут. А то от академии всего-то толку, что престиж государству. Вот пусть и займутся конкретным делом.

Ему же не помешает развеяться. И вообще. Этим летом вроде пронесло, войны не случилось. Что будет следующим, одному богу известно. Отправляться в поход в качестве бесправного стрельца Ивану совершенно не улыбалось. Коль скоро угодил на пожизненную службу, так надо устраиваться с удобством. Тем более при наличии такой покровительницы.

– Погоди, так это ты на полгода собрался? – вдруг всполошилась Ирина.

– Ну а как же иначе-то. Быстрее никак не получится, – пожал плечами Иван.

– А как же я?

– А как же интересы Русского царства? Ты ведь не просто приятная во всех отношениях женщина, но еще и сестра государя да родная тетка наследника престола. Тебе не пристало держаться в стороне от дел государственных.

– Сбежать решил, – поджав губы, с наигранной злостью констатировала княгиня.

– От тебя, пожалуй, сбежишь, – с явственным сомнением возразил Иван.

– Вот и помни об этом.

– Уж не сомневайся, не забуду.

– Кстати. Я заметила, ты на этот раз прихватил с собой мушкет. Никогда раньше таких не видела.

Ага! Все же заметила. Иван намеренно не привлекал ее внимание к карабину. Как и всем, кто создал нечто своими руками, ему хотелось, чтобы изделие приметили другие. Вчера его тщеславие было с лихвой вознаграждено друзьями-товарищами и младшим братом. Но... Похвалы много не бывает.

– Может, сначала закончим завтрак? – с наигранным равнодушием предложил Иван.

– Я уже, – совсем по-детски, отправив в рот последний кусок и запивая его чаем, тут же отозвалась Ирина.

– Ла-адно.

Иван поднялся со стула и, пройдя в гостиную, вернулся со своим карабином. Потом вручил его Ирине и с довольным видом стал наблюдать за тем, как она изучающе вертит оружие. Кстати, оно ничуть не выглядело громоздким даже в ее руках. Общая длина примерно сто десять сантиметров, ствол порядка шестидесяти, может, чуть больше. Тут вообще с метрической системой пока полный швах.

– Чья работа? – с явным удовольствием держа оружие, спросила Ирина.

– Моя, – не без гордости ответил Иван.

– Правда?

– Истинная.

– Сколько же в тебе талантов, Ванечка?

– Думаю, много, – ухмыльнулся парень.

– Вот и я так думаю. А для чего эта деревянная накладка сверху ствола?

– Карабин позволяет вести частую стрельбу, отчего ствол греется. И если ухватиться за него, то можно обжечься. А такое цевье позволяет

браться без опаски.

– Цевье?

– Ну я так назвал эту накладку.

– Понятно. Вот только... Ты говоришь о частой стрельбе, а я не вижу магазинов^[9] и зарядных камор. Только вот на кресале.

Иван довольно быстро и весьма подробно рассказал об устройстве оружия. Особенно Ирина удивилась тому обстоятельству, что ствол оказался нарезным. Нет, самими нарезками уже давно никого не удивить, пусть это трудоемкий процесс, ведущий к неизменному и неприличному удорожанию оружия. Оттого такое оружие и является редкостью. Но подобные образцы свободно продаются в оружейных лавках. Хватило бы средств.

Однако все образцы, виденные ею до этого, имели толстостенные стволы. Что делало винтовальные мушкеты весьма тяжелыми. Не спасало и то обстоятельство, что они обычно были короче гладкоствольных. А тут тонкие стенки, и общий вес оружия куда меньше, чем у пищали или мушкета, успевших существенно облегчиться за прошедшие десятилетия.

– Ствол из особой стали моей выделки, – пояснил Иван.

– Ваня, ты откуда этого набрался? – искренне изумилась женщина.

– Оттуда же, откуда узнал про булат, – спокойно ответил он.

– И это тайна, – подпустив в голос трагизма, произнесла Ирина.

– Тайна, – все так же не выказывая волнения, согласился Иван.

Ничего необычного. Иные мастера настолько помешаны на сохранении своих секретов, что готовы унести их с собой в могилу, но не делиться с другими. Вот и он не собирается. Знает, и все тут. А откуда, не вашего ума дело. Так что для Ирины такой ответ не стал неожиданностью, да и не обидел.

– А отчего вид такой простой? Ни серебряной тебе насечки, ни резьбы по дереву. Ничегошеньки.

– А к чему, Ириша? Оружие должно быть строгим, хищным и смертоносным. И, по-моему, у меня получилось.

– Получилось. И впрямь хищное. А конструкцию где подсмотрел?

– Видел в оружейной лавке. Вот и повторил. Ну разве только кое-что добавил от себя и переделал.

– А пулька не маловата будет? – глянув на небольшое отверстие в стволе, поинтересовалась она.

Вопрос вполне оправданный. Даже самый скромный калибр пистоля составляет полдюйма, а тут еще меньше. Причем не для пистоля, а для карабина, оружия более серьезного.

– Эта пуля на двухстах саженьях пробивает стальной доспех и валит лося. Поверь, человеку достанет с избытком.

– И сколько будет стоять такой карабин?

– Двадцать рублей, – без тени сомнения ответил Иван. – Причем в комплекте к нему будет идти только дюжина патронов.

– Патронов?

– Ну зарядцев. Просто их так называть как-то неправильно. Все же ничего общего. Вот я и измыслил такое название.

– Дороговат, – заметила княгиня.

Угу. Есть такое дело. Вообще-то его себестоимость даже дешевле, чем у гладкоствольного мушкета других мастеров. И, продавая карабин всего за десять рублей, Иван оставался бы со значительным барышом. При массовом же производстве оно удешевилось бы минимум вдвое, а то и втрое. Но в его планы вовсе не входило делать подарки.

Вот когда получится крепко встать на ноги, тогда можно будет подумать и о чем-то высоком. Сейчас же он вынужден дергаться, как угорь на сковороде, кидаясь от одного к другому. И все ради того, чтобы избежать мясорубки. Наслушался рассказов о крымских походах. Ну его к ляду, угодить в подобную переделку.

– А сколько стоит один этот твой патрон? – продолжала задавать вопросы Ирина.

– Патрон перезаряжается, а вот гильза стоит две копейки.

– Ого.

– Ну так в ней одной только латуни на целую копейку. Да плюс изготовить. Это еще и по-скромному выходит.

– Стрельнуть-то дашь? Иль пожалеешь припас расходовать? – бросила княгиня лукавый взгляд.

– Да вот не знаю, порох-то и свинец нынче дороги, – в тон ей ответил Иван, отчего-то глядя не на нее, а куда-то в сторону.

Получилось так, словно парень важничает и набивает себе цену. Причем у него так натурально получалось игнорировать заигрывающую женщину, что это ее еще больше раззадорило.

– Ну пажа-алуйста, – дурачась, начала канючить Ирина.

В ответ на это Иван с силой толкнул княгиню в грудь, отчего она упала навзничь. Толчок вышел настолько резким и сильным, что у нее перехватило дыхание, а из глаз тут же брызнули слезы. Ей было настолько дурно, что она не расслышала ни долетевший звук выстрела, ни раздавшиеся практически одновременно с ним короткое вжиканье и тупой стук свинца в дверной косяк.

Зато сквозь влажные ресницы она видела, как Иван упал на колени, уложил карабин на перила террасы и, подняв прицельную планку, стал куда-то целиться. Несколько ударов сердца, и раздался выстрел. Уж его-то Ирина услышала, успев немного прийти в себя.

– С ума сошел? – с трудом прохрипела она.

Но парень, не обращая на нее внимания, лихорадочно перезаряжал оружие. Когда же это ему удалось, разочарованно обложил кого-то по матушке. И, оставив карабин в сторону, поспешил на помощь к Ирине:

– Жива?

– Что?

– Куда попало?

– Тебе рассказать, куда мне попало и где у меня будет синяк? – приходя в себя и начиная злиться, змеей прошипела княгиня.

Но именно в этот момент на террасу вбежал вооруженный бородач Матвей с донельзя озабоченным видом:

– Ты как, Ирина Васильевна?

– Издеваетесь? Плохо я! Ты чего прибежал?

– Да как же... Так это...

– Не суетись, Матвей, она ничего не поняла.

– Чего я не поняла?

– Стреляли в тебя, Ирина Васильевна, – наконец пояснил Иван.

– Вот, значит, как. Матвей?

– Так и есть, Ирина Васильевна, – подтвердил бородатый крепыш. – Лешка с парнями наметом на коней вскочили и поскакали туда, где дымок заприметили. Может, догонят еще. Хотя и далековато.

– Ты как понял? – Это уже к Ивану.

– Блеснуло что-то. На зрительную трубу похоже. Вот я и присмотрелся. А там гляжу, дымок появился. Ну я тебя и... Извини, времени ни на что иное не было.

– За что извиняешься-то? За то, что жизнь спас? Спаси тебя Христос, Ванюша, – поблагодарила она, а потом, покривившись, помяла грудь. – Посинеет. Как пить дать посинеет. Стрелял-то наугад? Иль видел кого?

– Всадника приметил. Но вроде бы промазал. Далековато. А потом он ушел за урез холма.

Умчавшиеся в погоню вернулись только через час. И, как это ни обидно, с пустыми руками. Впрочем, не с такими уж и пустыми.

– Подстрелил ты его, Иван. Мы кровь нашли. Правда, коли не ссадил с седла, все же несерьезно. Но стрелок как в воду канул. Хотя, может, и в воду. Лошадь мы нашли у реки, а вот самого лиходея нигде не видно.

Искали по обоим берегам, вымокли до нитки. Ничего. Прости, княгиня.

– Матвей, как думаешь, тот же?

– Ясное дело, княгиня. Кому же еще. Только теперь из винтового мушкета палил, паскуда. Ну да ничего, попадется еще.

– Гляди, Матвей, чтобы он до того не прибрал меня на тот свет. Одно радуется, что можем хотя бы англичан в сторону отбросить.

– Почему? – удивился Иван.

– Еще по весне на московской улице нашли труп английского секретаря. Тот вроде как оборонялся от лихих, да они все одно его приголубили дубиной по голове. Обобратить не успели, стрельцы помешали. А при том убитом англичанине пистолет в пару тому, что ты у убийцы выбил, – пояснила Ирина.

– Ну так, может, он и есть?

– Он да не он, – возразила Хованская. – Ты убийце руку прострелил. А на этом ни одной царапины, кроме раны на голове. Да и лихие, даже если не успели обобратить труп, уж брошенные-то пистолы подобрали бы.

Господи, как холодно-то! Бабье лето – это, конечно, хорошо, но, даже несмотря на жаркую погоду, вода в реке ледяная настолько, что едва сердце не остановилось. А тут еще и простреленная рука. И что самое противное, опять та же самая! Вот только совершенно непонятно, насколько серьезно в этот раз.

Поначалу-то он собирался выходить на болото и пробираться вглубь. Есть там островок. Ему это место показал их иезуит. Откуда проведаль сам, непонятно. Но Марио особо над этим и не задумывался. Тропинка там хитрая. Не зная, не пройдешь. И отходу туда не могло помешать даже ранение. Не на своих же двоих, верхом. Но лошадь отчего-то охромела, и пришлось все менять на бегу. Вот и направился к реке.

Утопить штуцер. С ним было не выплыть. Но место приметил. Потом наведается. Тем более там неглубоко. Разве что в ил вдавил. Но не беда, отчистится. Тут бы самому уйти. Хитрость с тростинкой не нова. А ничего более умного придумать уже не получалось.

По поводу того, что обнаружат лошадь, Марио не переживал. Он ее украл за несколько дней до покушения. Потом подержал на том самом островке, пока шум не улегся. Так что пусть ищут конокрада.

Зато его грело то простое обстоятельство, что он достал-таки эту стерву. Ну не мог он промахнуться. Долго выводил, подгадывал момент, когда ее фигурка в светлом платье окажется в удобной позиции. А уж из штуцера Марио стрелял просто отлично. На пять сотен шагов ни единого

промаха в фигуру человека.

Конечно, это могло быть и ранение. Но уж точно не легкое. Ну не мог он настолько промахнуться. А пуля, угодившая в тело, – в подавляющем большинстве случаев приговор.

Мокрый, замерзший и трясущийся, как осенний лист, уже глубокой ночью Марио сумел-таки добраться до стены Белого города и перебраться через нее. Потом, соблюдая осторожность, добрался до польского посольства.

Ночь была ясная и холодная. С него уже давно не текло. Но почти весь день, проведенный в Яузе, потом переправа вплавь через Москву-реку, голод, ранение и уже поднявшаяся температура... Словом, все указывало на то, что необходимо как можно быстрее оказаться в тепле.

Но Марио не спешил. Мало ли. У русских был целый день. Могли предпринять меры и взять посольство под присмотр. Однако ничего подозрительного у дома он не заметил. Пора.

– Марио, что случилось, дьявол тебя задержал?! – Де Бриен и не думал скрывать своего удивления.

Еще бы. При любом развитии событий итальянец не должен был возвращаться сюда. Ему надлежало несколько дней отсидеться на болоте. Даже в случае ранения. В шалаше были сложены необходимые лекарства, бинты и продовольствие. Так что он вполне мог дожидаться прихода их медика, по совместительству брата из ордена иезуитов.

– Извини, дружище, – глядя на посла, стоявшего перед ним в халате, и кривясь от боли, ответил Марио. – Лошадь не к месту охромела. К болоту оказалось не пробиться. Но это ведь мелочи, не так ли? Этой стерве конец.

– Ты опять позволил себя подстрелить, – холодно произнес посол.

– Ну да. Не повезло. И опять в ту же руку.

– При чем не повезло дважды.

– Ты о чем?

– О великой княгине Хованской.

– Я стрелял в нее. Никакой ошибки. Прежде чем выстрелить, я убедился с помощью зрительной трубы, что это она.

– Возможно, ты стрелял и в нее. Но опять промахнулся.

– Я не мог промахнуться, – убежденно возразил Марио.

– Я видел ее как тебя. И даже обменялся парой-тройкой фраз, – покачал головой посол.

– Дьявол!

– Не богохульствуй, – одернул его накладывающий бинт медик. – Творить богоугодные дела нужно с именем Господа на устах, а не поминать

нечистого. Глядишь, тогда и рука твоя будет тверже.

– Я. Не мог. Промахнуться, – отдельно произнес итальянец.

– Но промахнулся, – спокойно возразил иезуит. – Выпей, сын мой, тебе станет легче. Тебе нужно поправиться. Ничего еще не закончилось. Набирайся сил.

Глава 7

Нечаянное ранение

Скрип снега. Позвякивание упряжи. Фыркание и шумное дыхание лошадей. Им сейчас не позавидуешь. Уже пару верст как съехали с наезженной дороги и двинулись по снежной целине. Вот и маются бедолаги. Причем той, что под Ириной, достаётся ничуть не меньше, и не смотри, что наездница полегче. Во-первых, снаряжение у нее практически такое же, как у Ивана. А во-вторых, и сама лошадка постройнее да поменьше, чем под мужчинами.

Воздух морозный, чистый и звенящий. Середина января как-никак. И зимы здесь не чета оставшимся в его мире. Снежные. Холодные. Ни о каких ледяных дождях здесь и слыхом не слыхивали. Как и об оттепелях посреди зимы. А еще снег. Много снега. Н-да. Иван бы даже сказал, неприлично много.

Они сейчас движутся эдакой кавалькадой. Впереди Алексей с Матвеем передовым дозором. Позади еще парочка, Остап и Антон. Этих двоих, что всегда подле княгини, порой можно было даже перепутать. Обоим тридцать, оба среднего роста и крепкого сложения, русоволосы, с аккуратными, где-то даже щегольскими бородками. Ну и в середине Ирина с Иваном.

Вообще-то ноги бы его тут не было. Вот делать ему нечего, кроме как принимать участие в забаве цесаревича. Тому, вишь, вздумалось поохотиться. Нет, понятно, что забава очень даже пользуется популярностью. Да и Ирина охотница заядлая.

Хм. Ну Иван, допустим, тоже не прочь. И в охоте кое-что смыслит. А по прошлой жизни так и вовсе где только не бил зверя. О том, что он не любил жариться на морских пляжах, уже говорилось. Вот только его совсем не прельщало великосветское общество. А какое оно еще может быть в окружении цесаревича? Вот то-то и оно.

Это же сродни прогулке по минному полю. Уж лучше в общий стрелецкий строй на поле боя. Шансы уцелеть куда выше. Там хотя бы не норовят ударить в спину. Здесь же даже дышать нужно с опаской. Это вам не общество двадцать первого века, где можно с деловым видом выпендриваться перед высокопоставленным чиновником. Тут о равноправии и слыхом не слыхивали. Вот так фырки пренебрежительно, а

потом по твоей спине плеть прогуляется. Еще повезет, если выживешь.

Однако выбора Иван был лишен. Цесаревич хотел самолично лицезреть мастера, сумевшего сладить столь знаменательный винтовальный мушкет. А с легкой руки Ирины новый карабин стал весьма популярен в Москве. Иван подарил ей свой образец. Предложил было сделать новый да изукрасить его серебряной насечкой, но княгиня отказалась. Мол, пусть с вороненым стволом и без изысков, зато она будет обладательницей первого подобного оружия.

Сейчас мастерская имела заказов на изготовление новых нарезных карабинов уже на три месяца вперед. И все говорило о неизменном росте спроса. Ну хотя бы потому что, среди заказчиков хватало иностранцев.

Такие дела. Конструкция-то вроде и не нова. И многие считают, что зависимость от наличия патронов – решение скорее в минус, чем в плюс. Тут и стоимость самого карабина, и гильз к нему. Многие высказывались даже о смешном калибре оружия. Причем их не могли разубедить и несколько крупных зверей, сваленных на охоте именно этим «детским» калибром. Но все признавали качество выделки оружия, его легкость, оборотистость и точность боя. А уж насколько всем был удивителен тонкостенный ствол, это и вовсе заслуживает отдельного упоминания.

К Ивану уже несколько раз подкатывались с предложением продать секрет стали. Кстати, было и весьма заманчивое предложение от английского посла. Но батя заявил, что если сынок учудит что-то вроде выходки с булатом, он его лично приберет. Без тени сожаления. И парень предпочитал ему верить. Впрочем, в его планы вовсе не входило разбазаривание технологии выделки железа и стали.

Помимо карабинов в мастерской изготавливалась еще одна новинка. Уж больно надоело Ивану таскать свой трехзарядный револьвер, эту несусветную бандуру. Вот и создал нечто вроде пистолета Деринджера для постоянного ношения. Правда, и от бандуры не отказался. Вон он револьвер, в седельной кобуре, причем не один. Ирина выкупила у голландца его пару. Отдалась, так сказать, за подаренный ей карабин.

Иван, конечно, мог произвести и нечто получше, попрacticнее и покомпактнее, но для этого следовало фактически спроектировать новое оружие. И то, что он уже делал кремневый револьвер в прошлой жизни, не играло ровным счетом никакой роли. Поэтому пока было проще изготовить нарезные стволы к имеющимся пистолетам.

Ну хотя бы потому, что, работая параллельно с отцом, он занялся созданием своего двуствольного Деринджера. Имея куда более широкий взгляд на различные технологии, он изготовил пистолет с колесцовым

замком и закрытыми запальными полками. Оружие получилось плоским и компактным, без выпирающих частей, полностью терялось под одеждой и женским корсетом. При этом нарезной ствол длиной три дюйма позволял вести уверенный прицельный огонь на дистанцию до тридцати шагов.

И уж тут-то предназначающуюся Ирине пару Иван изукрасил от души. Не сам, разумеется. Работу выполнил ювелир. Карповы ни на что подобное оказались не годны. Ну и про себя не забыл. Так что теперь он расхаживал с парой дуствольных пистолетов во внутренних карманах, нашитых на кафтан.

Пистолетик стал довольно популярным, причем отнюдь не у женщин. В смысле не только у них. Все же русские красавицы не особо склонны к оружию. Тут Ирина была исключением из правил. Как, впрочем, и во многом другом. Зато мужчины заказывали новое оружие весьма и весьма охотно. В особенности отбывающие на родину иноземцы. Вот и трудятся в мастерской без усталости.

Кстати, несмотря на это, лично у Ивана свободного времени стало побольше. В мастерской он теперь если и работает, то лишь в свое удовольствие. Так, собственно, и появилось маленькое дуствольное чудо. Ну или когда отцу требовались его совет и помощь. Изменил все же Архип отношение к сыну. Серьезно так пересмотрел.

А в помощниках у него сейчас никакого недостатка. Как только Иван обрел свой десяток, одновременно Карпов-старший заполучил себе помощников. Поначалу неуклюжих, с трудом управляющихся с напильником. Но постепенно набирающихся опыта.

Ну кого можно отдать под начало молокососа? Правильно. Таких же молокососов. Штатная же численность полков строго регламентирована. Нет в казне лишних средств. Вот и записали мальцов в полк, уволив со службы их отцов. Ну а Карпов как истый православный протянул им руку помощи. Без дураков протянул, между прочим. Да у них сейчас годовой заработок поболее, чем был, пока они служили. Плюс сохранившаяся за сыновьями льгота по податям.

Правда, Архип в толк не мог взять, с какой такой радости он должен будет платить им такие деньжищи. Шутка сказать – два рубля в месяц! Но Иван его успокоил. Мол, это только поначалу. А там посмотрят, кто как себя проявит. Если лодырь, так под зад коленом. Если проявит себя с лучшей стороны... тогда платить станут еще больше. Не надо жадничать. Тогда оно и окупится сторицей. Люди они в большинстве своем добро-то помнят.

А вот молодежь готова была Ивана сожрать. Причем тоже без дураков.

Потому как за их тренировку он взялся самолично. И драл как сидоровых коз. Поначалу парни с азартом и энтузиазмом набросились на карабины. Сама по себе стрельба в радость, причем из любого огнестрела. А тут еще им в руки попали новенькие, с пылу с жару, и жутко дорогушие винтовальные карабины.

Уже через три дня парни вовсе не были столь уж уверены в своем везении. Стреляли они много. Очень много. До одури и скрипа крупинок сгоревшего пороха на зубах. Копоть въелась в руки и лица так, что отмыть это безобразие попросту не представлялось возможным. И вообще по приказу полковника беспокойный десяток спровадили подальше за околицу, чтобы не надоедали своим грохотом.

Кроме этого парням приходилось самим восполнять боеприпасы. Свинец-то Иван покупал. Частично удавалось сберечь выковыриваемый из частокола. А вот порох они выделявали самостоятельно. Зато и припас выходил куда лучшего качества, чем у самых знатных мастеров.

А потом безжалостно сжигали. Пропади оно все пропадом вместе с другом сердечным, превратившимся вдруг в натуральную сволочь. В перехлест его в колено!

Так ведь мало того. Дядька Архип нашел где-то пропойцу-казака, который за деньгу малую, будучи его должником, обучал парней обращаться с саблей. Обычные ухватки стрельцов Ивана не устраивали в корне. Хотя бы потому, что те делали основной упор на бердыш. Оружие в ближнем бою страшное. Однако тяжелое и громоздкое. Сабля она, конечно, тоже не сахар. Но хотя бы покомпактнее. В местных же реалиях без холодного оружия никуда...

Вдали послышался лай собак. Звук охотничьего рога. Охота уже началась, и, похоже, они безбожно опоздали. В принципе начхать и растереть. Взглянул на Ирину. Та совершенно спокойна.

– Видимо, мы припозднились, – озвучил Иван свою мысль.

– Не беда, – ровным голосом ответила Ирина.

– Мне казалось, ты любишь охоту, – удивляясь равнодушию в ее голосе, заметил он.

– Люблю. Но это не охота. – Княгиня пренебрежительно взмахнула рукой. – Толпа лизоблюдов, старающихся всячески подластиться к Николаю.

– При дворе это вроде бы обычное явление, – пожал плечами Иван.

– Правильно, – не стала отрицать очевидное Хованская. – Вот только каждого из них я готова придушить собственными руками. Не понимаешь?

– Признаться, нет, – качнул головой парень.

– Все они, все без исключения, уже похоронили моего брата. Понимаешь? Он все еще жив, в здравом уме, восседает на престоле, правит царством, принимает взвешенные решения. Но они уже поставили на нем крест и спешат выслужиться перед молодым наследником. Даже те, кто прекрасно понимает всю мерзость своего поступка. Они делают это потому, что боятся оказаться в числе опоздавших, когда пробьет час.

– Если тебе так неприятно, то зачем ты туда едешь? – спросил Иван.

– Там Коля, – просто ответила женщина. А потом пояснила: – Должен же рядом с ним быть хоть кто-то, кто его просто любит и искренне хочет помочь.

Иван бросил на ее косой взгляд. Нет, она не играет. И вовсе не переживает за то, что может лишиться своего влияния на племянника. Она и впрямь любила его и беспокоилась о нем.

Придворные цесаревича расположились на большой поляне с уже утоптаным снегом. Посредине установлено три просторных шатра. Впрочем, ставили их не от непогоды и не для сбережения тепла. Полы шатров широко разведены в стороны, являя взору столы, уставленные яствами. Ну и выпивкой, конечно.

Два шатра практически пустые. И находятся там по большей части подростки. А то как же. Пусть цесаревич предпочитает водить дружбу с взрослыми мужчинами, у него, чай, сестренка есть, и ей очень даже не помешает соответствующая компания. Вот и вертятся мальчишки и девчонки.

Ну и мамы с дядьками все время неподалеку. Вон они стоят чуть в сторонке, зорко посматривают за своими чадушками. А то как же, их и есть. И хвастают они друг перед другом так, словно те родные кровиночки. А ведь какая-то доля правды в том есть. Боярские детки холопским молоком вскормлены.

Впрочем, детки, вырастая, мамок да дядек и не думают забывать. Те в доме подчас весу побольше самого хозяина имеют. К примеру, Иван однажды стал случайным свидетелем того, как сухонькая старушка прошла по мягким местам Ирины Васильевны. Сомнительно, чтобы тот ремешок мог пробить сквозь ткань довольно пышной юбки, но в краску великую княгиню мамка вогнала.

Двое детишек в шатре, заприметив Ирину, с радостными криками бросились к ней. Мальчик и девочка лет тринадцати, может, младше, может, старше. Мало того что они тут взрослеют рано, так еще одеты позимнему. А девочка ну очень похожа на княгиню.

Хованская не обманула ожиданий детей. С легкостью соскользнула с

седла и прижала к себе обоих. Странно. А он как-то и не думал о том, что она мать двоих детей. Да еще двое преставились в младенчестве. Нет, он об этом конечно же знал. Но...

Наверное, это оттого, что Иван никогда не видел их рядом с ней. А с другой стороны, все верно. Нечего детям показывать своего любовника. Неправильно это. А Ирина детей не просто любила, но и принимала самое деятельное участие в их воспитании. Иван, уже спустившийся на снег и взявший под уздцы как свою лошадь, так и Ирину, наблюдал за этой картиной с долей вины перед детьми, за то что на время похитил их маму. Н-да. Кто кого еще похитил.

Прошедшие двое суток они с Ириной провели вместе. То Иван был занят, все же подготовка к дальнему походу не шутка. То княгиня вертелась, как белка в колесе. Так что не виделись пару недель. Поэтому, дорвавшись до сладкого, не могли расстаться. Не сказать, что он так уж любил ее. Но ему нравилось ее общество. И вообще... Насчет измен у них некая договоренность, и нарушать ее он не собирается. А организм молодой, ретивый. Вот и не видели детки маму пару дней, приехав сюда отдельно от нее.

Из соседнего шатра донесся разноголосый смех, возбужденные голоса. Там сейчас находится Николай, а потому и шатер забит под завязку. Окружение пытается произвести на цесаревича самое благоприятное впечатление. Похоже, и пьяные уже есть. Вот ничто не поменялось за века. Отчего-то сразу вспомнился фильм «Особенности национальной охоты», и на губах появилась невольная улыбка.

И тут Иван почувствовал какой-то дискомфорт. Бывает иногда такое. Вроде и не видишь человека, и ничего такого особенного не происходит. А тебе отчего-то не по себе. Как это объяснить, не знаешь, но вот чувствуешь на себе чей-то взгляд. И почему-то это случается именно тогда, когда взгляд тот недобрый, испепеляющий.

Невольно осмотрелся в поисках источника беспокойства. А это кто? Вот эта? Ну точно, это же Егоркина Анюта из Огородной слободы. Никакой ошибки. Ты поди найди вторую такую девицу. Вон как смущенно взор потупила. Точно она. А что эта красавица тут делает? Егор вроде говорил о том, что она к тетке в деревню погостить уехала.

Но гневным взглядом его буравит вон та пигалица, что рядом с Анютой. И судя по одеянию, золотой короне на шапке, подбитой соболем и усыпанной жемчугом... Ну как есть царевна. К гадалке не ходи. Вот только когда это он ее настолько прогневать успел? А лицо ее как будто... Ну нет! Да ну его к ляду! Вот интересно, то, что он сейчас подумал, бред или?.. Да

нет! Бред, конечно!

Хотя кто их, Рюриковичей, знает. Одна – вон она. Сейчас детей обнимает. А пару-тройку часов назад в его объятиях вполне уютно себя чувствовала. Впрочем, с ней-то как раз все понятно. Понадобилась игрушка, завела и балуется. И этой захотелось поиграть? Блин! В куклы играй!

В этот момент Ирина наконец оторвалась от детей и, дав им напутствие, подтолкнула к шатру с царевной. Потом посмотрела на него. Иван, смутившись, повел лошадей в сторону, прикрываясь кобылкой Хованской как от царевны, так и от княгини.

Ничего не понимающая Ирина бросила взгляд туда, куда мгновение назад смотрел он. О как! Это чего это красавица-молодица удумала? Нужно будет уму-разуму поучить. Что-то уж больно рано на мужиков стала засматриваться. От горшка два вершка, а туда же. В куклы играй!

Хм. Что это? Неужели в ней ревность разыгралась? Вроде даже мысленно не допускает ничего подобного. И возмущена именно тем, что девчонка по глупости может наворотить бед. Но внутри что-то гложет. А еще хочется отчитать племянницу.

В этот момент из шатра цесаревича повалила разгоряченная и шумная толпа его окружения. Хватало там как девиц, так и парней. Впрочем, присутствовали среди них и несколько вполне зрелых мужчин, слегка и сильно за тридцать. Но эти все сплошь иностранцы. Причем двоих из них стремительно появившийся на улице Николай держит под руки, как близких и дорогих людей.

– Тетушка, здравствуй!

Надо отдать цесаревичу должное, при виде Ирины он тут же оставил своих прихлебателей и поспешил к ней. При этом светясь неподдельной радостью.

– Отчего припозднилась? – обнимая тетку, спросил он.

– Ну, родной, ты же знаешь, я к вину не больно-то приучена, а нынче подле тебя без чарки лучше не стоять. Непременно будешь настаивать, чтобы осушила до дна, и не единожды. Отказать же мне тебе трудно.

Что такое? Неужели цесаревич смутился? Вот уж невидаль. И все окружение эдак морды воротит, словно не замечая легкой отповеди и реакции на нее Николая. Вот молодцы! Настоящие царедворцы! Далеко пойдут!

А вот Иван, похоже, нет. Потому как и не подумал отводить взор. Это все прошлый мир аукается с его отсутствием каких-либо сословных границ. Ну и еще этот молокосос, возомнивший себя взрослым и мудрым

мужем, вся мужественность которого пока проявляется только в распитии вина.

– Кто таков? – вперив в него едва ли не злой взгляд, поинтересовался Николай.

Во-от. А он о чем. Поменьше надо выделяться. Не выпендриваться. Сливаться с общей массой. А то обратят на тебя внимание, и чем это закончится, наградой или поркой, одному богу известно.

– Стрелец Дмитриевского полка Карпов, цесаревич.

– Погоди, тетушка, – хмуро оборвал Николай княгиню, бросившуюся было на защиту любовника, но потом просветлел: – Это ты грозился, что знаешь, где есть золотые россыпи?

Господи. И этот туда же. Сколько надежд связано с золотом. У молодого и раннего планов громадьё, и доверху наполненная казна ой как не помешает. Правда, толку от этого не будет. Зато вреда может выйти очень даже много.

– Не я, государь. А старик мне неведомый, – покачал головой Иван и добавил: – Я обещался то золото сыскать и весть о том донести до государя нашего, Дмитрия Васильевича.

Ну вот. Сразу интереса стало меньше, и блеск в глазоньках погас. И остальные уже посматривают не заинтересованно, а с нескрываемой иронией. Умников, кичащихся тем, что непременно сыщут на Руси богатства несметные, всегда хватало. Вот только по сей день никто и ничего не сыскал. Так что стоявший перед ними стрелец – всего лишь один из многих.

Иван вдруг отчетливо понял, что будь на престоле Николай, и он мог бы забыть о какой угодно экспедиции. Не стал бы цесаревич обращать внимание на очередной прожект. Ну разве что мог отпустить за свой счет. Хотя... Стрелец – он ведь на службе. А вот решил бы, что нечего отлынивать от своих обязанностей, и вся недолга. Но решение принимал ныне царствующий Дмитрий.

– Погоди. А это ты смастерил винтовальные пищаль и пистоль, что мне тетушка подарила?

– Я, государь, – подтвердил Иван, отмечая, что интерес к нему в глазах цесаревича вновь возрос.

Н-да. Как и вновь появились недобрые косые взгляды. А то как же! Тут бьешься, как рыба об лед, заливаешься по самые брови крепким вином, и все ради того, чтобы тебя заметили. И на тебе. Появляется какой-то стрелец и походя приковывает к себе внимание наследника престола.

– Молодец. Не хуже германских и голландских.

– С твоего позволения, государь, они не лучше и не хуже иноземных. Они просто русские.

Ну вот обидно Ивану стало, и все тут. Ведь нет в этом мире ничего, что способно конкурировать с его изделиями. Даже рядом встать не получится. А наследник в своем слепом преклонении принижает эти изделия.

– А ты дерзок, – окинув его недовольным взглядом, произнес Николай.

– Он просто молод и горяч, Николай Дмитриевич, – с характерным французским акцентом произнес мужчина лет тридцати в военном мундире одного из полков иноземного строя. – Ему обидно, что творение его рук не превознесли. Вот и все. А между тем, молодой человек, эта ваша винтовальная пищаля – не что иное, как усовершенствование германского мушкета.

– Лук на вид – он и есть лук. Но между тем есть английский, есть монгольский, есть русский. При общей схожести концепции технология изготовления и характеристики оружия у каждого народа свои, – глянув на француза, возразил Иван. – Да, я заимствовал кое-что у германских мастеров. Но в итоге изготовил два образца оружия, равных которым сегодня попросту нет. Мне незачем превозносить свою винтовку и пистоль. То, что мастерская отца не знает отбоя от покупателей, говорит само за себя.

– А почему винтовка? – поинтересовался цесаревич.

Вот ведь странность. Тут Ивана вроде как прорвало, и он слегка выпрашивает люлей. А Николай словно и не замечает этого. Наоборот, блеск в глазах. Хм. А ведь ему, пожалуй, понравились слова стрельца. И Ирине они пришлись по сердцу. Надо же. Сорвался. В сердцах надерзил. А получается, угодил.

– Винтовка – от винтовальной пищаля. Коротко и ясно.

– Молодец! – Николай задорно хлопнул Ивана по плечу. – Запомните все, это русская винтовка и русский пистоль, – со значением и гордостью, словно сам имеет отношение к появлению этого оружия, произнес цесаревич.

В этот момент к нему обратился ловчий, доложивший о том, что звери обложены и можно начинать охоту. И наследник поспешил прочь, сопровождаемый толпой вновь загалдевших придворных. Вот и ладно. Не хватало еще Ивану ненароком до чего-нибудь договориться. А оно ему надо?

– Ваня, ты мне потом напомни, чтобы я тебя отчитала за глупость твою несусветную, – поравнявшись с ним, тихо произнесла великая княгиня.

– Да понял уж, Ирина Васильевна.

– Нет, не понял. Много мнишь о себе, Ванюша. Если эдак с наследником каждый стрелец разговаривать станет, то где мы будем?

– Ну казни меня.

– А ты не ерепенься, – строго припечатала Ирина. – Виноват – прими отповедь. Ишь каков, добрый молодец.

В этот момент Иван вдруг опять почувствовал на себе взгляд. Осмотрелся. Так и есть. Вон она, царевна, смотрит на него восхищенно и одобрительно. Да чего уж там, чуть ли не как на героя. Опа! А теперь вместо глаз две льдинки, промораживающие насквозь, и еще сжала губы в тонкую линию.

– Чего замер, Иван? Коня подай, – как-то резковато приказала Ирина, перехватив взгляд племянницы.

Нет, девчонку и впрямь нужно поучить уму-разуму. А то взяла моду заигрывать со стрельцами. Эдак, чего доброго, и до беды недалеко. Внимательный взгляд на Ивана. Ну, отсюда неприятностей ждать вроде не приходится. Но все одно, мало ли откуда подкатится. Это дело такое.

Охота протекала по непонятному Ивану сценарию. Придворные разбились на группы. Часть мечется по довольно обширной территории, взметая облака снега. Другая движется неспешно, ведя степенную беседу или дурачась, как детвора малая, роняя девиц в глубокие сугробы.

А вон и царевна в окружении подростков. Вот там точно царит безудержное веселье. Снежки, борьба по колено, а то и по пояс в снегу. Крики, взвизги. Порой строгие окрики мамок или дядек, что неустанно следят за малолетними шалунами.

Кстати, на Ивана начали было коситься стрельцы из царевой стрелецкой сотни, охранявшие это мероприятие. Бойцов в этом подразделении никак не меньше двух полных сотен, но какое это имеет значение? Все сплошь ветераны, под или слегка за тридцать, уже повоевавшие и успевшие доказать, чего стоят на поле брани. Появление еще одного стрельца в окружении царственных особ никак не могло проскользнуть мимо них.

Однако ревнивцы очень скоро успокоились. Обнаружилось, что великая княгиня Хованская с охранниками держится в стороне. Ну и этот молодой постреленок рядышком. Уж давно по Москве ходит слухок о новом любовнике веселой вдовы. А этот, пожалуй, и не любовник, а так, игрушка.

Ехали молча. Отчего-то у Ирины напрочь пропало настроение. Иван понятия не имел, что случилось. Неужели он что-то опять учудил? Вообще-

то сомнительно. Княгиня ничуть не тушевалась, когда нужно было сделать отповедь молодому любовнику. И уж точно не стала бы стесняться своих ближних охранников, знавших о ней практически все. Опять тяжкие думы о племяннике? Очень даже может быть.

Звук рога на этот раз раздался относительно близко. И тут же из-за уреза выметнулось снежное облако, двинувшееся мимо их группы. До него саженой сто. Поэтому Иван не сразу сообразил, что это здоровенный секач. Вот следом появился всадник. Опять раздался рев рога. Охотник остановился. Вскинул мушкет.

Выстрел!

Зверь запнулся и покатился через голову. А молодец. Отличная работа. С дистанции две сотни шагов всадить пулю в бегущую цель, да еще и из седла. Это просто высший пилотаж! Иван не мог не восхититься.

А вот все четверо преторианцев Ирины тут же напряглись и похватали карабины. Его, Ивана, выделки. Ну в смысле его мастерской, которая вроде как значится отцовской. Не суть важно. Оценили после того его выстрела. Иван посмотрел в сторону детворы, на лежащего зверя. И последовал примеру мужиков, взяв в руки карабин, подвешенный за ремень на луку седла.

Вообще-то выгон зверя неподалеку от резвящихся детей – сущее безобразие. Хотя тут всевозможных запретов и техники безопасности не наблюдается в помине. Другое дело, что мозги включать надо и понимание иметь, куда гонишь зверя. Впрочем, детвора осталась на приличном расстоянии. Да и зверю не особо объяснишь, куда бежать.

Всадник подскакал к поверженной добыче. Даже с такой дистанции прекрасно видно, насколько он доволен собой. Победно вздел вверх руку с карабином – уж больно короток, но что за оружие, толком не рассмотреть. Красовался он, ясное дело, перед ними. А, нет. Вон из-за взгорка появились и его товарищи.

Всадник соскочил в снег, чтобы добить жертву. Выхватил нож и... Все же кабан – это хитрая бестия! Только что совершенно бездвижный, секач буквально взорвался, взметнув целое облако снега. Мгновение, и он стремительным тараном снес человека, как тряпичную куклу.

Округу огласил душераздирающий крик. Часть скакавших всадников остановилась и вскинула мушкеты. Другая, наоборот, начала нахлестывать лошадей. У двоих в руках рогатины устрашающих размеров.

Кабан, снеся человека, резко остановился, присев на задницу. Развернулся и вновь устремился к своей жертве. Еще секунда, и он окончательно добьет человека, бьющегося в снегу от боли и истекающего

кровью.

Иван и сам не понял, когда успел вскинуть карабин. Сотня сажен – это вовсе не шутки. Кабан строго в боковой проекции. Упреждение.

Выстрел!

– Ох, йо! Ы-ы-уййа-а!!! Гадина!

Лошадь вообще пугливое животное. И к громким выстрелам ее нужно приучать особо. Ну и кто бы это делал с кобылой Ивана? Вот и рванула с места в карьер, ловите с собаками. Ивану же не повезло – вылетев из седла, напоролся бедром на торчащий из-под снега острый сук. Все же верховая езда – это вам не просто так.

Ну да это все полемика. А вот ранение, полученное им, вовсе даже не шутки. Рана серьезная. Сук едва не насквозь пробил бедро. И сколько в ране осталось разного мусора, можно только гадать. Но Ивану что-то подсказывало, что до неприличия много.

Словом, рана из таких, что не на шутку подумаешь, а не лучше ли отсечь ногу. И это не фигура речи или там какой стеб. Уровень местной хирургии настолько низок, что легкие ранения в его мире здесь являлись едва ли не смертельным приговором.

Когда наконец перетянули ногу, уняв кровотечение, и наложили повязку, смог осмотреться. Так. Ирина. Ну это ожидаемо. Правда, едва только закончили накладывать повязку, тут же отошла в сторону с показным равнодушием и беспокойно бегающими глазами. Вот не знает баба, как ей поступить. Долг велит одно, а... Ну бог весть, может, и сердце, – совершенно иное.

А это еще что? Вот такого счастья ему и даром не надо. Иван умоляюще посмотрел на Ирину, и та успела перехватить племянницу, несущуюся во весь опор на помощь к своему рыцарю. Блин! Да кто тебе сказал-то, что он твой рыцарь? Вообще у девицы мозги набекрень. Иван ничуть не удивится, если она зачитывается рыцарскими романами. А что? В свете того, насколько проникся европейскими взглядами ее братец, очень даже может быть.

Хорошо все же, что Ирина быстро сориентировалась и организовала эвакуацию обоих раненых. Самым ближайшим местом оказалась ее усадьба в Измайлово. Вот туда и увезли их на появившихся рядом санях.

Ну хоть одна радость. Иван не промазал, всадив секачу кусок свинца точно под лопатку. Тот упал не так картинно, как после попадания де Вержи, но зато, просто сунувшись своим рылом в снег, так больше и не поднялся. Да что там, даже «хрю» не сказал.

А, ну да. Уже в санях, оказавшись рядом со спасенным, Иван наконец

сообразил, отчего всадник ему был чем-то знаком. Им оказался француз, фаворит Николая. Гастону пришлось несладко. Клык кабана располосовал бедро чуть не на всю длину, развалив мясо, что твой мясницкий нож. Но он был в сознании, и первый шок уже прошел. А потому Иван не удержался от колкости, припомнив пренебрежение полковника к русскому карабину с несерьезным калибром.

Но надо отдать французам должное. Колкость эту он воспринял с олимпийским спокойствием. С достоинством заверил, что не забудет оказанную ему любезность. И... за последующие два часа, что они ехали до усадьбы Хованской, больше не проронил ни слова. Поду-умаешь. Да не больно-то и надо!

Вот молодец все же Ирина. Пока добирались до места, туда уже прибыл профессор Рощин с одним из своих слушателей и помощников в качестве ассистента. И когда только успели? Наверняка и посланник, и медики неслись во весь опор, пока раненых везли со всеми предосторожностями.

Бегло осмотрев характер ранений, Рощин тут же занялся тем, кто, по его мнению, имел более серьезную рану. Вообще-то Иван поспорил бы с этим. Конечно, разверстая рана смотрится эффектно и угрожающе, но она все же открытая. А вот у него колотая, и пусть она выглядит не так впечатляюще, но, как считал Иван, куда тяжелее ранения француз.

Оба пострадавших находились в одной и той же комнате, а потому Иван прекрасно видел, как штопали полковника. Ничего так де Вержи. Молодец. Скрипел зубами, вполголоса ругался на родном французском, однако держался молодцом. Иван серьезно усомнился, что у него выйдет нечто подобное. Ну не герой он ни разу, что тут скажешь.

Впрочем, едва Рощин закончил с де Вержи, обтер чистой тряпицей инструменты, руки и обратил свое внимание на Ивана, как тот тут же позабыл о своих опасениях.

— И что, Христофор Аркадьевич, ты даже не помоешь руки и инструменты?

— О чем ты, дружок?

— Ты вот так, с грязными руками собираешься ковыряться в моей ране?

— Иван... — начал было профессор.

— Нет-нет, Христофор Аркадьевич, при всем моем глубочайшем уважении, вымой руки с мылом. Помой инструмент, а потом обработай все хлебным вином. Глаша!

— Тут я, — отозвалась служанка.

— Хлебное вино в доме есть?

- Есть.
- Неси все, что найдешь, сюда.
- Сейчас.

При этом раненый француз, и не думавший терять сознание, с удивлением наблюдал за происходящим. Как, впрочем, и стоявший чуть в стороне помощник профессора. Еще бы. Какой-то стрелец раздает указания, и прислуга в доме великой княгини...

И тут Иван заметил во взгляде француза понимание. А это еще что? Неужели ревность? Нет. Перебежать дорогу француз Иван никак не мог. Всем было известно об отношении Хованской к иностранцам. Впрочем, кто запретит пылать безответной страсти и кто сказал, что при этом ревность будет слабее? Да шел бы ты лесом! Не до тебя.

– Иван, между прочим, я профессор медицины, изучаю этот предмет более тридцати лет и имею обширную практику, – терпеливо, как до неразумного, пытался достучаться Роцин.

– Вот при всем уважении к твоему опыту, возрасту и как к человеку вообще, Христофор Аркадьевич, если не сделаешь то, что я говорю, я тебя к себе не подпущу.

Наконец служанка принесла вино, а попросту говоря, водку. Само собой, ее стерильность оставляет желать лучшего. Но все же лучше так, чем вообще никак. Да еще и после того, как поковырялись в ране другого раненого. Это сколько же заразы они тут разносят?!

– Глаша, вымой с мылом какую-нибудь бутылку и принеси сюда. Или ладно, кипятком на кухне есть?

- Самовар закипел.
- Отлично. Помой кипятком.
- Ага. Сейчас.

– Христофор Аркадьевич, ну и чего ты стоишь? Тут раненый, между прочим, – подпустив ехидцы, произнес Иван.

И доктор вновь двинулся к нему, причем совершенно проигнорировав не то что водку, но и кувшин с водой. Вот перед тем как пользоваться французом, ручки помыл. С мылом. Оно и понятно, с улицы, так сказать. Надо грязь смыть. А тут-то какая грязь? Кровь. Но не грязь же. Ну и удила закусил, а то как же, профессор медицины.

Иван извлек из нагрудного кармана свой двустольный пистолет, навел на профессора и демонстративно, с легким щелчком, сбросил предохранитель.

- И что это значит? – вскинул бровь Роцин.
- А это чтобы ты, Христофор Аркадьевич, со своим помощником из-за

своего упрямства не вздумал меня связать и пользоваться так, как тебе предписывает твоя гребаная наука, – уже начал злиться Иван.

– Да как ты смеешь! Щ-щенок!

– Согласен. Вот как пожелаешь, так и ругай, со всем соглашусь. Но пока не сделаешь, как говорю, лечить себя не позволю.

В этот момент в гостиной появилась раскрасневшаяся с мороза Ирина Васильевна и в недоумении уставилась на Ивана, сжимающего в руке пистолет. Потом перевела взгляд на Рощина.

– Рана довольно серьезная и требует немедленной обработки. Тут вообще может идти речь о потере ноги. Но он упрямится. Даже угрожает оружием, – пожал плечами Рощин.

– Пусть сначала вымоет руки с мылом, обработает их и инструмент хлебным вином, и только потом я позволю ему прикоснуться к себе, – упрямо гнул свое Иван.

– Вот видишь, Ирина Васильевна, – безнадежно вздохнув, произнес Рощин.

– Ты больной, Иван? – возмутилась княгиня.

– Нет. Я тяжело ранен, – набычился парень, чувствуя, как все сильнее пульсирует нога, но и не думая убирать пистолет, правда, и ни на кого не направляя его.

Ч-черт! А сколько там положено держать на ране тугую повязку? Проклятье. Иван изловчился и, достав нож, перерезал жгут. Тут же почувствовал, как дергать стало еще сильнее. Но кровь из раны вроде не пошла. Может, и не пойдет, если он не станет лишний раз шевелиться.

– Ты что делаешь? Изойдешь кровью! – вскинулся профессор.

– Не изойду. Пусть кровь малость побегает по жилам, – возразил раненый.

– Ваня...

– Ирина Васильевна, я все сказал. Лучше уж я изойду кровью, чем буду метаться в горячке из-за антонова огня.

– Ну ты...

Ирина резко обернулась и стрельнула взглядом в Глашу, появившуюся в гостиной с чистой бутылкой в руке. Та сориентировалась сразу. Слышала раньше, о чем тут была беседа. Поэтому отставила бутылку в сторону и, вооружившись кувшином, начала лить княгине на руки.

Покончив с этим, Хованская искупала в водке инструменты. Разложила их на чистой тряпице. Обернулась к Ивану и рассерженной фурией выставила перед собой руки.

– Так нормально? – процедила она.

– Так нормально, – краснея, буркнул Иван, давая понять, что она может приступать.

Профессору не оставалось ничего иного, кроме как последовать примеру княгини. Да у него попросту не было иного выбора.

– Погодите, – остановил Иван эту бригаду хирургов. – Глаша, вино там осталось?

– Да.

– Неси сюда.

Встряхнул графин, где плескалось еще граммов двести водки, и единым духом опрокинул прозрачную жидкость в себя. Голодный, молодой и непривычный организм. Опьянеть должен быстро. Ни о какой иной анестезии не могло быть и речи.

– Ну чего смотрите? Режьте.

– Что? – не понял Рощин, уже державший в руках какой-то зонд.

– Я говорю, рану взрезайте на всю глубину и расширяйте.

– Иван, ты головой ударился? – вновь начал злиться профессор.

– Еще год назад. Но это не имеет никакого значения. А как ты собираешься чистить рану, Христофор Аркадьевич? Ковыряться во мне этой железкой? Режь, говорю.

О. А язычок уже заплетается. Быстро. Ну да чему тут удивляться. Прибавить сюда еще потерю крови, и картина будет полной. Черт! Пока тут ругался, совсем забыл.

– Глаша, неси бутылку. Н-да. Не могли бы вы все отвернуться?

– Что ты еще задумал? – возмутилась Ирина.

– Так. Сушная безделица.

Пришлось помучиться, но все же у него получилось помочиться в бутылку. Долго держал. Накопилось изрядно. Должно будет хватить. Во всяком случае, сейчас ничего более умного не придумать. А рану промыть надо. Вообще-то подобный способ рекомендуется только в самых что ни на есть полевых условиях. Ну да здесь именно такие и есть. Да даже хуже! Кругом одни вредители!

И как только он не отключился, пока резали и в особенности промывали рану мочой? Непонятно. А вот матерился, шипел и рычал исправно. Куда там медведю или тигре зубатой. Он их всех перещеголял. Потерял изрядно крови. Только и достало сил проконтролировать, чтобы перед тем, как зашить рану, установили дренаж. Ну какой смогли, из корпии, промытой все той же мочой. Последнюю водку он выдул самолично, дезинфицировать больше нечем. Ну и провалился баиньки, едва лег последний шов.

– Странный он какой-то, – глядя на провалившегося в забытие Ивана, произнес Рошин.

– Странный, – окинув взором бледное лицо с упрямо сжатыми губами, согласилась княгиня.

В этот момент в гостиную вихрем ворвался Николай. Нет, он конечно же был рядом со своим другом, когда того грузили на сани. Но француз заверил цесаревича, что отменять охоту только из-за того, что кто-то получил ранение, попросту глупо. И Николай не стал спорить. Но все же решил пораньше закруглить охоту и навестить раненого.

– Ты как, Гастон? – спросил наследник престола, нависнув над ним.

– Все хорошо, Николай Дмитриевич. Профессор отлично знает свое дело, – благодарный кивок в сторону Рошина.

Николай также кивнул профессору. Не без признательности посмотрел на княгиню, взявшую заботу о раненом на себя. Еще бы. Она не просто озаботилась вызовом врача. Профессор Рошин был не только лучшим в Москве, но являлся признанным светилом с мировым именем.

Правда, когда взгляд скользнул в сторону бесчувственного Ивана, губы сжались в токую линию. А ради ли любимца и друга цесаревича она вызвала Рошина? Может, все же ради вот этого безродного стрельца, много о себе думающего?

– Что он тут делает? – недовольно поинтересовался Николай.

Нет, он не глуп и прекрасно все понимает. Но полностью скрыть свою досаду и раздражение не получилось. Ну имеет тетушка полюбовников. Только к чему выставлять это напоказ?

– А где еще быть человеку, спасшему жизнь твоему другу? – пожав плечами, просто ответила женщина.

Правда, при этом она все же метнула в наследника взгляд, замеченный только им. И Николай все понял правильно. Перегнул племяш, чего уж там. А тетка, она, конечно, любит его и считает наследником московского престола, но и спуску давать не собирается.

– Действительно, где же ему еще быть, – без тени иронии произнес Николай.

Ссориться с тетушкой из-за какой-то игрушки? Вот уж на такую глупость он не пойдет. Впрочем, игрушка-то игрушка, но мастер, судя по всему, стоящий. Вон сколько насмешек по поводу оружия из его мастерской, но при этом в очередь к нему выстроились. Как он сказал? Русская винтовка. Именно русская! И иноземцы, возвращаясь домой, повезут эти образцы, разнося по Европе толику славы Русского царства.

– Николай Дмитриевич, ты представляешь, этот стрелец еще и

Христофора Аркадьевича поучал, – заметил де Вержи.

И тут же получил недовольный взгляд Ирины. Женщина сердцем видит. И Хованская четко распознала, чем именно вызваны слова француза. Пусть тот и заявлял, что является должником Ивана, это ни о чем не говорит. Тот простой факт, что ухаживания самого Гастона были отвергнуты в самой категоричной форме, а в постели этой влиятельной особы оказался какой-то молокосос, не мог его не раздражать.

Вообще-то де Вержи никогда прежде не позволял себе обострять отношения с княгиней. Не дурак. Но... В данный момент не сдержался. Если хотите, его подвело мужское самолюбие.

– В самом деле? – удивился Николай, переводя взгляд на Рощина. – И в чем же это выразилось?

– Ерунда, – вместо профессора ответила Ирина. – Нахватался всякой всячины от стрельцов да старух-лекарок, вот и упрямился. Ничего, время все расставит по своим местам, и он признает ошибочность своего мнения.

– Несомненно, – убежденно подтвердил профессор.

Француз же предпочел промолчать. Глупо сердить княгиню, учитывая ее серьезное влияние на племянника. И профессора задевать не стоит. Рана у Гастона серьезная, и тому его еще поднимать на ноги. Так что лучшешний раз не распространяться о произошедшем. Кстати, этот стрелец не так прост. Разбирается в металлургии, механике, оружейном деле.

Гастона не могла не заинтересовать его личность. Во всяком случае, после того как пошли разговоры о намерении этого паренька найти золотые россыпи. Тот, кто найдет золото, по определению получит благосклонность царствующего дома. И если окажется человеком неглупым, то может добиться многого. Вот и озаботился француз сбором информации.

И сегодня в копилку знаний упала еще одна деталь. Этот мальчишка, похоже, разбирался и в медицине. У де Вержи возникло ощущение, что парень точно знал, чего хочет и как надлежит поступать. Одно только его требование взрезать рану, увеличивая ее в разы, чего стоит. Но профессор не придал этому значения, будучи обиженным. Княгиня и вовсе квохтала, как наседка. А вот он заметил.

К этому француза подталкивала обычная ревность. Он не собирался ни с кем делиться своим влиянием на цесаревича. А тот очень даже мог увлечься новым фаворитом. Николая притягивало все необычное. А стрелец был достаточно необычен.

Ну и Ирина. Гастон просто залюбовался этой женщиной. Именно что женщиной, а не великой княгиней или влиятельной особой. Этого, конечно, у нее не отнять. Но как она хороша. Проклятье, он никогда не встречал

таких красавиц. Вот только шансов у него нет, и опять этот самый стрелец...

Не успела выпроводить племянника, как в гостиной появилась племянница. Елизавета Дмитриевна покраснела с мороза и все время обеспокоенно оглядывала помещение. Взгляд скользнул по де Вержи и задержался на бесчувственном Иване. Смешно, по-детски шмыгнула носом и тотчас вопросительно и в то же время растерянno посмотрела на тетушку.

С одной стороны, не спросишь. С другой – хочется знать, как обстоят дела у ее рыцаря. Именно ее! То, что он сейчас с тетушкой, ни о чем не говорит. Сомнений в том, кто именно является очередным любовником тети, у Лизы нет. Как не сомневается она и в том, что это просто ошибка и глупость. Что Ваня непременно прозреет и поймет, на ком именно должен остановить свой выбор. Разумеется, на ней, Елизавете. А вовсе не на тетке Ирине, которой, страшно подумать, сорок лет. Да она уже старуха!

– А вы что тут делаете? – обратилась Хованская к своим детям.

Лиза появилась в усадьбе не одна, а в сопровождении Семена и Глафиры. Оно и понятно. Все же, как ни крути, а это один из их домов. Хм. Ну и некое оправдание их пребыванию здесь.

– Сема предложил заехать сюда за тобой, тетушка, – ответила Лиза.

Ага! А она о чем! Вполне резонное объяснение. Вот только кого ты решила обмануть, девочка?

– Это вы правильно сделали. Вот сейчас все вместе и поедem в Москву. Не раздевайтесь. – Это уже к детям. – Мы уезжаем, – проигнорировав плохо скрываемое осуждение в глазах царевны, распорядилась Ирина.

Так ничего и не понявший Николай уже был на улице и даже выезжал со двора. С Гастоном все относительно в порядке. Он в надежных руках лучшего врача Москвы. Цесаревича же ждет Преображенское, его вотчина и колыбель будущей империи. Именно так и никак иначе!

Дом новгородского купца Жилина не выделялся в общем ряду домов таких же именитых торговых людей. Был он не лучше и не хуже. Вполне приличный терем, без вычурностей каких. А незачем зависть людскую плодить. И потом, всяк знает, кто таков хозяин дома. Купец первой новгородской гильдии «Ивановское сто»^[10] – это вам не баран чихнул. Выше только бояре да архиепископ. Пусть он и не входит в число самых богатых людей, но это вовсе не значит, что не имеет положения, веса и уважения.

Жилина не единожды выкликал в совет города. И кабы он сам того захотел, то вошел бы в число тех, кто правит славным Новгородом и

землями, подвластными ему. Просто не было никакого желания взваливать на свои плечи подобную ношу. У него забот и без того хватало. Пусть хозяйство не самое большое, но тем не менее пригляда требует.

Словом, желай он власти, то непременно двигался бы в этом направлении. Но его устремления были совершенно иными. Войти в число богатейших людей города и стать именитым гражданином. Этого звания во всем Новгороде удостоены только восемь человек, среди которых шестеро – бояре и лишь два купца.

Впрочем, став именитым гражданином, он сразу же войдет и во власть. Не получится такому мужу оставаться в стороне от дел государственных. Но одно дело – обретаться на мелких должностях, двигаясь вверх понемногу. И совсем иное – взлететь туда единым махом. Разница ощутима.

– Дозволь, Игнат Пантелеевич? – заглянул в светлицу приказчик.

У купца начало сдавать зрение, вот и занял самое светлое помещение в доме. Оно, конечно, так себе мера. Но слабеть он стал только в этом году. Хотел было приобрести очки, но товар заморский, дорогой и на Руси редкий. А потому и в наличии не оказался. Заказал одному немецкому купцу. Тот обещался доставить на будущий год. Пока же вся надежда на свет.

– Чего тебе, Ермолай? – Делая приглашающий жест, поинтересовался купец.

– Грамотка с Москвы, Игнат Пантелеевич, от Лариона.

– Давай сюда.

Ларион ведал торговлей купца в Москве и занял место зарвавшегося Андрея, которого Жилин уличил в воровстве. Шум поднимать не стал. В это время в его поле зрения появился тот кузнец с булатом. Вот и решил поймать с этого вора хоть какую-то пользу. Толку-то от того, что тот угодит к купцу в долговую кабалу? Ну не станет Игнат платить ему жалованье, и что? Тот успел убытку нанести изрядно. С него ведь не взыщешь, потому как проигрался в кости с заморскими гостями.

А так... Пустили под нож. И в кабалу могли заполучить очень даже знатного кузнеца, ведающего тайну булата. Клинки у него и впрямь выходили хорошие. Но не судьба. Ну да хотя бы убытки от Андреевых проказ покрыли с прибытком, и то хлеб. Правда, и Родиона в этом деле он потерял. И видит бог, спускать этого мальчишке он не собирается. Просто надо выждать малость. А там посчитается.

Так вот, делами на московском дворе Жилина теперь ведал Ларион. Молодой и оборотистый малый. Если не проворуется, то толк из него

выйдет. Кроме розничной торговли в гостевой лавке купца приказчик должен был отслеживать все новости, спрос и предложение москвичей. А то как же. Купцу такое знать очень даже необходимо.

Так. Ну тут все ожидаемо. Ничего особенного вроде бы не приключилось, а потому список заказываемых товаров вполне традиционен. А это что? Жилин буквально прикипел к приписке в конце послания.

Нет, то, что московский царь раз за разом шлет народ для розыска золота и серебра, вовсе не новость. Каждый год экспедиции выдвигаются из Москвы по разным направлениям. Его внимание привлекло иное. Некий молодой стрелец Карпов из Дмитриевского полка якобы обязался разыскать золото в Уральских горах.

Нет, купец сразу же подумал не о мести. Хотя посчитаться за Родиона следует. Не так уж и глуп Жилин, чтобы не понять, что смерть его подручного была не чем иным, как предостережением. Но мщение может и обождать. А вот тот факт, что малец объявил о готовности сыскать золотые россыпи, Игната заинтересовал особо.

Парень непрост и полон загадок. Ну вот кто в здравом уме станет разбазаривать секрет дорогого товара направо и налево? Игнат едва зубы от злости не покрошил. Он-то на смертоубийство пошел, верного человека потерял. А в результате этот секрет сам упал ему в руки, и, считай, задарма.

Но Карпов этот был в своем уме. Вот только что они с отцом были единственными хранителями тайны и могли подвергнуться очередной каверзе. А тут вдруг стали никому не интересными. Да и цена на булат начала резко падать. При наличии предложения и выбора это просто неизбежно, даже если понадобится не один десяток лет, чтобы удовлетворить все потребности.

Не мог Игнат оставить без пригляда этого молодого да раннего. Потому и знал о его успехах. О заработавшей мастерской, приносящей большой доход. Вот так, на ровном месте. Жил-был себе кузнец в Стрелецкой слободе, ничем особым не выделявшийся. И вдруг булат, а потом чуть ли не тысяча пудов железа и, что самое удивительное – много отличной стали. С чего бы это?

Не получалось относиться легкомысленно к словам этого юнца. Дураком нужно быть, чтобы не придать значения. Коли говорит, значит, ведает нечто, скрытое от других. Нет, захватить и удержать те земли не выйдет. Московский царь не позволит. Новгородцы же воевать за россыпь не станут.

Почему? Да просто все. Коли та россыпь сыщется, то и принадлежать

будет царю Дмитрию. Но вот захотят новгородцы наложить на нее свою длань. И кому она тогда будет принадлежать? Да она станет для новгородцев настоящим яблоком раздора. Как результат москвичи пришлют свои полки, и все закончится. А кому-то одному прихватить ту землицу никак не получится. Не выстоит. И никто из новгородцев не поможет.

Иное дело, если выследить отряд да пограбить, после того как они золотишко добудут. Да перебить всех подчистую, чтобы место тайным осталось. А там, глядишь, еще получится и тихонько добывать золото самому.

Как следует из грамотки, в Москве не больно-то верят в успех этого молокососа. Захотелось игрушке великой княгини высунуться, вот и старается. А та и потворствует своему полубовнику. Но судачат без злобы, потому как Хованскую любят и уважают. Вот только Жилин вовсе не собирався к ним присоединяться.

– Вот что, Ермолай. А разыщи-ка мне Захара.

– Крачкина?

– Его.

– Так я мигом. Он как раз здесь, шкурки принес.

– Вот и ладно.

Вскоре в светелку вошел коренастый мужик с окладистой седой бородой. Лет сорок, но крепок и молодым не уступит. Скорее даже превзойдет их, потому как вдобавок к крепости тела у него за плечами еще и опыт прожитых лет. Пусть это и не помешало ему угодить в кабалу. Но то с любым случиться может. Жилин же тем случаем воспользовался.

Крачкин был знатным охотником. Бил пушного зверя и жил, ни от кого не завися. Человек вольный, не лишенный самолюбия, он как-то не спустил обиду одному купцу. У того хватило и изворотливости ума, и коварства, чтобы подвести охотника под значительный долг. Но когда купец уже торжествовал, готовясь обрести полную власть над охотником, которого суд признал кабальным, долг его выкупил Жилин.

– Звал, Игнат Пантелеевич?

– Здравствуй, Захар Кириллович. Проходи, садись, – вполне уважительно пригласил купец.

В жизни охотника практически ничего не поменялось. Разве что охотился он теперь не для себя, а для хозяина. Ну и случалось несколько раз выполнять поручения, вовсе не связанные с охотой. С тем же покойным Родионом в разных делах участвовал. И начиналось-то все с мелочей, но... Ладно, чего теперь-то. Ноготок увяз, всей птичке пропасть.

– Благодарствуйте, – усаживаясь на лавку и оглаживая бороду, степенно проговорил охотник.

– Как зверь? В руки дается?

– Дается, Игнат Пантелеевич. Слава богу.

– Это хорошо.

– Дело какое есть? – не выдержав, сразу перешел к сути охотник.

– Есть. Собирайся в путь-дорогу. Поедешь в Москву. Отпишу тебе грамотку к Лариону, он поможет во всем, в чем нужда будет. Но о том, зачем ты приехал, никому ни слова.

– И зачем же я поеду?

– Есть там один стрелец-молодец, в Дмитриевском полку. Иваном Карповым прозывается. Грозится сыскать на Урале золото.

– Многие грозятся, – хмыкнув, отреагировал на эти слова Захар.

– Этот сыщет, – убежденно произнес купец. – Твое дело проследить за ним. И когда он найдет золотишко, донести о том весть мне. Незамедлительно донести. Понял ли, Захар Кириллович?

– Понял, Игнат Пантелеевич. Не сомневайся.

– Как с золотом удачно сладим, вольную получишь. И коли захочешь, снова сам по себе станешь жить. А нет, так останешься при мне, жалованьем не обижу.

– Знаю, – вполне серьезно ответил охотник.

– Вот и ладно. Собирайся, Захар. До Москвы путь неблизкий. А там пока то да се, глядишь, и реки вскроются.

Глава 8

В западне

Спокойно. Спокойно. Спешка нужна только при ловле блох. А тут вот так. Взять прицел. Упреждение не нужно, цель неподвижна. Лось замер на месте. Ветер от него, поэтому человека не чувствует. Ошибка. Возможно, первая в его жизни. Но уж точно последняя. До него не больше шестидесяти шагов. Промазать Иван не может по определению.

– Иван! Ваня!

– Да чтоб тебя!

Иван в сердцах опустил карабин, наблюдая за вихляющим крупом лося, уже практически скрывшегося за деревьями. Палить зазря желания никакого. Не так уж у них много припасов. Он, конечно, постарался привезти изрядно пороха и свинца, но все же предпочитал быть бережливее. Мало ли как оно обернется. То, что их пока еще никто не трогал, ни о чем не говорит.

– Ваня, вот ты где! – радостно и возбужденно произнес Елизар.

– Да я-то тут. А вот ты чего орешь, как скаженный? Между прочим, только что ты оставил нас без свежатины.

– Ничего, чай, не голодаем. И вообще, ты ведь не на охоту отправился, а за мной приглядывать, – тяжело дыша и привалившись к сосне, изрек молодой горный инженер. – Сам же вызвался меня сопровождать. Потом оставил одного и поперся выслеживать дичь. А места тут, надо сказать, развеселые.

– Ну чего ты завелся? – отмахнулся Иван. – Понял уж, что начудил.

И впрямь начудил. Что-то расслабился некстати. Н-да. И не только он. Уже больше трех месяцев как обосновались на месте, и за все это время не встретили никакой враждебности. А какими бы глухими эти места ни выглядели, люди жили и здесь. По берегам Чусовой и ее притоков несколько десятков русских деревень, сел и острогов. Кстати, башкиры не единожды грабили их и жгли дотла. Но поселения появляются с завидным постоянством.

В основе своей они принадлежат Строгановым, имеющим грамоты от московских царей на весьма обширные территории Урала и Сибири. Этот род хотя и вышел из новгородских земель, все же предпочитает оставаться под рукой Дмитрия. Номинально.

По царскому указу Строгановы имеют право ставить на своих землях остроги и содержать вооруженную дружину. Практически удельные князья. И уж тем более в условиях, когда посторонние практически не суют к ним свой нос. Вот и получается, что Строгановы эдак серединка на половинку между Новгородом и Москвой.

Но справедливости ради нужно заметить, они все же склоняются к Москве. Основные доходы идут от солеварен, и основной рынок сбыта – именно Русское царство. Правда, особо цену задирать не выходит, государь следит за тем строго. Памятны еще соляные бунты. Да и уйти не получится по той же причине. Так и живут.

Кроме строгановских есть тут и казенные поселения. Та же Чусовская слобода, что на берегу реки, по факту являющаяся таможенным постом на пути в Сибирь. А вокруг нее с дюжину деревень с крестьянами. Чуть севернее на реке Нейве стоит Невьянск, на Тагиле Тагил и стоит.

Оба городка возникли при железоделательных заводах, что построены тут по указу государеву. Уж больно руды местные богаты. Если обычная домница выдает сто пудов кричного железа в год, то из местной руды получают втрое против этого. Да и качества куда лучшего. К тому же тут строят уже настоящие домны. Не в понимании Ивана, конечно. Ну да ничего удивительного, коль скоро используется древесный уголь. А он при серьезном давлении крошится в пыль.

На юго-восток по реке Исеть имеются еще два поселения. Железенское, это монастырский рудник с деревенькой при нем, и дальше село Николаевское при Долматовском монастыре.

Людно тут, чего уж там. Иван и не ожидал, что здесь проживает столько народу. Пусть до ближайшего поселения – Чусовской слободки – порядка семидесяти верст, по местным меркам это считай что рядом.

Тут, кстати, сходятся два пути в Сибирь. Речной и сухопутный. Правда, оба находятся чуть в стороне от Березовского. Иван, не мудрствуя лукаво, дал прииску прежнее имечко. Тем более что Тагил и Невьянск – очень даже узнаваемые названия. Впрочем, они получили их по названию рек, к которым привязаны расположенные там заводы. Впрочем, в его случае название речке – Березовка – дал также он, сославшись на мифического старика. Никто и не возражал.

А вот с тем, чтобы добраться до будущего прииска, пришлось помучиться. Хорошо хоть у них две плоскодонки и народу предостаточно. Шутка сказать, два десятка работников, пятнадцать стрельцов, доктор и горный инженер. Словом, людей для переноса плоскодонок хватало, но намучились все одно изрядно.

В волоке участие принимали не все. Нет, понятно, что двоих постоянно выставляли в дозор. Чтобы ни одна собака не подкралась. Но была в команде Ивана еще одна сладкая парочка. Фрол, тот самый казак, что гонял парней с сабелькой. Это батя настоял, упирая на то, что оставлять молокососов одних – глупее не придумаешь. И второй...

Матвей. Охранник из ближнего круга княгини. Ирина встала в позу, мол, если тот не пойдет, то и Карпову не видать похода как своих ушей. Ну а что тут поделаешь, пришлось соглашаться. Попытался, конечно, поддеть, дескать, уж не соглядатая ли она приставляет к Ивану, чтобы блюсти его верность. Но княгиня согласилась с подобным предположением, даже глазом не моргнув.

Впрочем, парень был рад этому довеску. Работать их не заставить. Не барское это дело. Но зато оба знатные ухорезы, в чем не возникало ни капли сомнений. И такие в отряде ой как были нужны. Потому как одно дело – бочку пота на тренировках слить и съесть кило пороховой гари, выбивая каждую мишень. И совсем другое – оказаться даже в скоротечной схватке или перестрелке. Существенная разница, знаете ли.

Иван не стал надеяться на свою память. Березовский находится в предгорьях, и явственных ориентиров он упомянуть не мог. Поэтому и воспользовался услугами проводника. Конечно, тот понятия не имел, что за речка такая – Березовка. Но до Пышмы довел. А уж там-то Иван худо-бедно разобрался.

Н-да. Три дня разбирался. Хорошо еще заранее озаботился легким плавсредством. Знал, куда направляется. Еще в прошлой жизни был у него опыт строительства каноэ. Самого что ни на есть настоящего, из бересты. Пусть он и пользовался при этом более современными инструментами и вместо еловых корней взял вымоченную пеньковую веревку. Ничего, смола, смешанная с жиром, вполне компенсировала этот недостаток.

Лодка вмещала в себя четверых человек. Самого Ивана, инженера Елизара Крапивина, Матвея – кто бы сомневался, что он не отпустит подопечного, – и одного из друзей десятника, Егора. Вес пироги порядка сорока килограммов. Так что переносить через сухопутные участки не составило труда. При этом четверо гребцов в умеренном темпе развивали солидную скорость. Впрочем, это понадобилось только на обратном пути, когда они в поисках своих товарищей прокладывали водный маршрут.

Наконец по деревьям дружно ударили топоры, взвизгнули пилы. Пока обалдевший Крапивин познавал науку промывки золота, которую преподавал ему Иван, на берегу реки возник эдакий острог.

Одна надвратная башенка с наблюдательной площадкой, четыре

барака, образовавших периметр, и небольшой дворик. На постройку пошли окрестные деревья. Причем с обоих берегов речки. Чтобы никакая зараза и ни за что. Ничего так росчисть получилась. Где естественные проплешины, где люди руку приложили. Но теперь на две сотни шагов укрыться практически негде.

Крапивин удивился было познаниям Карпова в области добычи золота. Но объяснения в виде все того же деда, которого никогда не существовало, его вполне удовлетворили. Нет, чисто технически... Не. Не получается и технически. В прежнем мире Ивана по этим местам водил, все рассказывал, показывал да учил уму-разуму его ровесник, с которым они познакомились по Интернету. Так что деда не было. Точно.

Обустроившись и получив первое золото, пяток стрельцов из мужичков постарше отправили обратно в Москву. На той самой пироге Ивана. Суденышко легкое, стремительное, а потому дойти должны быстро. А чтобы было с чем поклониться царю-батюшке, вручили стрельцам порядка трех фунтов золотых самородков и песка. В принципе Иван выпросил этих служилых именно с этой целью. Пока суд да дело, пусть сюда шлют народ да охрану.

Хотя сомнительно это. Уж больно у них тут все неторопливо истекает. Ну да это уже не его, Ивана, головная боль. Пришлют людишек, останется прииск под присмотром. Нет – они отсюда по осени в любом случае уйдут. Нужно в Москву доставить добытый металл. Хм. А ведь будет что доставлять. Ей-ей будет. Причем Иван и не ожидал, что улов может оказаться столь богатым...

– Ты чего орал-то, Елизар? – наподдав мысленно самому себе за разгильдяйство, спросил Иван.

И действительно. Чего орать-то? К находке новых золотых россыпей Крапивин уже относился вполне ровно. Тем более что богаче участка, где был установлен острог, ему не попадалось. И если Иван все правильно помнил, то и не попадется.

– Тут крупнейшие залежи железной руды. Отличной руды, Ваня. Река – вон она, руда – вот она. Выставляй плотину и ставь завод. А если Чусовую соединить с Исетью каналом, то и вовсе получится настоящий водный путь в Сибирь. Представляешь, какие перспективы?

– Представляю, – хмыкнул Иван. А потом с издевкой добавил: – Как новгородцы обрадуются тому, что тут кто-то собрался прорубать легкий путь в их владения. Вот уж радости будет полные штаны. Как бы до войны не дошло.

– В любом случае рядом проходит Сибирский тракт и водный путь в

Сибирь. И этого не отнять. Место для города очень удачное. А коли есть еще и руда, то заводу тут быть. И не одному. К тому же золотым россыпям защита потребна, а землю только тогда можно удержать, когда она заселена людьми.

– Да кто бы с тобой спорил. Город тут нужно ставить, и это однозначно. Но насчет канала... Новгородцы не поймут.

Вообще-то Ивану рассказывали, что был проект канала из Чусовой в Исеть. Как и постройки каскада плотин и водохранилищ по Чусовой, чтобы добиться на ней нормальной навигации. Так что задумка вполне осуществима. Дорого и муторно, тем более в настоящее время. Но если строить, то только сейчас. Потому что когда лягут рельсы Транссиба, надобность в подобной транспортной артерии попросту отпадет. А пока лет двести еще впереди, так что вполне актуально. Но... И кто это будет делать? В казне на такое точно денег никогда не будет. Были здесь в свое время магнаты Демидовы. В смысле будут. Хм. А может, и не будут. Не суть важно. Главное, что и они за подобный проект не взялись. Или просто не хотели.

– Да и плевать, поймут новгородцы или нет, – с пылом возразил Крапивин. – Чай, у государя достанет силы вразумить их. А вообще, это дела дней далеких. Просто думать о том нужно уже сейчас. Кстати, а кого ты хотел тут подстрелить? – перевел разговор на другую тему Елизар.

– Лося, – авторитетно ответил Иван, мол, знай, что за добычу упустили.

– Ага. Ну тогда с тебя причитается.

– Чего это?

– А того. Как ты собирался его тащить до Березовского? Мы ведь без лодки тут. Пешочком.

Угу. Об этом он что-то не подумал. Они-то сюда на своих двоих притопали. Оно, конечно, можно и лодкой, но уж больно изрядно пришлось бы покружить. На каждый километр по прямой – с пяток по речушкам и рекам. Овчинка выделки не стоит.

– Твоя правда, – вынужден был признать Иван. – Чуть не получилось как в той притче. Охотника, зачем стреляла медведя, до деревни еще двадцать верст, однако.

Елизар не понял, пришлось рассказать анекдот, а потом ждать, пока тот отсмеется. Впрочем, Иван все же попенял инженеру, чтобы тот особо не расслаблялся.

– А знаешь, Елизар, вот как минимум лосиной шкуры мы лишились. И это не совсем хорошо. Для колод запас совсем не помешает.

Все так. Иван вовсе не собирался перемывать десятки тонн песка лотками. Он понятия не имел, как тут моют золото. Ему была известна достаточно совершенная технология и не было никакого желания изобретать велосипед. Конечно, Крапивин вновь удивился, но Иван попросту отмахнулся, широким жестом подарив тому идею в личное и безраздельное пользование.

– Запас шкур, может, и не помешает, Ваня, – утирая слезы, выступившие от смеха, возразил Крапивин, – да только нам тут осталось-то недели две. Так что до конца и прежние нормально отработают.

– Убедил. Ну что, в обратный путь? – наконец подытожил Иван.

– Время есть. Давай еще побродим. Только ты уж от меня не убегай больше. А то мне как-то боязно, – признался инженер.

– Ну извини, – вновь повинился Иван. – Больше не оставлю, обещаю. Ла-адно. Веди, Сусанин.

– Слушай, ты все время поминаешь какого-то Сусанина. Может, подскажешь, кто это?

Как уже говорилось, в этой России Смутного времени не было. Слабовольный Рюрикович, что профукал как Новгород, так и Псков, случился. А вот польской интервенции не было и в помине. Ну и тот самый Сусанин скорее всего дожил себе мирно в своей деревеньке, и ведать не ведая, что очень даже мог войти в историю настоящим героем.

– Да так, слышал от кого-то, что, де, был такой крестьянин Сусанин. Его татары заставили им путь указать. Ну он и завел чуть не целое войско в болото, где те и потонули.

– Ничего подобного не слышал.

– Да и я тоже, собственно говоря, только разок и услышал. Зато очень к месту, если тебя кто-то хочет заплутать. Ну или и сам не знает, куда идти. Кстати, есть мнение, что он вовсе не хотел становиться героем и просто заблудился.

Над лесом нависли тяжелые тучи.

– Куда ты завел нас, Сусанин хитрющий?!

– Идите вы к ляду, я сам заблудился,

Хотел заплутать вас, да с тропочки сбился, –

слегка изменив детскую переделку, на два голоса продекламировал Иван.

Чем вызвал искренний смех инженера. Подумать только, какой в этом

мире получался эффект от бородатых и давно уже не смешных анекдотов и присказок. Вот что значит непресыщенный слушатель.

– А где это было? – вновь поинтересовался Крапивин.

– Да вроде как на пути в Новгород. Мол, потому татары туда и не добрались, что те земли оберегали непроходимые болота.

– Хм. Немалая доля истины в этом есть. Ну что, пойдем?

– Да пойдем уж.

Больше ничего стоящего не нашли. Хотя, Иван знал точно, этого в окрестностях хватает. Ну да чему тут удивляться. Не друг на дружке же эти месторождения. Тут надо еще ножки изрядно побить да облазить все. Елизар же по большей части заточен на золото. Все остальное побочное. Вот и дошли руки, или, скорее, все же ноги, чтобы потоптать более дальние пределы.

Захар проводил взглядом этих двоих, скрывшихся за поросшими лесом валунами, и сел уже нормально, не опасаясь, что его могут заметить. Надо же. Бескрайние леса, на десятки верст вокруг ни души, до лагеря старателей не меньше десятка. А они нацелились на одного и того же лося. Хорошо еще он вовремя заметил этого стрельца.

– Ну что там? – спросил его спутник.

Вот так посмотришь со стороны, и кажется, что перед тобой татарин. Вернее, башкирский воин в полном боевом облачении. Разве что богатый, потому как за поясом пара пистолей, а в руках мушкет с кремневым замком. Зато на русском говорит чисто, без изъяна. Ну и ликом ни разу не азиат, а нормальный такой славянин.

Впрочем, Захар сейчас одет точно так же. Как и у напарника, за поясом пара пистолей. А вот в руках он сжимает самый настоящий башкирский лук. Ну а чем еще вооружаться, коль скоро собрался на охоту, а звук выстрела очень даже может долететь до прииска. Нет, лишний раз шуметь им ни к чему.

– Нормально. Нас не заметили, пошли дальше по своим делам, – ответил Крачкин.

В Москву он прибыл еще зимой. Довольно быстро собрал нужную информацию, секрета из которой никто и не делал. Из Москвы в Сибирь ведут две дороги. Достаточно узнать, по какой двинется нужный тебе человек, и все. Можно выдвигаться загодя и там его поджидать.

Словом, проследить эту экспедицию не составило труда. Потом пришлось еще некоторое время хорониться в лесу, пока не убедился, что они нашли-таки золото. Чтобы понять это доподлинно, ночью подкрался к

стене острога и послушал, о чем говорят караульные. Мальчишки-желторотики. И кто только додумался их сюда отправить? Их восхищенное блеяние было слышно на сотню шагов окрест.

И надо же такому случиться, что пятерых ветеранов отправили обратно в Москву, а этих мальцов оставили здесь. Кто-то там сильно головой ушибся, принимая такое решение. И вообще, поставить во главе отряда такого же мальчишку. Ничего удивительного в том, что новгородцы били москвичей, и не раз.

Сказать, что купец обрадовался этой вести, не сказать ничего. Едва только услышав ее, тут же приказал Захару собрать рискованных людишек. Только не из Новгорода, чтобы не знали Захара, и имели семьи, дабы можно было на них надавить. За налет наемники должны были получить по тридцать рублей и все выданное им оружие. Добычу же без остатка передать Захару. Оно можно и попытаться обмануть. Но тогда уж на кону будет семья.

Игнат Пантелеевич вовсе не хотел рисковать, подставляясь перед московским царем. Уж больно хлопотно это. И до беды недалеко. Потому и велел наемников переодеть в татарское одеяние. Мало ли как оно все обернется. Следы нужно запутать как можно сильнее.

Пока суд да дело, пролетели месяцы. Но Захар все же управился и наконец появился в окрестностях прииска, имея под рукой уже серьезный отряд «башкирских» воинов. Еще парочка ночных прогулок к острогу, и он выяснил, что работы будут свернуты к середине октября. К этому времени должны зарядить дожди и вода в Чусовой поднимется. Сейчас же река сильно обмелела, и во многих местах даже небольшие плоскодонки придется тащить волоком.

То есть они будут мыть золото еще не меньше двух недель. Что же, придется обождать. Бойцов у Захара более чем достаточно. Но штурмовать засевших в остроге – то еще удовольствие. Даже если это крестьяне с вилами и косами. А экспедиция вооружена хорошо. И парень вроде как очень даже вдумчиво обучал людей обращаться с оружием. Во всяком случае, о трескотне мушкетных выстрелов за окраиной Москвы говорили многие.

Разминувшись с будущими жертвами, Захар с помощником двинулись по следу убежавшего лося. Далеко тот не уйдет. Незачем. Его ведь особенно никто и не пугал. Голос человека. Ну что же, случается. Вот отбежит малость, послушает, что к чему, и успокоится. А выследить животину в лесу для Захара не проблема. И уж тем более лося. Этот оставляет за собой целую просеку из всевозможных знаков.

Когда Иван и Елизар перед закатом подошли к прииску, расположившемуся в непосредственной близости от острога, тот встретил их довольно шумно. Добыча золота в больших объемах по определению не может быть тихой. Тут и скрип приводного колеса, и грохот тачек, бегущих по дощатым дорожкам к колодам, и шум падающей воды. Ну и люди вносят свою лепту. Кто-то кого-то окликает. Вот эти смеются над чьей-то оплошностью или шуткой. Вон тот недовольно высказывается, поминая всю родню разводящего руками мужика. Шумно, чего уж там.

Как только вошли в ворота острога, Елизар тут же поспешил в сарайчик, где располагался промысловый стол. Весь шлих, снимаемый с колод, под присмотром стрельцов доставлялся сюда, под охрану еще одного караульного. А то как же, строгий учет и контроль. А то мало ли как золотишко в голову старателям ударит. А так они его, считай, и не видят, разве только те самородки, что руками выбирают при чистке колоды. Но оно не больно-то и заметно, если все время сдавать.

Кстати, стол этот также по наущению Ивана поставлен. Он позволял отказаться от работы с лотком. Выходит и быстрее, и легче. А главное, весь дневной шлих мог перерабатывать сам инженер. Не привлекая посторонних. Намытое золото складировал тут же, в сундуке. Правда, не окованном, а обычном, который смастерили прямо здесь, на прииске.

– Ну что, Ваня, отвел душу-то? – встретив его посреди небольшого двора, спросил Матвей.

– Отвел, – внимательно посмотрев на бывшего мужика, ответил Иван.

– По девкам не бегал? – иронично поинтересовался Матвей.

– Не. Только лося и видел, – в тон ему ответил Иван.

– Иль лосиху? – с прищуром уточнил Матвей.

– Не. Точно лося, – поддерживая игру, искренне заверил Иван.

– Тогда ладно.

Это у них уже была устоявшаяся шутка. Когда еще обосновывались и все работали не покладая рук. Хм. Ну разве что кроме все тех же Матвея и Фрола. Так вот, Иван тогда заявил, мол, зря княгиня Матвея отправила сюда. Потому как тут если с кем и получится закрутить, так только с медведицей. На это доверенное лицо Хованской авторитетно заявило, что медведица тоже баба. А вообще, для бешеной собаки сто верст не крюк, а тут и поближе поселения имеются.

Ясное дело, Иван понимал, что мужика приставили как охранника. И был склонен полагать, что тот бережет вовсе не золото. Похоже, серьезно Иван запал в сердечко княгине, коли так заботится. Ну да чего об этом-то. Послать не пошлешь, значит, нужно принимать как данность. К тому же

благодаря вот этим двоим зрелым и умудренным опытом мужикам Иван в основном-то и расслабился.

– Случилось что, Матвей? – наконец став серьезным, спросил он.

– Ну, случиться пока не случилось. А только прекращал бы ты шататься по округе, – несколько сумбурно ответил Матвей.

– Конкретнее можно?

– Чего же нельзя. Можно, конечно. Кружит вокруг нас кто-то. И по всему видать, не с добром.

– Ты загадками-то не говори.

– Да какие загадки, – вздохнул Матвей. – Не знаем мы с Фролом точнее. Следы на песочке заприметили, под самыми стенами. Караульные, раззявы, итить их. Обувка без каблуков, и это не поршни^[11], потому как задки твердые. Похоже на ичиги^[12]. Но кто только не носит татарскую обувку.

– Что предлагаешь?

– А что тут предложишь. В ночь мы с Фролом уйдем округу пощупаем. Нужно понять, кто это и сколько их. Коли немного, это одно. Большой отряд – другое. Но в любом случае ты бы на завтра работы-то отменил. Не то нам ведь помощи-то ждать неоткуда. И если отряд большой, придется садиться в осаду.

– А если уйти?

– Глупость, – возразил Матвей. – Нам даже до Чусовой дойти не дадут. А если и выйдем, то река такие петли закладывает, что обогнать нас да устроить засаду не так уж и сложно. Опять же проводник говорил, что русло в сушь мелеет так, что воды на широких перекатах чуть не по щиколотку. Значит, опять волочь придется.

– А если подмогу запросить? Нешто в Невьянске, Тагиле и Чусовой слободе откажут? Там ведь государевы люди сидят. Не посмеют остаться в стороне.

– Могут и побояться, – покачал головой Матвей. – Если это башкиры, а другим тут вроде взаться неоткуда, то начальники заводов не посмеют оголять свою оборону. Они тут тоже государеву волю исполняют. Шутка сказать, но по весне каждый завод сплавляет более ста тысяч пудов железа. Это выйдет куда больше намытого нами золотишка. А порушат заводы, казне убыток серьезный случится. В слободе тоже не мед. Они не только за таможенный пост, но еще и за близлежащие деревеньки ответ держат.

– И что получается, они тут каждый сам за себя? – удивился Иван.

– А то и получается. Как татары в набег идут, начальники шлют весть

о нападении, а сами сидят в осаде и ожидают, когда подойдет помощь.

– Значит, предлагаешь садиться в осаду?

– Я предлагаю только побережся. Мы же с Фролом пока пошарим вокруг да выясним все. Может, и не хотят башкиры зла, а так, просто поглядеть хотели, кто это тут появился.

– Сам-то веришь?

– Нет, – вынужден был признать Матвей.

Если бы без злого умысла, тогда уже давно подошли бы узнать, кто тут да что. Русские ведь никогда сразу в бутылку не лезут. Всегда миром стараются договориться. Так что в разговоре опасности нет. Но неизвестные бродят под стенами тайком.

– Ясно. Тогда усилим посты, надерем задницы стрельцам, чтобы службу несли внимательно, и поговорим с людьми, – подытожил Иван.

– Стоит ли людям говорить? Еще разбегутся, – усомнился Матвей.

– Уж лучше пусть так сбегут, чем из боя бегать станут.

– Хм. Ну, может, ты и прав.

Прав не прав, а Иван так и поступил. Этим же вечером устроил общий сход, где поведал о своих сомнениях. Ну и поставил задачу по усилению обороны. Не сказать, что мужиков это сильно обрадовало, но весть они восприняли достаточно спокойно. По крайней мере, ни паники, ни беглецов не случилось.

Наутро начался аврал, и застучали топоры. Иван решил укрепить острог, подготовившись к неминуемому штурму. Втайне надеясь на то, что тот непременно случится. Если татар много, то в открытом бою экспедиции не выстоять. А вот так, в укреплении, у них очень даже неплохие шансы. Уж в этом-то Карпов не сомневался...

– Старшой, там у острога суeta какая-то, – представ перед Захаром, доложил один из подручных.

Имени своего Крачкин наемникам не называл. Ни к чему им его знать, даже вымышленное. Старшой – вполне подойдет. Главное, чтобы не атаманом. Им ведь и через селения проходить доводилось. Вот так брякнет кто с дуру, иди потом чеши репу. Потому как атаманы – они только у разбойников да казаков. Причем последних часто причисляют к первым. И по праву, в общем-то.

– А точнее? – протирая тряпицей свой мушкет, спросил Захар.

– Да рогатки они ладят.

– Они уж в две линии опоясались, – заметил Захар.

– Так, третью ладят. И песок никто не моет.

– Вот, значит, как. Выходит, мужики, стерегутся они, – задумчиво

произнес Захар. – Вот что, собираемся и к острогу. А там и решим, как быть...

Иван скосил взгляд на лестницу, по которой на площадку башни забирался Елизар, и вновь вернулся к осмотру окрестностей. На посту только двое. Он и Егор. Остальные на работах. Случись надобность, люди успеют укрыться за стенами. А вот пополучить вокруг острога еще один пояс рогаток совсем не будет лишним.

Карпов делал ставку на стрелков. А значит, нужно предпринять меры, чтобы максимально затруднить подход противника к укреплениям. Если дойдет до рукопашной, им не выстоять. Тут уж и к гадалке не ходить.

Так что на работах народ задействован по максимуму. Только утро, а сделано уже немало. Люди работают не за страх, а за совесть. Если ничего не случится, то к вечеру третья нитка рогаток будет готова. А там, может, и до четвертой дойдет.

Еще с вечера заполнили водой все емкости, какие только нашлись. Оно, конечно, в центре двора имеется колодец. Но он не так чтобы и глубок. И случись тушить пожар, вода попросту не будет успевать его заполнять. А подумать об этом стоит особо. Что ни говори, но у деревянных укреплений есть весьма существенный недостаток. Слишком уж они пожароопасные.

– Ну как тут у вас? – поинтересовался инженер.

– Пока тихо, – ответил Иван.

– Может, ты на воду дуешь?

– Может, и дую. Да только если бы с добром кто пожаловал, то не стал бы тайком да тишком вокруг бродить. Подошел бы открыто, чин по чину. Мы ведь от местных не таились, прямо говорили, в какой стороне собираемся ставить острог.

– Ага. Да только никто в гости так и не собрался.

– Это да.

– Ваня, глянь, – слышался встревоженный голос Егора, находившегося на площадке вместе с ним.

– Не Ваня, а господин десятник. Сколько раз тебе говорено. В застолье мы с тобой друзья, а не на службе, – взглядываясь в указанном направлении, одернул парня Иван.

Впрочем, делал это без огонька, на автомате, при этом лихорадочно соображая, как быть. Трое. На опушке леса появилось только трое всадников. Сажень сто, не меньше. Разведчики. Или вот сейчас помчится в атаку лава. Да пошло оно все!

Иван сорвал с крюка рог и подал сигнал тревоги. Народ тут же побросал работу и поспешил к единственным воротам острога. Тут вроде и недалеко, в любом случае успеют. Но татары известные мастера обращаться с луком, пустят свои стрелы издалека, а защиты-то на людях нет. Это на стенах имеются навесы, что от стрел берегут. А на открытом месте прикрыться нечем.

Как видно, татарам не понравилось, что русские вдруг засуетились и начали усиливать оборону. Или они и без того назначили штурм именно на сегодня. Едва только раздался рев рога, как из-за деревьев появилось не меньше сотни всадников, которые тут же с гиканьем бросились к острогу.

Иван приладил свой карабин на ограждение. Прицелился в одного из всадников. Тот несется по прямой, разбрасывая из-под копыт золотоносный песок. Никакое упреждение не требуется. Вот только стрелять парень не спешил. Кто его знает, может, и миром разойтись получится. Во всяком случае, он не терял надежды на подобный исход. Потому и не решался пролить кровь первым.

Снаружи оставалось не больше пяти человек. Еще несколько секунд, и ворота закроются. До всадников еще пятьдесят сажений. И тут татары ударили. Разом взметнулись луки. Правда, теперь уж Иван ждать не стал, и первую кровь все же пролил он. Впрочем, тут вопрос спорный.

Гром выстрела практически слился с глухим перестуком стрел, вонзающихся в бревна стен и доски навесов. От ворот послышался болезненный вскрик, донеслись возбужденные голоса людей. Одновременно с этим всадник, в которого целился Иван, полетел в песок кубарем, взметнув тучу пыли. На дворе стояло бабье лето, и дожди не случались уж недели две.

Взглянул вниз, под башенку. Двое мужиков подхватили третьего, из спины которого торчало оперенное древко стрелы. Серьезно прилетело. Если не насмерть, то... Скорее всего, один черт, хана мужику.

Выстрелы Егора и Елизара практически слились в один. И кто-то из них попал. Правда, не во всадника, а в лошадь. Потому что Иван увидел вскочившего на ноги воина, который тут же подобрал выроненный лук, встал на колено и натянул тетиву. Вот уж чего и даром не надо. Если эти паразиты так метко бьют из седла, то что они смогут наворотить с земли.

Иван вновь вскинул карабин и, поймав лучника в прицел, нажал на спуск. Вновь грохот выстрела. Облачко дыма, ненадолго застывшее обзор. И... лежащий недвижно башкирский воин.

Вновь откинуть крышку затвора. Потянуть стреляную гильзу. Выронить ее на пол, в патронташ пихать некогда. Подхватить новый

патрон. Вставить в патронник. Захлопнуть крышку. Взвести курок. Кресало на место. Готов! На все про все понадобилось не больше пяти секунд. Скорость, по местным меркам, просто запредельная.

– Егорка, бегом вниз на стену, – распорядился взлетевший на площадку Фрол.

Привыкший за долгие месяцы выполнять приказы этого казака, парнишка тут же юркнул в квадрат лаза в полу. Еще секунда, и он выметнулся в правую дверь башни, оказавшись на стене и замерев в нерешительности. А что он тут, собственно говоря, делает? Попытался припомнить, как следует себя вести в случае тревоги. После чего с тоской посмотрел на обзорную площадку башни. По всему выходило, что он только что покинул предписанный пост. И как теперь быть?

– Веселишься, в перехлест тебя в колено, – змеей прошипел казак, пока Егор где-то там метался, не зная, куда себя пристроить. – Из пицалей некому палить? А командовать кто будет?

Иван в удивлении смотрел на казака, которого в остроге не должно было быть по определению. Они ведь с Матвеем пошли осмотреть окрестности. И тут он вдруг оказался рядом. А еще парень опешил от внезапной отповеди. Как, впрочем, и Елизар, шуровавший шомполом в стволе мушкета. Но тому простительно. Не он командует всеми этими людьми. И даже наоборот, инженер также находится под началом Карпова. К растерянности прибавился стыд.

В отличие от этих пацанов, Иван имел боевой опыт. Вот только то был опыт рядового. И как солдат он действовал достаточно грамотно и хладнокровно. Как ни крути, а двоих свалил. Мало того, своим примером увлек находящихся рядом. Пусть они и действовали не настолько успешно. Но сейчас-то он не рядовой.

– Не кисни, Иван. Люди должны тебя видеть и слышать, – чувствительно ткнул его в бок Фрол.

– Кхм. Не суетись, братцы! Занимай места согласно боевому расчету! Мужики, заряжайте картечь! Поворачивайтесь!

Татары пошли по кругу перед башенкой, с диким гиканьем пуская одну стрелу за другой. Иван явственно услышал, как несколько штук с тупым стуком вошли в сухое дерево. Одна со свистом пролетела мимо. Ему даже показалось, что по уху прошлось ее оперение. Может, и так, а может, ветерком обдало.

– Карусель завертели, – зло выдал Фрол, вскидывая карабин. – Сейчас заставят попрыгаться и двинутся ворота вышибать. – Он выстрелил, свалив одного из всадников.

Похоже на то. Стрелы прилетают все чаще и чаще. Снизу послышался еще один вскрик. Кому-то достался очередной оперенный гостинец со стальным жалом. А вон и четверо всадников, несутся двумя парами с висящим между ними на веревках бревном. Рогатины у ворот выставить не успели. Да им даже из седла слазить не нужно.

Елизар вновь вскинул карабин, прицелился и пальнул в белый свет, как в копейку. Послышались разрозненные выстрелы. И судя по хлесткому звуку, били из карабинов. Впрочем, так же безрезультатно. Всадники уже не скачут навстречу, а движутся боком, по эллипсу, и необходимо брать упреждение. Ага. Нужно вносить поправку. По опыту знает, что в пешего попасть куда проще.

– Бейте по лошадям! Про упреждение не забывайте! – вновь выкрикнул команду Иван.

О! Похоже, получается командовать-то. Во всяком случае, после следующего выстрела лошадь под одним из всадников полетела кубарем. Сам воин успел соскочить и, пробежавшись по песку, даже остался на ногах. Хм. И с луком в руке. Разумеется, лошадь могли подстрелить и случайно. Но хотелось все же верить, что кто-то выполнил именно его команду.

Вскинул карабин. Взял в прицел воина, стоявшего на земле и уже натянувшего тетиву. Выстрел! Стрела улетела куда-то вверх, а самого стрелка свалило как подрубленного. Спокойно. Только не нервничай. Еще одна стрела мелькнула рядом с ним.

Да что творится-то? Отчего выстрелов не слышно? Глянул на стены. Ребяшня с округлившимися глазами попряталась за тыном. Мужики те постарше, но тоже особо не геройствуют. Вон Матвей выглянул на короткое мгновение, выстрелил и вновь укрылся. Пнул Гришку.

Тот нервно сглотнул. Бросил испуганный взгляд на бывалого мужика. Вот так и не поймешь, кого больше боится. Потом вскочил в полный рост, вскинул карабин и пальнул в неизвестность. И тут же рухнул на колени, засуетившись с перезарядкой.

А вот Егор, тот молотит со скоростью пулемета. Патронов бы хватило. У них ведь носимый запас только три десятка, остальные в поклаже. Высунулся в очередной раз. Бах! И снова за тын. Но это и все сопротивление. Зажали-таки татары. Ну или страх сковал мужиков и молодых стрельцов.

Очередная стрела ожгла левое плечо, дернув сукно кафтана. Но прошла вскользь, воткнувшись в столб позади Ивана. Он тут же присел, лихорадочно соображая, что делать. Как вдохнуть в его воинство боевой

дух и заставить их драться?

Нет, понятно, что это не трусость и не страх, а только растерянность, свойственная в первом бою подавляющему большинству. Но если немедленно не предпринять что-то эффективное, то им конец. Второй попытки не будет. Стоит татарам ворваться в острог, как начнется форменная резня.

– Гранаты! Бросайте гранаты! – вновь отдал команду Иван.

И не надеясь, что его услышат и выполнят приказ, потянул из кожаного подсумка ребристое яйцо, чем-то напоминающее «лимонку» из его мира. А к чему изобретать велосипед? Конечно, порох – не тротил, но ведь пользовали же такие до его появления.

Сорвал предохранительный берестяной колпачок. Чиркнул колесиком на манер зажигалки из своего мира. Появился легкий дымок, и послышалось зловещее шипение пороха в трубке-замедлителе. Навес не позволит забросить снаряд далеко, слишком низкий. Но тут главное – выбросить за ограду. Однако вышло лучше. Граната улетела метров на двадцать. Чугунное яйцо упало в песок и осталось на месте, ничуть не прокатившись.

Удачно получилось, чего уж там. Рвануло, как раз когда вплотную приблизились всадники с бревном. После чего они поспешили разбежаться. Причем одна из лошадок с истошным ржанием начала биться на песке, прижав своим массивным телом щуплого татарина.

Еще три взрыва, прозвучавших один за другим. Потом Иван бросил вторую свою гранату. На этот раз получилось запустить подальше. Среди вертящих карусель появились жертвы. Один из всадников выпал из седла, другой приник к шее лошади и двинулся прочь от острога. Поток стрел резко сошел на нет.

Иван вогнал в карабин очередной патрон. Ага. Татары предпочли убратся прочь от острога, нахлестывая своих лошадей. И снова не нужно брать никакого упреждения. Вскинул карабин. Прицелился. Выстрел! Всадник нелепо взмахнул руками и опрокинулся через круп лошади. Еще несколько выстрелов. И еще двое упали в песок.

– Прекратить стрелять! – заталкивая в карабин новый патрон, выкрикнул Иван. – У кого карабины, ждем! Остальные, целься! А ну, встали, в перехлест вашу в колено! Живо, мать-перемать! Це-эльсь! Пали!

Отправляться в такой путь и не обеспечить нормальным оружием тех, кто будет рядом, при наличии такой возможности? Иван еще не сошел с ума. К тому же не помешало отработать технологию создания обычных гладкоствольных мушкетов. Вот и вооружил мужиков. Правда, не за свой

счет, а за казенный. Княгиня озаботилась. А тренировки оплачивал уже из своего кармана. Так что стрелять умели все. И стволы у них были не кривые. И вообще, изделия выше всяческих похвал.

Иное дело, что с боевым духом при столкновении с реальным противником так себе. Ну да этому на тренировочном поле не научишь. Это только со временем само приходит. Конечно, если это самое время есть.

Дистанция для прицельного выстрела из гладкоствольных ружей просто запредельная. А уж для картечных зарядов так и подавно. Три сотни шагов – это вам не баран чихнул. Часть картечин улетела в неизвестном направлении. Часть взбила песок со значительным недолетом до кружащих у кромки леса татар.

Получится или нет? Ведь татары наверняка знают о возможностях пищалей. И обороняющиеся только что им продемонстрировали, насколько те бесполезны на больших дистанциях. Ага. Прекратили метаться. Вот так вы, главное, остановитесь, чтобы в вас было сподручнее целиться.

О! А так даже лучше. Значительно лучше. Татары начали спешиваться. А пеший воин – куда более удобная мишень, нежели сидящий в седле. Их лошадки отчего-то все время пританцовывают. Может, горячка боя сказалась, но Ивану-то от этого не легче.

– Поспешай, десятник, – произнес Фрол, вглядываясь в татар. – Сейчас начнут зажигательные стрелы пускать.

Ага. Значит, тянуть больше нельзя. Татарам вполне по силам пустить стрелу на такую дистанцию. Попасть в человека – это сомнительно. Если только пустят целую кучу стрел. Но когда речь идет о попадании в такую громадину, как острог, то никаких сомнений. Постарались взять их с наскока. Не вышло. Ничего страшного. Тогда подпалят для начала.

– Внимание, стрельцы, целимся в пеших! Стрельба по номерам. Матвей и Фрол, после меня.

Такую стрельбу они отработывали. Каждый знает свой номер в строю. А вот дополнительным силам не помешает обозначить их место в этой карусели.

– Пали!

Выстрелы зазвучали один за другим. Пусть не каждый из них достиг своей цели, но пока очередь дошла до Ивана, из порядка двух дюжин спешившихся воинов минимум пятеро повалились на песок. Он уже ожидаемо не промахнулся. Татары смекнули, что что-то не так, и засуетились. Фрол и Матвей также попали в цель.

– Беглым, огонь!

Ну, пошла веселуха. Только успевай перезаряжаться да палить. Не

сказать, что с результативностью все хорошо. За пеленой дыма Иван вроде бы увидел еще одного вывалившегося из седла, но не поручился бы. Наконец татары сообразили, что лучше не отвечивать на открытой местности, и скрылись за деревьями.

Путем нехитрых подсчетов были установлены потери нападавших. Ха-ха! А ничего так повоевали. Пусть татары и забрали с собой убитых и раненых, за короткую стычку они потеряли порядка полутора десятков воинов. Впечатляющий результат даже для слаженных действий обороняющихся, не то что для растерявшейся толпы мужичья и молодняка.

– Спасибо, Фрол, – искренне поблагодарил Иван.

– Впредь наукой пусть будет, – беззлобно ответил казак.

– Артем, Ефим, – окликнул Иван своих друзей, – поднимите гранаты из арсенала в башню. Кто израсходовал, восполнить в подсумки.

Кстати, гранат не особо много. Сотня всего. Впрочем, это по меркам Ивана немного. А вот татарам хватило и пяти штук, чтобы разбежаться. Однако пять гранат – это пять процентов их боезапаса.

Оно, конечно, можно было наделать и больше. Тут ведь главное – отработать процесс и подготовить инструмент. Дальше мастерская начинала работать как часы. Другое дело, что одна граната весит два фунта, а сотня уже в пять пудов выливается. Имущества у них было в избытке, а в поход пошли не на таких уж и внушительных плоскодонках. Потому как Иван точно знал, что без волока не обойтись. Вот и приходилось учитывать чуть не каждый фунт.

– Егор, давай обратно на площадку, – между тем продолжал раздавать команды Иван. – Гришка, тоже сюда! – И когда парни взбежали наверх, продолжил: – Наблюдаете за окрестностями. Если кого увидите, палите без разбору. Только цельтесь получше. Как на стрельбищах. Уяснили?

– Так точно, – едва не хором ответили парни.

Фрол только одобрительно кивал. Мол, правильно. Ничего еще не закончилось. А эти двое были лучшими стрелками. А то, что Гришка растерялся... Да ерунда это. Все растерялись. Ну почти все. Впрочем, можно ли равнять молодняк и ветеранов? Пожалуй, глупо было бы.

Когда Иван спустился во двор, сверху раздался выстрел. Потом еще один и разочарованная брань. Видать, адреналин в крови все еще бушует и взять точный прицел у ребят не получается.

Прошел в помещение лазарета. Пусть и выглядит острог тесноватым, но места тут предостаточно. Отдельное помещение под лазарет предусматривалось изначально, как имелся в отряде и медик. Подлекарь Рудаков, тот самый помощник и лучший ученик профессора Рощина.

Как видно, звания лучшего ученика он теперь лишится. Окончательно и бесповоротно. Ну хотя бы потому, что уже не разделял мнения своего учителя. А все началось с той самой памятной операции на ноге Ивана.

Оба раненых содержались в одном доме, и ухаживал за ними Павел. Профессор появлялся только наездами, а молодой подлекарь каждый день катался из столицы, благо Хованская выделяла ему под это дело лошадь.

Ну и, разумеется, не мог он не отметить то простое обстоятельство, что имеющий куда более худшую рану Иван уверенно идет на поправку. Причем нет и намека на нагноения. Рана совершенно чистая. И жара нет. Легкое повышение температуры и не более. Но местные эскулапы на это даже не обращают внимания.

Когда же Иван поднялся на ноги и, прихрамывая, сам отправился в уборную, будущий доктор не выдержал и потянул его на честный разговор. Пообщались. Карпов, не чинясь, под страшную клятву поведал, что, мол, случаются порой у него озарения, природу коих он не ведает.

А вот рассказывать о том никому не следует. Мало ли. Кто-то признает, что на него снизошла божья благодать. Другие решат, что это проделки нечистого. Лучше бы избежать расспросов. И Павел Валентинович как человек образованный должен это понимать. И подлекарь понимал. Но это вовсе не означало, что он отстанет от Ивана.

Вот так и началось их близкое общение. Кстати, с Рудаковым Карпов был куда как более откровенен, чем с тем же горным инженером Крапивиным. Нет, по части добычи золота Иван выдал инженеру все, что только знал. Но вот в секреты выплавки железа и стали посвящать не собирался. Это и самому пригодится.

Судя по тому что Павел пару месяцев весьма вдумчиво общался с бабкой-травницей, беседы с новым знакомым пошли ему на пользу. Похоже, молодой медик решил написать труд о совмещении научного и народного подходов. Ну что тут скажешь. Не быть ему профессором. Несмотря ни на какие результаты, не выстоять ему против именитых научных умов.

Зато Иван получил в отряд вполне адекватного медика. Шутка сказать, но за все время у них практически не случалось расстройств желудков. Нет, что-то там, конечно, присутствовало, это неизбежно, но массового характера так и не приняло. Без всевозможных ран также не обошлось. Однажды даже серьезно так рассекло работнику ногу. Хорошо хоть не сломало. И ничего, покрутился на хозяйстве, а сейчас уже бегают с тачкой.

Н-да. Все же скорее отбегался. Вон его труп лежит, прикрытый рогожей. Это он поймал первую стрелу. Не повезло, что тут еще скажешь.

Дверь лазарета отворилась и на пороге появился еще один работник. На голове повязка с красной отметиной. Не иначе как стрелой оцарапало. Удачно, чего уж там.

Внутри благодаря большому окну, выходящему конечно же во двор, было достаточно светло. Разве только из-за распахнутых створок говорить о стерильности помещения не приходилось. Ну да стекол у них нет. Обрабатывать же рану при свете лучины или свечей тоже не дело.

Эка он споро ковыряется в плече раненого. Это вновь предложение Ивана использовать во время операций опиум. Вот так враз на эту заразу не подсадишь. А правильно подобранная дозировка позволяет отправить раненого в nirvanu, не боясь вызвать у него болевой шок.

Надо же. На голове на пиратский манер повязан платок. На лице льняная маска. При входе висит рукомойник конструкции Ивана. Их в экспедиции целых три. И мыла запас был изначально. Потом еще наварили. Главное, знать как. Иван знал.

На столике рядом с операционным разложены необходимые инструменты. И между прочим, стерильные. Стеклянная банка с какой-то то ли настойкой, то ли взваром. Но видно, что ее содержимое используется для обработки раны. В банке же хранятся и стерильные бинты.

В качестве главного стерилизатора выступает спирт. Иван научил эскулапа получать чистый медицинский продукт. Только сразу оговорил, чтобы он держал его подальше от народа. Ему еще пьянок тут не хватало.

А вообще у Павла тут целая мини-лаборатория. Пришлось помучиться, пока доставили все это стекло в целости и сохранности. Но оно того стоило. И хотя хворых в экспедиции было не так чтобы и много, а, скорее, все же мало, работы у Павла в избытке. Он все время что-то изучал, проводил эксперименты и записывал. Выспрашивал Ивана, тот охотно делился информацией.

Кстати, в экспедиции имелась парочка уличных шавок, на которых подлекарь и опробовал свои новые методы лечения. Дворяжки оказались в роли подопытных благодаря воспоминаниям Карпова. Доставалось собачкам, чего уж там. Но зато вон как сейчас парень уверенно орудует над раненым.

– Как он? – спросил Иван.

– Понятия не имею, что у меня получится. Наконечник попал в сустав. Я все почистил и сейчас начну зашивать. Но-о... Обычно после таких ранений если и выживают, то рука теряет всякую подвижность. Впрочем, никто и не старается делать операцию. Ну да посмотрим.

– Больше раненых нет?

– Одному посекло кожу на голове.
– Видел.
– Ну и у тебя что-то с рукой, – указав на пропитавшийся кровью рукав кафтана, уточнил Павел.
– Ого. А я-то думал, что это просто царапина, – удивился такому количеству крови Иван.
– Жди. Освобожусь, посмотрю.
Угу. На царапину пришлось накладывать целых четыре шва. Иначе уродливый рубец обеспечен. Стрелы-то башкиры использовали с широким наконечником. Незачем пускать бронебойные, коль скоро на противнике нет доспехов. А те способны были причинять весьма обширные ранения.
Через полчаса Иван вновь был во дворе и руководил приготовлениями к повторному штурму. Впрочем, в его вероятности он сильно сомневался. А вот в том, что татары предпримут ночную атаку, был уверен. И тогда уж нужно не оплошать.

Васильчиков Сергей Илларионович – молодой человек, единственным достоинством которого была его привлекательная внешность. В свои двадцать пять лет он слыл завзятым сердцеедом. И тот простой факт, что он по сей день топтал грешную землю, ярче всего говорил в пользу его несомненного таланта на любовной ниве.

Впрочем, возможно, его везение обуславливалось тем простым обстоятельством, что он никогда не обращал свой взор в сторону невинных девиц. При чем как благородного сословия, так и из черни. В его понимании куда предпочтительнее вдовы и зрелые дамы.

Первые были вправе распоряжаться своим имуществом. Вторые успели провести в замужестве достаточно много времени, укрепив свои позиции в семье. И коль скоро они могли себе позволить пойти на измену, то были достаточно умны и обладали определенным влиянием на своих мужей. Соответственно, молодой и пылкий любовник имел все шансы для получения определенных выгод. Материальных, разумеется.

А вот молоденькие супруги его интересовали в гораздо меньшей степени. Совершенно не интересовали, если честно. Их мужья, как правило, люди молодые и горячие, а сами дамы не блистали ни изворотливостью, ни осмотрительностью, ни благоразумием. Нет, связь со столь ветреными особами не могла принести пользу по определению, а вот серьезные неприятности – очень даже.

Когда на его пути возникла великая княгиня Хованская, Сергей Илларионович не без оснований решил, что к нему на огонек заглянул сам

Авось. Веселая вдова, как ее называли за глаза, отличалась завидной щедростью.

Не обошла она своими щедротами и его, грешного. Не сказать, что облагодетельствовала деревенькой или поместьем. Но зато в его карманах появилось кое-какое серебро. Чудесным образом испарились долги. И забрезжили радужные перспективы. Он не знал, насколько это было правдой, но прошлый ее любовник вроде бы не был обделен.

И вдруг все его надежды рухнули. Вот так, в одночасье. И мало того что княгиня прекратила с ним отношения, так он еще и оказался в руках заплочных дел мастера. До сих пор как вспомнит, так вздрогнет. На дыбе висеть несладко. Не один день над ним измывались. И каленым железом прикладывались, хорошо хоть лицо не тронули.

В конце концов Васильчиков сознался во всем. И даже в том, что самолично предал смерти царя Ивана Четвертого, прозванного Грозным. И Александр Невский также пал от его руки. И вообще он согласен на все. Что только ему не приписывали, он соглашался со всем, лишь бы только избавиться от свалившихся на него мучений.

Признаться, именно то, что он сломался, и спасло ему жизнь. Нет, если бы следствие вели официальные лица, то не миновать ему плахи. Но проводившим дознание нужна была правда. Только она и ничего более.

Васильчикову понадобилось более полугода, чтобы оклематься и залечить душевные раны. После пыточной молодой человек, не отличавшийся смелостью, стал и вовсе труслив. Правда, ни его красота, ни его обаяние никуда не делись. А шрамы на теле, которые можно было рассмотреть только при определенных условиях, даже придавали ему мужественность.

Ну и как бы то ни было, а из этой истории он вышел с прибытком. Его усадьба в Белом городе вышла из-под долгов еще при отношениях с Ириной Васильевной. Теперь же в качестве извинения он получил также небольшое поместье в семидесяти верстах от Москвы. Не сказать, что оно приносило большой доход, но уж бедствовать ему точно не придется. При умеренных аппетитах, конечно.

Васильчиков посмотрел на свое отражение и остался вполне доволен собой. Молод, статен и красив. А главное, уже сегодня он будет отмщен, и преследующий его призрак подземелья наконец отступит навсегда. А иначе и быть не может, ведь сегодня день его торжества. Хованская, эта великокняжеская потаскуха, окажется у его ног. А все благодаря заморскому приворотному зелью, которое совершенно случайно попало ему в руки.

Неделю назад, играя в кости, Сергей Илларионович изрядно обыграл своего соперника, какого-то англичанина. Познакомились, разговорились. Выяснилось, что тот алхимик и много путешествовал по свету. А еще во время путешествия за океан ему стал известен секрет некоего приворотного зелья, которое варят вест-индские дикари.

Англичанин заявил, что он, мол, не афиширует, но только благодаря этому зелью он может позволить себе довольно безбедную жизнь. Еще бы, если одна доза стоит целых сто рублей. Серьезные деньги! Сергей Илларионович усомнился в действенности этого средства. И тогда новый знакомый предложил взять одну дозу на пробу бесплатно, но если результат окажется положительным, то Васильчиков купит еще одну, уплатив и за первую.

А почему бы и не проверить его на одной вдове, с которой у него были близкие отношения? Да, такой страстной он ее еще никогда не видел. Женщина словно с цепи сорвалась. Он думал, она его насмерть изведет. А еще... Вдова начала вдруг его осаждать. Не бегала, конечно, за ним как собачонка... Хм. Хотя и недалеко от этого. Она настолько откровенно заигрывала с ним, что чуть ли не выпрашивала к себе внимание.

Стоит ли говорить о том, что он тут же побежал к англичанину и приобрел второй флакон? Гулянья в московских дворцах и богатых усадьбах вовсе не в новинку и проходят регулярно. За исключением постов и постных дней. И попасть на них совсем несложно. Достаточно быть благородного происхождения и чтобы тебе не отказали в доме. Васильчиков вполне мог позволить себе ходить даже на боярские гулянья.

Разумеется, великая княгиня бывала не везде и не всегда. Но достаточно часто. А тут вдруг за всю неделю он ни разу с ней не пересекся. Осторожно выпросил и узнал, что она вроде как заболела и уже две недели не выходит в свет. Но сегодняшнее гулянье во дворце окольничего [\[13\]](#) Лопухина она пропустить не сможет. Поговаривают о том, что царь вроде как собирается обручить дочь Иллариона Абрамовича с цесаревичем. И коли так, то тут без нее не обошлось. А значит, и быть на гулянье она просто обязана.

– Сударь, тебе опять письмо принесли, – войдя в его комнату, произнесла служанка.

У Васильчикова на подворье проживала супружеская пара, бывшая у него в услужении. А что, он не какой-то там беспоместный дворянчик, может себе позволить. Правда, его выезд оставлял желать лучшего. Обычная двухместная легкая карета. Из недорогих, требующих достаточно частого ремонта. Рама на ухабах периодически расшатывалась, и ничего-то

с этим не поделаться.

Но большинство московских дворян и вовсе ходят пешком. К тому же при необходимости можно отправиться и верхом, не надеясь на хлипкий экипаж. Иное дело, что на гулянье принято приезжать только в карете или же приходить пешком. Вот уж чего он не собирался делать, так это расхаживать на своих двоих. Особенно в свете того, что Хованская вскоре сдастся на волю победителя.

Васильчиков еще больше в этом уверился, когда посмотрел на письмо, переданное служанкой. Писано на дорогой бумаге, запечатано розовым воском и пахнет французской водой. Вдовушка вновь пытается его привлечь. Не является ли это подтверждением его правоты?

– Семен подготовил карету? – даже не думая распечатывать письмо, спросил он.

– Все уж готово, сударь.

– Ступай. – И когда служанка ушла, вновь посмотрел на послание: – Ну что, княгинюшка, сегодня ты непременно станешь моей рабой. Непременно.

Еще раз осмотрел себя в зеркале, вздернул подбородок и с видом, полным достоинства, направился на выход. Опаздывать на гулянье – это признак дурного тона и пренебрежения к хозяевам. Он же никак не мог себе этого позволить. Хм. Пока не мог.

Глава 9

Силачом слыву недаром...

Во дворе сплошной гвалт. Просто поразительно, сколько шума могут производить три десятка мужиков. А чего, собственно, ожидать, коль скоро они все собрались на небольшом пятачке?

Иван осмотрелся. Вроде бы все идет как надо. Народ готовится к повторной атаке. Стаскивают на стены боеприпасы, не забывают и про топоры. Вон двое прилаживают длинные топорщица, чтобы получилась эдакая секира. Не бердыш, конечно, но в умелых руках мало точно не покажется. Да и в неумелых штука тоже страшная.

А это еще что такое? Кто посмел открыть ворота? Ага. Ясно, кто. Этой парочкой не больно-то и покомандуешь. Вот понадобилось им сбегать за стены за трофеями. И ворота тут же распахнулись. Ну ладно, не распахнулись, а только приоткрылись. Но сути это не меняет.

– И что это было? – поинтересовался Иван.

– Штука больно полезная, господин десятник, – начал объяснять казак, вертя в руках башкирский лук.

Как раненых, так и тела убитых башкиры унесли с собой. Собирать же выроненные луки не стали. Вот Матвей с Фролом и прогулялись за добычей. Хотя на кой она им сдалась, совершенно непонятно. Оба вооружены карповскими карабинами. И сравнивать их с луками... Очень смешно.

– Остальные изломаны в хлам. А эти три вполне нормальные, – авторитетно поддержал Фрола Матвей.

Потом взгляделся в один из луков и в сердцах отбросил его к стене стрелецкой казармы. Не иначе как обнаружился не замеченный ранее дефект. Затем удовлетворенно крикнул, более детально осмотрев оставшийся.

– Да зачем они вам понадобились? – удивился Иван.

– А затем, – начал пояснять Фрол. – Несладко нам придется, коли станем сиднем сидеть за стенами. Это же как два пальца. Угодил в осаду – делай вылазки, тревожь неприятеля, пускай ему кровь, чтобы не знал покоя.

– Ты не гляди так-то, Ваня, – поддержал казака Матвей. – Пусть наши мужички да мальчонки и растерялись, но врезали мы татарам по сопатке от

души. Я и не ожидал такого-то. По моим прикидкам, десятка полтора воинов побили да покалечили. И пока горячо, надо бы закрепить успех. Наподдать им еще малость. Глядишь, они тогда и уберутся восвояси.

– Вы серьезно? – не поверил Иван.

– Еще как серьезно, – подтвердил казак. – У них сейчас настрой хуже некуда. Убитые, раненые, а они, считай, ничего и не сделали. Дай срок, так соберутся с духом и учудят чего. Я уж молчу о том, что начнется ночью. А вот если без передышки врезать, то совсем по-другому выйти может.

– И с кем в вылазку идти? У меня, кроме вас, и воинов-то нет. Одно мужичье да мальчишки.

– Ну одно то, что себя к мальчикам не причисляешь, уже радует, – удовлетворенно произнес Матвей. – Что до прочего... Если останемся за стенами, рано или поздно, а конец один. Побьют нас. Многовато татар-то. Зато мы знаем, где их лагерь. И менять место им нет никакого резона. Мы же разведали, как можно незаметно подобраться. А потому и врезать от души очень даже получится.

– Если на нас насядут за стенами, то всех посекут, – обреченно вздохнув, усомнился Карпов.

– А ты меньше беду кликай, глядишь, она и не случится. Парни уж гиканье татарское послушали, перестук их стрел почувствовали, кровушку, пролитую ими, увидели. Теперь вести себя по-иному станут, – решительно возразил Матвей.

Ну а что тут скажешь. Если эти двое думают, что предприятие небезнадежное, то так оно и есть. Иван ведь знал, что рано или поздно вот этих пацанов придется бросать в бой. Да, их боевое крещение он представлял себе иначе. Да, соотношение сил несоразмерное. Но так уж легла карта. И потом, несмотря на численный перевес противника, только что они его изрядно потрепали. В том числе и морально.

– Ну а луки-то вам зачем? – все же спросил Иван.

– А как ты собираешься с их дозорными по-тихому разбираться? – отозвался Фрол.

– А вы умеете ими пользоваться?

– Обижа-аешь, – чуть не хором протянули ветераны.

– Ладно. Принимается. Через сколько выходим?

– Да нечего тянуть-то. Мы вот сейчас стрелы себе подберем. Приноровимся к лукам, и можно двигать, – переглянувшись с казаком, выдал Матвей.

– Ладно. Я тогда собираю парней и ставлю задачу.

Правы ветераны. Как есть правы. Матвею вон за голову Ивана ответ

держат перед княгиней, и все одно уверен, что иначе нельзя. Да и не сказать, что Карпов не согласен с ними в необходимости вылазки. А мальцы... Ну что тут поделаешь. Так уж вышло, и коли взялся за гуж, не говори, что не дюж.

– Егор! – приняв окончательное решение, подозвал Иван.

– Да, господин десятник, – тут же отозвался парнишка.

– Оббеги наших, передай приказ спешно собираться у колодца. При себе иметь по две гранаты, полсотни патронов и пару пистолей.

– Слушаюсь.

– Вот и ладно. Елизар!

– Да, Ваня, – тут же отозвался инженер, хлопнув по плечу мужика, которому только что что-то втолковывал.

– Ты вот что. Я со стрельцами собираюсь в вылазку... Ты чего улыбаешься?

– Да так, – все еще не в состоянии совладать с улыбкой, махнул рукой Крапивин.

Угу. Елизару уже двадцать три, а потому на стрельцов он посматривает, как на неразумный молодняк, дорвавшийся до оружия. Вот Иван отчего-то выглядел вполне себе весомо, пусть возрастом и недалеко от них ушел. А эти...

– Ты, Елизар, улыбочку-то с лица убери. Мои парни молоды. То так. Но ты для начала вспомни, как они татарам кровушку пустили, даже растерявшись в первом своем бою. А потом подумай, что они сотворят, когда той растерянности не будет.

– Да я...

– Не смей больше насмехаться над моими людьми, Елизар. Порву, как тузик грелку, – поиграв желваками, недовольно выдал Иван.

– Это как это? – все же не смог сдержать своего изумления инженер.

Иван сначала не понял, к чему этот вопрос. Потом осознал, что с резиной в этом мире имеются определенные проблемы. А вот грелки есть. Эдакая закрывающаяся медная сковорода, в которую кладется горящий уголь. Потом грелка обматывается полотенцем и используется по назначению. Н-да. Проблематично Тузику порвать такую конструкцию.

Припомнилась еще фраза с фашистским крестом и флагом. Но вовремя сообразил, что тут и вовсе придется объясняться долго и упорно. Причем без шансов на удачный исход. Поэтому ответил в несколько ином ключе.

– Пришибу. Так понятнее? – уже не столь воинственно уточнил Иван.

Вроде и времени прошло на пару ударов сердца, а пока прогонял в голове все эти мысли, успел успокоиться.

– Не закипай, как котелок, Ваня, – добродушно заметил Елизар.

А действительно, чего это он? Не понравилось ему, что так-то о его парнях? Так это нормально. Авторитет он на ровном месте не появляется. Его заслужить надо. И никак иначе. И они в этом направлении пока делают только первые шаги.

– Ладно. Проехали. Ты остаешься здесь за старшего. Не расслабляйтесь. Если вдруг... Словом, мужикам гранаты не давай. И себя подорвут, и еще кого прихватят. Лучше уж сам. Ну или парочку посообразительнее подбери.

– Я понял, Ваня. Да только ты бы с таким настроением-то за стену не ходил.

– Я не о нашей гибели тебе тут толкую, а о том, что штурм татары учинить в любой момент могут.

– Да понял я. Понял.

– Вот и ладно, что понял.

Оставив инженера, Иван направился к парням, что уже собрались у колодца. При виде десятника они поспешили привести себя в порядок. Карабины на ремнях. На груди пара патронташей на манер газырей. Справа на пояском ремне еще подсумок. Всего полсотни патронов. В подсумке на левой стороне пара гранат. Рядом тесак длиной в локоть. Ну и по паре пистолей за поясом да неизменный засапожник за голенищем.

По здравом рассуждении Иван все же решил отказаться от сабель. Благо строгого регламента на этот счет не существовало. Зато владение саблями или шпагой требовало определенных навыков. Случись им сойтись с серьезным противником, и ни одному из них, включая и Карпова, не выстоять.

А вот штык-тесак с обоюдоострым клинком – дело совсем иное. Насади его на карабин – и получишь эдакое копьёцо длиной в полтора метра. Оно вроде и не очень, но зато против сабли уже хоть какие-то шансы вырисовываются. Им можно не только колоть, но и рубить, то есть использовать ухватки, отработанные при обращении с бердышом. А уж владеть этим-то оружием родители учили ребят на совесть.

Пистолы же у всех самые обычные. С одной стороны, Иван не собирался обеспечивать своих подчиненных дорогими новинками за свой счет. Накладно, что ни говори. Да и заслужить это нужно. С другой – из-за ранения попросту был лишен подобной возможности. Он даже себе не успел изготовить револьвер, хотя и собирался. Но вот не срослось. Оттого и приходится ходить с голландскими громадинами.

Ну да, за неимением гербовой... Хотя-а. Это еще как посмотреть. Не

такая уж и простая, получается. Все же, как ни крути, а шесть гарантированных выстрелов подряд дорогого стоят. Н-да. И даже избыточного веса, чтоб ему пусто было.

Пробежавшись взглядом по амуниции, заглянул в лица парней. У-у-у, как все хреново-то. Егор с Гришкой смотрят орлами. Нервничают, не без того, но с боевым духом полный порядок. Артем с Ефимом откровенно не горят желанием куда-либо отправляться. Остальные пятеро никак в толк не возьмут, кого они больше боятся – десятника, дядек Фрола и Матвея или все же татар. Оно и понятно. Грудь в грудь-то с татарами не сходились еще.

Воинство, итить твою! Но других у него нет. Прислушался к себе. Хм. Нечто подобное Иван чувствовал, когда отправлялся выслеживать того снайпера. Только тогда он шел мстить за друга. Теперь же... А теперь он уверился в том, что у него нет иного выхода, вот и все.

– Парни, – наконец заговорил Иван, внятно, но не повышая голос, – издавна заведено, что на вылазку выкликают добровольцев. Но сегодня я эту традицию нарушу. Знаю, вам страшно. Да я и сам боюсь, йолки. Но выбора у нас попросту нет. Помощи ждать неоткуда. Уйти не можем, потому что за укреплениями нас побьют и глазом не моргнут. Сидеть в осаде – все одно достанут, может, чуть позже, а может, и этой же ночью. У нас только один выход. Сейчас им несладко. Мы им малость кровушку попортили. И коли снова врежем, то есть шанс, что они уйдут.

Вновь обвел взглядом лица парней. Ну, с Егором и Гришкой все понятно. Глаза огнем горят, богатыри, йолки. А вот у остальных появилось нечто вроде покорности судьбе. Мол, не наш выбор, так уж сложилось. Вперед идти страшно, остаться нельзя. Вот и ладно. Оно, конечно, мотивация так себе. Но хоть что-то.

Резкий щелчок. И с незначительным разрывом тупой стук стрелы, входящей в дерево ворот. Иван даже вздрогнул от неожиданности. Ветераны не придумали ничего умнее, как расположиться у дверей жилища начальства и пускать стрелы прямо через весь двор, по которому сновал народ. Не сказать, конечно, что двор был заполнен, и стрельцы выстроились вовсе не поперек. Но подобное пренебрежение к технике безопасности Ивана повергло в ступор. Вот как так можно!

Еще несколько выстрелов, и Фрол с Матвеем вполне удовлетворились результатом. Кстати, у обоих уже имеются самодельные колчаны. Они не стали ничего усложнять. Взяли пару кусков бересты, согнули вдвое, наскоро прошили, и порядок. Одноразовое изделие, но вполне работоспособное.

– Мы готовы, господин десятник, – подойдя к Ивану, доложил Матвей.

В этом оба ветерана молодцы. Всячески и во всем стараются поддержать авторитет Ивана. И их старания бесполезны. За все время в экспедиции ни одного намека на неповиновение или ропот.

– Коли так, то и тянуть не вижу смысла. Выходим, – подытожил Иван.

Однако направились они вовсе не в сторону ворот, а напрямик в стрелецкую казарму. Иван бы до такого ни за что не додумался. Здесь же это в порядке вещей. Если есть укрепление, то должна быть и возможность для скрытного выхода за его пределы. Надо же как-то устраивать вылазки.

Вообще-то в уважающем себя остроге таких тайных лазов несколько. Это они за прошедшее время только одним озаботились. Ну да есть, и то хорошо. Между прочим, с его устройством довелось поднапрячься. Песок же тут, пусть и слежавшийся. А потому и обрушиться очень даже может. Вот и пришлось устраивать серьезную такую и сплошную крепь. Но с другой стороны, хорошо, что песок. В других местах вообще камень. Вот где намучились бы. Впрочем, и намучились на последнем десятке саженей.

Подземным ходом вышли в неприметный овражек. Оставить следы не боялись, потому как здесь сплошь камни. Сам вход закрыт раскидистым кустом. А что такого? Здесь этих кустов вполне хватало. Вот так вцепятся в клочок грунта и растут себе. Ну пришлось малость поухаживать за пересаженным растением. Ничего, куст прижился как родной.

Кстати, направление выбирали самолично ветераны, как, впрочем, и надзирали за работами, оттерев от этого дела инженера. Пусть прииском занимается да по округе бродит. А такое важное дело, как тайный лаз, они никому доверить не могли.

– Ну что, старички, идете передовым дозором, – озвучил Иван то, что они уже решили заранее.

Те только согласно кивнули и, взяв в руки луки, наложили на них стрелы. Потом переглянулись и тенями скользнули по оврагу. Вот так посмотришь на эту сладкую парочку и не поверишь, что они познакомились сравнительно недавно. Или это просто сказывается боевой опыт и схожие навыки?

– Парни, примкнуть штыки, – приказал Иван.

Ну да, неудобно. Карабин получается несколько громоздким. А ведь именно для оборотистости Иван и ладил не пехотную винтовку, а нечто среднее. Да и баланс нарушается, отчего появляется определенный дискомфорт. Но в случае неожиданности у ребят будет больше шансов встретить противника сталью штыков. Мало ли как оно все обернется.

Выбрались из оврага и двинулись дальше, огибая острог по большой дуге и не приближаясь к опушке. Самих строений Иван не видел, но на

местности вполне ориентировался. Успел тут все излазить вдоль и поперек. И предстоящий маршрут в принципе представлял. Поэтому нет никакой необходимости все время держать Матвея и Фрола в поле зрения.

Они прошли уже примерно с версту, когда Иван приказал остановиться, заприметив бесшумно бегущего к ним Матвея. Вот как у него так получается? Вроде и бежит и в то же время будто стелется над землей. Причем абсолютно бесшумно.

– Что там? – спросил Иван, когда приблизился телохранитель Хованской.

Хм. Или теперь уже его? Да и черт бы с ним. С этим и потом можно разобраться. И вообще, он не в претензии.

– Татары, – скорее выдохнул, чем произнес Матвей.

– Как – татары? Ты же сказал, что они у Кривого ручья, – искренне удивился Иван.

Они понятия не имели, как и что тут называется. Поэтому направо и налево раздавали свои названия, которые Крапивин фиксировал на своем плане местности. Просто так удобнее. А уж какие названия решат использовать, когда станут эти места детально картографировать, Ивану было без разницы.

– Сказал. А они тут, у Гремучего оврага. Только, сдается мне, что эти суки что-то задумали.

– Еще что-то не так?

– Не так. Мало их. Не больше двух десятков. Не иначе как решили отвлечь с одной стороны. Пока мы с другой биться будем, эти ударят в спину.

– Да не получится у них ничего, – усомнился Иван.

– Если ночью, то очень даже. А дело уже к вечеру. К тому же эти без коней. И вообще, по всему видать, отдыхают, набираются сил для ночного веселья.

– Атаковать их получится?

– Да легко. Мы караульных трогать не стали. Они на краю оврага. И если их снять, то снизу это заметят.

– Значит, зайдем с востока. Ты ведь оттуда подходил, – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Иван.

– Оттуда. Да только там, где мы с Фролом пройдем незамеченными, вам нечего о том и думать.

– Что предлагаешь?

– Есть там одна промоина, шагах в ста от края оврага. Вот по ней вас и выведу...

План ветеранов был прост и дерзок. Одним десятком атаковать двадцать татар. Что это, если не дерзость? Впрочем, если вспомнить, что они отправились вправлять мозги вообще сотне, то да, не такая уж и наглость.

Иван присел на валун, отсчитывая положенное время, чтобы дать возможность Матвею занять позицию для стрельбы из лука. Наконец посмотрел на ребят, полных отчаянной решимости. И... Как там говаривал прославленный генералиссимус Суворов? Хм. Или только скажет. Если вообще скажет. Не важно. «Каждый солдат должен знать свой маневр». Кажется, так. Иван готов был подписаться под каждым словом.

– Значит, так, парни. Сейчас выдвигаемся в сторону оврага, тут шагов двести, не больше. Идти нужно быстро, но тихо. Смотрите под ноги. Как только караульные нас заметят, Матвей и Фрол их снимут из луков и подадут знак криком сойки. А тогда уж бегом. Как только доберетесь до края, тут же падаете на колено и палите в татар. Они на дне оврага. Палите, перезаряжаетесь и снова палите. Не старайтесь беречь гильзы, роняйте их прямо под ноги. Потом подберем. Вниз не спускаться. Все время стрелять. Как можно быстрее и точнее. И слушайте. Все время слушайте. Гранаты бросать только по команде. Вопросы есть? Вот и ладно. Встали в цепь. Пошли.

Пусть стрельцы сейчас и не в самом лучшем расположении духа, но идут вполне бодро, пребывая в мрачной решимости. Никто из ветеранов о подобном не рассказывал. Все их байки просто искрились задором. А тут... Разве что не тошно. Нет, не Ивану. Не сказать, что его не потряхивает. Есть малость, чего уж там. Но с тем, что творится на душе у ребят, не сравнить. А уж он-то знает, каково им. Сам по этой дорожке хаживал. Там. В прошлой жизни.

Они успели преодолеть примерно половину расстояния, когда в легкий хруст мелких веток ворвался резкий треск относительно крупной. Кто-то допустил-таки ошибку и нашумел. Впрочем, если бы не это, то все одно через пару-тройку секунд их заметили бы. Ну не слепые же караульные.

А вот и крик сойки. Похоже, с караульными разобрались. И скорее всего татары или уже заметили это, или вот-вот...

Выстрел! Еще один!

– Бегом, парни! Бегом! – Иван перешел на бег и буквально помчался вверх по склону.

Послышались ответные выстрелы. Ответные, потому что Матвею и Фролу за это время ни за что не успеть перезарядиться. А богатые татары, коль скоро у них столько огнестрельного оружия.

Иван буквально вылетел на край оврага. Гремучим они его назвали из-за небольшого водопада в трехстах шагах выше этого места. Склоны оврага каменистые, с редкими деревьями и кустами, практически не влияющими на обзор. Так что обосновавшихся на дне татар он заметил сразу же.

До противника шагов сто, не больше. Он сейчас как на ладони. Воины спешно укрываются за валунами, сосредоточив свое внимание на засевших чуть в стороне ветеранах. Матвей вывел стрельцов в нужное место. Двигаясь в указанном направлении, они вышли как раз во фланг врагу.

Выполняя свой же приказ, Иван упал на колени, едва не зашипев от боли. Нужно будет придумать что-то с наколенником. Вскинул карабин. Прицелился в бок одному татарину, спешно шурующему шомполом в стволе мушкета.

Стрельцов заметили. Послышались возбужденные крики. Вот только эти крики проносятся мимо сознания, ни на мгновение не задерживаясь в мозгу. Один из татар указывает в их сторону рукой.

Иван нажал на спусковой крючок. Карабин, привычно лягнув в плечо, выплюнул сноп пламени и облако дыма. Картинку перед глазами на какое-то время заволокло молочной пеленой. Не важно. Отщелкнуть затвор. Потянуть и выронить под ноги гильзу. Патрон из патронташа. Вокруг слышатся разрозненные выстрелы парней. Снизу доносится разноголосица болезненных и возбужденных криков. И только сейчас Иван осмыслил услышанное.

Русские?!

Ребята так же расслышали выкрики на родном языке. Но... плевать. Только сомнений им сейчас и не хватало.

– Стреляйте, парни! Стреляйте! Не давайте никому уйти! – закричал Иван, и сам не зная, кого сейчас подбадривает больше, себя или ребят.

Вскинул карабин и только теперь сквозь дымку рассмотрел того, в кого стрелял несколько секунд назад. Мужчину крутит в корчах. Бог весть, куда он ему попал, но то, что раненый сейчас переносит нечеловеческие страдания, факт. Осознавая, что это дело его рук, с трудом заставил себя отвести взор в сторону. Поймал в прицел другого, уже вскинувшего мушкет, выцеливая кого-то из парней.

Выстрел! И снова непроницаемое облачко дыма, застилающее взор. В лесу оно всегда куда хуже, чем на открытом месте.

– Стреляйте, мать вашу! – со злостью выпалил Иван.

Как видно, его крик все же возымел действие, раздалось несколько разрозненных выстрелов. Когда же он вновь перезарядился, то сквозь пороховой туман увидел нескольких татар, улепетывающих во все лопатки

по дну оврага. Еще немного, и они скроются за изгибом.

Слева раздались два выстрела, практически слившиеся в один. Это Матвей и Фрол. И тут же двое споткнулись и упали на камни. Один подскочил, но вновь упал. Как видно, прилетело в ногу. И серьезно, коль скоро не может стоять. Тут народ крепкий и на всякую царапину вот так реагировать не станет.

Вновь вскинул карабин. Но выстрелить не успел. Его опередил Гришка. Пуля ударила в спину последнему беглецу, остававшемуся в поле зрения, бросив его на камни. Он так и остался неподвижным. Тогда Иван прицелился в раненого. Тот уже суетится со своим мушкетом. Но предпринять ничего не успел. Вторая пуля опрокинула его на спину, добив окончательно.

Все? Уйти, похоже, удалось только четверым. Если Иван все правильно рассмотрел. Со дна оврага доносятся стенания раненых. А вот рассмотреть кого-то, готового дать отпор, уже не получается. Нет таких.

– Перезарядиться, – начал приказывать Иван. – Подобрать гильзы. Не столбенею, братцы. Живее поворачиваемся. Ничего еще не закончилось. Гриша, Егор, оставайтесь здесь, следите за округой, – подбирая стреляные гильзы, продолжал раздавать приказы Иван. – Остальные спускаемся вниз. И повнимательнее. Если что-то не понравится, сначала стреляйте и только потом спрашивайте. Все, пошли.

Ч-черт! Догнать бы тех четверых. Но не в той они сейчас ситуации, чтобы гоняться за беглецами. Тут понять бы, что вообще происходит. И потом. Результат и без того более чем внушительный. Вот что значит сложившийся стереотип относительно точности современного оружия. Именно по этой причине противник изображал из себя мишени. А тут сразу дюжина винтовок.

Огнестрел ведь начал преобладать не за счет своей точности. Все дело в простоте обращения в сравнении с тем же луком и способности пробивать любые латы. Винтовку же отличает точность боя. И уж тем более на такой плевой дистанции. Если бы парни обладали хоть мало-мальским опытом и не цепенели, тут вообще никто не ушел бы.

Спускались осторожно, держа карабины на изготовку. Матвей с Фролом заходят с другой стороны. Причем движутся куда как быстрее. Да они попросту бегут, рискуя свернуть себе шею. Потому и достигли места побоища раньше остальных. И сразу же принялись колоть ножами всех подряд, не разбирая, убит он или ранен.

При виде этой картины все, включая и Ивана, остановились. Нет, его кровью не удивить. Случалось убивать и глаза в глаза. Но вот добивать как-

то не доводилось. Трех парней вывернуло наизнанку. Ветераны, услышав характерные звуки, только зло сплюнули. Мальчишки.

– Гришка, Егор, ткните штыками тех двоих, – приказал Матвей, окликая оставшихся на гребне оврага.

При этом указал окровавленным ножом на караульных, лежащих чуть поодаль со стрелами в спине и боку. Вот не до политесов ему. Коли сам Иван столбенеет, никто ему не виноват. А сейчас каждая секунда дорога.

– Кому сказал, живо исполнять! – выкрикнул Матвей.

Парнишки переглянулись и двинулись то ли к трупам, то ли к раненым. Там идти-то было с дюжину шагов. В первого ткнул штыком Гришка. И тот остался неподвижным. Глядя на товарища и набравшись смелости, Егор воткнул свой штык в спину караульному, получившему стрелу в бок. Того изогнуло от боли, и послышался предсмертный хрип.

Паренек даже не выдернул из тела штык. Бросив оружие, попятился с таким видом, словно, сам того не желая, совершил нечто невероятно дурное. Споткнулся и упал на задницу. Потом вдруг отвернулся, и его вывернуло.

– Артем, Ефим, то же самое с теми. – Иван указал в направлении неизвестных, отбежавших в сторону и павших под пулями стрелцов.

Фрол только одобрительно кивнул, встряхивая за шиворот последнего раненого, оставшегося в живых. Нужно ведь понять, что тут вообще происходит. При виде этой картины Иван нервно сглотнул. В голове только один вопрос. Неужели побили своих?

– Не журишь, Ваня. Не было у нас иного выхода. Не тот момент, чтобы долго думать, – правильно его поняв, произнес Матвей.

– Ну что, дружок, жить хочешь? – заглядывая в глаза пленнику, раненному в плечо, спросил Фрол. – Вижу, что хочешь. Тогда говори. Кто вы? Что тут делали? Только правду говори. Не заставляй меня резать тебя на куски.

Сказано это было так, что Иван ни на мгновение не усомнился – казак это сделает. Поверил и раненый с бегающими глазками затравленного зверька. А потому затараторил с быстротой пока еще тут неизвестного пулемета.

Картина маслом, йолки. Оказывается, эти ребята пришли сюда, чтобы отобрать золотишко, а всю экспедицию пустить под нож. В отряде было два десятка человек, включая и нанимателя. Имя раненому неизвестно, но у того явный новгородский говор.

Напасть собирались, когда золотоискатели отправятся в обратный путь. Но все карты смешали башкиры, внезапно напавшие на острог. Тогда

старшина предложил поглядеть, чем все дело закончится, а там и действовать по обстановке. Подручных это вполне устроило. Они-то свою плату в любом случае должны были получить. Главное, чтобы старшой в живых остался...

– Вот так вот, Ваня, – стоя над убитым и утирая нож, спокойно произнес Фрол.

Ивана произошедшее ничуть не смутило. Фрол не обещал сохранить раненому жизнь. А и пообещал бы – плевать. Обернись иначе, и этот вполне мог стоять над их трупами. И потом это не солдаты, а душегубы. Разница, йолки.

Итак, стрельцы побили шестнадцать бандитов. И данный факт сильно удивил обоих ветеранов. Там-то, в остроге, посчитали случайностью. А тут все повторилось. И лихо так. Получается, что ушли четверо. И в их числе старший.

Хорошо бы вызнать, кто это такой ушлый. Но есть куда более важные заботы. К примеру, сотня башкирских воинов. Лучше бы здесь оказались именно они. А то ведь как получается – на шумели, побили кучу народу, а все не то.

– Оставьте, парни. Некогда. Живы будем, еще вернемся, – глянув на Артема и Ефима, подошедших с трофеями, произнес Матвей.

При этом ни капли осуждения по поводу мародерства. Впрочем, какое мародерство? Законные трофеи. А парни ничего. В бой шли без огонька, а тут про свой интерес не забыли. И Иван знал точно, что это не жадность. Просто ребята всегда знали одно простое правило, вдалбливаемое в их сознание рассказами старших: что с бою взято, то свято. Вот и все.

– Что дальше делать будем? – обратился Иван к ветеранам, отведя их в сторону.

– То, что и собирались, – пожав плечами, ответил Матвей, а Фрол подтвердил легким кивком.

– После такого тарарама? – усомнился Иван.

– А у нас иного выхода нет, Ваня. Башкиры никуда не делись.

– Но теперь они знают, что мы за стенами.

– Сути это не меняет, – покачал головой Матвей.

Двинулись в путь, забирая значительно севернее. У них только один шанс осуществить задуманное. Выйти с неожиданной для башкир стороны.

Какие только мысли не бродят в голове, пока пробираешься по лесу и каждую секунду ожидаешь внезапного нападения. К примеру, Иван всерьез подумывал обзавестись маскировочным комбинезоном. Раньше-то считал, на фига попу баян, коль скоро дымный порох сводит всю эту маскировку к

нулю. Но теперь так не считает.

Во-первых, есть возможность скрытного перемещения хотя бы до первого выстрела. Во-вторых, позицию можно и поменять. Даже рекомендуется. Ну и в-третьих, нанесение внезапного и выверенного удара все же дорогого стоит.

Хм. А почему бы не изготовить бездымный порох? Нет, понятно, оно и сложнее, и дороже получится. Но ведь выгоды очевидны. Правда, непонятно, как он будет работать с кремневым замком. Иван раньше как-то не пробовал использовать его в подобном оружии. Просто мысль в эту сторону ни разу не повернула.

Вот и здесь как-то не думал об этом. Наверное, потому, что бездымный порох у него ассоциируется с классическим унитарным патроном, а не с тем суррогатом, которым он пользуется сейчас. С капсюлями же связываться не хотел по той причине, что вполне реально вместо винтовки оказаться с куском бесполезного металла в руках.

Но подумать о бездымном порохе надо. Обязательно. Тем более что Иван своими руками изготавливал два вида пороха из самых что ни на есть подручных средств. Только не пироксилиновый, слишком уж тот гигроскопичен. А вот белый очень даже может пригодиться.

Нет, оно, конечно, будет непросто, но ничего невозможного. И уж тем более при изготовлении ограниченного количества. Опять же белым порохом можно снаряжать гранаты. Он раза в три мощнее черного.

И что мешало подумать об этом раньше? Да ничего в общем-то. И средства, и возможности у него имелись. Но вот не подумал, и все тут. Ладно. Главное, выбраться из этой заварухи, а там можно будет и заняться. Невелика наука. Во всяком случае, для него...

Примерно через две версты после памятного оврага отряд вышел к четырем трупам татар, над которыми возвышались Фрол и Матвей. У казака рассечена бровь и изодран правый рукав кафтана. Но в целом оба целехоньки и довольны собой донельзя. Еще бы, коль скоро даже Иван с парнями ничего не услышали, то что же говорить о противнике. Или...

Иван присел над убитым и перевернул его на спину.

– Башкиры, – уверенно заявил Матвей, намекая на то, что это не та четверка, что сбежала от них.

– Их отправили в разведку? – спросил Иван.

– Скорее всего, – согласился Фрол. – Но им не повезло. Башкиры они ведь всадники превосходные. В лесу уже не то.

– А ты много знаешь о башкирах, – вздернул бровь Иван.

– Я достаточно много знаю о татарах^[14], а у них у всех немало общего,

и по большей части они кочевники, пробавляющиеся скотом и разбоем.

– Согласен. Как думаете, они там же, в своем лагере?

– Наверняка, – вновь заговорил казак. – Сам посуди, они на лошадях, а тем нужны корм и водопой. Кругом же леса, открытых мест не в избытке. К тому же разведку выслали. Но караульные точно настороже.

– Слушайте, а они, говорите, расположились у Кривого ручья?

– Ну да, – продолжал отвечать на вопросы Фрол.

– А не у устья ли?

– Там.

– Хм. А что, если я с парнями заберу еще севернее и мы выйдем на разлив? Потом проберемся, прикрываясь плавнями и островками, на остров напротив Кривого ручья. И оттуда ударим по татарам.

– Пробраться-то ладно. Но там до татар будет шагов триста... – начал было возражать Матвей, но осекся.

– Вот именно, – победным тоном произнес Иван. – Для наших карабинов дистанция плевая.

– Допустим. Но с чего ты взял, что они станут ждать, пока вы в них свинца понатыкаете? – все же гнул свое телохранитель. – Отбегут чуть в сторону и укроются за бугорком, есть там такой. Высота плевая, но чтобы переждать обстрел, хватит с лихвой. А еще оттуда можно верхом пускать стрелы. А то пустят зажигательные да подпалят траву на острове. Выгонят вас на воду, как уток.

– Обязательно укроются. И на тот случай вы с Фролом будете их дожидаться с другой стороны. И как только они соберутся в кучу, забросаете их гранатами. А мы, если что, прикроемся камышовыми матами. Достаточно просто. Тем более все одно их вязать придется, чтобы боевой припас да одежду сухими переправить. И если остров не подпалят татары, то сделаем мы, чтобы за дымом уйти. Правда...

Иван запнулся, поочередно посмотрев на мужиков, которым отводилась главная и самая опасная часть операции. Как забросать татар гранатами и при этом уйти самим? Вот в чем вопрос. Причем не праздный.

– Ла-адно придумал, – протянул Фрол. – Вода холодная, неча нам купания устраивать. Оно хотя и лето, но бабье. А за нас не переживай. Мы с Матвеем хорошо все сделаем. Есть идея. Только гранат бы нам поболее. Давайте каждый по одной сюда.

Лишившись половины своей карманной артиллерии, вновь двинулись вперед. Ветераны еще какое-то время их сопровождали, но потом отделились по направлению к разливу Пышмы.

До намеченного Иваном места добрались без происшествий. Быстро

навязали маты, на которые погрузили одежду и оружие с припасами. После чего вошли в холодную воду.

В жутко холодную, надо сказать. Карпову его идея тут же показалась не столь уж и гениальной. Бог с ним, с желанием как можно быстрее оказаться на берегу и погреться на солнышке, а лучше на печке. Так ведь им еще и стрелять надо. Причем желательно точно. А какая стрельба, когда тебя трясет от холода?

А тут еще приходится делать крюк общей сложностью чуть ли не в версту, хотя по прямой до островка шагов триста. Сначала предстоит незамеченными выйти на другой остров, напротив нужного. Пересечь его, и уже прикрываясь от татар целью своего водного марш-броска, выйти на намеченную позицию.

Слабым звеном этого плана было то, что стоит только кому из татар захотеть прогуляться вдоль берега вправо или влево, и он вполне сможет заметить плывущих стрельцов. Нет, они, конечно попытались замаскироваться. Но десяток камышовых плотов не могут не вызвать подозрений. К тому же сегодняшних воинов вовсе не удивишь по части различных военных хитростей.

Но все прошло тихо. Мало того, еще и не так трясло от холода, как Иван того опасался. После пересечения предыдущего острова посуху вода уже не казалась настолько холодной. Ну да оно и к лучшему. Разве что открывать огонь нужно как можно быстрее. А то холод уже начинает одолевать.

Татары были как на ладони. Все же сотня лошадей и столько же всадников, проведенных на одном месте не один час, – это серьезно. Трава на берегу утоптана основательно и совершенно не мешает обзору. Та же участь постигла и прибрежный камыш. Он тут и без того был жидковат, так его еще и лошадки втоптали основательно. Тесновато им, видать, у ручья. Или люди их туда не пустили. Оно и понятно, им ведь тоже откуда-то пить надо.

Залп десятка карабинов – со стороны не такое уж и серьезное зрелище. Островок тут же заволокло дымом, который медленно относил в сторону. Но зато татары его вполне оценили. С берега тут же послышались встревоженные и даже испуганные крики, которым вторили болезненные стенания и откровенные вопли. Бог весть кому там и куда прилетело, но, как видно, все же знатно.

Стрельцы успели дать еще один разрозненный залп. Причем выцеливали тех, что схватились за луки и пытались достать нападавших. Получалось у них это плохо. Несколько стрел, никого не задев,

прошуршали по высокой траве. Только и всего. Нет, если долго мучиться, то что-нибудь получится. Но татары враз сообразили, что по ним бьют не просто часто, а очень даже прицельно. Трудно вообще-то не сообразить, когда число павших и раненых неизменно растет.

Как и предсказывал Матвей, татары поспешили укрыться за бугорком. И очень даже возможно, что оттуда полетели бы стрелы. Но тут появились оба ветерана, подкрававшиеся к нужному месту камышами. Взбежали на скат холма со стороны реки и начали метать за него гранаты. Вот так, вслепую, понятия не имея, есть ли там кто или нет. Может, впечатлительные татары отбежали еще дальше, и драгоценные боеприпасы сейчас расходуются впустую.

Не тут-то было. Вместе с глухими хлопками разрывов гранат даже до стрельцов на острове донеслись крики татар. О чем там кричали, было не понять. Но вопли явно недовольные.

Точку в этом деле поставили ветераны. Нужно быть либо сумасшедшими, либо беззаветно храбрыми, чтобы решиться на это. Вместо того чтобы уходить, они взобрались на вершину холма и начали палить из карабинов в невидимых Ивану татар.

Как бы то ни было, стрельцам на острове делать больше нечего. Как и договаривались, они подожгли траву и вновь погрузились в воду. Им предстояло, прикрываясь дымом, добраться до берега и двигаться в условленное место. Все, что могли, они сделали. Причем получилось не так чтобы и мало.

Направление ветра вполне удачное, и если татары не уберутся восвояси, дым прикроет плывущих в воде стрельцов. А там уж другим бережком Березовки и до самого острога, где останется только переправиться. Оно, конечно, опять лезть в воду никакого желания. Но лучше иметь между собой и татарами водную преграду. А по тамошнему лесу их кони не такие уж и помощники. Скорее даже наоборот.

Ага. А ведь дым не только над островком начал подниматься. На вершине холма уже вовсю бушует пламя горящей травы. А она тут густая, полыхает жарко. Не иначе как загорелась от разрывов гранат. Главное, чтобы не случилось большого пожара. Не сказать, что он может угрожать острогу, но все же не хотелось бы быть причиной серьезной беды.

А вот ветеранов нигде не видно. И куда уже успели запропасться? Ладно. Это не суть важно. Они свое дело знают тугο. Ивану сейчас главное – вывести свой десяток к острогу и уже там ждать возвращения этих ухорезов. Те, помимо всего остального, должны были еще и остаться за стенами, чтобы выяснить, что станут делать татары. И, признаться, Иван

сильно переживал по этому поводу. Все же не шутка – играть в прятки со смертью.

Впрочем, волновался он напрасно. С закатом Матвей и Фрол благополучно вернулись в острог, усталые, измотанные, словно два старых потасканных кота, но невероятно довольные. Как оказалось, было с чего.

Татарам не понравился устроенный прием. Да и пожар их потрепал. В огне погибли все раненые, оставшиеся на берегу ручья и не имевшие возможности спастись самостоятельно. Не понравилось им и угощение в виде гранат. Как, впрочем, и пищали, которые способны доставать противника на запредельных дистанциях. Словом, слишком много всего непонятного с этими русскими, вот бий ^[15] и решил уйти несолоно хлебавши.

– Это мы лихо наподдали. И разбойничков шуганули, и татар в обратный путь наладили. Силачом слышу недаром, семерых одним ударом. Йолки! – даже не думая скрывать, насколько он доволен, задорно произнес Иван.

При этом обвел взглядом собравшихся во дворе острога. Здесь были практически все члены экспедиции. Разве что караульные стоят на постах. Нужно дать стрельцам отдохнуть и гнать их на посты. Что-то доверяться мужикам нет никакого желания.

– Это откуда такое? – вздернул бровь Матвей, поддержанный немим вопросом остальных.

– Сказка есть такая, немецкая, – пояснил Иван.

– Страсть как люблю разные сказки, – устраиваясь на чурбачке, произнес Фрол.

Ну а что такого. Отчего не рассказать. Вот и поведал Иван содержание мультфильма, который еще в детстве смотрел. Все же какие здесь открытые и наивные люди. Вроде только недавно готовились к гибели, шли в последний и решительный, убивали и кололи штыками, а теперь сидят и как дети слушают незатейливую сказку. Да еще и так бурно реагируют.

– Ну что думаешь делать? – когда народ подался по своим делам, спросил у Ивана Елизар.

– По мне так уходить надо. За ночь собраться и с предрассветными сумерками трогаться в путь, – решительно ответил Иван.

– Чусовая пока мелкая. И до нее еще добраться надо. И Пышма тоже обмелела изрядно. Волок куда больший выйдет, – с сомнением произнес инженер.

– Матвей, Фрол, вы татарскую повадку лучше знаете. Как считаете, вернутся они? – вместо ответа поинтересовался Карпов у ветеранов.

– Вернутся. Соберутся с силами и вернутся. Как бы со злости еще и большой набег на все русские поселения не устроили. Не любят они, когда их вот так-то выпроваживают, – уверенно произнес Фрол.

– Вот тебе и ответ, Елизар. Так что собираемся и с рассветом в путь.

– Как бы царь-батюшка не осерчал, что мы вот так-то скоренько собрались. За оставшееся время до дождей мы можем успеть намыть около пуда золотишка, – вновь усомнился инженер.

И понять его можно. Аппетит ведь приходит во время еды. И всегда хочется иметь больше, чем есть. Так что реакция царя вполне могла быть не столь уж благостной. Золото не только простым людям застит взор, но точно так же действует и на царственных особ.

– Эх, Елизар, Елизар. Один умный человек сказал: «Жадность порождает бедность». За те две недели мы очень даже можем высидеть большие неприятности. А тогда уж и то, что есть, потеряем, и себя не сбережем, – покачал головой Иван.

Во дворце Лопухиных гулянья всегда устраивали с размахом. А уж после того, как пошли слухи о возможной помолвке цесаревича с дочерью Иллариона Аврамовича, главы рода, так и подавно. Оно, конечно, помолвка – это не замужество. Да и самой помолвки еще никакой нет. Лишь слухи. Но слухи небезосновательные.

Государь намерен женить Николая, как только ему исполнится восемнадцать. А к тому времени и Ксюшенька, младшенькая Лопухина, в возраст взойдет. Она как раз на три года младше цесаревича. В принципе окольничему нечего волноваться. Вопрос уже решен, и даже дата помолвки назначена, разве что Дмитрий Первый об этом пока не объявил. Но слово его крепко.

И надо сказать, никто по этому поводу не обманывался, вот и спешат засвидетельствовать свое почтение. Или хотя бы попасться на глаза. Народу полно.

Если так дело пойдет и дальше, придется ограничивать число гостей, выписывая персональные приглашения. Кстати, эта мера в Москве уже начала практиковаться. А все оттого, что некоторые дома пользовались особой известностью и попросту не были способны вместить всех желающих. Дворец Лопухиных до сей поры был вполне вместителен. Но, похоже, он становится слишком уж популярным.

Илларион Аврамович положил руки на перила балюстрады и сверху посмотрел на залу. Она была полностью заполнена танцующими. Причем присутствовали здесь далеко не только русские дворяне. Хватало и

иностранцев. Дамы были вынуждены надеть наряды попроще или вовсе предпочесть русские.

Дело в том, что танцы в Москве не имели ничего общего с европейскими. Они были более подвижными и проистекали не от манерных рыцарских, а от народных, живых и задорных. Нет, были, конечно, и степенные, полные лебединой грации. Но ты поди постучи каблучками или проплыви павой, когда на тебе корсет и фижмы с пышной юбкой. Вот и вынуждены иноземки подстраиваться под местные реалии.

Наконец музыка замерла, и Ирина застыла одновременно со своим ухажером, обозначая окончание танца. Все. Ну слава богу, теперь можно перевести дух. Признаться, она еще не успела полностью оправиться и ощущала слабость. Однако не могла допустить, чтобы поползли ненужные слухи, а потому была вынуждена терпеть.

Вообще-то Ирина любила танцы. А потому посещала гулянья с завидным постоянством. Но в последнее время самочувствие не позволяло. И даже сейчас видно, что румянец на ее щеках скорее горячечный, чем разгоряченный. Но...

Ирина не могла не выказать уважение Лопухину. Как не могла себе позволить и просто присутствовать, не танцуя, а скромно отсиживаясь в сторонке, подобно почтенным матерям семейств. Те выводили в свет своих чад и строго надзирали за тем, чтобы они вели себя пристойно. Ну и подыскивали достойную пару.

Княгине присматривать пару своим детям пока еще рано. К тому же всем известно, что она любит танцы и веселье. Как и то, насколько сильное влияние она имеет на царственную семью. Поэтому стоит ей только пристроиться в сторонке, как тут же появятся предположения, что государь недоволен своим окольничим.

– Ирина Васильевна, позволь предложить тебе лимонад? – Едва Ирина остановилась у колонны, обмахиваясь веером, как рядом тут же возник...

Н-да. Красив, нечего сказать. Причем взгляд невольно задерживается на нем, хотя она видела его полностью сломленным, гадящим под себя и пускающим пузыри. Хм. Все же правильно она сделала, когда распорядилась не больно-то усердствовать с каленым железом и не трогать ни рук, ни лица. А то лишила бы Москву эдакого славного жеребчика. Вдовушки и увядающие клуши ввек бы ей этого не простили.

– Сережа... – начала было княгиня.

– Ирина Васильевна, ты не подумай. Я просто проходил мимо и обратил внимание, что ты выглядишь... Кхм. Прости, но несколько нездорово. Вот и решил предложить тебе освежиться. Но если...

– Нет-нет, Сережа. Все хорошо. Признаться, мне и впрямь не помешает что-то прохладительное. Спасибо, – все же решила принять стакан Ирина.

С одной стороны, Сергей имел все основания быть ей благодарным. Хотя бы потому, что остался жив после того, как она шла со свидания с ним и на нее напали. С другой – ей попросту нравился этот новомодный напиток, который освежал куда лучше, чем сбитень или квас.

– Ирина Васильевна, ты позволишь пригласить тебя на следующий танец?

– Сережа, мы же уже перелистнули эту страницу, – осуждающим тоном ответила она.

– Не скрою, я бы с удовольствием перечитал ее вновь, но все понимаю. Поэтому ни о чем подобном и не помышляю. Просто танец с тобой показал бы, что я не в опале. Признаться, я надумал жениться и сейчас присматриваю себе пару.

Ирина смерила его взглядом. Не сказать, что она мало для него сделала. Однако его ни за что ни про что потащили на дыбу и жгли каленым железом. Отчего бы не оказать ему небольшую милость. Хитрец. Специально подгадал момент, чтобы появиться перед ней с запотевшим стаканом. Помнит ее вкусы, шельмец. И все же Ирина благосклонно кивнула, давая понять, что принимает его приглашение.

Сказать, что Васильчиков ликовал, это не сказать ничего. Главное и неперемненное условие при использовании этого приворотного зелья состояло в том, что ты должен быть рядом с избранницей. Иначе, когда зелье все же подействует, она может избрать и другой объект страсти. Ведь зелье рассчитано не на конкретного человека, а предназначено для абсолютно любого. И это было самым слабым местом в его плане. Но все сложилось как нельзя лучше.

Впрочем, ликовал сейчас не только молодой помещик. Во взгляде следящего за Хованской мужчины в черном одеянии врача также появился торжествующий блеск. Свершилось! Теперь этой ведьме не избежать небесной кары. Он самолично наблюдал за тем, как этот остопоп влил в стакан с лимонадом раствор мышьяка и затем передал его великой княгине. Мир ее праху.

Глава 10

О пользе детективных романов

– Здравствуй, батя.

Архип оторвался от станка и оглянулся на знакомый и родной голос. А едва увидев сына, помял нос, словно хотел высморкаться, шмыгнул и пару раз быстро сморгнул. Вот только как он ни старался не подавать виду, а от Ивана это не укрылось. Как, впрочем, и от десятка работников, находившихся в мастерской.

Наконец Карпов-старший наплевал на все и, сделав пару стремительных шагов, заключил сына в крепкие объятия. Ого. Это он сильно переволновался за сына, коль скоро так бурно реагирует.

– Батя, раздавишь, – с натугой произнес Иван.

– Ничего, чай, не птичка-невеличка, выдюжишь, – дрогнувшим голосом возразил отец, а потом трижды поцеловал сына.

Н-да. Вот ведь. Оно вроде и чужой человек, и, было дело, озлился на него так, что, казалось, вовек им не поладить. А тут гляди-ка. Нет, родным Архип ему все еще не стал, но и чужим уже точно не был. Одного взгляда на то, как этот крепкий мужик радуется возвращению здорового сына, достаточно, чтобы изменить к нему отношение.

– Дома-то был? – отстраняя Ивана и перебирая инструмент, спросил Архип.

– Как только отпустили из дворца, сразу домой заскочил, обнял матушку и сестренку. Митю только не видел.

– Увидишь его, как же. Домой только с темнотой возвращается, и то за книжками своими чуть не до рассвета сидит, чисто наказание какое. Свечей на него не напасешься, – с показным недовольством пробурчал отец.

– Ну так науки познает, это к добру. И тебе помощником знатным будет.

– Если в книжках своих не закопается по маковку. То пускай. Как у вас-то? Ладно все вышло?

– Ладно, батя. Везде ладно. И золото сыскали, и тати нам попались, но отбились. Только двоих и потеряли.

– Ребятки?

– Не, батя. Из мужиков работных.

– Да что же мне из тебя клещами все тянуть! Толком рассказывай.

– Можно и толком. Так, может, тогда в дом? Я пива в кружале прикупил.

Архип осмотрел мастерскую, а потом махнул рукой. Дело уже к вечеру. Еще час, и сумерки опустятся. Работать же при лучине у них не принято. Точность нужна высокая, а как такого добиться впотьмах? Мастерская вроде и недавно заработала, но слава о ней добрая идет, а потому терять лицо никак не хочется. Э-эх, где же вы, долгие летние деньки!

А вот Иван, почесав кончик носа, подумал совершенно о другом. Была у него когда-то мысль о светильном газе. Но ведь это требует устройства газогенератора и разветвленной по дому сети трубопровода для подачи газа. А вот если получить карбид кальция, в чем нет ничего невозможного, то ситуация резко изменится. Да хоть карманный фонарик делай. И света ацетилен дает куда больше, чем керосин или светильный газ.

Впрочем, долго думать над этим вопросом ему не дал отец, решительно утянув сына в дом. Как и просил Иван, на территории усадьбы рядом со старым домом появился новый. Пусть и деревянный, но выстроен по чертежам Ивана и в полном соответствии с его требованиями. Сравнительно небольшой, гостиная и спальня, она же рабочий кабинет. Все. А много ли ему нужно.

Прежний же дом полностью отдали семье кабальных, Мироновым. Им нужнее. С детьми как-никак. Опять же люди по большей части бывают благодарны за добро. Вот и эти платили преданностью. Ведь с ними могло случиться все, что угодно, и произошедшее иначе как удачей назвать было нельзя.

Серафим работал в мастерской и одновременно охранял подворье, для чего держал с десяток собак, здоровых и лютых. Дарья вела не такое уж и малое хозяйство. Да еще и готовила на всех работников. Столовую организовали все по тому же наущению Ивана. Незачем время понапрасну терять. А сытый работник – совсем другое дело.

Работники, кстати, из числа бывших сослуживцев по полку. Отцы ребят из десятка Ивана. Архипу тоже нужно обрести своей командой. У Карпова-младшего большие планы на будущее, и одному Архипу это ну никак не потянуть. А так все в кулаке выходит. Ребятки с Иваном, родители с Архипом.

Домик пригожий, ладный, пахнет свежим лесом. Но в то же время не кажется нежилым. И печь топится регулярно, и Дарья не дает застояться в доме ни духу, ни пыли. Да и гардероб хозяйский регулярно проветривается. Словом, дом Ивану очень даже понравился.

Устроились с отцом за столом, и сын без прикрас поведал о путешествии на Урал. Не забыл поблагодарить отца за то, что уговорил Фрола отправиться в эту экспедицию, чтобы присмотреть за мальцами.

– Если бы не они с Матвеем, побили бы нас там. Как есть побили бы, – заверил Иван.

– Долг платежом красен. Сегодня же навещу вольную душу, выпьем по кружке вина да посчитаемся. Расплатился он со мной сполна, – оглаживая окладистую бороду, степенно произнес Архип.

Иван только пожал плечами. А что тут скажешь? Эти вопросы его не касаются. Пусть сами решают, кто, кому и что должен. Он же для себя решил сблизиться с казаком. Конечно, в его глазах Карпов-младший сопляк, но и не такой уж. Он видел парня в деле, и не сказать, что тот произвел на него плохое впечатление. А посему есть чем зацепить для начала.

– А что там с этими лихими? – спросил Архип.

– Пока мы двигались по Пышме, Матвей с Фролом напрямки прошлись. Вышли на след тех беглецов, а там и баркас брошенный нашли. Разбойники на втором уплыли. Снарядили их знатно. Больших денег стоило.

– И кто бы мог?

– Не знаю. Кто угодно. Хоть те же Строгановы. Столько лет владеть землей, а тут ложка мимо рта проходит. Только оседлали соляные варницы, как на тебе, казна ставит свои и часть прибыли проходит мимо. Руды богатой там на каждом шагу, но Строгановы заводы отчего-то не ставят, все больше солью, пушшиной да торговлей с Китаем пробавляются. А тут еще и богатейшая золотая россыпь. Вот и не сдержались.

– А как же новгородский говор?

– А что говор? Трудно Строганову новгородцев найти? Чай, род их из тех земель. Да и от Соли Камской до Чердыни новгородской и сотни верст не будет. Но, с другой стороны, вряд ли они. Потому как тогда могли бы все одно нас взять. Мы только до Чусовой с волоком трое суток добирались. Да по самой еще четверо, ни себя, ни весел не жалея. Если бы они, то не выпустили бы нас.

– А дальше что?

– А что дальше? – отхлебнув из кружки пива, пожал плечами Иван. – Еще на Чусовой встретили две сотни стрельцов при четырех пушках, коих государь отправил ставить острог. Да не одних, а с семьями наших работников. Ясное дело, те не возрадовались такому. Да что тут поделаешь. Кроме них еще два десятка семей. Ну и Елизара с дороги поворотили в

обратный путь, прииск устраивать. В Москву мы только сегодня поутру прибыли. Пока поклонились царю, пока сдали добытое золото. Ну а там и домой. Поздравь, батюшка, наградил меня государь тысячей рублей. Бумага на то у меня в кармане, завтра с парнями отправимся к казначею и получим все сполна.

Все так. От щедрот душевных царь наградил Ивана немалой суммой. Хотя мог бы и еще чего присовокупить. Как ни крути, а первое золотоносное месторождение в России, да еще и столь богатое, что хоть за голову хватайся, хоть пляши вприсядку.

Иван никак не ожидал, что у них получится добыть более десяти пудов золота. По сегодняшним меркам, с учетом очистки металла от примесей, это не меньше семидесяти пяти тысяч. Серьезная такая сумма.

Если там развернуть масштабный прииск, то ежегодная добыча золота может дойти и до полумиллиона, а то и больше. И это при годовом бюджете казны в полтора миллиона рублей. Насчет объемов добычи – это прикидки Елизара. Доклад инженера Иван присовокупил к своему, и того, похоже, ожидает не менее щедрая награда. А еще не приходится сомневаться и в том, что уже по весне на Урал отправится новый караван со стрельцами и с куда большим количеством крестьян.

– Ну а у вас тут как? Гляжу, работы в мастерской хватает? – Иван решил перевести разговор в другое русло.

– Заказы, слава богу, не переводятся. Дня мало. А впотьмах трудиться не дело, – огладив бороду, со вздохом ответил Архип.

– Да понял уж. Ничего, батя. Я тут кое-что придумал. Глядишь, получится наладить свет. Ярko будет, если не как днем, то уж куда лучше, чем при свечах или лучине.

– Опять озарило чем? – вздернул бровь Карпов-старший.

– Озарило, батя.

– Это хорошо, – удовлетворенно произнес отец, уже уяснивший, что к затеям Ивана стоит относиться серьезно. – Правда, тут иная напасть случилась. Война у нас, вишь ли. Крымского хана воевать будем.

– Слышал я, что князь Голицын в поход собирается, – произнес Иван.

– А о том, что под тот поход учредили особую подать, пятую деньгу, тоже слышал? – с недовольным видом отставляя от себя кружку с пивом, поинтересовался Архип.

– Нет, не слышал. И что это значит?

– А то и значит. По разным податям мне приходится отдавать четвертую часть от прибытка. А в связи с войной положили в подать пятую часть от всего имущества и прибытка, без вычета уплаченных податей. Да

еще и дьяк приказной, Якимов, приходил, опись мастерской устраивал. Так что уплатили мы и за наш с матерью дом с кузницей при нем, и за твой с мастерской. И с домницы десятину отдал.

– Так домницу уже год как не запаливаем, – недовольно проговорил Иван.

– Все одно учли. Топим мы ее или не топим, она стоит, и железом в прошлый год мы торговали, – отмахнулся отец. – Причем не одну учли, а две. Этот твой конвертер я тоже как домницу записал.

– И как считали? – став мрачнее тучи, спросил Иван.

– То добро, что твой секрет варки железа и стали никому более не введом. Поэтому посчитали по старинке, за выделку ста пудов кричного железа. Правда, и цену взяли не нашу, по рублю за пуд, а обычную по рубль двадцать копеек. Вот и выходит, за две домницы я поначалу отдал сорок восемь рубликов, а потом еще столько же надбавил.

– Н-да. Хорошо хоть так, – решил не сотрясать воздух бесплодными возмущениями Иван.

– Ага. Только это еще не все. По цареву указу мне надлежит к апрелю поставить две сотни мушкетов с кремневыми замками по цене семь рублей за штуку.

– Им цена десять, – вскинулся Иван.

Не сказать, что по семь они будут в убытке. Вовсе нет. Себестоимость их мушкета составляла чуть больше двух рублей. Но кто о том знает? Повсеместно они стоят не меньше десяти. Ну хорошо, в Европе, возможно, и меньше, но ненамного. Трудоемкое изделие, чего уж там.

Ох, йо-о! Грабят! Как есть грабят, ироды! Подумать только, по самым скромным прикидкам выходит около пятидесяти процентов от общей прибыли. Это если с мастерской, которую также оценили и взыскивают пятую часть. Да куда там полста! Со всеми накрутками и заниженной ценой на мушкеты могут выйти и все шестьдесят, если не больше. А вычти еще и заработную плату работников мастерской. Учитывая то простое обстоятельство, что эти люди, по сути, являлись будущими сподвижниками, обижать их никак нельзя. Ох, как весело-то в Русском царстве!

Нет, Карповы, допустим, к бешеным деньгам не привыкли и потерю столь значимой суммы переживут без сердечных приступов и укладки зубов на полку. Но ведь у Ивана были какие-никакие планы, и траты предстояли более чем серьезные. Ну с этим ладно. А что говорить о тех, кто живет куда как беднее? Похоже, в России всегда предпочитали думать не головой. О каком развитии тут может идти речь, когда сдирают

последнюю рубаху?

Но больше всего его добил визит в казначейскую избу на следующий день. Награду ему выдали честь по чести. Все восемьсот рубликов. Ага. Пятую деньгу и с него удержали, не посмотрели, что стрелец. А что такого? Жалованье ведь осталось неприкосновенным. Премия же – это, так сказать, сверхдоходы. Остановите Землю, я сойду на полустанке!

Раздал парням по десять рублей. Плевать, что им уже достались очень даже недешевые карабины. Да и трофеи с тех разбойников остались им. У человека должна быть материальная заинтересованность, а еще заслуженная награда по деяниям его. И парни заслужили награду как никто иной.

После казначейства, взгромоздив на лошадь полуторапудовую сумку, Иван наведалься в уже знакомый дом еврея-выкреста, дяди Яши. Оно бы с парнями было бы безопасней, пусть и светлый день, а Москва способна удивить. Но он решил не светить лишний раз, где именно хранятся его активы. Как он ни огорчался по части поборов, сумма у него осела все одно солидная, если не сказать больше. К тому же еще повезло, что он служилый и остальные подати его не коснутся. Хотя-а... Вот не было у него веры властям в родном мире, и тут отчего-то не верилось.

Ну что ж, коль скоро он угодил в ситуацию лихих девяностых, то пойдет к своей крыше. А она у него самая что ни на есть правительственная. Ирина свет Васильевна в Русском царстве-государстве фигура полновесная и быстренько все расставит по своим местам. Это же форменный грабеж. Нет, понятно, что ждать пряников от государства не следует, а уж играть с ним в азартные игры и подавно. Но ведь можно же просто оказаться в числе неприкасаемых.

Закрыв вопрос с серебром, направился в сторону дворца Хованской. Нужно же было как-то с ней встретиться, ну или хотя бы узнать, где она в настоящий момент.

Хм. А вообще как-то некрасиво получается. Вернулся из дальнего похода и даже не поинтересовался, как там дела у его лады. Ну, может, оттого, что она-то для него и не лада вовсе. Нет, он к ней со всем уважением, и баба она в самом соку. Но...

Ясное дело, что напрямую к ней его никто не допустил бы, потому Иван и не наглел, попросил позвать управляющего. Ну мало ли, что всем известно о полюбовнике княгини. Не все же его знают в лицо. И потом, чтобы особо не мозолить глаза, он оделся в гражданское платье. Ну не нравилось ему все время носить форму. Это его приятели расхаживают гоголями и еще долго носы задирают будут. А уж после того, как заматерели

в уральских далях, так и подавно.

Дворецкий появился не скоро. Вот еще, бегать к воротам по первому требованию не пойми кого. Правда, когда Иван назвался, тут же переменялся и стал куда любезнее.

Как оказалось, Хованская уже месяц проживает в Измайлово, и если он желает ее видеть, то ему надлежит направиться туда. Он желал. Еще как желал. Потому и поспешил. Нет, не в загородную резиденцию великой княгини. Сначала домой, чтобы предупредить отца. Хованская это дело такое, что и до утра можно задержаться, а то и на все пару-тройку дней. Отец же будет переживать, ить один с такими деньжищами с парнями расстался, и запропал куда-то.

Все же хорошо, что он верхами. Пусть на дворе и середина ноября, морозов еще нет и слякоть несусветная. Даже двигаясь по траве, все одно ступаешь по мокрому. Ночью-то подмораживает и становится куда как легче, но днем по большей части промозгло, даже если и выглядывает солнышко, то не успевает просохнуть даже мостовая. Что уж говорить о земле. Впрочем, даже несмотря на то что был в седле, все одно умудрился изгваздаться. А что тут поделаешь, лошадь – это тебе не автомобиль и даже не карета.

Странное дело. Вроде и не стремился сюда особо, и по Ирине не соскучился. По женской ласке, и ее в том числе, это да. И еще сто раз да. Но никакого ноющего чувства по отношению именно к ней у него не было. А вот стоило только увидеть издали знакомую усадьбу, как по телу разлилось приятное тепло. словно домой вернулся. Даже в отцовском или своем доме такого не ощущал, а тут пожалуйста.

Может, это оттого, что тут его любили и ждали? Как же. Если бы ждали, то гонец уж давно его навестил бы. Уж в том, что Матвей успел самым подробнейшим образом доложить своей госпоже, сомневаться не приходилось. И что? А ничего. Не ждет его никто. Очень может быть, что другой любовник у веселой вдовы завелся. А что такого? С нее станется.

Что это? Неужели что-то царапнуло по душе? Еще как царапнуло. Нет, любви к княгине он не испытывает. Она ему нравится, не без того, но это не любовь. Иное дело, что никого не обрадует, когда его бросают. А он-то дурак. Ведь ясно же, как белый день. И отца обложили податями со всех сторон. Да не отвернись от Ивана княгиня, дьяк не посмел бы и на пушечный выстрел приблизиться к батю.

Парень остановился и готов был уже развернуться. Не станет он ничего выпрашивать. И уж тем более ласку женскую. Как там в известном анекдоте – умерла так умерла? Но все же остановился. Ну не мальчишка же

он какой. Нужно расставить все точки над «ё» и двигаться дальше.

Да и непонятого хватает. Если он уже не в чести у княгини, то какого ляда тогда управляющий, или дворецкий, бог весть как он там называется, не послал его колбаской по Малой Спасской, а очень даже любезно ответил на поставленный вопрос? Значит, его как минимум ждут, чтобы хотя бы объясниться.

Иван решительно дернул повод, придавая лошади нужное направление, и ударил каблуками в бока. Вот не было у него желания обзаводиться шпорами. Отчего-то противно тыкать колючей сталью это благородное животное. Может, и блажь. Но поделаться с собой он ничего не мог. Во всяком случае, пока. А может, все дело в его лошадке, обладающей покладистым и кротким нравом. Хм. А еще она настолько пугливая, что отметина у Ивана о ней теперь на всю оставшуюся жизнь.

Лошадь у него приняли без лишних вопросов. Мало того, конюх был явно радостно-возбужденным и даже, схоронясь от Ивана, мелко так перекрестился, не иначе как вознося благодарственную молитву. Глаша так и вовсе встретила его в дверях парадной, светясь, словно начищенная медяшка. Ну что же, все указывает на то, что на отставленного полюбовника он вроде как не тянет.

– Ну слава тебе господи, сподобился-таки навестить.

Иван от неожиданности замер в дверях гостиной. Перед ним в удобном и мягком кресле, да еще и обложенная подушками, сидела Ирина. Но... И не она одновременно. Осунувшаяся, бледная и даже пожелтевшая кожа. Ирина никак не тянула на здоровую. Что с ней такое приключилось, пока он отсутствовал? Заболела желтухой? Интересно, а он уже переболел этой болезнью? В смысле бывший владелец этого тела. С другой стороны, может, это и не желтуха. Что он вообще знает об этой болячке? Да ничего не знает. Причем не только об этой. Вот его бы жену сюда, она бы просветила тутошних эскулапов.

– Что случилось? – нервно сглотнув, спросил он.

Вот не было никакого желания поднимать сейчас мелочный вопрос. Нет, понятно, что сумма там более чем изрядная. Но сути это не меняет. Великая княгиня была к нему добра, оказывала покровительство и спасла его отца от неволи. А еще она его любила. Уж это-то Иван видел. Нельзя, конечно, с уверенностью сказать, что завтра она не полюбит кого другого. Но пока ее избранником продолжал оставаться он.

Ирина неловко поправила выбившуюся прядь волос. Взгляд растерянный, блуждающий, она никак не может заставить себя смотреть на Ивана. Что это? Неужели она стыдится своего вида? Господи, вот как

понять женщин. Даже будучи больной, она непременно должна выглядеть красавицей, а иначе все, конец света.

Понял он, и отчего она не присылала за ним. Нет, дело тут вовсе не в том, что ей сейчас не до любовных утех. Тут иное. Она не хотела, чтобы он видел ее такой. Но по блеску глаз видно, что сама его лицезреть очень даже желала, и вместе с растерянностью ею сейчас владеет неподдельное счастье.

– Вот так вот, – поняв, что внятного ответа на свой вопрос он не дождется, вновь заговорил Иван. – Стоит только оставить тебя на каких-то полгода, как ты тут же решила захворать. Ирина свет Васильевна, вот поверь мне, в болезни нет ничего хорошего. По себе помню.

– Я знаю, – смущенно улыбнулась женщина.

Ну вот, на пожелтевшей коже проступил легкий румянец. Иван сразу же вспомнил, как он заливал ее лицо в минуты радости, смущения или гнева. И его сердце словно сжали стальные тиски. В душе отчего-то стало пусто и тоскливо от переполнявшей его жалости.

– А если знаешь, так чего же тогда ту хворь к себе подпускала? – продолжал он вещать бодрым тоном, совершенно лишенным даже намека на сочувствие.

– Так ведь они меня не больно-то спрашивают, – все так же улыбаясь, ответила она.

– Кто «они»? – видя, что подобное обращение сказывается на больной благотворно, уточнил Иван.

– Хвори, – запнувшись и разведя руками, пояснила Ирина.

– То есть болезнь не одна?

– Болезнь одна, но невероятно злобная, – послышался голос Рощина, вошедшего в гостиную через другую дверь. – Здравствуй, Иван, – окинув его недовольным взглядом, поздоровался профессор.

– Здравствуй, Христофор Аркадьевич.

Почти год прошел, а уязвленное самолюбие профессора и не думало успокаиваться. Не забыл, как парень отшил его вместе с его методами лечения. И даже куда более быстрое выздоровление раненого ни в чем не убедило доктора. Чего только в этой жизни не случается. Повезло, и все тут.

А если Рощин уже успел встретиться с Рудаковым, то дела Ивана и вовсе швах. За время общения с подлекарем некий стрелец успел заронить в его неокрепшее сознание столько ереси, что впору за голову хвататься и спасать любимого ученика.

Бог с ним, с промыванием ран некими отварами. Но подлекарь по

наущению Ивана не на шутку решил заняться вопросом профилактики оспы. Состоялся у них как-то разговор у костра. Вот и наговорил там Иван разной бредятины. А медик возьми и загорись. И если он поведал об этом Рощину... Ох, не быть Павлу профессором. Однозначно не быть.

– Ирина Васильевна, пора принимать лекарства, – сосредоточив свое внимание на больной, произнес профессор.

Хм. А вообще, Ирина, похоже, серьезно вляпалась, коль скоро само светило медицинской академии крутится вокруг нее. Впрочем, он и вокруг Ивана крутился. Так что, возможно, все дело в персоне больной.

Парень провел с ней два часа. И собрался домой, только когда она, бедняжка, умаялась и начала клевать носом. Ну что тут поделаешь. Подхватил княгиню на руки и, как маленькую, отнес в спальню. Да еще и посидел рядом, держа ее руку в своих ладонях, пока она не уснула.

– Вот так вот, Ваня. Тебя по ее воле вроде как сберег. А ее не уберегли, – когда Иван вышел на высокое крыльцо, произнес стоящий тут же Матвей.

– А чем ты мог помочь? Встал бы на пути хвори? – глядя на алый закат, спросил Иван.

– Да уж встал бы.

– И как это у тебя получилось бы? – невесело ухмыльнувшись, усомнился Иван.

– Да уж как-нибудь уберег бы ее от посягательства.

– От какого посягательства? Ты сейчас о чем? – с удивлением проговорил парень.

– Я об отравлении, – с не меньшим удивлением посмотрев на молодого человека, ответил Матвей.

– То есть ее отравили?

– Так ты ничего не знаешь?

– Откуда?

– Ну так месяц назад на гулянье у Лопухиных бывший ухажер Ирины Васильевны подмешал ей яд.

– Та-ак.

– Профессор наш, Христофор Аркадьевич, тогда рядом случился. И как только у нее появились первые признаки, не растерялся. Говорит, что беда уже миновала и Ирина Васильевна пошла на поправку, нужно только время и не прекращать лечение.

В этот момент раздался детский плач, и из-за угла появилась дородная женщина с завидными статями, несущая на руках запеленатого младенца. Кроха буквально разрывалась, не иначе как требуя, чтобы ее покормили.

Иван только подивился данному обстоятельству.

Нет, дело вовсе не в том, что при его последнем посещении усадьбы на ее территории не было младенцев или беременных с выпирающими животами. В конце концов, он тут отсутствовал достаточно долго, чтобы кто-то успел и родить. Но вот тот факт, что женщина с младенцем проследовала мимо них напрямик в дом, его удивил. Вообще-то детям прислуги в господское жилище ходу нет. Если только они не достаточно подросли, чтобы выполнять какие-нибудь обязанности.

– Матвей?

– Чего Матвей? – отмахнулся от вопроса тот. – Не маленький, сам понимание иметь должен.

– То есть?

– Вот то и есть. Куда? – Мужчина перехватил парня за руку.

– Но ведь это же мой?

– Твоя. Девка. Но коли Ирина Васильевна сама не сказала, то и касательства к дитю ты никакого не имеешь.

– Но-о...

– Все. Вопрос закрыт.

Хм. А вот Иван не был бы столь категоричен. Может, он и не любил Ирину. Может, и относился к ней только с искренним уважением, а где-то и использовал. Может, он в прошлой жизни был плохим мужем. Но уж точно не плохим отцом. И плевать, что он не носился с пеленками и распашонками. Он любил своих детей и готов был ради них на все.

Но какова Ирина! Ведь не девочка и, как избежать нежелательной беременности, знает. Отчего-то сразу вспомнилась Екатерина Вторая и ее незаконнорожденные дети. Она умудрялась вынашивать их на глазах у всего императорского двора. Вот такие тут продуманные женские одеяния. Не иначе рассчитаны как раз на неверных жен. Но в любом случае она мать его ребенка.

– Когда родила? – посмотрев внимательным взглядом на телохранителя, спросил Иван.

– За неделю до отравления.

Впрочем, какая разница когда. Убийц ничуть не смутила бы ее беременность. Они попросту списали бы нерожденного ребенка. Его ребенка! Как, впрочем, вполне могут переступить через кроху и сейчас. Потому что ничего еще не закончилось. И не закончится, если не добаться до заказчика.

– Матвей, у меня есть к тебе просьба.

– Валяй.

– Расскажи мне все, что только знаешь о покушениях на Ирину.
– Тебе-то это к чему? Раньше не задумывался как-то.
– Может, и не задумывался, да только дважды от смерти ее сберегал. Бог даст, и сейчас не оплошаю, – упрямо глядя в глаза телохранителю, решительно произнес Иван.

– Думаешь, до тебя дураки этим занимались? Да у Ирины Васильевны, если хочешь знать, такие светлые головы служат, что ты перед ними щенок неразумный.

– Матвей, а скажи-ка мне, сколько раз этот щенок оказывался прав? Так, может, не все, что я делаю, дурь?

– Ладно. Слушай... – сдался телохранитель, признавая его правоту.

И Иван слушал. Очень внимательно слушал. Плевать, что у него нет опыта расследования преступлений. Зато он пересмотрел целую кучу различных боевиков и детективов, прочитал еще больше самых разнообразных романов. Чушь? Ой не стоит так категорично. Ерунды там конечно же более чем достаточно. Но ведь и рациональные зерна присутствуют...

– Значит, это приворотное зелье Васильчикову подсунули англичане?

– По всему выходит, что так, – подтвердил Матвей. – Вот только сыскать того англичанина не получилось.

– А он точно был англичанином? Ведь в прошлый раз тоже был британец. Получается, что их уже вторично пытаются подставить.

– Все, кто с ним сталкивался, говорят, что это англичанин. Говор-то русский у всех немцев особый.

– Это я знаю. Как и то, что его можно подделать. Матвей, а вы по поводу того пистоля, что при убитом помощнике посла был, узнавали?

– А то как же. Узнавали, конечно. Да только без толку все. Слуга божится, что у господина пистолы были одинаковые, от одного мастера. И только одна пара.

– Ну а куда он в тот вечер направлялся, выяснили?

– Еще бы. К зазнобе из московских дворян. Горлицкая такая, Мария. Сиротка из обедневших. Все ищет себе пару побогаче. Да, кажется, уж и на средненького согласна. С деньгами у нее совсем беда.

– Значит, по англичанину не убивается, – задумчиво произнес Иван.

– Еще чего не хватало. Станет убиваться, с голоду ноги протянет. А так то один, то другой на жизнь подбрасывает.

– Так, может, англичанин и не думал на ней жениться?

– Еще как думал. Это она потом опять во все тяжкие пустилась. А пока с тем помощником посла крутила, блюла себя почище непорочной девицы.

И убивалась очень даже серьезно. Ведь с его смертью к ней в дом опять нужда стучаться начала.

– Значит, вариант с заманиванием англичанина отпадает.

– Проверяли уж. Не сходится там.

– А поехали навестим ее.

– К чему это?

– А к тому, что ее могли использовать, и не спросив.

– Это как это?

– Да по-разному бывает, – неопределенно пожал плечами Иван. – Ну что, поехали?

– Хм. Ну поехали, – согласился Матвей.

Вообще-то не сказать, что они выбрали удачное время. Как ни крути, а пока разговоры разговаривали, уже успело стемнеть. К тому же дорога до Москвы займет часа два. Нет, если бы посуху или хотя бы успело подморозить землю, то домчались бы куда раньше. Но слякоть никуда не делась. И если прихватит морозцем, то ближе к полуночи, никак не раньше. Вот и придется двигаться черепашьям ходом.

Но вообще-то насчет двух часов это Иван изрядно так погорячился. Добрались за час. Правда, изгваздались, как черти, и едва не загнали лошадей, но Матвей был настроен весьма решительно, если не сказать больше. Ну и Ивану не оставил выбора. Оно, конечно, и сам парень хотел побыстрее взяться за это дело. Еще как хотел. Но вот к подобным подвигам как-то готов не был. Слишком свежо было воспоминание о том, как он вывалился из седла вот этой самой лошадки.

Несмотря на позднее время, бляха с гербом великой княгини, что была у Матвея, без труда распахивала ворота и разводила в стороны рогатки. Вот только, оказавшись в городе, направились они не к дому молодой дворянки, а напрямик во дворец Хованской. Здесь Матвей весьма сноровисто раздобыл чистую одежду, а пока они переодевались, конюх организовал легкий экипаж. Так что по адресу отправились вполне себе представительно...

Горлицкая проживала не в своей усадьбе, а в доходном доме. Правда, занимала довольно просторную квартиру на втором этаже и имела прислугу. Женщина лет сорока – практически единственное ее наследство, доставшееся от родителей. Нет, та не была кабальной, просто уже и не представляла, как будет жить иначе. Привязалась к хозяйке, практически выросшей на ее руках.

– Итак, где твое послание от великой княгини? – выйдя в небольшую гостиную, поинтересовалась девушка.

Лет двадцать пять. Светлые вьющиеся волосы, обрамляющие милое личико. Правильные черты с припухлыми губками. Высока, статна. Хороша, нечего сказать. Было от чего потерять голову бедному англичанину.

– Прошу прощения, госпожа, но служанка неверно истолковала мои слова, – поклонившись, произнес Иван.

Они решили, что девушка все же может запомнить Матвея. Год назад он активно крутился вокруг подьячего из Разбойного приказа, проводившего дознание по факту убийства англичанина. Конечно, ей тогда было не до разных непонятных личностей, но лучше бы не рисковать.

– Что ты хочешь этим сказать? – вздернула бровь девушка.

– Ирина Васильевна просила тебя приехать к ней во дворец и прислала экипаж. Разумеется, если ты располагаешь временем, – вновь поклонившись, закончил парень.

Вообще-то девице насторожиться бы. Поведение слуги напрямую зависит от того, кто его господин. Ох, сомнительно, чтобы Хованская поощряла в своих людях угодливое поведение по отношению ко всяким мелким дворянам. Но у Горлицкой с сомнением было все в порядке, а потому она восприняла это за чистую монету.

Уже через десять минут Иван помогал переполняемой гордыней девушке расположиться в легкой карете. После чего он устроился на запятках, а Матвей в роли кучера тронул экипаж с места.

Мария до самого последнего момента не заподозрила ничего неладного. Хотя бы потому, что карета ехала по правильному маршруту и вскоре прибыла к дворцу великой княгини. Ну кто же мог подумать, что в этом светлом и изящном дворце имеется холодное и мрачное подземелье. А ее провели именно туда.

– Ты, вероятно, гадаешь, Мария Кирилловна, для чего тебя сюда доставили? – по-хозяйски опуская свое сиденье на столик, поинтересовался Матвей, с которого услужливость слетела, как шелуха.

Каземат, в который они привели пленницу, являлся допросной. Стол же предназначался для писца или иного лица, ведущего записи. По соседству находилась пыточная. И девушку «по ошибке» сначала препроводили туда, дабы произвести должное впечатление. А еще она вспомнила этого кучера. Именно он почти год назад задавал ей разные вопросы относительно гибели ее жениха.

– Ч-что это значит? – не разочаровав Матвея, с запинкой спросила она.

– Только то, что тебе предстоит ответить на некоторые вопросы. И от тебя же зависит, где ты будешь на них отвечать, здесь или по соседству. –

Ветеран с самой любезной улыбкой указал на невысокую арочную дверь, ведущую в пыточную.

Надо сказать, Ивана сильно удивил тот факт, что во дворце Хованской имеются не просто четыре тюремных каземата и допросная, но еще самая натуральная пыточная. Нет, понятно, что феодальное общество и тому подобное. Но Русское царство вроде как централизованное государство. И вот таким частным тюрьмам тут, получается, не место.

Но эта вполне себе существовала, и мало того, в ее стенах время от времени случались пленники. Даже имелся свой штатный заплечных дел мастер. Он же одновременно являлся и надсмотрщиком, и охранником в одном лице. У него и жилье было здесь же, в подвале. Правда, в отличие от камер, сухое. Это каким же влиянием обладает Хованская, если имеет подобные полномочия?

– Н-но-о... – начала было девушка, в глазах которой плескался ужас.

– Мария Кирилловна, не стоит препираться, – вклинился в разговор Иван, делая Матвею останавливающий жест.

Тот примирительно скрестил руки на груди, передавая бразды молодому человеку. Но всем видом давал понять, что готов в любой момент перехватить инициативу.

– Итак, нас интересует твой покойный жених, мистер Далтон.

– Эндрю?

Это было настолько неожиданно, что у девушки на секунду даже отступил страх. Возможно, оттого, что уж тут-то ей бояться нечего. Ведь она была жертвой проклятых обстоятельств и лишилась выгодной партии.

– Именно он, Мария Кирилловна. Расскажи, как вы познакомились?

– Боюсь, что это сугубо личное, – явно приходя в себя, решила уйти от ответа девушка.

– Боюсь, Мария Кирилловна, что тебя обманул мой вежливый тон, – покачав головой, жестко произнес Иван. – Но ведь я могу спросить и иначе. – Он указал подбородком на дверь в пыточную. – Времени у нас нет, поэтому давай так: я спрашиваю, ты отвечаешь.

– Нас познакомил де Бриен. – Да какого черта, она ничего не совершила, и скрывать ей нечего.

– Польский посол? – подал голос куда лучше информированный Матвей. – Тот, что был твоим любовником до англичанина?

– Да. – Надо же, она еще и краснеть умеет.

– Вы и сейчас любовники? Говори, сударыня, говори, – подбодрил ее Иван.

– Да, мы любовники. Но встречаемся непостоянно.

– Ваша связь сохранялась, когда Далтон был жив?
– Когда был жив мой жених, мы с де Бриеном были только друзьями.
– Но вы продолжали общаться? Переписываться?
– Да.
– Он знал о том, что в тот вечер мистер Далтон должен был тебя навестить?

– Да. Де Бриен был у меня днем и посочувствовал по поводу того, что мой жених закопался в бумагах, как червь, и предложил... – Девушка замялась.

– Согреть твою постель? Так?

– Да. Но я отказалась, – поспешно заверила она. – Я сказала, что с этой ролью вполне справится мой жених, которого я ожидала к себе в тот вечер. В то время мы с де Бриеном были просто друзьями, – с нажимом ответила она.

– Ясно. Сейчас ты напишешь письмо господину де Бриену и попросишь его немедленно приехать к тебе по срочному делу. Мол, у тебя дома сидит мужчина, который говорит, что видел того, кто убил мистера Далтона. И готов указать на него за двадцать рублей. Таких денег у тебя нет, и ты надеешься, что твой друг не откажет тебе в любезности. Потому как жаждешь разыскать убийцу. Разумеется, если ты сама не причастна к гибели англичанина.

– Я?.. Н-нет, – с испуганной искренностью заверила девушка.

– Ну тогда и переживать тебе не о чем. Но если врешь... Словом, советую сознаться сейчас.

– Не в чем мне сознаваться. – А вот это пусть все так же испуганно, но уже куда более решительно.

Горлицкая устроилась за столом и написала требуемое письмо. Правда, если она рассчитывала, что на этом все закончилось, то сильно ошибалась. Вообще-то все только начиналось. И уж точно никто не собирался ее отпускать.

Как только она закончила писать послание, Матвей тут же препроводил ее в темную, сырую и вонючую камеру. Как он сам выразился, чтобы она малость потомила и была более податливой. Времени, конечно, в обрез, но, с другой стороны, господа редко рано ложатся спать. Как бы еще не пришлось разыскивать де Бриена по московским гуляньям.

Встречать же в доме его должна была непременно Мария. Потому как француза необходимо спровоцировать на активные действия. Никак иначе разрешение на проведение в отношении него дознания не получить. Для этого нужны веские основания. Все же представитель польского короля, не

баран чихнул.

– И с чего ты взял, что этот хлыщ имеет отношение к покушениям на княгиню? – вернувшись, поинтересовался Матвей. – Ты понимание имей, это посол. К тому же у нас с Польшей нынче союз против турок. И в поход Голицын собрался как раз по союзному договору.

– Это получается, мы своей кровушкой оплатим спокойствие Польши? – невесело покачал головой Иван.

Другие времена, иной мир, а Русь-матушка как выгребала дерьмо за всеми подряд, так и сейчас гребет. Ничего-то на этом свете не меняется. Обидно, йолки!

– Ты разговоры эти бросай, – построжел Матвей. – Неровен час не к месту ляпнешь, и хорошо как только под кнут попадешь. А что до похода... Полякам он выгоден, то так. Но и мы в прибыли получаемся. Крымчаки не придут на помощь туркам в Польше, но и османы не помогут татарам. Так что тут выгода нам обоим. А с Крымским ханством решать надо уже давно. Эвон Казанское и Астраханское под царскую руку взяли, и куда как легче на Руси дышать стало. Пристроим этих, тогда и вовсе полной грудью можно будет вздохнуть.

– Звучит убедительно. Но если де Бриен ни при чем, то он либо примчится сам, чтобы помочь своей подруге, либо пришлет деньги. А то и вовсе ничего делать не станет. Да только сдается мне, что домой к Горлицкой припожалует тот самый убийца, что уже не раз покушался на Ирину и убил Далтона.

– Так в этом уверен? – усомнился Матвей.

– А не бывает таких совпадений. Вернее, случаются, но настолько редко, что лучше их в расчет и не брать.

– Ну ты себя самым умным-то не считай. Убийца мог следить за домом секретаря и пойти за ним следом. Выждать подходящий момент и напасть.

– Мог. Но только хлопотно это. Куда проще дождаться жертву в нужном месте. Я, конечно, не в курсе, но не удивлюсь, если англичане могли надавить на мозоль польскому послу или Польше. И Марию эту де Бриен мог свести с секретарем, чтобы получать через нее сведения. Мужики разговорчивы в постели. Они ведь оставались с послом добрыми друзьями. Просто в какой-то момент стало выгоднее избавиться от секретаря, уличив в преступлении все посольство.

– Это только твое предположение.

– И очень скоро мы узнаем, насколько оно верное. Правда, нам совсем не помешали бы помощники.

– Не переживай. Я за Фролом уже отправил. Его-то и сделаем

подсадным. Уж больно морда у него разбойничья, как раз подойдет. А меня и тебя очень даже могут знать в лицо.

– Фрол это хорошо, но мало, – подсадовал Иван.

– Больше никого нет. Все мои парни в Измайлово. Дьяк из Разбойного приказа многим обязан Ирине Васильевне и мог бы выделить своих людей. Но... Дело тут такое, что особое доверие требуется. Потому как головой рисковать придется. Абы кого с собой не возьмешь.

– Да какая разница. Случись, мы ведь не посла брать будем, а убийцу, – пожав плечами, не согласился Иван.

– Ты, Ваня, глупости-то не городи. Вот только что я тебя за разумника держал, так лучше таким и оставайся. Может, и убийца заявится, а может, и сам посол, а то и оба сразу. Все может быть. И случись, все должно выйти шито-крыто и никаких концов. Чтобы Разбойный приказ носом землю вспахал, а не нашел тех татей, что на посла руку подняли.

– То есть если удастся до правды дознаться, мы на коне. А как промашка выйдет, то сами по себе, – с недовольным видом догадался Иван.

– А ты как думал, милай, – подпустив ехидства, произнес Матвей.

– Н-да. Тогда уж и впрямь лучше Фрола вызвать. Да только когда он еще появится. Кабы поздно не было.

– Если еще не подошел, то скоро будет. Я за ним отправил, как только мы из Измайлово приехали.

– Хм. Предусмотрительно. Кого пошлем с письмом к послу?

– Как кого? Служанку Горлицкой, конечно. Она за свою госпожу горы свернет, как только узнает, что ее хозяйке дыба грозит. Если будет кто иной, этот де Бриен нипочем не купится.

Лиза в очередной раз посмотрела в черноту оконного стекла и разочарованно вздохнула. Ясное дело, что царевна ничего не увидела. Вот если бы не горели свечи, тогда еще да. А так-то все бесполезно. Да она, по сути, и не пыталась что-либо рассмотреть. Случается такое, когда чего-то сильно ждешь. То непроизвольно заглядываешь под крышку кастрюльки, не закипела ли вода. Или каждые пару минут высматриваешь, не появился ли долгожданный. А уж она-то вся извелась.

Вываться из Кремля не получилось. На батюшку хандра напала, и он призвал дочь к себе. Уж второй вечер приходится сидеть с ним. Только час назад умаялся и спать лег. Нет, ей не в тягость, и батюшку она искренне любит. Но ведь и во дворец, что в Огородной слободе, тоже страсть как хотелось попасть.

А как же ей еще-то убежать на гулянье в Стрелецкую слободу, где она

уж давно за свою. Разве что бывает не каждый вечер. Ну да то не важно. И без разницы, что Иван уж давно на гулянье не ходит. Она про него все знает. И даже то, чего знать вовсе не хочет. Но... Знает, и все тут.

Вот и об экспедиции обязательно все в подробностях вызнала бы. То, что Иван не ходит на гулянья, вовсе не значит, что и остальные не заходят в тот памятный сарай, где она впервые его увидела. И парни очень даже словоохотливые. А уж перед девушками хвосты распушают, что твои петухи, и болтают без умолку, только успевай отделять зерна от плевел.

Это год назад Лиза была нескладной девчонкой. За прошедшее время она повзрослела и превратилась в статную красавицу. Не ее слова, так все вокруг говорят. Хотя и она вовсе не собирается считать себя какой дурнушкой, чай, каждый день видит себя в зеркале. Так что парни перед ней выхаживают гоголями, и разболтать их вовсе не трудно.

Ну где же она? Нет бы догадаться отпустить Анюту домой еще вчера. Вот что она за подруга такая. И сама не дам, и другим не дам. А ведь и ее Егор из дальнего похода возвратился. А Лиза даже не подумала о том. Только когда поняла, что батюшка вновь не отпустит от себя, и сообразила послать Анюту.

Едва подумала об этом, как ее тут же залила краска стыда. Ну вот как она так могла? Анюта, между прочим, рискуя всем, сопровождала ее на гулянье и ни разу ни словом, ни намеком не выдала свою госпожу. А Лиза даже не подумала о том, что творится у Анюты на душе. Только о своих болячках и печется. И сегодня она отпустила ее вовсе не для того, чтобы та встретила с любимым, а за вестями об Иване.

Дверь легонько скрипнула, и Лиза подскочила, едва не бросившись навстречу Анюте. Но тут же сама себя одернула и опустилась на лавку, виновато отведя взгляд в сторону.

– Что рано-то так? Еще и полуночи нет, – тихо произнесла царевна.

– Так к тебе спешила, государыня.

– Не стоило. Чай, Егорка твой на том Урале под смертью ходил, а ты с ним и парой слов не перекинулась.

– Да как же не перекинулась. Мы и потанцевали, и помиловались, и до Кремля он меня проводил.

– Как – до Кремля?! – всполошилась Лиза.

– А вот так. Нет более твоего секрета. Когда я пришла, Гришка, дружок Ивана и Егора, уж соловьем заливался, рассказывая про то, что за девица такая Лизонька, что ходит на гулянья со мной. И мне попенял, мол, служит в Кремлевском дворце, а сама огородненской придуривается.

– Твой Егор тому болтуну морду не набил? – зло прошипела царица, в одночасье лишившаяся своего тайного развлечения.

– За что? – удивилась Аня. – Злобы в нем не было, а на глупость его все ребята указали. И посетовали, мол, вот была у них подружка царица, а теперь уж и не навещается к ним. Так тому пришлось куда горше, чем битому.

– Правда? Расстроились? – зардевшись от удовольствия, переспросила Лиза.

– Еще как, – заверила ее то ли служанка, то ли подруга.

– Так, а про Урал-то рассказывали?

– Еще бы! Говорят, там в песках золота видимо-невидимо...

– Аня.

– Что?

– Ну неужели ты думаешь, я про то клятое золото и без того не знаю? Да во дворце небылиц еще больше ходит, чем по Москве. Словно стрельцы доставили не десяток пудов, а тысячу, и теперь вот казна прямо лопнет от обилия.

– Прости, государыня.

– Про Ивана, про ребят рассказывай. Что в пути было? Не досаждали ли им лихие? Хвори не приключились ли? Как там Ваня мой, не оплошал ли? Татары не случились ли?

Ну Аня и начала свой рассказ. А вернее, все же пересказ, в ходе которого Лиза все время вворачивала разные вопросы. Интересовал ее не только ее ненаглядный Ванечка, но и остальные ребята. Чай, со всеми молодыми стрельцами была знакома. Это их десятник на гулянья не ходил, а его подчиненные бывали там регулярно, даже когда с них по семь шкур на учебном поле спускали.

Вот он каков, ее избранник. Настоящий воин. Не испугался и не растерялся. Так все обернулось, что они малым числом всех врагов победили, а кого не успели, того вспять поворотили. И пусть из рассказа Ани следовало, что отличились там все поголовно, а особенно ее Егорка, уж Лиза-то знала, каким словам стоило верить, а к каким – не особо и прислушиваться. Как же, герои. А то она не знает, кто их уму-разуму учил и чего стоят стрельцы без лица начальствующего. А кто там за старшего начальника был? То-то и оно.

Правда, самого Ивана на гулянье не было. И ладно бы просто не пришел. Нет же. Еще днем оставил ребят и направился во дворец к ее тетке. К этой... этой... Больной она сказала. Х-ха! Как бы не так! Ухажера себе нового завела, вот и не показывает носа в Кремле. Ничего,

вот получит Ванечка от ворот поворот, будет знать, кого выбирать.

Ой, дура! Какая же она дура! Да какой выбор?! Тетка же его принудила. Ну точно! Поди воспротивься великой княгине, которой порой и царь не указ. Да она же тогда и его, и весь его род в бараний рог скрутит. Никогда еще Лиза так не думала о своей тетке. А та натешилась и теперь выбросит парня как ненужную вещь.

А и поделом! Подумаешь, великая княгиня. Сердце свое нужно слушать и по его призыву вековые дубы с корнями выворачивать, жизнь на кон ставить. А он? Как он мог? Нет. Это все тетка. Это она. А он... Он как раз и готов на все ради семьи своей. Ведь если откажет тетке, то они поплатятся за его норов. Вот и жертвует собой.

Но теперь он будет свободен! И... Подумаешь, она царица. Ничего. Пока братец не женится и не обзаведется наследником, ее никто замуж не выдаст, потому как она вторая в престолонаследии. А за это время Ванечка успеет совершить не один подвиг и заполучить высокие чины. Вот и грядущая война тому в руку.

И он обязательно отличится. Вон золото сыскал. Сколько народу отправляли и предки, и отец? Да кого отправляли! Людей ученых, умудренных жизнью – и ничего. А стоило только Ванечке отправиться в путь, как сразу же и золото сыскалось, хоть заступами его копай. Вот он каков!

И вдруг на ее светлый лик набежала тень. Отчего-то стало тревожно, и грудь словно тисками сжали. Без какой-либо причины на лбу вдруг выступила испарина и в душе поселилась тревога.

– Ваня, – едва слышно выдохнула она.

– Что, государыня? – всполошилась Анюта.

– Нет-нет, ничего, – поспешно ответила Лиза.

Ни-че-го! Не может с ним приключиться никакая беда. Не тот он человек. Он судьбу в бараний рог скрутит и обуздает. Потому что иного быть просто не может.

– Анюта, пойдем спать, – наконец успокоившись, произнесла девушка.

– Как скажешь, государыня.

Глава 11

Ловля на живца

Вечер выдался достаточно скучным. Нет, дело вовсе не в том, что последнее время ему не приходилось браться за свое основное ремесло. В конце концов, нельзя сказать, что ему нравилось убивать. Он умел это делать виртуозно и не испытывал никаких угрызений совести, не без того. Но для него это всего лишь ремесло, не более. И его все устраивает, пока он регулярно получает серебро.

А работа у их иезуита для него время от времени случалась. Поэтому тот предпочитал держать нужного человека у себя под рукой. И надо сказать, что вовсе не напрасно. Это с Хованской у Марио дважды случались конфузы, чего не сказать о других жертвах. Да и заказы далеко не всегда были в Московии. Разок пришлось скататься и в Варшаву. И кстати, никаких убийств из-за угла. За ним уже закрепилась слава дуэлянта. Что ни говори, а три вызова и трое павших на поединках уже способны сложить определенную репутацию.

Странное дело, но, родом из куда более теплых краев, Марио Риццо успел привыкнуть к суровому русскому климату и чувствовал себя здесь просто замечательно. Итальянец даже был уверен, что в южных широтах ему теперь будет уже некомфортно. А может, все дело в том, что он успел попривыкнуть к русской столице.

Мог ли он подумать, отправляясь в дикую Московию, что здесь столь активная светская жизнь? А она здесь была ключом. Причем попасть на гулянье не составляло никакого труда. Достаточно быть человеком благородных кровей. Подумаешь, он не имеет к дворянству никакого отношения. Коль скоро сам де Бриен выдает члена посольства за человека благородного, то кто же в этом усомнится.

Но пусть эти гулянья не стоят для его кошелька ни гроша, тем не менее и они приедаются. Вот и Марио устал от постоянного безудержного веселья. Так что порой куда приятнее провести вечер за партией в шахматы с послом, чем предаваться утехам с очередной барышней.

– Не спишь? – ввалившись в его комнату, выпалил де Бриен, с которым они расстались буквально только что.

– Смеешься? Когда бы я успел, – показывая, что он едва успел избавиться от камзола, произнес Марио.

– Вот и хорошо. Кажется, у нас проблема, и нужно срочно ее решать.
– Какого рода проблема?
– Похоже, нашелся тот, кто видел тебя, когда ты приголубил беднягу Эндрю.

– Быть того не может.
– Ты можешь в этом поручиться?
– Гарантировать это я, конечно, не могу... – с сомнением начал было итальянец.

– А я не хочу проверять, – оборвал его француз. – Ко мне сейчас пожаловала с письмом служанка Горлицкой. Мари сообщает, что у нее дома находится неизвестный, который говорит, что видел убийцу мистера Далтона и готов указать дом, где тот проживает. То есть ты. Но за сведения нужна награда в двадцать рублей. Вот Мари и просит меня ссудить ее этими деньгами.

– Зачем это ей?
– Не имеет значения. Я даже не исключаю возможности, что этот свидетель может оказаться мошенником, решившим нагреть на этом руки. Не суть важно. Главное – это то, что мы не можем рисковать.

– А как к этому отнесся наш доктор? – намекая на иезуита, поинтересовался убийца.

Адам Кравчик числился всего лишь эскулапом при посольстве. Мало того, успел обзавестись в Москве небольшой практикой. И тем не менее, по сути, отдавал приказы даже самому де Бриену. Иное дело, что в официальные политические вопросы он не вмешивался, считая, что француз справляется с этим вполне достойно. И это действительно было так. Подтверждение тому – не только подписанный договор, но и то, что русское войско уже готовится к походу.

– В отличие от тебя господин Кравчик уже готовится к ночной прогулке.

– Каков план действий?
– Все просто. Ты и Адам держитесь вблизи дома, готовые прийти ко мне на помощь. Я поднимаюсь к Горлицкой и смотрю, кто там такой глазастый. Вручу ему деньги. И пойму, врет он или нет. Если врет, я его отпущу.

– Ты вот так просто выпустишь из рук двадцать рублей? – удивился Марио.

– Еще чего, – хмыкнул Франсуа. – В этом случае я подам тебе сигнал, и ты с ним разберешься. Как быть с Мари, еще не решил. Все будет зависеть от ее реакции.

– А если этот гад и впрямь видел меня и знает, что я живу в посольстве?

– Ну и что? Не станет же он связывать меня с убийцей. Но даже если и станет, невелика беда. Просто тогда придется убить не только его, но и Мари со служанкой. Готов в очередной раз согрешить?

– Бесплатно оно как-то не очень.

– Ну-у, дружище. Во-первых, это твоя оплошность. Во-вторых, жизнь куда дороже серебра. А именно она сейчас на кону.

– Я был в маске. Он не мог видеть моего лица.

– Он не мог видеть твоего лица, будь ты даже без маски. Ночь ведь была темной. Но ты не всегда был в маске и двигался не только темными переулками, наверняка случались фонари. А уж над дверями посольства всегда горит парочка. Он ведь мог пройти за тобой.

– А если он набросится на тебя в доме Мари?

– Вам придется слушать повнимательнее и при необходимости поспешить ко мне на помощь. Довольно, Марио. Слишком много разговоров, а время меж тем идет.

– Да понял я. Сейчас только переоденусь.

– Поторопись, мы ждем тебя в гостиной.

Марио скинул с себя остатки одежды и извлек из дальнего угла шкафа другой наряд. Абсолютно черный. Штаны, сапоги, рубашка, кожаная куртка, что куда удобнее камзола. За голенище правого сапога – тонкий стилет. Торс опоясал ремень с кинжалом в ножнах. На перевязи повисла шпага. Зарядить и сунуть за пояс пару неприметных, старых и потертых, но надежных пистолей. Шею оплел платок. Чуть позже он покроет голову и скроет лицо.

А пока обычный плащ и треуголка со светлой опушкой. Не стоит выделяться, покидая дом. Их можно будет припрятать где-нибудь в окрестностях и вновь обрядиться по возвращении. Разумеется, если дойдет до горячего, ни посол, ни медик в стороне не останутся. Но тогда и все произошедшее будет представлено в ином свете. Если же все пройдет тихо, то должен состояться его выход. И проделать нужно все аккуратно. Как говорят русские, чтобы комар носа не подточил.

Когда спустился в гостиную, доктор и посол его уже ожидали. Не сказать что в нетерпении, все же Марио собрался довольно быстро. Однако когда он появился, оба решительно нахлобучили на головы треуголки и направились к двери. Нервничают.

Это нормально. Сам Марио давно привычен к разного рода авантюрам. В конце концов, это его род деятельности. А вот эти двое подобной закалки

лишены. Нет, и тому и другому приходилось убивать, и не раз. Но это не стало их образом жизни, а потому всякий раз оказывалось событием той или иной значимости.

Как и планировал, от треуголки и плаща избавился примерно в квартале от посольства. Тут же став практически неразличимым на фоне весьма темной ночи. Правда, пока шли вдвоем, повязывать маску все же не спешил.

Примерно за квартал от дома Марио отделился от Франсуа и Адама, предоставив им следовать дальше по улице, напрямик к дому Горлицкой. Сам же предпочел двинуться по подворотням и узким проходам между соседними домами. Ну вот претило ему идти напрямую, и все тут. Работа неизменно накладывала на него свой отпечаток.

Здесьние кварталы были застроены доходными домами. В них проживали в основном мелкие дворяне, чиновники, поэты, музыканты, студенты... Словом, кого тут только не было. Ну а так как это не частные усадьбы, то тут не водилось и собак, способных поднять шум. Если только какая бродячая шавка. Но тут уж ничего не поделаешь. Впрочем, в большинстве случаев они предпочитали игнорировать прохожих. Бездомная жизнь и отбитые бока способны многому научить.

Марио без труда двигался по этому лабиринту проходов между подворьями и лазов в оградах. Он хорошо изучил этот квартал, еще когда готовил убийство бедняги Далтона. Это только полные профаны идут к своей цели прямо по улице, без предварительной подготовки, надеясь на свою дерзость и твердую руку. Риццо предпочитал тщательную подготовку, внезапный смертельный выпад и стремительный отход.

Кстати, и в случае с англичанином он сделал свою работу со всем тщанием. Он даже не мог представить, кто бы мог его заприметить. Да еще и запомнить. Поэтому на этот раз решил действовать максимально осторожно. И, как оказалось, совершенно не напрасно.

Когда он вышел к нужной подворотне, то, оставшись незамеченным, обнаружил темную человеческую фигуру, выделяющуюся в светлом проеме. Что это? Засада? Или какой-то тайный воздыхатель наблюдает за окнами любимой? Эти русские в романтичности превзойдут, пожалуй, даже их, итальянцев. А может, это обычный грабитель, поджидающий припозднившегося прохожего? Но тогда он должен был напасть если не на де Бриена, то уж точно на Кравчика, проследовавшего дальше по улице.

Хм. А ведь это, наверное, напарник того самого свидетеля. Конечно, в его существование верилось с трудом. Но ведь это не могла быть облава. В этом случае Марио обязательно нарвался бы на других людей.

Стражники или стрельцы, разница невелика, эти ребята привычны к полю боя и по определению не умеют вести себя тихо и скрытно.

Марио с тихим шелестом потянул из ножен кинжал и тенью скользнул вперед. Он двигался насколько стремительно, настолько же и бесшумно. Марио не боялся ошибиться. Лучше отправить на тот свет лишнюю душу, чем подвергаться излишней опасности. Еще пара ударов сердца, и неизвестный падет под ударом его клинка.

Иван непроизвольно передернул плечами. Холодно. Ноябрь. И уже подмораживает. Одет же он довольно легко, потому как если предстоит схватка, лучше чтобы ничто не стесняло его движений. В очередной раз окинул взглядом темную подворотню, ничего не заметил и тяжело вздохнул. Правда, тихо так, едва слышно.

Ну не его это. Часами находиться в ожидании того самого единственного мгновения, когда от тебя потребуется все мастерство и хладнокровие. Тут нужна особая выдержка и склад характера. Он же привык действовать и совершенно не готов выжидать. И стоило вот так гнать лошадей. Ну сработали бы сутками позже, зато успели бы хорошо подготовиться и привлечь побольше людей. Куда было мчаться?

Все так. Если слушать голос рассудка, то поступили они с Матвеем как недалекие мальчишки. Вот только не всегда получается действовать, руководствуясь разумом.

Ивана взбесила одна только мысль о том, что какая-то тварь могла причинить вред его дочери. Пусть ему не позволили взять малютку на руки. Пусть он ее и не видел толком. Из-под кружевного уголка конверта, брошенного на личико, не выглядывал даже кончик носика. Пусть ему вряд ли позволят ее признать. Это не имело никакого значения. Он уже был отцом и знал, что такое дети. Так что выражение «отцовская любовь» для него вовсе не пустые слова.

С Матвеем тоже где-то как-то понятно. В его отсутствие на княгиню, которой он служит уже не один десяток лет, было совершено покушение. И то, что он вовсе не прохлаждался, а выполнял ее распоряжение, причем самым наилучшим образом, для него служило слабым оправданием. Да вообще не было таковым. И если он самолично не доберется до тех, кто покушался на Хованскую, жизни спокойной ему не будет до гробовой доски. Холуй? Ой, поаккуратнее с выражениями. Скорее сторожевой пес. Матерый и верный...

Пусть Иван и ждал чего-то подобного, тем не менее шаги припозднившегося прохожего для него прозвучали внезапно. Хм.

И, похоже, не одного. Их как минимум двое. Об этом свидетельствуют и шаги, и тихий говор. Иван напрягся и положил ладонь на рукоять двустольного пистолета. Кто? Просто прохожие или те, кого они ждут? Шаги все громче.

Улица, на которой проживала Горлицкая, не из последних, а потому имеет мостовую. Нет, это не власти озаботились. Не так уж и богата царская казна. Зато всевозможные указы тут раздаются с легкостью. Хочешь поставить доходный дом? Можно. Но только есть кое-какие условия. Придется вложиться в обустройство мостовой. Вот хозяева домов вскладчину и мостили улицы.

Неизвестные прошли мимо притаившегося Карпова. Тот даже не пытался их рассмотреть. Ни к чему. Не опознать ему никого, даже если припожалует посол. И дело даже не в том, что он его никогда не видел. Просто темно так, что едва угадывается силуэт, что уж тут говорить о каком-то узнавании или приметах.

А вот волнение за Фрола усилилось. Если эти двое – те, кого они ждут, то ему придется несладко. В одиночку против двоих будет непросто даже этому ветерану. Ведь они им нужны живыми. А казак заточен под убийство.

Незнакомцы остановились перед парадной, о чем-то переговорили. Потом один из них пошел дальше по улице, а второй вошел в нужный дом. И судя по уверенности, с которой он держался, либо проживает тут, либо бывает достаточно регулярно. Вот только тот ли это, кто нужен? Красавица Мария здесь вовсе даже не одна квартироръемщица.

Ага. Все же он. С подоконника одного из дальних окошек убрали горящую свечу. Это значит, что кто-то стучится в квартиру девушки. И по всему получается, что второй, прошедший дальше по улице, его страховка. Иван повел плечами, покрутил шеей, несколько раз сжал и разжал пальцы рук и наконец извлек из-под кушака пистоль. Теперь только ждать.

За Фрола он не переживал. Нужно очень постараться, чтобы в одиночку застать его врасплох, да еще и справиться с ним. Та же песня с Матвеем. У Ивана все еще была свежа в памяти картина, когда эти двое волчар довольно щерились, стоя над четырьмя трупами татар. Таких без соли не сожрешь. Он даже расслабился, вдруг осознав, что остался без работы.

Что это было, Иван так и не понял. Мистика какая-то. Не сказать, что он был совершенно спокоен. Нет. Адреналин бурлил в крови очень даже ощутимо. Но это что-то другое. Его словно накрыла какая-то волна опасности. Вот только что потряхивало от ожидания схватки, и вдруг полное ощущение, что началось.

Иван резко обернулся и, не вскидывая пистоль, нажал на спуск, стреляя от бедра. В кого? Да кто же его разберет. Буквально в трех-четыре шагах от себя обнаружил какую-то тень и пальнул без лишних раздумий. Даже не успел удивиться кошачьим способностям противника. Хм. А противника ли?

А вот об этом он подумал, когда услышал глухой болезненный стон. И увидел, как неясная тень как-то разом сложилась на камни темной подворотни. Интересно, кого это он? Непроизвольно тряхнул головой, прогоняя звон от выстрела, грохнувшего в тесном пространстве между домами. И как только расслышал стон?

Со стороны дома Горлицкой послышался звон битого стекла. А еще дальше по улице – звуки отдаленной схватки и чей-то вскрик. Бог весть что там происходит. Но кричал не Матвей и не Фрол, в этом Иван был уверен. Предпринять же ничего не мог. Не оставлять же без присмотра неизвестного.

Мало. Троих человек катастрофически мало. Хм. Это что же получается, эти также втроем припожаловали? Круто, нечего сказать. А вот на это они как-то не рассчитывали, ожидая не больше двоих.

Приблизился к сливающейся с землей фигуре. Ничего удивительного. Тут такая темень стоит, хоть глаз коли. Так еще и этот обрядился во все черное. Удерживая его под прицелом пистоля, опрокинул ногой на спину. Вновь болезненный стон. Ну слава богу! Им сейчас трупы ну никак не нужны. А в том, что это злоумышленник, уже никаких сомнений. Добропорядочным горожанам незачем прятать свою рожу под маской. Уж ее-то наличие на светлом лице Иван рассмотрел без труда.

Как, впрочем, и тускло блеснувшее стальное жало кинжала, валяющегося на земле. Вот, значит, как. Шестое там чувство или еще какая мистика, но, похоже, он только что разминулся с костлявой. Вряд ли человек, обряженный в черную маску, стал бы доставать из ножен клинок, чтобы поковыряться в зубах.

Уткнув пистолет в грудь раненого, сноровисто его обыскал. Оно, конечно, с перепугу можно и пальнуть. Но лучше труп врага, чем свой. Он не волкодав спецслужб, готовый пожертвовать собой, только бы захватить противника живым. Вот Матвей тот да. Готов рисковать.

Шпага, кинжал, пара пистолей. Все это отлетело в сторону. Подумал и пошарил за голенищами сапог. Имелась у здешних аборигенов привычка носить засапожники. У Ивана, кстати, такой есть. Ага! А он о чем! Вот он, клинок. Тонкий и плоский, с едва угадывающейся, а скорее только обозначенной гардой.

– Иван, ты? – слышался голос из-за спины.

Н-да. Это он как-то расслабился. Мало ли как все обернулось бы. Их ведь могло оказаться и больше трех. Ну да чего теперь-то. Хорошо все то, что хорошо кончается.

– Все в порядке, Матвей, – произнес Иван. – У тебя как?

– Спеленал там одного. Бог весть кого. По виду на доктора похож. Но с тем во дворце разбираться станем. А у тебя тут что?

– Лиходей, к гадалке не ходить, – не без гордости ответил Иван. – Только вот не знаю, куда ему прилетело.

– А какого ты за пистоль хватался? – в сердцах недовольно выдал Матвей, рассмотрев на раненом маску. – Он нам мертвый без надобности.

– Ну, извини. Нервы не выдержали, вот и пальнул.

– Нервы у него, – склоняясь над раненым, пробурчал Матвей.

Потом удовлетворенно отметил, что пуля угодила в тазобедренный сустав. Рана по нынешним временам, конечно, смертельная. Но коль скоро сердце не зашло от боли, то он проживет достаточно долго, чтобы ответить на интересующие их вопросы. Если только раньше не истечет кровью. А вот этого ему Матвей позволять не собирался, начав сноровисто накладывать повязку.

– Ну чего замер, как истукан? Давай к этой Машке, тащи что-нибудь перевязать, а потом за каретой.

Последнюю они оставили в паре кварталов отсюда, под присмотром двоих вооруженных слуг. Ну не на себе же тащить пленников, если таковые случатся.

Под дверью парадной обнаружился уже пришедший в себя доктор, связанный Матвеем. Очевидно, тот самый спутник вошедшего в дом. Хотел было врезать ему и отправить для верности в отключку. Но передумал. Еще перестарается. И без того набедокурил. Ну его к ляду, усугублять ситуацию.

Поэтому просто пробежал внутрь и быстро взлетел по лестнице на второй этаж. И как только ноги не переломал в кромешной тьме? Тут об освещении в подъездах и слухом не слыхивали. Нет, с этим явно нужно что-то делать. И ведь есть способ. Есть. Н-да. Не о том он как-то сейчас.

– Фрол, как тут у тебя? – Едва вбежав в незапертую дверь квартиры, спросил Иван.

– Порядок. Вон лежит в углу, буркалами моргает. Как у вас? – с видимым удовольствием отозвался казак.

– Матвей, похоже, спутника этого прихватил. – Кивок в сторону пленника.

– А кто палил?
– Это я лихого подстрелил.
– Подстрелил он. Все бы тебе по людям палить. Жив хоть?
– Жив. Мамаша, а ну-ка быстро простыню или бинты. Раненого нужно перевязать, – завидев служанку, тут же распорядился Иван.

Ага. Щаз. Разбежалась. Смотрит на него, как на вражину распоследнюю. Еще бы. Девочку ее посмели обидеть, ироды проклятущие. Вот как пить дать с места не стронулась бы, если бы Мария не подала ей знак.

– Фрол, давай-ка этого под белы рученьки и вниз. Постережешь обоих, пока Матвей с раненым разбирается, а я за каретой сбегаю.

– Добро.

– Марфа, поди помоги служилым, – когда появилась служанка с бинтами в руках, приказала девушка.

Умница. Зарабатывает очки. А то мало ли, как они все обернут. Хованская – это куда как серьезно. Может возвысить, а может и в бездну низвергнуть. Так что совсем не помешает лишний раз проявить лояльность.

На выход двинулись гуськом. Сначала Иван, за ним Марфа и замыкал шествие Фрол с послем на плече, словно нес мешок с зерном. Спускаться по лестнице оказалось удобнее, чем подниматься. Пусть в фонаре, что несет служанка, и горит только одна свеча, света вполне достаточно, чтобы не сверзиться по ступеням.

А вот на улице их ждало разочарование. Пленник Матвея лежал с уже посиневшим лицом и остекленевшими глазами навывкате. Иван только разочарованно вздохнул, обнаружив при беглом осмотре обслюнявленный уголок белого докторского воротника. Интересно. А ему казалось, что подобный метод отравления вошел в обиход куда позже. Ну эдак ближе веку к двадцатому, а то и вовсе ко Второй мировой.

Лучше бы он ему все же саданул в челюсть, как собирался. Впрочем, ну пришел бы он в себя, и все одно сделал бы то, что сделал. Конечно, Иван знал о подобном приеме, да только не стал бы о нем вспоминать. Вот ей-ей не стал бы. Так что этого они потеряли бы без вариантов.

– Матвей, плохо дело, – передавая ветерану бинты и помощницу, сообщил парень.

– Что там еще за напасть? – вскинулся телохранитель княгини.

– Тот, которого ты взял, видимо, покончил с собой.

– Как так? – подскочил Матвей.

– Да вот так. Я не уверен, но, кажется, у него в воротнике был зашит яд.

– Ч-черт. Фрол там?
– Там.
– Другой цел?
– Цел.
– Посол?
– Да я-то откуда знаю. Я его ни разу не видел.
– Не видел. А спросить у Горлицкой не судьба.
– Да хватит вам собачиться, – не выдержала Марфа. – Посол это польский, хрэнцуз. Вы еще малость пошумите, и этого схороните. – Она ткнула пальцем во все еще пребывающего без сознания убийцу.

Иван с Матвеем переглянулись, потом посмотрели на хмурую служанку.

– Ладно. Дуй за каретой. А ты свети, я сам все сделаю. Чай, не впервой. – Это он уже пренебрежительно фыркнувшей служанке...

С того момента как они прибыли во дворец Хованской, события понеслись вскачь. Причем в прямом смысле этого слова. Едва добравшись до дворца и перепоручив пленников палачу, он же надсмотрщик, Матвей тут же оседлал лошадь и умчался с вестями в Измайлово. Они свое дело сделали. На этом их полномочия заканчивались и наступал черед великой княгини.

Правда, при этом Матвей не забыл отправить посыльного за дьяком из Разбойного приказа. Малый был предан Хованской, а потому шума поднимать не станет. Княгиню же лучше встречать, имея на руках хоть что-то, кроме предположений и домыслов. Пусть и весьма стройных.

Иван также не стал сидеть сложа руки. Велел оседлать двух лошадей и, ведя вторую в поводу, помчался на розыски Рудакова. Своего новоявленного друга и по совместительству подлекаря. А кому он еще мог перепоручить столь важного пленника, который того и гляди богу душу отдаст.

Как и полагается по закону подлости, Рудакова дома не оказалось. Он отправился на гулянье к своим знакомым и еще не вернулся. Ну а что такого. Это у Ивана успела произойти целая прорва событий. На деле же еще не наступила полночь. Вот так вот.

На этот раз все обошлось без эксцессов, и Павел нашелся по указанному его соседом адресу. Правда, пришлось затратить кое-какое время, чтобы выковырять его оттуда. Пусть молодой человек и не был аристократом, звание подлекаря уже открывало ему двери дворянских гуляний. С получением же степени доктора он автоматически получит и дворянство.

А вот Ивану оно не светило даже в перспективе. Потому и ходу в довольно богатую усадьбу ему не было. Пришлось сначала втолковывать слуге, кто именно ему нужен. А потом терпеливо ожидать, пока донесут до друга весточку или выйдут к визитеру с известием об отсутствии Рудакова. Мелькнуло было желание козырнуть именем княгини. Но по здравом размышлении Иван отказался от этой затеи.

Когда они наконец явились в дворцовую тюрьму, дьяк из Разбойного приказа уже находился там. Расположившись за столом в допросной, он весьма плодотворно беседовал с плененным послом, торопливо записывая его показания. Проходя по коридору мимо двери, Иван не удержался и заглянул. Но, обнаружив занятого делом дьяка, поспешил ретироваться.

При виде чиновника за работой отчего-то подумалось о том, чтобы начать производство стальных перьев. А что такого? Изготовить оборудование плевое дело. Продукция в прямом смысле этого слова копеечная. Но зато насколько делает легче и проще письмо.

Уж очень не хотелось думать о том, что и вот этот красавец-француз, и тот раненый бедолага очень скоро окажутся на дыбе. Вот и думал обо всем подряд, только бы не о плохом. Впрочем, это всего лишь рефлексия человека из двадцать первого века. Эти ребятки вполне заслужили свою участь. Знали, на что идут, и никто им не виноват.

И то, что один из них посол, вовсе не означает, что у него какой-то там иммунитет. Это в мире Ивана его отправили бы домой, объявив персоной нон-грата. Здесь все проще. Умышлял против царской семьи или государственных устоев, получи благодарность полной мерой. Правда, это в плане дознания. С плахой дела обстоят куда как сложнее. Все же посол – полноправный представитель польского короля.

К подобным лицам относятся с большой осторожностью. Войны начинались и по самым что ни на есть надуманным поводам. Правда, в данном конкретном случае Ян и Дмитрий скорее всего все же до чего-нибудь да договорятся. Все же союз выгоден и Польше и Русскому царству. А вот война пойдет во вред обоим.

Когда они вошли в камеру, где содержался раненый, тот уже пришел в себя, хотя и сильно страдал от полученной раны. Впрочем, если судить по выражению лица, его куда больше волновала предстоящая перспектива, чем нынешнее состояние. Да, пожалуй, он сейчас предпочел бы отправиться к праотцам, а не цепляться за жизнь. И понять его несложно.

– Павел, ты что собрался делать? – перехватил Иван его руку с пузырьком.

– Хочу дать ему морфий, чтобы обработать рану.

– Не стоит.

– Но...

– Морфий снимет боль. А с ним сегодня еще будут беседовать. Твоя задача не дать ему помереть раньше времени.

Иван заглянул в глаза ощерившегося в зверином оскале итальянца и горько усмехнулся:

– Да не гляди ты на меня так. Неужели ты думаешь, что после того как вы умышляли против великой княгини, вас станут потчевать пирогами? Знали, в какие игры играете.

– Ну я, по крайней мере, действовал честной сталью и пулей.

– Ткнуть шпагой или выстрелить из-за угла ты называешь честным? – нахмурился Иван, осознав, что именно сейчас сказал этот хлыщ с итальянским акцентом.

– Но ведь это куда честнее, чем травить ядом, – продолжал гнуть свое убийца.

Странное дело, но Иван отчего-то поостыл, стал воспринимать его уже не так враждебно. Попытался понять, в чем дело. Яд, свинец, сталь – без разницы, как именно хотели убить Хованскую. Ведь это привело бы к одному и тому же результату. И только осознав, что оба покушения с участием вот этого человека случились еще до беременности Ирины и не могли угрожать его дочери, понял причину подобного своего отношения.

Нет, ему не наплевать на Хованскую. Она ему даже нравится. Но вот ни преданности как к госпоже, ни любви как к женщине он к ней не испытывал. Случись она в беде, и он помог бы ей без раздумий. Впрочем, и помогал, рискуя жизнью. Но вот ненависти к покушавшемуся и желания за нее порвать всех и вся у него нет. А вот за дочку...

Кстати, а как ее зовут-то? Надо же. Как он мог даже не спросить имя. Ладно. Спросит. Потом.

– Ты ведь любовник княгини, – между тем, облизнув пересохшие губы, продолжал итальянец.

– И что с того?

– Можешь обещать быструю и честную смерть, если я буду откровенен?

– Ты верно заметил, я ее любовник, но не фаворит, а потому влияния на нее не имею. Очень сомневаюсь, что ко мне кто-то прислушается.

– Она прислушается, – убежденно произнес раненый. – Коль скоро сумела настоять на том, чтобы отправить под твоим началом экспедицию на Урал, то и тут послушает. Ты ведь ее не разочаровал. Вот и теперь... Ы-ы-ы!

Угу. Беседовать-то они беседовали, но Рудаков при этом делал свое дело. Причем без обезболивающих. Для палача ли он сейчас старался или для честной стали, не имело значения. Он подходил к своим обязанностям со всей серьезностью. Этого пациента ему не спасти в любом случае. Но ведь на нем можно приобрести кое-какой опыт.

– Я уверен, что это именно ты сумел добраться до нас, – отдышавшись, продолжил Марио. – Другие пытались сделать это раньше, и все без толку. Я прав?

– Допустим.

– Я прав, – покачав головой, уверенно произнес убийца. – Так что она к тебе прислушается.

– Сомнительно.

– Станный ты. Другой бы уже пошел на сделку.

– Я не другой и словом своим дорожу. Ты же просишь о том, чего я обещать никак не могу. Для княгини я просто игрушка, и не более.

– Ты мог бы узнать все, что знаю я, прямо сейчас, – продолжал гнуть свое итальянец.

– Я и так это узнаю. Чуть погодя, но непременно, – пожав плечами, возразил Иван.

– Но пообещать-то мне, что постараешься отвести от меня пытки, ты можешь.

– Это я обещать могу. Но...

– Остальное вверим в руки Господа. Х-ха, и великой княгини-и-и-и! – Рудаков вновь оказался неловок и причинил раненому нестерпимую боль.

А есть ли смысл этому итальянцу бояться пыток, если его сейчас и без того корежит так, что впору вешаться? Наверное, все же есть, коль скоро он на этом настаивает. Ну что же, ему виднее. Это Иван в данном мире недавний гость. Да и прежний владелец тела о тюремных и пыточных реалиях был не особо в курсе. А вот этому, похоже, известно многое.

Итальянец хотел было заговорить, как только было достигнуто соглашение и он сумел отдышаться после очередного приступа боли. Но Рудаков остановил его, заявив, что не желает ввязываться ни в какие интриги. Его дело медицина. Вот закончит, а там сеньор Риццо может заливаться соловьем. Правда, ничего особенного предпринять он не мог. Даже извлечь пулю был не в состоянии, здесь требовалась операция и, как следствие, опий. Но первая помощь оказана, и жизни раненого ничто не угрожает.

Марио начал свой рассказ, как только за Рудаковым закрылась дверь. Впрочем, знал он не так много, а потому и его рассказ был достаточно

кратким. Но и это заставляло задуматься. Нет, не Ивана. Государственные интересы, престолонаследие, опосредованное влияние на цесаревича, формирование его характера, предпочтений и вкусов. Устранение такого серьезного фактора влияния, как родная тетка, в которой наследник души не чаял. Все это мимо Карпова. Не его уровень...

– Ты говоришь, что этот ваш Адам Кравчик был иезуитом.

– Это так, – подтвердил итальянец.

– А как же тогда быть с тем, что он покончил с собой? Ведь это смертный грех.

– Значит, он знал что-то такое, что никак не могло оказаться достоянием чужих ушей, – предположил пленник. – А что до греха, то братья отмолят его, а папа дарует ему прощение и отпущение.

– Значит, с вашей гибелью ничего не закончится?

– Коль скоро Адам пошел на самоубийство... Нет. Ничего еще не закончилось.

Оставив раненого, Иван направился на выход из подвала. Оставалось выполнить данное обещание и изложить свою просьбу Хованской, а там хоть трава не расти. Он потому и согласился на ни к чему не обязывающее условие, чтобы не особо болела голова. Ну вот не хотелось ему выворачиваться ради того, чтобы даровать этому ублюдку легкую смерть. Да и не забыл он кинжал, валявшийся рядом с раненым. Еще мгновение, и тот заколот бы его без тени сомнений.

Хованскую застал во дворе. Ее карета как раз въехала сюда и подкатила к спуску в подвал. Вот уж не думал, что она самолично присутствует при допросах. Хм. А может, еще и во время пыток? Лихая у него любовница, нечего сказать.

Иван спросил разрешения и устроился в карете напротив Ирины, хорошо различимой в свете фонаря. Княгиня все так же бледна, но на щеках горит горячий румянец. Не иначе как находится в предвкушении предстоящей расплаты. Ох, как же ей не терпится взглянуть в глаза тем, кто несколько раз пытался до нее добраться и кому это практически удалось.

Не теряя времени, Иван довольно быстро и лаконично выложил ей все то, что узнал сам. Ну и высказал свою просьбу относительно итальянца. Все. Он свой долг выполнил. Остальное его не касается.

– Думаешь, ему можно верить? – спросила Ирина.

– Думаю, что подобный вариант вполне возможен. Прибрать к рукам московского царя, а потом, играя на его слабостях, направлять политику государства в нужное русло. Для начала потеснить турок. Потом насыпать перца шведам. В Европе ведь все еще не прекращаются религиозные

войны.

– У нас нет границы со Швецией, – возразила Ирина.

– Ну так спровоцировать новый захват Новгорода. Достаточно вложить соответствующие мысли в голову молодого и горячего царя, как тот все сделает сам, пролив море православной крови.

– Не забывайся, Иван.

– Прости, княгиня, за дерзость. Но ведь это не мои намерения, а этих иезуитских змей. Я только говорю о том, что мне стало известно.

– Вот и думай наперед, что и кому говорить. Брякнешь сдуру при Николае, а там... Одним словом, лишнее это.

– Ирина, а когда ты хотела рассказать мне о дочке? – наконец не выдержал парень и тут же ответил на ее немой вопрос: – Я случайно увидел ее, когда покидал твою усадьбу.

– И кто тебе сказал? – зардевшись, спросила она.

– Не имеет значения.

Ну ее, эту решительную особу. Это она сейчас смущается, как красна девица. А там бог весть, как она поведет себя потом. Вот уж не хотелось, чтобы Матвей угодил под горячую руку. Пусть княгиня что угодно говорит про цесаревича, кровь одна.

– Я не знала, как ты к этому отнесешься. – Она посмотрела в глаза Ивану.

Господи. Практически всесильная княгиня смотрела на простого стрельца, да еще и младше ее вдвое, едва ли не заискивающим взглядом. Положение, влияние – все это понятно, но в ней вместе с властной натурой каким-то образом умудрялась уживаться обычная женщина, желающая простого житейского тепла.

– Как назвала?

– София.

– Красивое имя. Сама решила или случайно вышло? – заставляя ее краснеть еще больше, поинтересовался он.

– Я хотела иметь твоего ребенка, – едва слышно чуть не пискнула она.

– Признать-то позволишь?

– Участвовать в ее судьбе – да. Признать – нет, – все такая же пунцовая, глухо, но решительно произнесла княгиня. – Прости, но я отдам ее в хорошую дворянскую семью, где ей дадут достойное содержание и воспитание.

Ну а что тут скажешь. Как ни крути, а он обычный стрелец. Так что ее позиция понятна. Да и Иван, положив руку на сердце, был не против. Нет, он, конечно, планировал изменить статус семьи. Но что у него из этого

получится и переживет ли он следующий год, было совершенно непонятно. А потому принятое княгиней решение пока выглядело вполне приемлемым. Дальнейшее же покажет время.

Давая понять, что этот вопрос закрыт, Хованская вооружилась походным писчим набором и быстро составила послание. Запечатала письмо восковой печатью и вызвала своего верного телохранителя:

– Матвей.

– Да, Ирина Васильевна, – тут же отозвался телохранитель.

– Скачи в Преображенское и немедленно вручи это письмо цесаревичу. Только лично в руки. Понял?

– Понял, княгиня.

Как ни бодрился ветеран, но легкая тень сожаления все же скользнула по его лицу. А и то. Не мальчик уже. А за сегодня успел проскакать полный дневной переход, сменив нескольких лошадей. Да еще и наворотив при этом таких дел, что теперь всем скопом придется разгребать.

Княгиня все это прекрасно понимала, но и перепоручить некому. И самое большее, чем могла ему помочь, это ободряюще улыбнуться и кивнуть, мол, держись старина, ты у меня один такой. И как ни странно, подействовало. Мужчина расправил плечи и, глянув орлом, исчез в направлении конюшни. Ему срочно нужна была свежая лошадь.

К тому моменту когда цесаревич прибыл во дворец, с допросом пленников было покончено. Причем пока обошлись без пристрастия. Конечно, не сказать, что вначале француз не пытался юлить. Но дьяк знал свое дело туго.

Закончив беседовать с послом, он записал показания Марио. Затем вновь вернулся к де Бриену и начал давить на него фактами. Перед французом замаячил образ дыбы. И он был более чем реален. Есть показания, изобличающие его злой умысел. Это казнить его целая проблема. А от пыток уже не спасет никакая дипломатическая неприкосновенность. Словом, препираться просто бесполезно. Разве что большее будет.

– Де Вержи – тоже ваш подсыл? – вперив в глаза посла гневный взгляд, выпалил юноша, которому едва исполнилось семнадцать.

– Нет, ваше высочество. Полковник де Вержи не имеет к нам никакого отношения. Его собирались использовать втемную. Он должен был оставаться самим собой и только одним своим присутствием и авторитетом старшего друга влиять на формирование вашего характера.

От этих слов Николай буквально заскрежетал зубами и едва не набросился на пленника с кулаками. Случались с ним подобные нервные

срывы. Но Матвей не дремал и по едва уловимому кивку Ирины Васильевны тут же обездвижил наследника, обхватив его сзади и прижав к своей груди.

– Николай Дмитриевич, ты наследник московского престола. Веди себя соответственно, – тихо, но внятно произнесла Ирина.

Потом подала знак, и де Бриена вывели из допросной. Матвей тут же отпустил цесаревича и склонился перед ним, готовый принять наказание за свою дерзость. Плевать, что он выполнял требование великой княгини. Он поднял руку на цесаревича, и этим все сказано. Только сам наследник или государь смеет судить, во благо ему это было или во вред.

– Спасибо за верную службу, Матвей. Ступай, – все же взяв себя в руки, приказал Николай.

– Остыл? – проводив взглядом телохранителя и откинувшись на холодную стену каземата, спросила Ирина Васильевна.

– Остыл, тетушка, – опускаясь на скамью, вздохнул цесаревич.

– Пора бы уже научиться держать себя в руках, Коленька. А то ведь подобное царя ничуть не красит. Тебе же престол наследовать.

– Знаю.

– Хорошо, что знаешь. На-ка, почитай. Это чтобы урок впрок пошел.

Ирина с глухим шлепком бросила на стол стопку бумаг.

– Что это? – даже не протянув руку, спросил Николай.

– Переписка иезуитская. Тайнопись. Ну и ключ к ней. Там много интересного. Дьяк успел уж учинить обыск в посольстве и нашел оные в тайнике покойного доктора.

– И что там? – Николай посмотрел на Хованскую, снова вздохнул. – Потом почитаю, тетушка. Со вниманием прочту, не сомневайся.

– Ладно, если так. Там, Коля, много чего. Да все о тебе и тетке твоей неразумной, что имеет пагубное влияние на молодой и неокрепший ум. О планах, как и куда тебя можно будет поворотить. Какой интерес в тебе стоит подогревать, а от чего отвращать неустанно. Но главное, что я поняла, в другом.

– И в чем же?

– Ты вот все стремишься быть похожим на королей и императоров. Зачитываешься жизнеописаниями прославившихся правителей. Все хочешь непременно добиться великих побед и признания среди европейских домов. И чтобы встать вровень с ними. А того не понимаешь, что этого никогда не будет. Ты можешь свернуть горы, поворотить вспять реки, заставить всех их дрожать и гадить под себя от страха, но все равно останешься для них диким москвитом. Медведем, которого можно

научить делать то, что нужно королевским домам Европы. И они уже начали тебя воспитывать. Исподволь, ненавязчиво. Сначала книжки. Потом иноземный друг. Осторожные, но постоянные высказывания о том, что на Руси все делается неправильно, а верно только по-европейски. И ведь есть результат. Есть. При тебе уж не раз поминали русских варваров. Но ты даже не подумал одернуть своих иноземцев.

– Но ведь они и впрямь добились больших высот. И ты сама много чего перенимаешь у них, – в отчаянии произнес юноша.

– Перенимаю. Да только не все без разбору, а отбираю лучшее. И в отношении ума, Коленька, на Руси не все так плохо. Чай, академию наук имеем. Для чего-то же твой батюшка ее создавал. Выпускники ее мужами научными, признанными во всем мире, стали. Иное дело, что пользы от того пока особой нет. Но тут не народ необразованный должен думать, а царь да дума боярская. И коль скоро у нас все пока еще через нехорошее место, то кого твои иноземцы варваром поминают? Ну чего ты так на меня смотришь? На Руси так повелось, что царь в первую голову в ответе за все.

– Я их... Я им...

– Тихо. Тихо, Николай. Я тут тебе про разум толкую, а ты решил всех покрошить в капусту. Остынь. И просто уясни себе одну мысль, что никогда у тебя не будет верных союзников, кроме твоего народа. И во всех решениях исходи именно из этого. А что до иноземного опыта, то я скажу тебе так. Не стоит бить себе шишки там, где другие уже их набили. Нужно просто взять готовое решение и примериться. Примется, не будет лишним или, что хуже, помехой, тогда и воплощать. Причем брать нужно не только у европейцев, но и у азиатов. Русь стоит на стыке двух миров и просто обязана впитать в себя лучшее от обоих. Не смотри на других. Не думай о том, что о тебе скажут. Наплевать и забыть. Будь собой. Только сильные личности могут себе это позволить. Так стань сильным и независимым. Не уподобляйся кривляющейся обезьянке в своем стремлении походить на европейских правителей. Не стремись диктовать всем и вся свою волю. Думай о своем государстве и народе, которым будешь править.

– Так что же теперь, гнать де Вержи? – глядя на Ирину, спросил о больном Николай.

Кто о чем, а вшивый о бане.

– Ты из крайности-то в крайность не бросайся. Ну за что тебе гнать де Вержи? За то, что он предан тебе? Ведь служит по совести. Ну видит он все по-иному, так оно и понятно. Он ведь взрослый муж, и к новому привыкать ему не с руки, вот и переделывает все под себя. И тебя, родимого, перевоспитывает, пусть и сам того не желая. Опять ты закипаешь, как

котел. А ты посиди и подумай малость. Как сделать так, чтобы сам де Вержи начал перенимать наши русские обычаи и в то же время делился своими знаниями?

– И как таковое устроить? – подпустив ехидства, поинтересовался племянник.

– А разбавить его надо. Ты как все обернул? Приблизил к себе только немцев. В твоём потешном полку офицеры – одни иноземцы. Вот и выходит, что они тебя понемногу в себе растворяют. А ты сделай иначе. Можно подумать, среди русских башковитых не сыскать. Мы ведь такие неучи, что воевать вовсе не умеем. Начни их разбавлять, так чтобы им и свои порядки завести было тяжко, и в то же время русские могли тянуть из них знания. Вот и получится, что меняться начнут уже они. Просто не смогут остаться прежними. А ещё неплохо бы оженить твоих иноземцев на русских девчатах. Ночная кукушка она, знаешь ли, много чего накуковать может.

– И как же я их женить буду?

– А вот в этом я тебе непременно помогу, – заговорщицки подмигнула Ирина. – И в первую голову начнем мы с твоего де Вержи. Ну коль скоро ты терять его никак не желаешь.

– У него вроде как появилась невеста из Немецкой слободы.

– Ничего. Присмотрим ему из русских дворянок. Дадим за ней какое-нибудь приданое. Немного. Остальное и сам выслужит, если действительно достоин. А на девочке женится хотя бы оттого, что ты ей выразишь благоволение. И поменьше бы ты ездил в Немецкую слободу. Да не гляди ты так на меня. Побывай пару раз в академии. Поговори с тамошними профессорами. А главное, пообщайся со студентами. Готова на что угодно об заклад биться, очень скоро рядом с тобой появятся и прониры, и весьма интересные личности. А уж идеями и прожеками так и вовсе тебя завалят. И главное, Коля. Не спеши жить. Страной править скоренько не получится, тут все должно закладываться на годы вперед. И для этого нужно иметь большой запас терпения. Зато тогда и результат будет.

– Это как батюшка? Вот уж у кого терпения просто на зависть.

– Ты на отца не кивай. Если сдуру не порушишь его начинания, его закладки добром для Руси обернутся. Оценить же его труды только потомки смогут. Вижу. Тебе непременно хочется самому искупаться в лучах собственной славы и величия. Может, ещё и получится. Если станешь все хорошенько обдумывать, чтобы потом не пришлось переделывать.

– Хорошо, тетюшка. Я подумаю над твоими словами, – поднимаясь со

скамьи, с самым серьезным видом заверил Николай. Потом скосил взгляд на стол, взял письма, взвесил их в руке: – И это почитаю самым внимательным образом.

– Почитай, Коля. Почитай. Только не очень долго. Мне с этими писульками еще к государю идти.

– Стоит ли, тетушка? Плох ведь он.

– Плох. То так. Но одно дело – скрыть от него попытку моего отравления. И иное – вот это. Тут дело государственной важности, и решения должно принимать только ему.

– Тогда я займу твой кабинет и прямо сейчас все прочту.

– Никодима, дьяка из Разбойного приказа, возьми с собой. Он тут, за дверью. Так скорее разобраться получится.

– Хорошо, тетушка. – Цесаревич кивнул в знак согласия и решительно толкнул дверь в коридор.

Глава 12

Предложение, от которого не отказываются

Ирина дочитала последнюю страницу и, опустив исписанный лист на колени, с умилением посмотрела на Ивана, расположившегося на соседнем диване. Тот, не обращая на нее никакого внимания, с упоением тетешкался с дочерью. Он весьма уверенно держал ее на руках и, заглядывая в личико младенцу, пахнущему молоком, пытался добиться от малютки традиционного «агу». Упорно так пытался. Настоячиво.

Вообще-то девочка была очень даже общительной. Но, как видно, уже начала разбирать лица и никак не желала баловать незнакомого дядьку. С другой стороны, и не плакала. Неплохой показатель в пользу отца. Впрочем, кровь, она тянет, и никуда-то ты от этого не денешься.

Наконец малышка то ли признала-таки батюшку, то ли просто решила сдаться перед его настойчивостью, но она выдала свое первое «гу». В ответ на это Иван тут же засветился, как весеннее солнышко, и усилил нажим. В смысле стал попрошайничать с еще большим пылом. Но теперь уж лед тронулся, и малышка гукала с завидным постоянством.

Впрочем, продолжалось это недолго. Вскоре малютка разок хмыкнула, сморщила носик и огласила комнату плачем. Требовательным таким. Настырным. Словно по команде в гостиную тут же вошла дородная мамка. Не произнеся ни слова, она просто забрала девочку из отцовских рук и вышла прочь.

Иван в растерянности посмотрел на Ирину. Явно намекая на то, что кое-кто слишком много о себе мнит. В дочку он влюбился сразу и бесповоротно. А потому подобное пренебрежение к его персоне не могло не задеть.

– Ваня, даже не начинай, – с ленцой отмахнулась Ирина. – Мамки, они вообще себе на уме. Даже царю могут выволочку устроить, коли дело их чадушек касается.

– Их? – вздернул бровь Иван.

– Даже не сомневайся, – заверила Ирина.

– Хм. Ну, в принципе с этим я соглашусь. Да только...

– Что, не натетешкался?

– Есть такое.

– Ваня, обними меня, – заглянув ему в глаза, вдруг попросила женщина.

Вид у нее все еще нездоровый, пусть и минула еще одна неделя. Восстанавливалась княгиня медленно. Ну да сумела справиться с ядом, уже великое дело. В остальном же еще поправится. Потому ни о чем большем не могло быть и речи. А вот обнять...

Иван пересел к Ирине, и та сразу же, как кошечка, прильнула к его крепкой груди. Ну а он, как его о том и просили, обнял ее, слегка прижав к себе. Хованской всегда нравилось ощущать рядом с собой сильного мужчину. Смешно сказать, и двадцати парню еще нет, а уж мужчина. Хотя и она не так чтобы и стара. Тридцать восемь лет. Не такой уж великий возраст.

– Все же странный ты, Ваня. Вот сколько на тебя гляжу, а понять не могу. Вроде сам еще выюноша, а с дитем обращаешься так, словно муж зрелый.

– Ну так младшие-то у меня, чай, есть. Научился с мальцами возиться, – пожав плечами, ответил он.

– Нет. Тут иное. Молодые они ведь и сами не знают, как относиться к первенцам. Матери боятся, пусть и помогали растить младших, родных или двоюродных. Отцы попросту не понимают, что тут такого. Детей всегда вокруг хватает. И только с рождением второго они уже осознают, что значит родная кровиночка. Так вот, гляжу я на тебя, и мнится мне, что ты уж это постиг.

– То тебе кажется, – возразил Иван.

Впрочем, про себя в который уже раз удивился прозорливости Ирины. Вот так. Она знает о нем все. Во всяком случае, так думает. И все же своим женским чутьем понимает, что есть еще один Иван, которого она не знает.

– Из тебя получится хороший отец, – укладываясь поудобнее у него на груди, произнесла Ирина.

– Получится?

– Ваня, не начинай, – вывернув голову и взглянув ему в глаза, вздохнула княгиня. – Мы уж о том говорили. Не отдам я ее в простую семью.

– Здесь я с тобой согласен. Ну а если уже через год моя семья не будет знать никакой нужды и жить куда богаче иных дворянских родов?

– В том, что ты зарабатываешь, я не сомневаюсь. Заметь, даже зная о предстоящем тебе дальнем походе. Но одних только денег для достойного воспитания мало. Помимо этого нужны соответствующие круг общения и среда. А деньги... Из грязи да в князи. Слышал такое?

– Слышал, конечно, – буркнул в ответ Иван.

А что тут скажешь. Права она. Богатство не может дать всего. Бешеные деньги позволяют сладко есть и мягко спать. Но не смогут поставить вровень с теми же мелкими дворянчиками, которые не вламываются в это общество, а органично вписываются в него с самого детства.

Нет, понятно, что Карпов ничуть не считал себя недостойным сидеть на одной скамье с аристократией. Еще чего! Но это он, выходец из более поздних времен. А вот здесь и сейчас существует ярко выраженное сословное общество. Смешно сказать, но социальное положение определяло даже твой гардероб.

Попробуй купец, даже самый богатый, надеть кафтан с золотым шитьем. Так сразу же будет бит кнутом. Или какой высокородный князь, пусть даже и царев стольник, надеть на себя высокую соболью шапку. За эдакую наглость и на каторгу можно загреметь. Потому как это головной убор бояр и никак иначе.

Так что права Ирина, чего уж там. Но вот помогать дочери, ну или ее приемным родителям, никто не запретит. Хованская не планировала посвящать дочь в то, что та является внебрачным ребенком, пусть и великой княгини. Нет, бастардами ни Европу, ни Русь не удивить. Но одно дело, когда тот рожден от мужчины-аристократа. И совсем иное, когда аристократка рождает от того же стрельца. Если у первых есть будущее, то у вторых нет. Вот так здесь все кучеряво.

– Ну и как тебе мои мысли? – решил перевести разговор в другое русло Иван.

Ну вот не хотелось ему о больном. А с дочерью... Ничего. Будет время – будет пища. В конце концов, в ее судьбе можно принимать участие, и не раскрываясь. Попахивает эдаким мыльным сериальчиком, но ничего не попишешь. Разумеется, если хочешь счастья для своего ребенка. А он хотел.

– Прочла, – коротко ответила Ирина.

– И?

– А что «и»? Там вообще ничего не понятно. Не брался бы ты за то, в чем не смыслишь. Уж прости, Ванюша, за правду, – устроив головку на его коленях и глядя в сторону большого окна, ответила княгиня.

– Ты не вникала, – коротко и спокойно произнес он. – Да и черт с ним.

Вообще-то не сказать, что он питал какие-то надежды или стремился что-то изменить. Вовсе нет. Просто так уж вышло, что ему нечем было себя занять вечерами. После той истории Ирина напрочь окопалась в Москве.

Там такой тарарам пошел, что только держись. Вот и провел он дома безвылазно целую неделю.

Решил-таки озаботиться арсеналом для себя и своего десятка. Коль скоро предстоит война, то не мешало бы поменьше зависеть от реалий сегодняшней тактики. Все же плыть, полностью отдавшись на волю течения, идея не из лучших.

Памятуя о своих мыслях в уральских лесах, решил Иван начать с бездымного пороха. Пришлось, конечно, побегать по Москве в поисках нужных ингредиентов, но все же за день сумел управиться. А все благодаря братцу, который уже настолько освоился в академии наук, что среди многих был своим. Ну и подбрасываемые Иваном деньжата на пользу пошли.

Уже через пару дней в его распоряжении было порядка трех фунтов белого пороха. Кстати, для бездымного он получился достаточно быстрым, что Ивану было на руку. А его устойчивость к влаге как нельзя лучше подходила для походных условий.

Правда, в сравнении с черным задержка при стрельбе была все равно куда более значимой. Опять же он оказался куда как дороже дымного. Значительно дороже. А потому делать ставку на бездымный все же не следовало. Ну разве только для тех же штуцерников, чтобы их позиция оставалась незамеченной. Ну и для гранат. Пусть они и выйдут чуть не золотыми. Но сколько тех гранат потребно? Жизнь она все одно дороже будет.

После налаживания процесса изготовления огненного зелья интерес к этой теме Иван утратил. На время, разумеется. Ну какой смысл сейчас изготавливать серьезный запас, когда можно заняться чем-то более важным? К примеру, тем самым револьвером, о котором он подумывал уже давно. Н-да. Не судьба.

Чем занять себя днем, вопрос не стоял. Работы хоть отбавляй. А вот что делать ранними вечерами, было совершенно непонятно. Ни о каких гуляньях или шашнях не могло быть и речи. Он себе не враг. Хованская не просто блюла себя все время их разлуки, но еще и решила родить от него ребенка. После этого плюнуть ей в душу – это все равно что поставить на себе жирный такой крест. Хм. Может, и могильный.

Вот так от скуки Иван и задумался над идеей исправления идиотской системы налогообложения в стране. А потом и вовсе загорелся ею. Ну о каком развитии государства могла идти речь, когда народ едва сводил концы с концами и жил на головах друг у друга? Никакой фигуры речи, все обстояло именно так в прямом смысле этого слова.

Ну а занимаясь этим вопросом, нашел себе и новое дневное занятие.

Для начала оказалось жутко неудобно сидеть при свечах. Достало его местное тусклое освещение. Поэтому Иван решил вернуться к другой своей затее, а именно получению карбида кальция. Не сказать, конечно, что его производство с использованием в качестве топлива древесного угля столь уж рентабельно, но и не убыточно.

Правда, светильник, собранный на скорую руку, получился на редкость вонючим агрегатом. Сам-то ацетилен запаха не имеет. Вот только о побочных продуктах распада этого никак не скажешь. Пришлось помудрить над системой фильтрации газа. Хм. И небезуспешно. Хорошо все же быть представителем более продвинутого общества. Да еще и имея большой практический опыт.

Уже к концу дня у него имелся отличный стеклянный фонарь с газогенератором, тремя ацетиленовыми горелками и отражателем в виде отполированной стальной пластины. Вид, прямо сказать, неказистый. Зато стало гораздо светлее. Конечно, не электричество, но ведь и далеко не свечи.

И тут случилась иная напасть. Достали его гусиные перья. Время есть. Мастерская с какими-никакими станками под боком. День работы, и вот уже готово оборудование для производства стальных перьев. Да, производительность еще та. Хорошо как изготовишь сотню штук, работая весь день не разгибаясь. Но продукт получился довольно удобным.

Правда, батя совершенно не оценил ребячества своего сына. Выслушав, что это такое тут учудил отпрыск, Архип только безнадежно махнул рукой. Баловство. Ну кому захочется тратить деньги на то, что можно получить совершенно бесплатно? Слава богу, гуси на Руси не перевелись и не переведутся никогда. Ну-ну.

Словом, вот так, один за другим, у него и получилось наладить процессы изготовления сразу нескольких новинок. Впрочем, пока бесполезных. Нет, батя, разумеется, оценил ацетиленовый светильник. Но как-то без особого энтузиазма. Процесс зафиксировал, попросил записать все самым подробнейшим образом. Подумаешь, он не шибко грамотный. Митю-то, чай, для чего-то же учит. Сейчас же было просто некогда, потому как над головой висел царев заказ. Чтоб ему опрокинуться. В смысле заказу конечно же...

– Обиделся? – положив головку на его колени и глядя снизу вверх, с сожалением спросила Хованская.

– На что обижаться, Ирина? На то, что полез не в свое дело и получил отлуп? Я тебя умоляю. Мое дело ать-два, левой-правой. А с устройством государства Русского сами разбирайтесь.

– Обиделся, – со вздохом констатировала она.

– Ну так. Самую малость. – Иван едва развел указательный и большой пальцы, показывая эту самую малость. – Зато благодаря тому, что меня обуяла гордыня, я сумел сделать по-настоящему стоящую вещь.

– Какую? – тут же оживилась Ирина.

– Разреши. – Иван приподнял ее голову, и княгиня села на диване.

Он же подошел к своей сумке, что оставил в кресле при входе, и, достав оттуда деревянную коробочку, отделанную бархатом, повертел ею, словно дразня:

– Вот!

– Что это? – Глаза Ирины тут же загорелись любопытством.

Господи, ну прямо девчонка, падкая на обновы, да и только. Взор горящий, на щеках не столь уж и частый в последнее время румянец. Поднялась с дивана и направилась к нему.

Внутри оказалась фигурная деревянная палочка, обработанная на токарном станке, с серебряной насечкой. А еще на ее конце блеснуло стальное жало, зажатое под медным колечком. Небольшая стрела? Заколка-стиллет, какие пользуют в Китае? Только наконечник какой-то маленький и тоненький. Сомнительно, что такой не согнется и сумеет пробить даже незащищенную кожу.

– И что это? – все же сдалась Ирина.

– Иди сюда.

Иван провел ее к секретеру, положил перед собой лист бумаги, открыл чернильницу и убористым почерком написал: «Я подарок Ирине Васильевне».

– Это замена гусиному перу, – пояснил парень. – Заметила, как убористо исписаны мои листы и какими тонкими линиями выведены буквы? Вот, все благодаря такому перу.

– Хм. Интересно, конечно, но все как-то слишком мелко, – с сомнением произнесла княгиня.

– Понимаю. Непривычно. Но, во-первых, попробуй что-нибудь написать, и ты увидишь, что стальное перо куда удобнее. Во-вторых, все те листы и еще многие, которые я выбросил, исписаны вот этим пером.

Иван достал из внутреннего кармана кафтана, который пришел самолично, свою перьевую ручку с надетым на нее колпачком:

– Смотри, в каком оно состоянии. Да чтобы все это записать, я измочалил бы прорву гусиных перьев. А еще благодаря убористости письма мне потребовалось втрое меньше бумаги.

– Зато и читать непривычно. Слишком уж буковки мелкие, –

парировала Ирина.

Но тем не менее она вцепилась в ручку и старательно записывала на листе первое, что приходило в голову. Не сказать, что княгиня находила новинку удобной. Все же к подобному нужно еще привыкнуть. К примеру, линии получались настолько тонкими, что ее почерк, казавшийся ранее убористым, теперь виделся в ином свете. Неприглядном, надо сказать.

– Хи-хи. Ну прямо по новой нужно учиться писать. Буковки слишком большие получаются, и бумага протыкается.

– Во всем нужна сноровка, закалка, тренировка. Поработай малость, потом и вспоминать о гусиных перьях не захочешь.

– Ну не знаю, – с явным сомнением произнесла она.

– Ясно, – вздохнул Иван, протягивая руку. – Извини, не угодил. Может, получится в следующий раз.

– Чего это ты сразу? – пряча подарок за спиной и отступая на шаг, словно какая девчонка, возмутилась Ирина. – Я же сказала, пока не знаю. Вот попользуюсь, а там и скажу.

– Ладно, – улыбнулся Иван. – Предусмотрел я кое-что на этот случай.

С этими словами он забрал у Ирины ручку и, выдернув перо из-под зажимного кольца, сменил его на другое. В коробочке была целая дюжина перьев, причем трех размеров, по четыре каждого. Иван просто не мог не отметить колоссальной разницы с гусиным эквивалентом. Если уж ему поначалу было несколько непривычно и потребовалось время, чтобы выработать новую моторику письма, то что говорить о местных. Они ведь и вовсе ничем иным не пользовались.

Сменив перо на самое широкое, он вновь протянул его Ирине. Та с интересом наблюдала за его манипуляциями, отмечая для себя простоту замены пишущего наконечника. Никакого сравнения с починкой обычного пера. Взяла ручку и вновь попробовала писать. Идеально подошло следующее перо. Среднего размера.

– Сможешь заменить запасные перья на вот такие размеры? – спросила она.

– Что за вопрос. Их ведь сделал я. Значит, сумею, – пожав плечами, ответил Иван. – Только и другие пусть остаются. Мало ли, вдруг все же понадобятся.

– Ваня, а ты сможешь изготовить еще несколько таких наборов?

– Разумеется. А сколько надо?

– Ну-у... парочку как можно быстрее. Я хочу подарить их братцу и племяннику. Они страсть как охочи до разного письма. А там и еще... Хм. Да с десятков, не меньше. Детям моим по набору, племяннице Лизавете,

профессора нужно уважить. Словом, найдется кому подарить.

– Ясно. Тогда два набора я сумею сделать уже к утру.

– Было бы замечательно. Я как раз завтра собиралась братца навестить. Он после этой истории места себе не находит, если день меня не видит. Все думает, как бы мы опять от него чего скрывать не стали.

– Понятно. Только тогда уж извини, побегу. Иначе не поспеть, – разведя руками, произнес Иван.

Вообще-то времени на то, чтобы изготовить потребные перья, у него было более чем достаточно. Но оставался вопрос с футлярами и самими ручками. Если бы речь шла об обычных, то ничего сложного. С помощью токарного станка он мог наклепать их сколько угодно и быстро.

Вот только это подарочные наборы. Причем не простым людям. Следовало облагородить ручки серебром, а это уж только у златокузнеца. Да и футляры делал не он сам, а мастер. У того выходило всяко лучше.

Словом, не было у него времени. Совсем не было. Нужно сначала добраться до дома, выточить ручки, потом отправиться в Белый город и передать их ювелиру, ну и футлярщика навестить. Хм. Вылетит ему эта затея в копейчку. Учитывая срочность заказа, потребность в серебре и бархате, рубля в три, никак не меньше.

Впрочем, оно того стоило. С остальными наборами он уже так подгонять не станет. Но и затягивать не будет. А что такого? Реклама – двигатель прогресса. Нужно еще пару-тройку наборчиков припарадить Митьке, пусть поднесет кому-нибудь из своих любимых преподавателей.

Нет, Иван вовсе не собирался налаживать производство ручек. И без того забот хватало. Но отчего бы не подключить к этому делу кого другого. Предоставить в его распоряжение оборудование, и пусть трудится, а прибыль пятьдесят на пятьдесят. Вполне справедливо. А это дело пойдет. Однозначно. Вот только кого привлечь? Хм. Ну с этим нужно к батю. Он народ куда как лучше знает...

Не сказать, что Николай был таким уж частым гостем в доме своей тетки. Несмотря на свою искреннюю любовь, свободного времени у наследника престола все же не так чтобы и много. Но все же время от времени он у нее бывал. Вот и сегодня надумал навестить, благо со своими потешными оказался неподалеку. Полк возвращался из двухдневного учебного похода.

Погода выдалась сырая, морось пробирает до костей. Ночью же уже серьезно подмораживает. Как раз то, что нужно для тренировок. Как говорит де Вержи, чем больше солдат упражняется, тем лучше чувствует

себя в боевом походе. Сейчас полк направляется в Преображенское под командованием своего полковника. Цесаревич же отправился к тетке.

Вообще-то особой необходимости в том не было. И тетушку он видел не так давно, всего-то пару дней назад был в ее московском дворце. Но все же решил побывать в ее загородной усадьбе.

А все те клятые письма и бумаги, найденные у покончившего с собой иезуита. Вот же змея подколотная. Живым бы его, паразита, взять. Ну да чего теперь-то. В тех бумагах было подробнейшим образом расписано, как следует влиять на государя, как подогревать его интерес, в какую сторону обращать его внимание, к чему склонять с тщанием, а от чего держать подальше.

Иными словами, его, будущего самодержца Русского царства, собирались взнуздать и понукать по своему усмотрению. Но самое главное даже не это. Несмотря на свои планы, иезуиты все же считали, что управиться в должной мере с Николаем уже не получится, потому как наследник вырос и во многом его характер успел сложиться. А потому основная ставка была не на него, а на его еще не рожденных детей. И не только его.

Цесаревича хотели всего лишь склонить к европейскому образу жизни, добиться строительства коллегиума, дабы нести свет просвещения. Это учебное заведение вкупе с европейскими взглядами царя – а к тому моменту он уже взойдет на престол – должно было стать одним из самых престижных. Впоследствии ему предстояло вырасти в самый настоящий университет.

В стенах этого «храма знаний» должны были проходить обучение не только будущие наследники русского престола, но и отпрыски видных московских родов. А как же иначе-то. Да отцы семейств боролись друг другу повыдергивали бы за право пристроить туда своих чадушек. А уж там-то их должны были воспитать в нужном ключе. Нужном для католицизма, ясное дело.

Смешно? А вот не стоит так уж легкомысленно относиться к данному вопросу. И Николай посмотрел на него со всей серьезностью. Он изучил историю становления ордена в Речи Посполитой, поговорил с отцом. Результат его поразил. Оказывается, уже за первые двадцать лет иезуитам удалось свернуть мозги отпрыскам многих влиятельных родов, и в том числе ярых сторонников протестантизма и православия.

Двадцать лет! То есть уже его дети могли стать проводниками католицизма в Московском царстве. Мало того, согласно записям в бумагах их планировалось сделать членами общества Иисуса. Ввести в

католический орден, присягающий на личную преданность Папе Римскому, наследника Русского престола, опору и надежду православной веры!

Первым порывом Николая было доказать всем этим европейским дворам, насколько они ошибаются, и заставить их трястись от страха. Но хорошо, что, когда его посетила эта гениальная мысль, он как раз был у батюшки, знакомившегося с принесенными документами.

Долго они говорили. Никогда еще Дмитрий не был столь откровенен с Николаем и не говорил с ним на равных. Но тут уж расстарался. Доказать всей Европе, что она сильно ошибается, конечно же можно. Вот только и надорваться недолго. Тут ведь мало иметь сильную армию. Необходимо, чтобы и казна была полна.

Взять последнюю войну с Речью Посполитой. На юге она вела войну с Турцией. На севере ее донимал швед. А тут еще и на востоке навалились русские. Так москвичи едва жили не надорвали, пока отгрызли свой кусок и взяли под свою руку гетманщину. А ну как не было бы у поляков тех проблем?

Любая война должна приносить пользу. И последняя, несомненно, оказалась во благо Русскому царству. Конечно, гетманщина разорена войной, и потребует немалый срок, чтобы те края вновь зацвели. Но зато запорожцы сами пошли под руку царя. Да еще искренне благодарны за оказанную помощь. А оттого и союзниками верными будут.

Казне московской от тех краев пользы, понятно, никакой. Но зато и трат не предвидится, потому как они живут там своим укладом. Зато случись надобность – и многотысячное запорожское войско тут же окажется в строю. И оно опять не будет стоить казне ни копейки. Так что сколь бы напряженной та война ни случилась, выгоды по ее результатам очевидны.

От войны же с Европой для московского престола сейчас проку никакого. Только вред один. А вот то, что теперь на западных границах тихо, это уже хорошо, потому как надо решать вопрос с Крымским ханством. Вот от этого польза будет несомненной. Сколько веков уж Русь стонет от набегов татарских.

Словом, проговорили они с отцом долго и о многом. И на многие дела Николай взглянул совершенно иначе. Так, как не посмотрел бы еще год назад. И многие события, казавшиеся ясными как божий день, предстали в несколько ином свете. Как, к примеру, уже традиционный выход из-под московской руки Новгородской и Псковской республик.

Псковичи те и сами не против присоединиться к Москве. Потому как живут под постоянной угрозой со стороны Литвы. Благодаря же победе

Москвы над Польшей и Литва присмирела. Просто новгородские земли, стоящие на пути, не дают осуществиться этому воссоединению. Чтобы взять в оборот Новгород, сил у Москвы достанет. Дважды уж брали и снова осилят.

Но царь Василий не стал этого делать. Вместо этого все свои усилия он сосредоточил на церковной реформе. И сумел все обставить полюбовно для всех русских земель. Да еще и внедрить московский патриархат. Великое достижение, между прочим. А ведь зрел раскол церкви, от которого ничего хорошего не приключилось бы. Зато теперь во всех приходах худого слова о Москве не услышишь. А значит, и неприязнь в людях не подогревается, а совсем даже наоборот.

И потом, захватив Новгород, Москва неизменно порушит там все. Да еще и народ против себя настроит. Иначе во время войн просто не бывает. А это головная боль и лишние траты на восстановление. Те края нужно присоединить к себе, а не пограбить и оставить разоренными.

И если удастся заполучить новгородские владения миром, тогда они достанутся Москве в полном порядке и принесут неизменную прибыль. Потому и привязывает Дмитрий новгородских купцов к Москве. Привечает их боярские роды. Да спокойно поглядывает на вновь отлитый вечевой колокол. До времени.

Не прошел даром тот разговор. Не далее как сегодня де Вержи позволил себе пренебрежительное высказывание относительно деда Николая. Мол, вон каких молодцов воспитываем, будь таковые в царствование царя Василия, никакой Новгород или Псков из-под его руки не вышли бы. Но у него не было тех талантов, что у цесаревича Николая.

Думал слегка польстить. И раньше такое только приветствовалось. А тут Николай вдруг вскинулся и отчитал полковника за длинный язык. А чтобы лишний раз показать свое неудовольствие, приказал самостоятельно вести полк в Преображенское. Сам же цесаревич пока навестит тетку. После прочтения бумаг иезуита наследник решил держать де Вержи на некоторой дистанции.

А кому понравится узнать, что тот, кого ты почитал за близкого друга, оказывает на тебя влияние. Пусть и неосознанно, но направляет тебя в нужную ему сторону. Гастону вообще повезло, что его использовали втемную и никто с ним не вступал в сношение. Иначе не миновать ему серьезных неприятностей.

В воротах усадьбы приметил выезжающего верхом стрельца, который спешил и отвесил наследнику земной поклон. А то как же. Он сейчас, чай, не при службе и не в строю. Николай без труда узнал любимую

игрушку тетки. Ну хоть на этот раз мужчина рядом с ней чего-то да стоит. Преподнести казне такой подарок, как золотой прииск, – это достойно похвалы.

А еще винтовальные пищали и мушкеты его мастерской славятся не только на всю Москву, но теперь уже и далеко за ее пределами. А это положительным образом сказывается на престиже государства Русского. Или это мастерская его батюшки? Не имеет значения. Паренек этот все одно личность довольно примечательная.

На Урале экспедиция столкнулась с сотней татар да разбойничьей ватагой. И десяток молодых стрельцов под его командой их всех разогнал. И по словам того же Матвея, в немалой степени благодаря задумкам вот этого паренька.

Хм. И на Москве уж успел себя показать. Это ведь он сыскал тех, кто умышлял против тетки Ирины. Всех дознатчиков превзошел. И убийцу, что покушался на нее не единожды, самолично взял. Пусть и поранил изрядно, но все же взял.

– Иван Карпов? – останавливая жеребца и вынуждая остановиться эскорт из десятка преображенцев, обратился Николай.

– Так и есть, цесаревич, десятник стрелецкого Дмитриевского полка Карпов, – распрямляясь, ответил парень.

– За то, что изловил преступника, покушавшегося на тетушку мою Ирину, жалую тебе право не бить более передо мной земные поклоны, а приветствовать одним только поклоном головы.

– Благодарствую, цесаревич, – сопроводив свои слова поклоном головы, ответил Иван.

– Поговаривают, твой десяток из молодых многим ветеранам носы утрет. Так ли это?

– Лукавить не стану, цесаревич. Во многом утрет, но далеко не во всем. В особенности же уступим опытом, коий только с годами и походами приходит.

– Отлично сказано, десятник. Велю тебе завтра, со всем десятком да оружными, прибыть в Преображенский приказ.

– Слушаюсь, цесаревич.

Отдав команду, Николай наконец проехал за ворота усадьбы. Он пока еще и сам мало представлял, за какой такой надобностью ему этот стрелец. Но... В конце концов, время до завтра еще есть, так что придумает.

На крыльце наследник столкнулся с отвесившим ему поклон Матвеем, холопом теткин. Верным, аки сторожевой пес. Этот также отличился в последнем деле. И вообще, запусти его в кубло к этим иезуитским змеям,

он бы там расстарался. Куда этому итальянскому душегубу. А все оттого, что тот деньгу отработывал, этот же действовал бы по велению сердца. Н-да. Нет у Николая таких людей. Пока нет.

Цесаревич вдруг остановился. Глянул на Матвея, который не спешил разгибаться. Постоял пару мгновений. Что-то там для себя решил. И прошел в двери, гостеприимно распахнутые перед ним дворецким.

– Коленька? Вот уж не ожидала, – радостно встретила его Хованская.

– Как твое здоровье, тетушка?

– Слава богу. День ото дня все лучше. Вот собираюсь завтра навестить братца. Не то решит еще, что опять от него прячусь.

– А как ты думала, тетушка. Он ведь о твоём здоровье печется. Да помнит о том, что солгавший единожды солжет снова.

– Ему никто не лгал. Просто не говорили о моем отравлении, вот и все.

– Он так не считает. А потому я, случаем оказавшись поблизости, решил заскочить да попросить, чтобы почаще бывала в Кремле. Но, как вижу, напрасно беспокоился.

– Беспокойство о близких напрасным никак не может быть, – покачив головой, возразила Ирина. – Отобедаешь со мной?

– Непременно, – походя заглядывая в открытый секретер, согласился цесаревич.

Эта привычка появилась у него сравнительно недавно. Примерно с год как. Всерьез взявшись за учебу, постигая различные науки и читая множество книг, он начал проявлять интерес к тому, как обстоят дела у других. Ревниво так любопытствовал, не превзошел ли кто его в усердии. И если таковое обнаруживалось, непременно рассматривал, что этот умник изучает, и брался за предмет сам. А потом еще и эдак ненароком заводил с тем, кто его подвигнул на это, разговор на нужную тему и затыкал его за пояс. Знай наших!

Вот так вот. Николай даже мысли не мог допустить, что кто-то может знать больше него. Нет, он конечно же не собирался тягаться с учеными мужами или их достойными учениками. Еще чего не хватало. С головой у него, слава богу, все в порядке, и он прекрасно сознает, что объять необъятное невозможно. Но вот если кто не из научного круга, то только держись.

Надо сказать, что любой другой мог бы и надорваться при такой-то нагрузке. Но живой ум, превосходная память, недюжинная работоспособность и жажда новых знаний были наследнику в этом хорошем подспорье. Ирина только диву давалась, как такая тяга к учебе умудрялась дремать в парнишке до пятнадцати лет.

– Что это? – заметив открытый футляр, спросил Николай.

– Это, племянник, перо-ручка. Для письма очень удобно. И чинить через каждую страницу не надо. Одного достанет на несколько стоп бумаги. Только успевай записывать да подливать чернила.

– Я попробую? – заинтересовавшись, попросил Николай.

– Пробуй, конечно. Там три размера перьев. Можешь подобрать, какое тебе будет удобнее, – с авторитетным видом посоветовала Ирина.

– А как?

– Да просто выдерни старое и вставь под кольцо новое.

– Ага. Действительно просто.

Выбору Николая Ирина удивилась. Ему как раз понравилось самое тонкое перо, с которым она испытывала некий дискомфорт. А вот цесаревич остался в восторге и с щенячьей преданностью уставился на тетку.

– Даже не проси. Сама еще не наигралась. Да и не наиграюсь, пожалуй. Очень уж ладно получилось, – смеясь, замахала она на племянника руками.

– Тетушка, – начал канючить наследник престола.

– Да ну тебя. Никакого с тобой сладу. Хотела сделать сюрприз, а теперь-то что.

– То есть ты уже заказала у мастера еще?

– Заказала, горе ты мое луковое. Да только хотела порадовать, а теперь вот.

– А ты мне эту отдай.

– Нет, – тут же вскинулась Ирина.

Она прекрасно понимала, что это если не первая, то уж точно вторая ручка. И сделана была специально для нее. А подарок Ивана для нее дорог.

– Его работа? – догадался Николай.

– Все-то тебе знать потребно, – усмехнулась Ирина.

– Значит, его. Ладно, коли так, выпрашивать не буду. Ну чего ты на меня глядишь, тетушка? Подросток я малость, уж женить хотите. Так что понимание имею. Да и с ним повстречались в воротах. А вообще, рад за тебя. Стоящего парня себе сыскала. Во всех отношениях стоящего. Разумник каких мало. А мне-то ручку когда сделает? – решив перевести разговор в иное русло и плохо скрывая свое нетерпение, любопытствовал Николай.

– Обещался завтра поутру, – понимающе улыбнувшись, заверила княгиня.

– Хм. А я его на завтра к себе в Преображенское с десятком вызвал.

– Ладно. Пошлю гонца, пускай скажет, чтобы завтра взял с собой и вручил в Преображенском, – со снисхождением произнесла Ирина, а потом сразу же встрепенулась: – Но только помни, то от меня подарок.

– Век не забуду, тетушка, – тут же осветился улыбкой наследник.

– Верю. Значит, тебе самое тонкое перо.

– Нет. Пусть все три делает. И если можно, то и еще шире.

– Да для чего тебе?

– Ну как же. Если чертежи какие справить, так там порой что-то выделить особо надо, цветом или более жирной линией. А так и мудрить ничего не надо, просто возьми нужное перо, и готово.

– Хорошо, передаст.

– О! А это что за листы? Гляжу, тоже тонким пером писано, и убористо.

– Да так. Разумник каких мало, – припомнив слова цесаревича, сказала княгиня. – Предложения свои по изменениям в податях принес. Словом, сует нос, куда ему не следует и в чем не разбирается.

– Ты позволишь, я прочитаю?

– Да оно того не стоит, Коля.

– То есть ты это все одно выбросишь в огонь?

– Ой, да забирай. Делать тебе нечего. Люди всю жизнь учатся управлять государством, и ума толком дать не могут, а тут разумник от сохи.

– От пищали.

– Что?

– Ну он же стрелецкий сын, стало быть, от пищали, ну или от наковальни.

– Да ну тебя. Баламут. Лучше скажи, что там с дознанием?

– Уж закончено.

– Посланника к королю Яну отправили?

– А то как же.

Не простой душегуб угодил в подвал Разбойного приказа. Королевский посол, этого так просто на плаху не потащишь. Тем более учитывая, что союз с варшавским двором Москве просто необходим. Тот самый случай, когда вчерашние враги вынуждены стать друзьями, чтобы противостоять общему противнику. Опять же войско московское уж вовсю собирается.

Так что вопрос серьезный. И судьбу этого француза теперь оба двора решать будут, да так, чтобы ни одной из сторон урону не было. Задал задачку, паразит.

– Кого отправили? – уточнила Ирина.

– Боярина Бутурлина. Вчера еще выехать должен был.

– Ивана Васильевича. Умудренный муж. Должен все обставить должным образом. Нельзя это спускать. Никак нельзя. И дело не в покушении на меня.

– Да понимаю я все, тетушка. Даром, что ли, с батюшкой чуть не до утра проговорили, хотя и плох он.

Ирина посмотрела на племянника долгим взглядом, а потом истово перекрестилась:

– Ну слава тебе господи, взялся-таки за ум.

– Настолько все было плохо? – искоса взглянув на тетушку, поинтересовался наследник.

– Не скажу что катастрофа, но напугал ты меня изрядно. Братец вот только то и рассмотрел, что ты к наукам стал проявлять интерес. А я, признаться, и места себе не находила, и боялась задеть настолько, что ты закусишь удила. Характер-то у тебя не сахар.

– И напрасно, тетушка. Ты же знаешь, насколько я тебя люблю. Нешто сомневаешься в том, что послушал бы тебя?

– Не сомневаюсь. Знаю, что не послушал бы, – покачав головой, убежденно произнесла княгиня. – А вот когда сам дошел, то уж совсем иное. Возраст у тебя такой, пришла пора самому летать. Тебе-то невтерпёж, а нам с батюшкой твоим и радостно, и боязно.

– Спасибо, тетушка. И тебе, и батюшке спасибо за понимание и терпение.

– А и не за что. То долг наш.

– Да теперь уж, пожалуй, и мне пришла пора долг отдавать. Батюшка грозился посадить меня рядом с собой сопровителем. И указ о том зачитать на совете Боярской думы не далее как сегодня вечером.

– Вот оно, значит, как, – задумчиво проговорила Ирина Васильевна. – Но с другой стороны, так оно правильно будет. Ну что, обедать-то будем? – прекращая разговор, обратилась она.

– С удовольствием, – оставляя ручку хозяйки и подхватывая исписанные листы, поспешил ответить Николай.

У него вдруг заурчал подведенный живот, требуя свою неизменную дань. Впрочем, чему тут удивляться. Здоровый молодой организм, на свежем воздухе провел двое суток. Есть где нагулять аппетит.

Остаток дня и половина ночи у Ивана выдались весьма напряженными. Поначалу оповестил своих стрельцов, чтобы они подготовились к предстоящему смотру. А ничем иным этот вызов быть не

мог по определению. И нужно не ударить в грязь лицом. Нет, Иван вовсе не собирался выслуживаться. Просто существовала возможность лишиться привилегированного положения для своего десятка. А в свете предстоящего похода подобное крайне нежелательно.

Ближе к вечеру появился гонец от Хованской. Она писала, что Ивану надлежит прихватить с собой готовый набор для цесаревича, да еще и с дополнительными перьями. Пришлось, одним словом, повозиться. Но к назначенному сроку управился. И за полчаса до полудня уже вводил десяток на территорию Преображенского приказа.

Не сказать, что им тут были столь уж рады. Преображенцы вообще много о себе мнили. А то как же! Любимцы наследника. К тому же они представляли собой полк нового строя, то есть европейского типа. Ну и состав этого полка также говорил сам за себя. Из худородных хорошо как треть особо талантливых, основная же масса – дворянского сословия. Были даже отпрыски боярских родов, которые ходили в этом полку рядовыми. Вот так вот.

А тут к ним пожаловали из замшелого стрелецкого полка, в коих по сию пору пользуют фитильные пищали. Правда, эти вроде как экипированы по-иному. Но все одно не ровня солдатам царева полка, как они втихую сами себя называли в пику царевой стрелецкой сотне.

Иван еще на подходе пояснил парням: единственное, что они могут противопоставить этим зазнайкам, это дисциплина, выправка и высокая выучка. Тех же, кто не внемлет добрым увещаниям своего десятника и вздумает своевольничать, Карпов пообещал познакомить с кузькиной матерью. Ну там с загибом через плетень, стиранием на плацу и неоднократными учебными выходами по полной боевой. А чтобы им не было скучно, то за одного провинившегося страдать станут все. Прониклись.

Так что к приказу подошли четким строем, печатая шаг, по осенней распутице и разбрызгивая лужи. Что-то зима в этом году сильно так задерживается. Уж середина ноября минула, а морозец только в ночь и случается.

– О как! Трепещи, враг, стрельцы припожаловали, – с задором произнес какой-то разбитной безусый малый лет двадцати.

Он как раз появился в дверях двухэтажного деревянного здания приказа и спускался по лестнице. Вообще все постройки потешного полка пусть и сработаны на совесть, но деревянные. Строительство велось в сжатые сроки, а потому дерево было самым оптимальным вариантом. С другой стороны, а почему бы и нет. Сотню лет простоит. Правда, если

только какой доброхот не поднесет спичку.

– Рот прикрой. Кишки простудишь, – окинув взглядом солдата, произнес Иван.

И тут же по реакции преображенцев понял, что влип. Послышались шепотки. Кто-то легонько эдак присвистнул. Иные предпочли убраться восвояси. Опять его подвела прежняя натура. Ну не любил он никому спускать. И на этот раз, пожалуй, нарвался. И что-то говорило, что серьезно.

– А ты знаешь, с кем говоришь, увалень стрелецкий? – глядя на Ивана со злым прищуром, поинтересовался солдат.

– Неужели с самим Александром Даниловичем Меншиковым? – забавляясь, спросил Иван.

Да пошло оно все лесом! Плевать, кто перед ним. Иван пусть и не фаворит, а полюбовник Хованской, но зато тот, от кого она решила родить ребенка. Броня у него! Титановая, йолки!

Да ну, не может быть! Иван с любопытством посмотрел на солдата, одетого не без щегольства, и покачал головой. Нет, ну надо же. Иной мир, иной наследник, а этот и тут нарисовался. Н-да-а, есть все же что-то неизменное. Вот и Алексашка этот, получается, та самая постоянная. Впрочем, тот еще проныра и шанса своего не упустит. Пусть и нет на Руси Лефорта, зато нашелся де Вержи, у которого Меншиков обретался в конюхах.

Последнее Карпов узнал позже. Сейчас же смотрел на слегка удивленного парня и тихо обалдевал от происходящего. В остальном же был совершенно спокоен. Этот щеголь может петь в уши Николаю что угодно. Авторитет тетушки в глазах цесаревича достаточно велик, а она слишком любит Ивана. Так что Меншиков не пляшет. Во всяком случае, пока. А там видно будет.

– И кто тут у нас такой дерзкий? – отставив ногу, нагло проговорил Меншиков.

Он всем своим видом хотел показать, что коль скоро кто-то узнал его, то должен вести себя иначе. И реакция окружающих вполне это подтверждала. Как, впрочем, и кое-кого из стрельцов Ивана. Все же по Москве и предместьям ходят слухи да пересуды. И, похоже, кое-кто из ребят слышал об этом субчике. А вот Иван как-то не сподобился. Не до того было.

– Солдат, ты не с рядовым говоришь, а со стрелецким десятником. Так что спрячь гонор, пока я тебя не перешиб, – приблизившись вплотную и глядя ему прямо в глаза, тихо, но внятно произнес Иван.

– Да я... – Неробкого десятка Меншиков, нечего сказать, но Иван не собирался давать ему особо раскрывать рот.

– Ты кем тут обретаешься? – с нажимом перебил он его.

– Денщик цесаревича, – мстительно прошипел тот в ответ.

– Вот и ладно. Доложи тогда цесаревичу, что по его приказу прибыл десятник Дмитриевского стрелецкого полка Карпов со своим десятком. Ага. Вижу, что и ты меня знаешь, – все так же тихо и внятно произнес Иван.

Не сказать, что Меншиков испугался. Но было заметно, что понял, кто именно стоит перед ним. Как и то, что поделаться с этим наглецом он ничего не может. Пока не может. И это «пока» отчетливо угадывалось в его взгляде.

Но все же обострять и дальше он не стал. Отступил на шаг, глядя прямо в глаза Ивану. Потом отвернулся и нарочито степенно поднялся по ступеням. Он всем своим видом давал понять, что это не он отступил, а долг призывает выполнять свои обязанности.

Николай вызвал Ивана, едва только ему доложили. Десятник был уверен, что его будут мариновать минимум час, а то и не один. Дело-то к обеду. Но был приятно удивлен тем обстоятельством, что цесаревич ценит свое время, а потому довольно четко планирует его. Признаться, он ничего подобного не ожидал.

– Здрав будь, цесаревич, – войдя в светлый рабочий кабинет, поздоровался Иван, обозначая поклон головой.

– И тебе здорову, Иван. Проходи. Садись напротив, – так, словно он его уже давно поджидает, пригласил наследник престола.

Николай сидел за большим столом, заваленным книгами, кипами и свитками бумаг. Расположен он так, чтобы как можно дольше улавливать дневной свет. У стены стоят несколько книжных шкафов, на стенах полки. Едва взглянув на такое убранство, Иван тут же проникся к этому подростку уважением.

– Поначалу позволь, цесаревич, преподнести тебе подарок от Ирины Васильевны.

С этими словами он вынул футляр и положил перед наследником. Тот сразу же с жадностью схватил подарок и поднял крышку. Изнутри на него глянули сразу четыре ручки и ряды разномастных перьев.

– А что же это только одна ручка с серебряной насечкой? – полюбопытствовал Николай.

– Прости, цесаревич. Времени не достало. То ведь златокузнец делал, не я. Мне же сообщили слишком поздно.

– Ну так и дарил бы одну.

Не сказать, что остальные три выглядели худо. Иван не просто выточил на токарном станке фигурные дубовые палочки и покрыл лаком, но, памятуя уроки труда в школе, еще и подчеркнул щепой, посадив несколько черных колец. Но да, не серебро. Тут крыть нечем.

– Я так рассудил, цесаревич, что коли тебе пришлось по нраву разные размеры перьев, то и иметь их надлежит в готовности к работе. Но не носить же несколько футляров. Вот я и подумал, что с одним набором будет куда как сподручнее.

– Хм. Дело говоришь. Тогда вот эту, понаряднее, я под тонкое перо буду пользоваться, для письма, а остальные по мере надобности иметь под рукой. Спасибо. Достойный подарок.

– Не мне спасибо, цесаревич, Ирине Васильевне. Я бы не решился тебе преподносить дары.

– Но тетушке-то преподнес. Ладно об этом, – махнул рукой Николай, когда Иван покраснел до корней волос. – Тобой писано?

Иван посмотрел на разложенные цесаревичем бумаги и признал свои соображения относительно реформы налогообложения. Вот только что они делали здесь? Ирина же подняла его на смех и заявила, что коли уж даже по его расчетам казна получит только убыток, то и говорить тут не о чем.

– Мной, цесаревич. Только...

– Что «только»?

– То так, от скуки писалось. Хотел Ирину Васильевну поразвлечь.

А что такого. Кто знает, как воспримет эти записи наследник престола. А ну как крамолу какую углядит и потянет на лобное место? Тут ведь долго не рассусоливают. Умышлял против государственных устоев, так в лучшем случае иди на плаху. В худшем – сначала на дыбу, а потом все одно под топор палача. И хорошо как тебе просто отрубят голову.

В этот момент дверь скрипнула и в кабинет вошел полковник де Вержи. Вот так вот, просто, без доклада и не спрашивая разрешения, вошел к цесаревичу, как к себе домой. Нет, понятно, что воспитатель там, сподвижник и все такое. Но Николай не просто воспитанник и сержант бомбардирской роты, а голова всему Преображенскому.

– Хотел чего, Гастон? – подняв на него взгляд, вроде и доброжелательно, но в то же время твердо спросил Николай.

– Мы собирались подвести итоги учебного похода. Я закончил подсчеты и свел воедино цифры.

– А-а, помню. Но давай позже. Сейчас я иным занят. Так уж случилось. – Вроде и извиняется, а в то же время и не извиняется, вот так

сразу не разберешь.

– Как скажешь, цесаревич.

Произнеся это, де Вержи подошел ко второму стулу напротив своего воспитанника и попытался присесть. Но неожиданно для себя натолкнулся на вопросительный взгляд Николая.

– Гастон, я знаю, ты имеешь привилегию входить без доклада. Но сейчас мне нужно переговорить с десятником. И если у тебя нет ничего срочного...

– Нет, Николай Дмитриевич. Совершенно ничего срочного. Просто я подумал, может, буду тебе полезен.

– Я знаю, что всегда и во всем могу на тебя положиться, Гастон. И обязательно тебя позову, если мне понадобится твоя помощь или совет. Но пока мы как-нибудь сами. Прости.

– Я все понимаю, – подавшись к двери, заверил француз.

Ага. Как же. Понимает он. А что же тогда акцент стал куда более выраженным, да во взгляде эдакий легкий блеск? Вот какого рожна Николай это творит? Ивану делать нечего, кроме как влезать в интриги вокруг царственных особ. Нет, ну ладно с Меншиковым. Оно как-то само получилось. Но тут-то прямая подстава со стороны цесаревича. Паразит малолетний. Ну какого было этого француза выставлять? Можно подумать, тут какие-то секреты. Или он все же что-то такое учудил с этими своими выкладками и плаха из видения очень даже может стать реальной?

– Да, Гастон, – остановил цесаревич полковника в дверях, – отбери самый лучший десяток преображенцев. Хочу устроить состязания со стрельцами и поглядеть, насколько они хороши. Как, десятник, не оробеют твои против моих орлов?

– Ну какие же они орлы, цесаревич. Они пока только птенцы желторотые из твоего гнезда. Но со временем обязательно превратятся в настоящую и грозную силу.

Ну а что такого. Рассыпся Иван тут бисером, это никак не поможет. Гастон и раньше неровно к нему дышал, теперь же и вовсе готов сожрать. А потому смысла ронять себя никакого. Лучше уж заручиться уважением Николая. Вот чувствовал Иван, что цесаревичу нужно, чтобы стрельцы утерли нос его преображенцам.

Зачем? Да кто же его знает. Он был уверен только в одном: его парням вполне по силам обставить этих потешных. С остальным придется разбираться по ходу. Одно радовало: коль скоро речь пошла о состязаниях, то дыба с плахой отменяются.

– Вот и глянем, как мы эту силу куем. Иди, Гастон. Через полчаса

общий сбор и состязания, – приказал Николай.

Потом дождался, пока полковник обозначит поклон головой и выйдет из кабинета. Перевел взгляд на Ивана и задорно так подмигнул:

– Времени мало, Ваня. Так что давай к твоим записям. Отчего писано тобой без цифр? Иль счету не обучен?

– Так откуда же мне те цифры ведать, цесаревич? Я ведь не в Податном приказе служу.

– А нет приказа. Подати собираются разными приказами да сводятся потом у казначея.

– Ну так говорю же, баловство это одно, – убежденно произнес Иван.

– Может, и баловство. Да только мысль-то дельная. Правильная мысль. Вот в чем дело, Ваня, ты цифр нужных не ведал, а я не поленился, проехался вчера в Москву да погонял там дьяков в хвост и в гриву. И знаешь что получилось, после того как я те циферки разложил по твоим записям?

– Предполагаю. Убыток казне.

– Ошибаешься, десятник. Вот тут ты закладываешь целую тысячу дьяков и писцов для исправной работы Податного приказа. Предлагаешь положить им жалованье, сравнимое с таковым у капитанов и сержантов. Почитай, целый полк. Кстати, чего их так много-то?

– Так ведь я не ведаю, сколько в Московском царстве уездов, цесаревич. Вот и закладывал как можно больше.

– Чудной ты. Но даже в этом случае казне против сегодняшнего прибыток в семьдесят тысяч рублей выходит.

Иван даже опешил. Признаться, ничего подобного он не ожидал. По всему должно было выйти меньше. Пусть он предлагал привести в порядок подворные записи. Ведь чтобы уйти от налогов, народ и дворяне огораживали забором с одними воротами и по десятку дворов. Дворы же как раз по воротам и считались. Сыновья не торопились отделяться от родителей, проживая несколькими семьями друг у друга на головах в буквальном смысле этого слова.

Иван предлагал разделить эти дворы. Выделить отдельные семьи, оставив с родителями только старших сыновей. Местная Фемида очень даже влезала в такие вопросы. Так отчего бы этим не воспользоваться.

Но ведь по выкладкам Ивана налоговое бремя на людей должно было значительно снизиться. Из народа тянули последние жилы, и подданные едва сводили концы с концами. О каком развитии могла идти речь при таких условиях? Не помирали с голоду, и слава богу. Да и голодные годы случались не так чтобы и редко.

– Коли вышел прибыльток, цесаревич, значит, я ошибся, и нужно подать еще убавить. Так чтобы податной сбор был меньше сегодняшнего, – покачал головой Иван.

– Убавить? Ты нашел возможность пополнить казну, улучшить контроль и предлагаешь убавить подать. Зачем? – искренне удивился цесаревич.

– Затем, что, потеряв сегодня, казна приобретет завтра. Чем больше будет крепких хозяйств, чем богаче будет народ, тем больше станет себе позволять. И весь образовавшийся недобор на подворной подати казна с лихвой восполнит хоть на том же акцизе, – вновь забывшись, увлекся Иван.

Оно бы смекнуть, что цесаревич уже не столько заинтересован, сколько недоволен. Но куда там. Он неделю горел этой темой, корпел над ней, ломал голову. А потому его, что говорится, понесло.

– И когда это будет? – хмуро уточнил Николай.

– Я так думаю, прибыльток пойдет не ранее чем через пять лет.

– Эка. И как же тогда быть с убытками от твоих предложений по торговле, заводам и мануфактурам? Тут-то они явные. А как циферки подставишь, так и вовсе за голову схватиться хочется.

– А принять те убытки как меньшее зло, цесаревич? – решительно произнес Иван. – Тем паче что казна сумеет их все восполнить. А вместе с тем, пока суд да дело, поднимутся и крестьяне, и купцы с заводчиками да мануфактурщики воспрянут. И повезут они в Китай да на Каспий свои товары. А там, глядишь, и Европу заинтересуют не только наши сало, воск, кожи да пушнина, но и товары заводские да мануфактурные.

– И как казна восполнит те убытки? – вздернул бровь цесаревич.

– Так золотом, что я сыскал. Елизар сказывал, что если народу будет в достатке, то его там можно и на полмиллиона рублей добывать.

– Я читал отчет по экспедиции, батюшка давал. И прибыльток там обещается поболее. Золото это, конечно, хорошо. Да только не верится, что несколько сотен человек сумеют за полгода добыть треть московской казны.

– Даже не сомневайся, цесаревич. Если только государь сумеет те места удержать.

– Стрелецкий полк туда отправится и семьи крестьянские для закладки городков. Тысяча душ мужеского полу.

Ого! Это серьезный такой подход. Интересно, Елизар уже в курсе, какая головная боль его ожидает не далее как в конце мая – начале июня? Вряд ли. Раньше чем месяца через два ему вестей из Москвы не получить.

– Если так, цесаревич, то ладно будет.

– Значит, возможно. Семьсот пятьдесят тысяч, как пишет Елизар. Хм. Тридцать полков постоянного войска на эти деньги содержать можно. – Глаза Николая загорелись азартом.

– Цесаревич, коль скоро ты заинтересовался моими записями, то я так разумею, те деньги все же лучше употребить на реформы. А уж лет через десять можно будет содержать постоянное войско, куда большее по числу.

– Настолько уверен в своих расчетах? – испытующе посмотрел на десятника наследник престола.

– Не был бы уверен, не говорил бы. Но ведь и уверенный в собственной правоте порой ошибается, хотя и сам о том не подозревает.

– Твоя правда. А мы посидим с тобой вечерами, посчитаем да поглядим, как можно все сделать по-умному. Нас же никто не подгоняет. Ты как, Иван, готов уделить мне свое время?

– Готов, цесаревич.

Еще бы он не готов. Нет, дело тут вовсе не в том, что есть возможность воплотить в жизнь идею, которой Иван не на шутку загорелся. Оно, конечно, хотелось утереть нос Ирине, которая столь пренебрежительно отнеслась к его способностям и знаниям. Но главным побуждающим мотивом выступил все же сам цесаревич. Ну как тут откажешь наследнику престола, который ввиду плохого самочувствия батюшки очень скоро может стать государем? Разве что серьезно приболеть на голову.

– Вот и ладно, – вполне дружелюбно и даже с удовлетворением произнес цесаревич.

Потом посмотрел на Ивана внимательным взглядом, словно что-то решая для себя, и наконец спросил:

– А что это ты не спрашиваешь, как обстоят дела с дознанием по поводу покушения на великую княгиню?

– Да кто же я такой, чтобы вопрошать у тебя, цесаревич? Мое дело было поймать душегубов. И я это сделал справно. Остальное уж до меня касательства не имеет, – ничуть не лукавя, ответил десятник.

– И не интересно? – с прищуром глянул наследник.

– Да как же не интересно-то, цесаревич, – согласился Иван.

При этом он силился понять, что тут происходит и к чему это с ним вообще завели беседу на эту тему. Для подобных разговоров он никто и звать его никак. Любовник Ирины Васильевны? Вот пусть она ему и рассказывает. Не посчитала нужным? Знать, не его ума дело.

Иван вообще не мог уяснить, как он оказался здесь и сейчас. Нет, то, что наследник неглуп и рассмотрел зерно истины в его записях, это понятно. Непонятно другое. Какого ляда он вообще брался изучать записи

Карпова. Уж Хованская-то не стала бы обращать на них его внимание. Иван прекрасно помнил, какой была ее реакция. Проникся уважением к любовнику тетки? Ну, может быть. Хотя и сомнительно.

– Ты слышал об иезуитах?

– Да, цесаревич. И тот доктор, что отравился, был как раз из их числа, – ответил Иван.

А еще он понял, что лучше бы ему больше не отвешивать в этом деле. Нет, Иван, конечно, осознавал, что, пока жив заказчик, Ирина в опасности. Но он еще не сошел с ума, чтобы ввязываться в противостояние с иезуитами. Кто оказывается на их пути, долго не живет. А что до дочери, то самая лучшая защита для нее – это тайна ее рождения. Вот тут нужно хорошенько озаботиться. А бодаться с целым орденом... Увольте, не нужно ему такого счастья.

– Верно, иезуит, – вздохнул Николай. – До посольства Адам Кравчик служил в университете в Вильно^[16]. Был близок с тамошним ректором, неким Петрасом Раудисом. Наш иезуит прибыл в университет по приглашению, чтобы основать медицинскую кафедру. Но на воплощение этого не нашлось средств. Прожил он там год, ну и коль скоро остался не у дел, они и надумали вдвоем себе занятие. Ни много ни мало начать прибирать к рукам Москву. Ну а как средства появятся, так Адам и вернется, основывать медицинскую кафедру. Да только не заладилось у них. Тетка Ирина стала помехой этому самому Кравчику. Тогда он с благословения своего начальника Раудиса решил убрать ее с дороги.

– Уж не посчитаться ли ты с ним решил, цесаревич?

– А что, если так?

– Прости, цесаревич. Я солдат, и убивать из-за угла не по мне.

Ну вот нет никакого желания становиться киллером, хоть ты тресни. Нет, жалость к иезуиту тут ни при чем. Было бы кого жалеть, только не такую змею. Им ведь плевать, кого убивать во имя веры, и уж тем более без разницы, как именно это делать. А тут уж как аукнется, так и откликнется. И бить исподтишка ему вовсе не претило. Но...

Лично у Ивана счета к иезуитам пока нет. Глупо? Лучше нанести превентивный удар, чем ожидать выпада противника? Ну, если бы он чувствовал опасность, угрожающую лично ему или его близким, то несомненно. Но дело-то в том, что он таковой угрозы не ощущал.

Ирина? Так они просто любовники, причем он тут в качестве игрушки. Так что причин идти и крошить всех направо и налево Иван не видел. Софья? Тут да. Но то, что он себе напридумывал в тот вечер, по большому счету притянута за уши. И потом, он ведь не убивать шел, а хватать убийц.

Разница, йолки! Лично малютке никто не угрожает, и, как уже говорилось, лучшая защита для нее – это тайна ее рождения.

Словом, нет у него никаких причин подаваться в киллеры. Пусть и по указанию цесаревича. Чем это ему может грозить? Опалой? Загубленной карьерой? А он стремится попасть в окружение наследника? Да он бы и с Ириной простился, только не отпустит она его. Во всяком случае, пока. И карьера по большому счету его не интересует. Так что не теряет он ничего.

– Значит, говоришь, убивать не по тебе? – вперив в него изучающий взгляд, задумчиво произнес Николай.

– Прости, цесаревич, – как заведенный повторил Иван. – Прикажи, и один против войска встану. Но вот так, как лихой какой... Не по мне это.

– Ну а дознание провести это по тебе?

– Это могу, и со всем прилежанием. Только не обессудь, дознатчик из меня плохой, государь.

– Может, и плохой, да только тех душегубов ты нашел. А коли так, то не мог не задаться вопросом, к чему это доктор решил грех на душу взять и лишить себя жизни.

– Может, испугался дыбы, – пожав плечами, указал на очевидное Иван.

– Не разочаровывай меня, десятник, – осуждающе покачал головой наследник. – Не поверю, чтобы такой разумник, как ты, не подумал о том, что иезуит тот боялся выдать нечто, чего нам знать не следует. На дыбе общительными становятся все.

– Так я и говорю – дыбы испугался, – вновь пожимая плечами, словно он именно это и имел в виду, произнес Иван.

Не сказать, что подобная мысль его не посещала. Еще как посещала. Просто ввязываться в это дело больше положенного не было никакого желания. Инициатива ведь наказуема исполнением. А шпионские игры, да еще и с иезуитами, – это не поход за золотом на Урал и не схватка с башкирами да разбойниками. Если эти твари возьмутся за дело, то удар может прилететь и от самого близкого человека.

– Вижу, что не хочешь в это ввязываться, – ухмыльнувшись, произнес цесаревич. – Но коли уж начал, то доделывай до конца. Мертвого нам уж не спросить, но есть живой, который знает все то, что унес с собой в могилу этот самый Кравчик.

– Ты о ректоре Вильненского университета, цесаревич? – уточнил Иван.

– О нем. Надо бы его порасспросить, что эти змеи еще решили учудить в Москве. Сделаешь?

– Это сделаю, цесаревич. Но убивать...

– С этим как получится. По сути, мне его жизнь не нужна. Где-то даже будет и хорошо, если он останется жив. Пусть помнят, что я знаю.

– Слушаюсь, цесаревич.

А как ты ему откажешь? Тут ведь еще какое дело: царь Дмитрий объявил сына соправителем. И сегодня с утра о том глашатаи выкликали. Практика на Руси далеко не новая, да и полезная. Лучше начать передавать дела понемногу, чем на наследника потом вывалится вся куча. Если, конечно, тебе не все равно, что будет с твоими начинаниями после твоего ухода. Так что перед Карповым, считай, уж государь стоит, пусть пока и не полноправный.

– Ну что, Иван, пойдем поглядим, чьи воины лучше? Ты как, в своих не сомневаешься? – удовлетворенный итогом, закруглил беседу Николай.

– Не сомневаюсь, цесаревич.

– Вот и ладно. Поглядим, чего стоит школа русская против иноземной.

Глава 13

Вопросы вместо ответов

– Эй, трактирщик, еще вина! – Богато одетый шляхтич в компании трех товарищей с вызовом посмотрел на двоих чужаков, пристроившихся в уголке небольшого обеденного зала.

– Не извольте беспокоиться, пан, сейчас поднесу, – сразу же отозвался розовощекий трактирщик.

Ничего не поделаешь, пришлось оставить этих посетителей и поспешить выполнить требование шляхтича. Мужчина, по виду казак, и молодой парень вовсе не выглядят голодранцами, но уж точно не относятся к знати. Так что либо потерпят, либо пусть катятся на все четыре стороны. Хозяину заведения проблемы не нужны.

Иван прекрасно понял смысл происходящего, чего не сказать о речи. Все же польский – не его конек. Да и вообще, у него с языками полный швах. Может, все же взяться за изучение? А на кой оно ему? Он что, собирается вечно вот так вот кататься по миру? Ему и на Руси живется неплохо. Так что уж как-нибудь перетерпит эту поездку, а там пусть идет все лесом. Густым и непролазным.

С поляками и белорусами худо-бедно общаться Иван все же мог. Славяне как-никак. Так что где словом, где жестом. В общем и целом терпимо. Большого ему и не надо. Для чего более серьезного есть Фрол. Казак оказался настоящим полиглотом. Может, он и имел просто безбожный акцент, но разговаривал бегло, без запинок.

Как, впрочем, и трактирщик, в котором без труда угадывался белорус. Речь Посполитая уникальное в своем роде государство, в которое вошло множество народов. И официальных языков еще лет тридцать-сорок назад здесь было целых три. Польский, белорусский и латинский.

Вот так. Вроде и Великое княжество Литовское, а государственный язык белорусский. А все ввиду бедности литовского языка. Карпов когда слышал пояснения от Фрола, даже было не поверил этому, но потом просто принял это как должное.

Надо заметить, что свое веское слово тут сказали иезуиты с их учебными заведениями, так называемыми коллегиумами. Это были единственные бесплатные школы на территории Речи Посполитой. А еще весьма престижные, находящиеся под покровительством короля. Так что в

них проходит обучение вся знать. А там основной язык обучения латинский.

Не была исключением и белорусская шляхта. Молодежи упорно внедряли в голову, что истинный шляхтич должен говорить на польском или латинском. И результат был. Еще бы, если многие меняли даже вероисповедание. Вот и выходит, что белорусский постепенно превратился в язык черни. В Речи же Посполитой в настоящий момент утвердилось два языка, польский и латинский.

Сомнительно, чтобы трактирщик был настолько образован и знал латынь. А вот польский – совсем другое дело. А иначе можно закрывать лавочку.

Пока Иван размышлял над лингвистическими вопросами, Фрол с эдакой ленцой начал подниматься из-за стола. К гадалке не ходить, решил поставить зарвавшегося шляхтича на место. Общество-то тут сословное, но казакам закон не писан. Эта братия что на Руси, что в Польше на особом положении и спускать никому не станет. Да и дворянину ничуть не зазорно драться с казаком на дуэли.

– Фрол, седалище на лавку опусти, – не оборачиваясь в сторону шляхтича, тихо, но твердо произнес Иван.

Казак бросил на парня взгляд, словно говоря, чтобы тот не вмешивался не в свое дело. Это красноречиво читалось во всем его облике.

– Как знаешь, – легко согласился с невысказанным Карпов. – Но если полезешь в свару, тут наши пути расходятся.

– Угрожаешь? – едва не вскинулся казак.

– Нет. Просто дальше поеду сам, и батюшка мне в том не указ.

– Ладно. – Фрол бросил последний взгляд на шляхтича, многозначительно улыбнулся ему и вздохнул.

Оно бы... Но... С одной стороны, долг его Архипу был изрядным. Пусть тот и говорил, что они уж посчитались, Фрол так не думал. Стрелец в свое время отвел от казака неминуемую смерть. А что сделал Фрол? Спас Ивана? Вообще-то спорный вопрос.

С другой стороны, нравился ему этот парнишка. Ивану палец в рот не клади. И разума и лихости в нем хватает. Чуть больше года его знает, а серебра через него перепало столько, сколько не всякий удачный набег приносит. И потом, порой малец мальцом, а порой зрелый, убеленный сединами муж сквозь него проглядывает.

– Вот интересно, за какой такой надобностью польский шляхтич оказался на землях Литовского княжества? – проговорил Иван, когда казак придержал свои агрессивные поползновения.

А чтобы этот заносчивый польский болван не обманывался, нарочито медленно извлек из-под кафтана пару небольших двустольных пистолей да положил перед собой. Оно можно было бы достать и пару трехзарядных револьверов. Те имеют куда более внушительный и даже угрожающий вид. Вот только они сейчас в кобурах на портупее, под полушубком. Возиться же лишний раз не хотелось совершенно.

– Он не польский, а белорусский шляхтич, – наблюдая за манипуляциями своего молодого товарища, поправил его казак.

– А чего на польском распинается?

– Так я же тебе говорил об их отношении к родной речи.

– Ну, трактирщик-то из простого сословия.

– Выделяются. Обычное дело. – А потом кивнул на выложенные пистолы и добавил: – Это могут расценить как убийство.

– Выйди ты против этих четверых с сабелькой, вот это будет убийством, – возразил Карпов. – А что до пистолей, так мне просто неудобно с ними сидеть. В тело впиваются.

– А, ну если только так, – хмыкнув, произнес казак.

Говорили они тихо, а потому уже за соседним столом никто и ничего разобрать не мог. Оно и к лучшему. Иван-то обозначил, что готов встретить неприятности самым серьезным образом. Но вот неприятности ему как-то ни к чему. Не за тем он отправился в это путешествие.

Ну и шляхтич сделал правильные выводы. Что с того, что русских только двое и один из них еще совсем зеленый. Уж с пистолями-то он обращается очень даже уверенно. А потому показал свое превосходство в глазах немногочисленной публики и своих товарищей, вот и ладно. Бойся получить слишком много, ибо можешь оказаться у разбитого корыта.

Принеся очередной кувшин с вином шляхтичам, трактирщик наконец подошел к гостям из Москвы. Принял заказ и удалился в направлении кухни, откуда вскоре послышался его голос, раздающий указания кухарке. Пока же суд да дело, он вынес пару кружек и кувшин с пивом, поставив их перед русскими. Воровато бросил взгляд на соседний столик и с облегчением вздохнул. Драки только ему тут не хватало.

Обедали без спешки. Ни к чему торопиться. Нужно дать время кузнецу разобраться со сбитой подковой кобылки Ивана. Продолжать путешествие, имея «неисправный транспорт», попросту глупо. Хорошо хоть случилось это неподалеку.

Вообще-то Карпов уж успел все проклясть. Причем не единожды. Нет, он вовсе не против повыкручивать руки некоему ректору университета в Вильно. Во-первых, Ивану нравилось перемежать спокойные и

плодотворные дни в Москве с приключениями. Во-вторых, он уже ненавидел этих упырей, провозгласивших принцип: для достижения цели все способы хороши. Служа Господу, они были готовы напропалую нарушать все его заповеди без исключения. А потому и предстоящее дознание его ничуть не смущало. Пусть и придется допрашивать этого ученого мужа далеко не деликатным способом. Что посеешь, то и пожнешь. Как-то так.

Но его раздражала и бесила сама дорога. Одно дело – путешествие на Урал, по рекам. Причем как лицо начальствующее на весла он садился только по собственному желанию, чтобы разогнать по жилам кровь. К тому же весна, лето и даже осень – это вовсе не зима.

А тут мало того что стоят трескучие морозы, так еще и путешествовать приходится верхом. У Ивана, конечно, какой-никакой опыт уже имелся, но он не шел ни в какое сравнение с дальними переходами. Это только кажется, что верховая езда сродни путешествию на том же мотоцикле и не требует физических усилий. На самом деле при этом задействуются буквально все группы мышц. Нетренированному организму приходится ой как несладко. Да что там, поначалу досталось даже поотвыкшему Фролу. Правда, тот очень быстро набрал свою прежнюю форму.

После встречи с цесаревичем Иван отправился к казаку и предложил составить ему компанию. Думал было припрячь еще и Матвея. Но по здравом размышлении отказался. Тот непременно доложит об этом Ирине, и как отреагирует на это его высокопоставленная любовница, было решительно непонятно. А завалить миссию Карпов никак не мог. Поручение исходило лично от Николая. И это вовсе даже не шутки. Перспективы огромные. Причем как в положительном, так и в отрицательном плане.

Фрол сразу выказал готовность к путешествию. Тем более что баба его уж успела запилить. И когда только умудрилась? Ведь вроде только вернулись из дальнего похода. Впрочем, было бы желание и соответствующий характер. Остальное само приложится.

Однако по совету казака спешить не стали. Решили обождать, пока выпадет снег, и двинуться уже по первопутку. К тому же распутица распутицей, но и Ивану нужно было время, чтобы подготовиться к выполнению далеко не тривиального задания. И не сказать, что это не доставило ему удовольствия.

Пусть раньше он все это уже проделывал в своем мире, но в этом ощущалась эдакая новизна и немалая польза. За исключением того, что касалось химии, его изделия должны были стать достоянием этого мира. Во

всяком случае в той степени, в какой пожелает Архип. Ну это на случай, если...

Нет, об этом Иван даже думать не хотел. Ну его к нехорошей маме. Мысль она ведь материальна. Вот взять его. Все увлекался книжками о попаданцах, а появилась возможность, так еще и завел мастерскую, в которой за прошедшие несколько лет чем только не занимался. Такое впечатление, что специально готовился к чему-то подобному. И получите материальное воплощение своих желаний. Потому как если чего-то эдакого подспудно сам не желаешь, то и читать не станешь, и к наковальне не встанешь.

Покончив с обедом, напарники покинули придорожный трактир, расположившийся на окраине большого села Смолевичи. Оно примостилось при тракте в одном переходе от Минска, крупного административного центра Великого княжества Литовского. Здесь были развиты различные ремесла, чему способствовали относительная близость от города и сама дорога, движение по которой замирало только в распутицу.

В селе можно было без труда починить повозку, подковать лошадь, отдохнуть, для чего предназначались сразу два постоянных двора. Но можно было и просто перекусить вот в этом придорожном трактире. Купцы порой скупали у жителей кое-какой товар.

– Глянь-ка. Наши дружки, – кивая за спину, указал Фрол на шляхтичей, взбирающихся в седла.

Те также закончили трапезу и теперь собирались продолжить путь. А что такого? Это для купцов до Минска один переход. Конному как раз половина выйдет. Так что оставшегося до темноты времени всадникам вполне достаточно, чтобы добраться до постоянного двора. Кстати, и Иван с Фролом собирались еще затемно добраться до города.

– Пусть катятся, – пожал плечами Иван, неосознанно оправляя португею и ремень перекинутого за спину карабина.

Что и говорить, вооружены они, как говорится, до зубов. Хм. Вернее, это можно сказать об Иване. С казаком-то как раз все куда проще. Карабин, пара обычных пистолей, сабля, поясной да засапожный ножи.

А вот Карпов при себе имел четыре пистоля, дававших ему в общей сложности десять выстрелов, да еще и карабин. Вместо сабельки – штык-тесак, ну и засапожник. Если в поход на Урал он не брал свои дуствольные коротыши, то сейчас предпочел иметь их под рукой. Им ведь в городе действовать, а это оружие вполне можно носить незаметно.

Португея с тяжелыми пистолями и парой подсушков поверх полушубка – то еще удовольствие. Но Иван предпочел потерпеть и иметь

оружие все время под рукой. Доверяться седельным кобурам с его кавалерийскими талантами – последнее дело. Дороги же кишат разбойниками. И то, что им никто пока не встретился, ни о чем не говорит. Словом, хотя и неудобно, зато надежно.

Однако как ни внушительно выглядел арсенал Карпова, это был неполный перечень имевшегося у него оружия. Поработал он перед походом в мастерской на славу. Непонятно, пригодятся ли ему все эти наработки, но он все же предпочел их иметь под рукой. Так, на всякий случай. К тому же при случае новинки могли гарантировать серьезное преимущество.

– Как бы чего не учудили, – отводя взгляд от тронувшихся в путь шляхтичей, недовольно буркнул казак.

– О чем это ты?

– Так о том, что шляхтич тот пусть и гоношился, но все же себя осадил. А нет злее червя, что сидит в тебе самом. Захочет посчитаться и устроит засаду. Шляхта частенько таким балуется.

– Как и наши барчуки, – хмыкнул Иван.

– Но наших барчуков мы вроде как не задевали, а потому и злобы на нас у них особой нету.

– Ладно. Живы будем, не помрем. Пошли в кузницу.

Лошадь Ивана уже перековали. Кузнец порывался было оприходовать еще и мерина Фрола, но тот только ухмыльнулся и отрицательно покачал головой. Понятно, что кузнецу деньга лишней не будет. Но к чему переплачивать там, где в том надобности нет? Карпова непременно развели бы ввиду его неопытности. Но ты поди убеди в ненужном человека разбирающегося.

– Эвон как споро пошли-то. Уж и не видать, – заметил Фрол, когда они выехали за село.

Перед ними вновь расстилались бескрайние просторы, одетые в белый саван. Картину разнообразили только виднеющиеся вдали леса да едва заметные на искрящемся снегу два росчерка дорог. Одна – наезженный тракт. Вторая отходила куда-то вправо. Не иначе как в сторону какой деревни или нескольких, потому как тоже не выглядит стежкой.

Тракт просматривается далеко, верст на семь. Дальше он нырял в стоящий стеной хвойный лес. В селе они вроде как провозились не особо долго. Но четверки всадников уже не было видно. А значит, погоняли шляхтичи лошадок. Погоняли. И это не могло не настораживать.

– Что предлагаешь? – спросил Иван.

– По-хорошему выбрать бы другую дорогу. Но то в обход. А коли

время терять что так, что эдак, то лучше всего заночевать здесь, в Смолевичах. В тепле и уюте оно все лучше, чем на морозе.

– Времени мало, Фрол. Поедем. Мы же и без того каждый раз ожидаем нападения, – оглаживая приклад карабина, повешенного на луку седла за ремень стволом вниз, возразил Иван, а потом добавил: – Просто будем повнимательнее.

– Оно-то да. Да только шляхтич этот мне не понравился. Одно дело, когда разбойники могут случиться, а могут и не повстречаться. И другое, когда по одной дорожке с тобой едет обиженный попутчик, да еще и вырвался вперед.

– А может, они и вырвались вперед, чтобы разъехаться с нами. Уж не знаю, что они подумали обо мне, но ты им точно не глянулся.

– Все бы тебе шутки шутить, Иван. Ну да бог с тобой. По мне так что иметь подтаскивать, что иметых оттаскивать. Сам решай.

– Дел у меня еще выше крыши. А времени, считай, и нет. И сколько мы провозимся в том Вильно, непонятно. Поехали, – решительно тряхнул головой парень.

– Ну как скажешь. Так значит так.

Как ни странно, но скорость их ничуть не снизилась. Как уже говорилось, путешественники вообще не расслаблялись всю дорогу. Так что для них ничего не изменилось. Памятуя о точности местного оружия, Иван предпочел выдерживать хороший темп, чтобы усложнить жизнь стрелкам, случись таковые.

Впрочем, опасались они напрасно. Лес проскочили без происшествий. Потом еще одну рощу. И еще. Наконец даже Фрол расслабился, не то чтобы совсем, но неприятностей от давешних шляхтичей уже не ждал.

– Что так? – удивился Иван.

– Так народец этот не просто спесью пышет, но еще и страсть как нетерпелив. А мы уж, почитай, полпути до Минска отмахали. Не утерпели бы они. Уж объявились бы. К тому же мы несколько удачных для засады мест проскочили. Знать, с головой тот шляхтич. Ну и попутчики не такие злые.

– А они-то тут при чем? Сидели себе да помалкивали, – не понял Иван.

– Так, если бы стали подначивать того задиру, то непременно раззадорили бы.

– Ну тогда уж не незлые, а трусоватые. Потому как в этом случае и им пришлось бы драться.

– Ну или так, – легко согласился Фрол.

И в этот момент вдруг раздался треск отдаленного выстрела. Потом

еще. И еще. И снова. А вот явный дуплет. Все. Тишина. Иван сначала выхватил карабин, сразу же взведя курок. Бросил взгляд окрест. Ничего не обнаружив, вопросительно посмотрел на Фрола.

– Из леса, – уверенно произнес казак, указывая стволом карабина вперед по дороге на хвойную стену, до которой было не более полуверсты.

– Как думаешь, что там?

– Да разбойнички напали на проезжих. Может, и на наших шляхтичей. Бедными ребятки не выглядят.

– Вперед! – Иван решительно ударил шпорами в бока кобылке, и та буквально сорвалась с места.

Казаку ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру. Одобрял ли он поступок парня? Вообще-то нет. Признаться, у него было куда больше общего с разбойничками, чем с их жертвами. Ну а то как же. Он ведь тоже пробавлялся набегами, а там и на большой дороге шалили. По-разному бывало. Казачки они вообще тот еще лихой народец.

Но с другой стороны, он сейчас не с ними в одной упряжке, а с Карповым. Опять же, это когда он в походе, на добычу нацелен. Сейчас же он путник, а потому задача у него иная – самому добычей не стать. Правда, лезть в чужую свару не хотелось. Но и Ивана не удержать.

В лес они углубились совсем не намного. Уже саженой через сто пятьдесят их взору предстала картина побоища. Посреди дороги стояла карета с поваленным перед ней деревом. Не сказать, что оно столь уж велико, но для запряженных лошадей препятствие явно серьезное. Развернуть же транспорт в этой теснине задача не из простых. Да и некому.

Кучер опрокинулся на спину и сейчас лежит недвижимый на крыше кареты. Из его груди торчит оперенная смерть. Судя по длине, это арбалетный болт. Его напарник валяется сломанной куклой у переднего колеса. Чуть в сторонке, в снегу, лежит тело в довольно дорогом плаще и со шпагой в руке. Рядом с ним покойник в драном зипуне.

Лихо разобрались разбойнички, нечего сказать. Да и немудрено, коль скоро их больше двух десятков. Вот только не повезло им малость. Когда добыча была уже практически у них в руках, появилась та самая четверка молодых шляхтичей. Недолго думая шляхи навалились на превосходящие силы, успев изрядно пустить им кровь. Не меньше десятка разбойничков валялись на дороге и обочине, окропив красненьким белый снег.

Правда, дела у лихих не столь уж безнадежные. Эдак глядишь, еще малость, и прежний улов станет куда больше, а делить его придется на меньшее число.

Всех шляхтичей уже ссадили с коней. А может, они и сами слезли.

Конный в лесу – довольно легкая добыча. Удобно возвышается над всеми, подставляясь под стрелков. Один из парней уже лежит в снегу. Трое других, сбившись спинами друг к другу, отбиваются от нападающих разбойников, коих не меньше дюжины.

Удачно так отбиваются. Как раз в этот момент сабелька того самого задиры описала короткую дугу и опустилась на голову нападающего. Одним меньше. Другой попытался дотянуться до него дубиной, но шляхтич успел высвободить свой клинок и отвести удар. Правда, действовать ему пришлось с поспешностью, да и зимняя одежда не больно-то способствует стремительности. Так что разбойничек сумел уклониться от контратаки.

Но не выстоять парням. Мало того что силы в глубоком снегу да в тяжелой одежде тают очень быстро, так еще и в сторонке двое разбойничков поспешно взводят арбалеты. Еще немного, и шляхтичам не позавидуешь.

Памятуя о прошлом опыте, Иван осадил лошадь и прыгнул на снег. Ну ее, клятую. Не хватало шею себе сломать. Вскинул карабин, поймал в прицел одного из арбалетчиков, как раз обернувшегося на новый звук. Расстояние шагов пятьдесят. Плевое, одним словом. Обзор на мгновение заволокло белой пеленой, которая очень быстро устремилась ввысь. Чего и следовало ожидать. Арбалетчик переломился пополам и сунулся головой в снег.

Иван выронил карабин и потянул из кобуры пистолет. Второй арбалетчик уже успел наложить стрелу, но это и все. Раздался еще один выстрел чуть приотставшего Фрола. Тот еще не сошел с ума, нестись по лесу очертя голову. Это только Ивану простительно. Выстрел вышел удачным. Разбойник крутнулся на месте волчком и тут же упал.

Казак, в отличие от Ивана, не стал хвататься за пистол. Бросив карабин ремнем на луку седла, он сразу потянул саблю. Все же это Иван дитя более позднего времени и делает ставку на огнестрел. Местные предпочитают клинки. И ему в этом с ними, пожалуй, никогда не встать вровень.

Зато подавляющему большинству из них Иван даст сто очков вперед в стрельбе. Что с того, что до клубка сошедшихся в рукопашной порядка семидесяти шагов, а в руке у него пистоль. Плевать. Коль скоро парень умудрялся бить достаточно точно из гладкого ствола, то с нарезным сам бог велел. Поэтому ни капли сомнений у него не было.

Иван выстрелил еще до того, как Фрол подскочил к сражающимся. Выстрелил удачно, свалив одного из бандитов. И тут же на них навалился казак, с ходу стоптав одного и крест-накрест срубив сразу двоих. Прошло

буквально несколько секунд, и близкая победа обернулась для разбойничков сокрушительным разгромом.

Мгновенно сообразив, что дело швах, тати избрали единственно верную тактику. Прыснули в разные стороны. Только так у них был хоть какой-то шанс спасти свои жизни. Не всем. А лишь тем, кому повезет.

Иван провернул барабан. Взвел курок. Прицелился. Выстрел! Мужичок запнулся и тут же начал подниматься, схватившись за раненое плечо. Плевать. Карпов на него уже не смотрит. Либо догонят воспрянувшие духом шляхтичи, либо его в итоге доконает рана. Для него она как смертный приговор.

Впрочем, долго мучиться ему не пришлось. Не повезло, что тут скажешь. В одну с ним сторону побежал и другой разбойничек, за которым погнался Фрол. Нагнав беглеца, он походя его зарубил и, повернув лошадку, добрался до раненого. Если бы не Иван, тот успел бы скрыться за деревьями. Но не судьба.

Вновь провернуть барабан. Взвести курок. Вскинуть руку, как на стрельбище. Поймать в прицел спину убегающего. Никакого упреждения не требуется. Еще секунда, и бандит скроется за густыми лапами елей. Выстрел! Лиходей выгнулся дугой, поймав свинец точно между лопатками, и рухнул в снег.

Бросать оружие больше не стал. Ни к чему. Воткнул пистоль в кобуру и потянул второй. Правда, даже не взвел курок. Все. Целей больше не было. А гоняться по лесам за беглецами Иван не собирался. Как, впрочем, и остальные. Неплохо они так проредили бандюков.

От ватаги, считай, ничего и не осталось. Уйти смогли не больше пятерых. Остальные валялись на сравнительно небольшом пятачке. Кто-то уже остывал. Кто-то извивался в корчах. А у кого-то не оставалось сил и на это. Оставаясь недвижимыми, они тоненько так подвывали, взывая к милосердию.

Хм. И не напрасно. Потому как были услышаны. Фрол и шляхтичи без затей добивали поверженных врагов, методично обходя их всех без разбора. Мертв, жив, без разницы. Получи свою порцию отточенной стали.

Ну а что такого? Они ведь не на службе, а потому им на суд никого тащить не надо. А так просто во всех отношениях. Мало того что не придется возиться, так еще и потом нет нужды задерживаться, пока будет проводиться дознание.

Вот и все. Представление окончено. А, нет. Похоже, начинается второй акт. Дверь кареты распахнулась, и из нее выпорхнула молоденькая девушка.

— Ганс! — Выкрикнув имя, она устремилась к лежащему в стороне

мужчине в дорогом плаще.

Наверняка красавица. Вон как давешний шляхтич сделал стойку. Вот молодец, йолки. Только что резался не на жизнь, а на смерть, и тут же готов жениться.

Иван вернул пистоль в кобуру. Потом подобрал карабин. Отряхнул от снега. И взялся за чистку. Не стоит с этим оттягивать. Не то на морозе быстро прихватит ледком. А там уж намучаешься. Им же предстоит еще не меньше десятка верст пути. И лучше быть готовым к возможным неприятностям.

О вдумчивой чистке не могло быть и речи. Но прошелся ершиком со спиртом. И нагар снял, и от влаги избавился. Масло или нагар на кресале – верный путь к неминуемым осечкам. Так что лучше пользоваться спирт. Проверено. Затем перезарядил все оружие. Так будет правильно. Тем более и времени на это ушло всего-то ничего. Белорусы едва только успели представиться девице и перенести ее спутника в карету. Живого, кстати.

Надо же, кони стоялые. Как они вокруг девицы увиваются. А вот о своем товарище никто из них даже не вспомнил. Правда, осмотревший его Фрол только отрицательно качнул головой. Как, впрочем, и над телами двух слуг.

Иван вздохнул и, наконец убрав оружие, направился к карете. Коли уж начал спасать, то иди до конца. Конечно, не сказать, что у него с собой целая аптека. Но кое-что все же имеется. Как и вполне приемлемые навыки. Даром, что ли, у него в друзьях целый подлекарь, причем с далеко не зашоренным взглядом на медицину.

Проходя мимо мертвого белоруса, понял, что там случай совершенно безнадежный. Парень умер мгновенно. Иначе и быть не может, коль скоро тебе проламывают череп дубиной. А в этом никаких сомнений, потому как голова заметно деформирована. Не повезло парню. Пусть ребятки и из спесивой шляхты, но нужно отдать им должное. Немного найдется смельчаков, чтобы вчетвером броситься против целого взвода. Да еще ради помощи совершенно незнакомым людям. Поступок. Иначе и не скажешь.

С немцем дела обстояли не так страшно. (А это был именно немец, или, если быть более точным, пруссак.) Молодому человеку лет двадцати пяти сломали плечевую кость, и тот потерял сознание. Н-да. Открытый перелом – это не хухры-мухры. Но, по крайней мере, немец имел все шансы остаться в живых. Разумеется, если ему ампутировать руку. А вот попытка спасти оную вполне может спровадить его на тот свет.

– Стоит ли, Архипыч? – покачивая головой, усомнился Фрол, наблюдая за тем, как Иван извлекает из переметной сумки аптечку. – Чай, он нам не

брат и не сват. Спасли от разбойничков, дальше уж сами. До Минска доберутся, а там город большой, доктора имеются. Да и эти не бессребреники.

Карпов посмотрел на аптечку в своих руках. Ну что тут скажешь. Вообще-то он ее собирал для них с Фролом. Не к теще на блины отправились. Да и сама дорога – та еще радость. Им и самим понадобится может. Но-о... Сказал «а», говори и «б». А потом каждому воздастся по делам его. Хм. Или, как еще говорят, не делай добра, зла не будет. Ну и какой из народных мудростей верить?

Иван посмотрел на Фрола неуверенным взглядом. Потом неопределенно пожал плечами. И направился к карете. В конце концов, понадобится им их аптечка или нет, неизвестно, а вот этому парню они сейчас реально могут помочь.

– Пей, – протянул Иван немцу небольшой мерный стаканчик с настойкой опия.

Тот послушно взял стаканчик и начал было пить, но тут же выплюнул, чертыхаясь и поминая на своем родном дерьмо. Уж словечко «шайсе» Иван знал.

– По-русски кто говорит? – обернувшись к белорусам, спросил он.

– Я говорю, – с характерным акцентом ответил все тот же давешний шляхтич.

– Скажи ему, еще раз выплюнет, и я его лечить не буду. У меня не так много лекарств, чтобы переводить их попусту.

– Ты медик?

– Нет. Это что-то меняет?

– Да. Мы доставим барона в Минск, где покажем докторам.

Шляхтич все время держался рядом, всячески стараясь произвести впечатление на мамзель, тьфу ты, фройляйн. Угу. Путешественники оказались братом и сестрой. Вот молодец. Ж-жених, йедрить его налево.

– И они отрежут ему руку, – безапелляционно произнес Иван.

– А...

– Просто переведи ему, и все.

– Но что это?

– Настойка опия. Она снимет ему боль.

Вскоре после того, как Ганс выпил настойку, его взгляд осоловел, и Иван принялся за операцию. Он, конечно, тот еще хирург, но, положив руку на сердце, вряд ли чем уступит местным коновалам. Опять же, имеет кое-какую практику благодаря все тому же Павлу. Так что раненый был в надежных руках. Ну-у. Относительно надежных.

Вообще повезло немчуре. Скол оказался чистым. А ведь могло и разmozжить. Но ничего подобного. Трещины, конечно, имеются, но кость не разлетелась. Извлек несколько отлетевших сколов. Составил кость. Промыл рану. Наложил шину и швы. Не забыл и про дренаж. Порядок. Поищите специалиста получше.

– Значит, так, запоминай, а не можешь – записывай, а потом передашь все его сестре.

– Говори, – с готовностью произнес белорус.

Ну Иван и рассказал, какие нужно брать травы и как делать настойки. Как промывать рану и чего не делать ни в коем случае. Будут все выполнять, через пару месяцев кость срастется. Начнут своевольничать или слушать других докторов, используя их лекарства, в лучшем случае обойдется потерей руки. Так что как поступать, пускай решают сами, он же умывает руки.

– Как тебя зовут, парень?

– Иваном, – просто ответил Карпов.

– И все?

– Я не благородных кровей, а потому имени вполне достанет.

– Ладно, Иван. Меня зовут Острожский Константин Иванович, я из Столбцов. Просто помни, что есть в Великом княжестве Литовском один шляхтич, изрядно задолжавший тебе. И еще. Прошу прощения за недостойное поведение в трактире.

О как! Шляхтич, приносящий извинения. Это, знаете ли, дорогого стоит. Правильный мужик, пусть и неправильный шляхтич. Ну совсем неправильный. А вот Ивана он буравил взглядом совершенно напрасно. Незачем Острожскому знать его имя. Не та ситуация, чтобы следить где ни попадя. От смерти неминуемой спасли. Раненого обиходили. Пора и честь знать.

Без зазрения совести оставили шляхтичей и брата с сестрой посреди трупов. Уж как-нибудь выберутся. Им же нужно спешить. Хотелось как можно быстрее добраться до тепла. Проводить ночь в дороге совершенно не хотелось. А то ведь мало разбойничков, так еще и волки повстречаться могут.

Этих паразитов тут хватает. И как ни странно, в стаи они сбиваются далеко не только в конце какой-нибудь лютной зимы. Очень даже могут собраться и вот так, в самом начале. Все зависит от наличия дичи. Если же голод приходит слишком рано, то их не останавливает даже запах человеческого жилья...

В Вильно прибыли на исходе третьих суток. Симпатичный такой городок в европейском стиле. Весьма колоритный, с двух- и трехэтажной каменной застройкой, с высокими остроконечными черепичными крышами. Мощеными улицами. Вот только грязный до невозможности. Отчего на улицах стояла откровенная вонь. И это зимой.

Все же в Москве было куда как чище. Там владельцев домов и усадеб обязывали поддерживать в окрестностях чистоту. Опять же сказывалось разное воспитание. Ну не принято у православных загораться прямо посреди улицы и справлять нужду. Сойди в какой закоулок, и в носшибанет так, что глаза заслезятся. То так. Но тут-то посреди улицы не фиалками пахнет, даже мороз не помогает. Декабрь на дворе. А что тут творится летом? Нет, думать об этом решительно не хотелось. Да еще и поглядывать все время приходится, чтобы кто не выплеснул на тебя горшок с нечистотами прямо с верхних этажей. Европа, итить твою.

Остановились в неприметной гостинице на окраине города и подальше от университета. Практически у самой крепостной стены. Не баре, пешком пройдутся. Тем более тут идти-то меньше версты. Нечего к себе привлекать внимание. В этой же гостинице хватало русских. В основном купцы.

Вильно ведь является столицей Великого княжества Литовского, его административным и деловым центром. Жизнь здесь в буквальном смысле кипит. Ну и как тут не быть купцам? И уж тем более в свете заключенного с Москвой союза. Новгородского торгового люда тут и прежде хватало, они всегда тяготели к дружбе с Речью Посполитой. А тут еще их и московскими разбавили.

— Ну и как будем действовать? — обгладывая косточку куриной ножки, поинтересовался Фрол.

Городок, может, и грязный, но в трактире при гостинице очень даже чисто. И подавальщица щеголяет в белом передничке. Опрятная, нечего сказать. Правда, разит от нее немытым телом. Благородные, те маскируют эти неприятные запахи различными благовониями, а вот простолюдинам остается только обходиться чистым бельем.

А ведь помнится, в его мире один знакомый литовец чуть не с пеной у рта доказывал, что в Литве банные традиции куда как древние. Хм. Ну, может, он и прав, а в том, что сейчас народ тут завшивел, виноваты католики и иже с ними иезуиты, что правят балом. У них, вишь, омовение грехом почитается, а вшей, мать их, нарекают божьими жемчужинами. Извращенцы. Нет, недаром их потомки превратились в толерастов. Привыкли все извращать, вот и не знают удержу.

— Чего молчишь, Архипыч? — толкнул в плечо задумавшегося Ивана

Фрол.

– А?.. Да это я так, о своем.

– А не надо о своем. Надо о нашем. Так что делать-то будем?

– Ну сначала закончим завтрак. А потом пойдем пройдемся до университета. Если повезет, то подцепим какого студента. Они везде и во все времена одинаковы. Грызущий гранит науки всегда имеет недостаток в средствах, но готов веселиться и кутить беспрерывно. Если подвернется щедрая рука.

– И ты решил стать этой самой щедрой рукой? – с хитринкой поинтересовался казак.

– А почему бы и нет. Так мы очень быстро узнаем о здешних порядках и сможем собрать самую разностороннюю информацию. И стоять это нам будет всего лишь одной доброй попойки для небольшой компании студентов. Их даже не нужно будет особо за язык дергать. Сами все выложат.

На деле вышло даже проще, чем можно было предполагать. Едва покончив с завтраком, напарники уже минут через двадцать лицезрели представительные корпуса Вильненского университета. Как и снующих мимо него студентов самого разнообразного возраста и национальностей.

– Гаврила, ты куда? – слышался возмущенный голос.

– До кабака, – ответил тот как о само собой разумеющемся.

– Брось, – подал голос третий. – Опять погорим, и плакали наши спины.

Иван с удивлением посмотрел на троих парней лет двадцати. Эка невидаль, встретить в Вильно русских. Как уже говорилось, тут их хватает. Но вот вид крепких парней в подрясниках воспитанников коллегіума при университете его удивил. Русские, обучающиеся в иезуитском заведении? Вот уж новость так новость.

Ну чисто три богатыря. Первый, тот, что Гаврила, высок, плечист, косая сажень в плечах, с гордо поднятым подбородком. Второй сложения среднего. Ничего выдающегося, но и не рохля какая. Третий невысокий крепыш, с угрюмым взглядом весьма упрямого человека.

– Я не понял, Остап, тебе что, впервой подставлять спину под розги? Да у нас там уж мозоли, – возразил Гаврила третьему.

– Было бы за что, – буркнул в ответ Остап.

– Так ведь в кабак предлагаю, не яблоки в саду воровать. У меня деньга завелась.

Ага. А говор-то, похоже, новгородский. Не иначе как купцы решили приобщиться к европейской культуре. А то и дворяне. Республика

республикой, но там всех хватает, и дворян с боярами в том числе.

– И сколько тебе подбросила твоя вдовушка? – спросил второй.

– Не бойсь, Андрюха, на пару кружек крепкого вина каждому хватит.

А там уж и сам черт не брат, – задорно ответил Гаврила.

– Глупо, – угрюмо возразил Остап.

– Что глупо?

– За пару кружек ложиться на лавку глупо. Лучше уж на занятия пойти.

– Здравствуйте, добры молодцы, – подошел к парням Иван, оставив в стороне недоумевающего Фрола.

– И тебе не хворать, – удивленно уставился на него Андрей.

– Я в Вильно впервые. Слышал о здешнем университете, но не знал, что тут и русские обучаются.

– Новгородцы, – глядя с вызовом на угадывающегося поговору москвича, поправил Гаврила.

– Эка, – вскинул бровь Иван. – Новгородцы, москвичи, псковичи, казаки, украинцы, разве все мы не с Руси? И разве все мы сейчас не на чужбине? И можем ли здесь делиться, коли у нас и речь, и вера одни, и в баньке мыться мы за грех не почитаем?

– Ну так-то оно так, – стушевался Гаврила.

– Я тут краем уха услышал, что вы в кабак собирались. А пойдем со мной, я угощаю.

– С чего это такая щедрость? – насторожился Андрей.

– А кто сказал, что я решил одарить вас просто так? Я человек в Вильно новый, имею кое-какие виды на этот город. У меня в Москве мастерская, лажу в ней как воинскую справу, так и инструмент разный. А тут наш царь с польским королем уговорились о торговле. Вот я и решил наладить связи сначала в Вильно, а там, глядишь, и до Варшавы доберусь.

– Ну-у, тут и своих мастеров хватает.

– А вот это я и погляжу. Вот только когда еще я все разузнаю да разберусь, что к чему. А вы тут, похоже, уж не первый год обретаетесь и знаете все доподлинно. Все по-честному. Я вам пир, вы мне рассказ.

– Ну и как, это-то того стоит? – глянув на Остапа, спросил Гаврила.

– Такое стоит, – оглаживая подбородок, пока еще не ведавший бритвы, ответил парень. – Тогда в «Золотой ключ» на западной окраине.

– Далековато, – усомнился Иван.

– Зато меньше шансов, что служки университетские нас заприметят. Не то не миновать нам беды.

– Так все одно достанется за прогул, – заметил стрелец.

– За прогул – это одно, за пьянку – иное, – пояснил Андрей.

– Так мы хоть отгуляем, а эдак выдержнут из-за стола и в холодную потянут, – поддержал Остап.

– А что, найдется здесь поблизости трактир с отдельным кабинетом? – поинтересовался Иван.

– Такой есть. Но кабинет – то господское. Или за приличную деньгу, – заглядывая Ивану в глаза, проговорил Гаврила.

– Ведите, – решительно рубанул москвит.

Н-да-а. Пить с утра – это... Карпов даже не знал, как это назвать. Но дело есть дело. Трактир и впрямь находился неподалеку. И заведение оказалось очень даже приличным. Как и отдельный кабинет. Нет, сравнивать с современностью Ивана нечего даже и пытаться. Но все на свете относительно. И по местным реалиям заведение было не из последних. Ну а что такого? Раз уж подвалила парням халява, так отчего бы не оторваться.

Предположения Ивана оказались верными. Многие новгородские купцы да дворяне решили приобщиться к европейской культуре и дать своим чадам соответствующее образование. Хотя даже не представляли, где можно применить получаемые там знания. Но тут важен сам факт окончания соответствующего учебного заведения.

Правда, в самом университете могли обучаться только дети из благородных семей. Купеческие учились в коллегиуме, заведении для безродных. И пусть торговый люд вполне мог себе позволить платить за обучение, никто с них плату не требовал. Нет, если захотят сделать пожертвования на добровольной основе, это только приветствуется. А вот понуждать их к этому никто даже не думал. А ведь известно, где именно бывает бесплатный сыр.

Явное и существенное отличие от московских академии наук и медицинской академии с университетами при них. Нет, обучение там бесплатное. И также приветствуются пожертвования. Но, несмотря на то, что Русское царство очень даже сословное, в учебных заведениях отдавали должное исключительно талантам. А потому будь ты даже крестьянским сыном, если достанет ума, сможешь окончить университет. Сомнительно, что будешь при этом всегда сыт, скорее наоборот, но это уже детали. И для тех же псковичей и новгородцев существовали некие квоты.

Но, похоже, те придерживались давнего правила – ласковое телятко двух маток сосет. А к чему, собственно, отказываться от одного, если можно получить сразу два. Оказывается, в новгородской среде вовсе не редкость, когда один сын отправлялся обучаться в Москву, а другой в

Вильно. О как оно все кучеряво!

– Вот взять слово божье. Оно вроде как и по православному укладу обучают. А у тебя сомнения появляются, – рассуждал подвыпивший Андрей.

Вообще в этой троице заводилой и генератором идей был Гаврила. Остап, тот практически всегда шел на поводу у товарищей, пусть и не бездумно, имея свой взгляд на те или иные вопросы. Андрей же оказался самым сообразительным и рассудительным. И товарищи к его мнению явно прислушивались.

– А главное, и посоветоваться не с кем. Уж четвертый год на чужбине.

– К униатству склоняют? – спросил Иван.

– К нему, – мотнув головой, пьяно ответил Андрей. – Но среди наших хватает и тех, кто уж католичество принял и подался в общество Иисуса. Просто отмалчиваются, носят православные кресты и по-нашему крестятся.

– В какое общество? – уточнил Иван.

– Ну так к ним, иезуитам, чтоб им пусто было.

Говоря это, Андрей невольно потянулся через плечо и огладил спину. Не иначе как фантомная боль от розог, а то и самая настоящая. Ребяток, похоже, секли регулярно. Но об этом Иван подумал как-то отстраненно. А вот о сомнительных перспективах в новгородских и псковских землях призадумался всерьез.

Осталось только московской знати начать отправлять своих недорослей на обучение в подобные заведения. Вот уж может выйти веселье. А что? С Речью Посполитой мир, торговый и в какой-никакой степени военный союзы. А тут еще начнут и культурный обмен.

Нет, Иван, конечно, не собирался влезать в государственные вопросы. Ну разве только в части, каковая ему интересна. Загорелся обдумать ситуацию с налогообложением, вот и выдал на-гора. А уж как оно там будет дальше, не его голове болеть. Но вот сама мысль о людях, которые несут свет истинной веры посредством яда, походя преступая все божьи заповеди, вызвала яростное желание пустить им кровь. Причем так же не стеснясь в средствах.

– И много тех, кто поддался уговорам иезуитов? – спросил Иван.

– Да кто же их разберет. Ребята-то с нами разные учатся. Одни не хотят быть битыми и потому зубрят все от корки до корки. Другим просто нравится учиться. Хоть чему. Хоть горшки лепить, хоть логику постигать, только бы что-то новое. Третьи выгоду ищут и потому склоняются к уговорам. Четвертые искренне начинают веровать в то, что православие

заблудилось где-то и сбилось с пути. И никого из них не секут. Потому как получается – не за что. Я могу поручиться за десяток из полутора сотен новгородцев и псковичей, кто искренне верен православию. Потому как мы не в чести и секут нас постоянно. А вообще, подходы у наших учителей ко всем разные, они ведь хитрые, как бестии. Каждую субботу все профессора собираются в доме у ректора, и все думают да гадают, как бы еще половчее склонять народ в католическую веру.

– Так-таки и думают? – не поверил Иван.

– Конечно, думают, – поддержал товарища Гаврила. – Да мне об этом Томас рассказывал. Слуга нашего ректора. Мы как-то засиделись с ним за кружечкой пива. Мне в тот день как раз деньгу от бати купец знакомый завез. Вы в холодной тогда сидели, – махнув рукой, ответил он на недоуменные взгляды друзей. – Ну помните, когда вы вышли, мы еще так закутили, что опять в холодную угодили? Только уж втроем.

– А-а-а, – вспоминая происшествие, в один голос произнесли Андрей и Остап.

– Во-от, тогда-то это и было. Томас жаловался мне, мол, как соберутся в субботу, так они с женой валяются с ног, едва поспевая накормить две дюжины глоток.

– А ректор разве не на территории университета проживает?

– Не. В университете только монахи и воспитатели при коллегииуме. Остальные в домах окрест. Вот и ректор на Замковой улице проживает. На первом этаже. Мы там стараемся не ходить, чтобы случайно не попасться ему на глаза.

Иван решил уточнить, где именно проживает этот злыдень ректор. А то мало ли, переберут парни да попрут на рожон. А как упредить, если не знаешь? Гавриле довод показался весьма уместным, видать, водилось за ними нечто подобное. Потому он самым подробным образом описал нужный дом, куда выходят окна и как вообще попасть вовнутрь.

Как там у Штирлица в «Семнадцати мгновениях весны»? Запоминается последняя фраза. И в правоте этого Иван убеждался не раз и не два. Поэтому он начал рассказывать разные небылицы. Так что, если парни что и вспомнят, то только по-настоящему им интересное. Фрол до конца не сообразил, в чем тут дело, но решил поддержать стрельца...

Попойка далась им тяжко. И молодость Ивана тут ни при чем. Фрол маялся головной болью ничуть не меньше, а может, и побольше. Все же крепкие парни эти новгородцы. Не иначе как систематически практикуются в питейном деле, не то что Иван, выпивающий от случая к случаю. Хм. А как же тогда быть с Фролом? Нет, однозначно парни стойкие к

спиртному. Хотя еще никому не удавалось победить зеленого змия.

Следующие пара дней после похмелья прошли в наблюдении и подготовке. Нужно было учесть два обстоятельства. Не угодить в субботу, когда у профессоров очередное собрание у ректора. И не нашуметь в принципе. Сделать свою работу по возможности тихо и не мешкая уйти.

С этой целью загодя прикупили еще пару лошадей да вывели их за городскую черту, устроив на какой-то заброшенной ферме близ города. Если все пройдет удачно, то город они покинут через описанный горевоспитанниками лаз. Иван его лично проверил на предмет наличия и проходимости. После содеянного уходить им придется спешно. И это еще слабо сказано. Даром, что ли, заводными озаботились.

Замковая улица по местным реалиям была достаточно широка. Две кареты разъедутся без проблем, да еще и место для пешеходов по обеим сторонам останется. Мощенная брусчаткой, которая сейчас прячется под снегом. Застройка каменная, двух- и трехэтажная. Дома в основном стоят стена к стене и представляют собой эдакие колодцы, в которые можно проникнуть только через арки с глухими воротами.

Но есть и исключения. Между некоторыми домами наличествуют переулки, те шириной меньше трех метров, и карета тут пройдет только впритирку. Зато отсюда можно попасть прямо в дом, потому как сюда выходят черные ходы. Этими проходами пользуется в основном прислуга. Ну не тащиться же с покупками с рынка через весь дом.

А еще это удобно для тайных встреч. Нет, тут речь не столько даже о всевозможных шпионах и секретных делах иезуитов. В куда большей степени это относится к любовным свиданиям. Язва супружеской неверности уже давно и основательно поразила все общество. Даже Испания с беспрецедентным влиянием на ее территории святой инквизиции не отстает от остального цивилизованного мира.

Вот именно на одну из таких дверей и нацелились Иван с Фролом. Подошли еще засветло, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. Постучали колотушкой в дверь. Открыла какая-то дородная и розовощекая тетка. Служанка Ядвига, жена Томаса. Они обоих их успели заприметить за эти пару дней.

Не говоря ни слова, Фрол попросту засветил ей кулаком в лоб, и она тут же рухнула на пол. Переглянулись. Вроде все идет по плану. Переступили порог и, натянув на лица платки на манер пока еще не существующих тут ковбоев, утащили женщину на кухню. Здесь они ее связали и, воткнув в рот кляп, пристроили на стуле. Иван не собирался никого убивать. А опознать она их не сможет.

– Ядвига... – вдруг позвал мужской голос, добавив еще что-то на литовском.

Н-да. Это Иван лихо так влез в секретное предприятие, да еще и по сбору информации на чужбине, при этом совершенно не владея иностранными языками. Вообще никакими. Одна надежда на Фрола. Впрочем, как следовало из рассказа молодых новгородцев, ректор вполне владел русским. Так что в данном конкретном случае все нормально.

Думая об этом, Иван уже скользнул к двери. И когда на кухне появился Томас, удивленно взирающий на привязанную к стулу жену, оказался у него за спиной. Удар под основание черепа, и слуга сложился изломанной куклой у его ног. В ответ на это связанная женщина с кляпом во рту утробно замычала.

– Да успокойся ты, жив он, – отмахнулся Иван. – Фрол.

– Сделаю, – коротко ответил казак, подхватывая бесчувственное тело.

Видя, что ее благоверного вроде как собираются связывать, женщина успокоилась. Мертвого-то вязать нужды нет. Опять же, если теряют время на путы, то и после не убьют. Во всяком случае, надеяться на это очень хочется, а потому женщина попритихла.

Пока Фрол разбирался со слугой, Иван извлек из плечевой сумки свою вундервафлю и начал собирать невиданное здесь оружие. Вообще-то получилось просто на загляденье. Этот образец вполне сгодился бы для диверсантов. Хотя для двадцать первого века с повсеместно используемыми бронежилетами так себе оружие. Но тут на небольших расстояниях даже против стальной кирасы отработает как надо.

Было дело, Иван в своей мастерской ладил реплики пневматической винтовки итальянца Жерардони. Единственного образца, реально использовавшегося для вооружения войск и участвовавшего в боевых действиях. Качество стали на баллоне-прикладе было куда более серьезным, чем у мастеров конца восемнадцатого века, а потому и давление воздуха, и боевые характеристики существенно выше.

Правда, не у этого образца. Потому как длинный ствол остался вместе с остальным снаряжением на той самой заброшенной ферме. Карпов сделал его сменным и прихватил оба варианта. Кто его знает, как оно все обернется. Возможность бесшумной стрельбы никогда не будет лишней.

Сейчас навинчен коротыш для небольших дистанций. Общая длина карабина не превысит и шестидесяти сантиметров. То есть чуть больше локтя. На стволе массивная труба глушителя на манер того же винтореза.

Иван много раз слышал о том, что пневматика гораздо тише огнестрела и превосходно подходит для бесшумной стрельбы. Ага. Как бы

не так. Шарахает ничуть не слабее того же пистолета Макарова. Так что глушитель очень даже нужен.

Вообще образец, находящийся в руках своего создателя, серьезно так отличался от прототипа. И дело тут не только в стволе. Во-первых, пули подавались к поперечно скользящему затвору не под собственным весом, а с помощью спиральной пружины.

Во-вторых, калибр был несколько меньше, одиннадцать миллиметров против тринадцати у оригинала. При смене на длинный ствол и незначительной доработке с помощью отвертки и смены некоторых деталей калибр уменьшался до девяти миллиметров. Этот был самым оптимальным. И скорость, и дальность, и пробивная способность получаются выше. Правда, они же могут указать именно на Ивана. А он планировал использовать это оружие и впоследствии. Вот и выходит, что случись подстрелить кого, это может привести на него орден. Круглые же пули вполне могут принять за пистолетные.

В-третьих, сам приклад имел вдвое больший объем. А еще был оборудован простейшим предохранительным клапаном, что позволяло избежать избыточного давления, способного разорвать сталь. Ну и само давление куда как серьезнее, чем было у известной винтовки итальянского мастера.

Шевельнулась было мысль изготовить огнестрел под настоящий унитарный патрон. Ну и глушитель, разумеется. Образец мог бы получиться с куда более весомыми характеристиками. Но Иван отказался от этой задумки практически сразу.

Тут ведь появляется целый ворох проблем. Это и сами специфические боеприпасы. И то, что раньше ему не приходилось делать магазинные образцы. Это только кажется, что их можно склепать на коленке. На деле там столько всего, что лучше и не заикаться. Что-то однозарядное – это да. Но ему нужна скорострельность.

А что до винтовки Жерардони, то он изготовил в свое время два десятка таких образцов. А потому и хорошо знал это оружие, и воссоздать его мог без особого труда. Когда теория подкреплена практикой, материал буквально врезается в память. Вот и ему много чего врезалось.

Кстати, кроме этого, Иван приготовил еще и несколько гранат, снаряженных белым порохом. В принципе получить тот же пироксилин особого труда не составляет. Вот только его гигроскопичность... Словом, с рискованной взрывчаткой он связываться не стал. Потом проведет испытания и примет решение. Сейчас же и с порохом все отлично работает.

Пока Иван собирал свой бесшумный карабин, Фрол управился с

веревками и еще раз проверил, насколько хорошо увязал прислугу. Порядок. Теперь обойти дом. Или все же квартиру. Просторную, не без того. Но все же это квартира, которая занимает даже не весь первый этаж, а только его часть.

Обстановка как в музее. В смысле в понимании Ивана конечно же. А так... Не сказать, что очень уж богато, но и далеко не бедно. Вся мебель резная. Один сплошной антиквариат. Иван даже не взялся бы определить, на какую сумму это все потянуло бы в его мире.

А вот хозяина в доме не оказалось. Что, впрочем, ожидаемо. Они наблюдали, как он уходил. Правда, расслабляться и не думали. Мало ли, вдруг вернулся. Он-то пользовался не черным ходом, а вполне себе парадным.

Фрол, ничуть не смущаясь, начал шарить по шкафам в поисках денег. Ну а что тут скажешь – казак. Он ведь только в романтических бреднях от благородных беглых крестьян ведется. На деле же от разбойника. И Степан Разин, и Ермак, и Хабаров – все были теми еще благородными личностями. Словом, горбатого могила исправит. А потому Иван и не стал придавать этому значения.

Сам же, пока суд да дело, решил сунуть нос в личные бумаги хозяина. Угу. Вот молодец. Что он там подумывал насчет того, что в данном конкретном деле ему вовсе не обязательно знание иностранных языков? А вот выкуси. Только и остается, что любоваться на исписанные листы, не понимая ни единого слова.

Разве что почерк на большинстве бумаг был одинаковым. Не иначе как принадлежал ректору. Но это единственное, что он сумел разобрать. Зато в углу обнаружился просторный кожаный саквояж. Не мудрствуя лукаво, Иван начал запихивать все бумаги в него. Чай, в Москве найдутся толмачи, разберут, что тут и к чему.

Требовательный стук в дверь. Еще один. И снова. Наконец она хлопнула. Это Иван озаботился, открыв запор.

– Томас, ты где, бездельник! – послышался недовольный голос ректора.

Наконец появился и сам хозяин квартиры. Явно недовольный происходящим, он прошел прямо на кухню. Не иначе как желая отчитать нерадивого слугу. Вот только ничего-то у него не вышло. Не успел он удивиться тому простому обстоятельству, что Томас и Ядвига связаны, как его затылок буквально взорвался болью.

– Не убил? – выходя из-за портьеры с карабином наготове, спросил Иван у Фрола.

– Напрасно сомневаешься, Ваня. Живехонек, чего ему сделается, – с явной обидой ответил казак.

Процедура связывания повторилась в третий раз. И вновь Иван предпочел не лезть под руку профессионалу. Наложить путы так, чтобы и лишить свободы движений, и в то же время не передавить кровоток, нужно уметь. И Флор знал в этом деле толк. А то как же. Пленники они ведь тоже товар и добыча, а потому требуют как строгого, так и бережного обращения.

Единственное, что предпринял Иван, это сдернул с пленника кафтан и проверил его воротник. Он умел делать выводы из своих ошибок. И второй раз важного пленника вот так за здорово живешь не упустит. Впрочем, никакой ампулы с ядом в воротнике он не обнаружил. Потом сорвал с пленника галстук. Результат тот же.

– Пришел в себя, господин хороший, – устраиваясь напротив ректора, произнес Иван. – Только давай договоримся так. Ты не делаешь вид, что не знаешь русского языка, а я не стану лишний раз щекотать тебя железом.

Говоря это, Карпов с эдакой ленцой ковырял под ногтями кончиком ножа. Нет, грязи там не водилось. Что ни говори, но при уровне местной медицины он предпочитал строго придерживаться доступных ему санитарных норм. Кровавым поносом этот мир не удивить, как и смертельным исходом от этой болячки. Но сама игра с клинком выглядела вполне показательно.

Господин Раудис осмотрел сидящего напротив него молодого человека. Глянул в сторону казака. Если парень, может, и играет, то по поводу его спутника никаких сомнений. Убивец со стажем. Поэтому, что-то там для себя решив, ректор утвердительно кивнул, мол, готов к общению на русском.

– Вот и ладно. Тут такое дело, господин ректор. В Москве схватили душегубов, умышлявших против великой княгини Хованской. Вижу, ты об этом уже знаешь. Вот и ладно. С польским послом пускай Посольский приказ разбирается. Нас же интересует иное. Один из душегубов, твой брат-иезуит, отчего-то решил свести счеты с жизнью. Выходит, преданный был делу человек и боялся под пытками что-то такое интересное нам поведать. А если судить по бумагам из его тайника, был он в тесной с тобой переписке. Государю страсть как не нравится, когда умышляют против царской семьи. Но у тебя есть возможность остаться в живых. Надо только поведать нам, о чем так боялся проговориться твой брат Кравчик. Как видишь, все просто.

– А если я буду упорствовать, вы станете меня пытаться, – когда по знаку

Ивана Фрол освободил пленника от кляпа, произнес ректор.

Закричать он даже не пытался. Казак наложил ему на горло руку и был готов передавить его в любое мгновение. Так что поднять шум не получится в любом случае. Ну и к чему бесполезные усилия?

– И под пытками ты все одно заговоришь. Рано или поздно все начинают говорить. Но оно тебе надо, принимать страдания с известным заранее результатом?

– Мне это не нужно. Твоя правда. Но каковы гарантии, что вы оставите меня в живых, если я все поведаю без утайки?

– Гарантий нет. Но государю не нужна твоя смерть. Его куда больше устроит, если ты донесешь весть до своих братьев, что на Руси вам делать нечего. Иначе прольется много крови. Вашей крови, братья Иисусовы.

– Хорошо. Переписка в тайнике стола. – Кивок на массивный рабочий стол. – Развяжите мне одну руку. Любую. Нужно особым образом нажать на узоры, чтобы сработал механизм.

Иван посмотрел на Фрола. Тот только ухмыльнулся, мол, не успеет этот ничего предпринять. Тогда Карпов дал знак, и казак освободил левую руку ректора.

Придвинули стул к столу, внимательно наблюдая за пленником. Тот же действительно нажал на выступы узора, используя все пять пальцев. В утробе стола что-то щелкнуло, и боковая панель тут же откинулась, провернувшись на петлях.

Иван заглянул в тайник. Хм. Действительно какие-то бумаги. Полез их доставать и тут вдруг услышал хрип и раздосадованные чертыханья Фрола. Обернувшись же, обнаружил ректора, трясущегося в корчах судороги.

– Какого?..

– Да кто же его знал, – ответил Фрол. – Вроде потянулся взмокший лоб протереть, а потом р-раз – и камешек у колечка откинулся, а этот в рот себе что-то сыпанул. Ну и...

– Твою налево. И этот. Вот что вы такое задумали, ироды, если с такой легкостью кончаете с собой?

Вопрос риторический. Потому что тот, кто мог ответить, уже затих с пеной на губах, устремив остекленевший взгляд в некую даль. Иван глянул на правую руку. Там присутствовало похожее кольцо. В смысле по габаритам. Так что скорее всего было абсолютно без разницы, какую руку ему освобождать.

– И что будем делать? – спросил Фрол.

– Забираем бумаги и уходим, что же еще, – вздохнул Иван.

– А как с прислугой быть?

– Оставим. Дом не выстынет и за неделю, соседи-то топят. А их найдут гораздо раньше. Дело свое провалили. С бумагами пусть разбираются в Москве. Все, уходим.

Эпилог

Жером де Атталь с удовольствием потянулся к бокалу великолепного французского вина – привет с его далекой родины. До недавнего времени ему приходилось пробавляться разной кислятиной, завозимой в дикую Московию европейскими торговцами. А для чего везти дикарям изысканные напитки, кои они не сумеют оценить? Правда, были и исключения.

Взять того же боярина Василия Голицына, который покровительствовал французскому дворянину, объявившемуся в Москве год назад. Де Атталь оказался сведущ во многих вопросах. Он был неплохим инженером, что доказал кое-какими дельными замечаниями и предложениями. Разбирался в военном деле, как в строительстве, так и во взятии крепостей. Не понаслышке был знаком с тактикой как татарской конницы, так и турецкой армии. Чему способствовали несколько лет, проведенные на службе в австрийской армии.

В Москву он прибыл не просто в поисках удачи и возможности заполучить тепленькое и доходное место. Нет. Он приехал сюда, когда стало известно о заключенном между Польшей и Россией договоре против Турции. Не сказать, что данное обстоятельство в Австрии было воспринято с воодушевлением.

Но Жерому было глубоко наплевать на интересы бывших работодателей. Они платили ему жалованье, и он честно отработывал его своей кровью. В России же иноземцы традиционно получали куда более солидное вознаграждение. Главное, оказаться полезным. И опыт де Атталя должен прийтись как нельзя кстати. Ведь русские собирались драться с крымскими татарами.

И все-то со стороны выглядело вполне пристойно. Вот только весь такой открытый, изящный кавалер и решительный солдат на деле имел двойное дно. Он и его товарищ являлись посланниками самого провинциала^[17], возглавлявшего польскую провинцию.

Подмяв под себя Речь Посполитую, где иные религиозные конфессии были практически раздавлены, члены общества Иисуса не могли не обратить свой взор на Русь. Так с подачи провинциала в коллегиумах и бурсах Великого княжества Литовского начали принимать на обучение детей из Новгорода и Пскова.

Мало того, уже практически был решен вопрос о создании таковых в

самих этих русских землях. Дело, конечно, шло тяжело, но двигалось. Закладки, сделанные лет десять назад, уже начинали срабатывать. Выпускники академии мало-помалу вступали в права наследования, все больше наливаясь влиянием в тамошнем обществе. Так что Новгород и Псков – это всего лишь вопрос времени.

А вот с Москвией все было куда как труднее. Царь Дмитрий попросту запретил отправлять молодежь за границу. Нет, русские, разумеется, обучались в европейских университетах. Но только ни одно из этих заведений не имело касательства к ордену.

Ситуацию попытался исправить ректор Вильненского университета, получивший на то благословение провинциала. Но его предприятие потерпело неудачу. Конечно, жаль, потому что коллегиум общества Иисуса в Немецкой слободе был бы как нельзя кстати. Что с того, что там хватает протестантов?

Здесь, на Руси, они все чужаки, а потому европейцы тянутся друг к другу, протягивая руку помощи. А иезуиты могут быть как решительными, так и терпеливыми. Ведя честные диспуты с представителями других религиозных конфессий, можно заронить сомнения даже во взрослых людей, что уж говорить о молодежи. А в теологических спорах с братьями не выстоят не только эти протестанты, но и православные иерархи. Они попросту не имеют столь обширного опыта и специфичного обучения.

Н-да. Попытка обернулась провалом. Ректор Раудис и доктор Кравчик слишком уж увлеклись устранением проблемы. Тогда как ее нужно было либо обойти, либо использовать в своих целях. Как? Ну для начала немного подумав.

Провинциал решил действовать исподволь. Нужен был живой пример. Олицетворение того, как европейский склад ума, европейский взгляд и европейский уклад жизни приводят к успеху. Это зажжет молодые сердца и поднимет авторитет Европы в целом. И на эту роль был назначен боярин Голицын.

Именно де Атталъ должен был выступить проводником начинания провинциала. Ему предстояло вести параллельную игру на случай неудачи Адама Кравчика, мир его праху. Папа лично отпустил ему грех самоубийства. Жерома даже слегка передернуло, едва только он представил, что его ожидало, попади покойный доктор в руки Разбойного приказа живым. Рано или поздно говорить начинают все. А еще хорошо, что, кроме него, о французе никто не знал.

Итак, ставка была сделана на Голицына. Ему предстояло немножечко выиграть войну с Крымским ханством и вернуться в Москву в ореоле

славы. А этого боярина отличало искреннее преклонение перед Европой. Он предпочитал все только европейское. Будь его воля, то и сына отправил бы учиться за границу. Причем непременно в университет общества Иисуса, потому как полученное там образование в Европе считалось наиболее престижным.

Сам боярин, как и его семья, неизменно носил европейское платье. Его дворец, в отличие от остальных, был выстроен в итальянском стиле. И даже кухня в его доме была европейской. Хм. Именно благодаря этому его пристрастия Жером и имел возможность побаловать себя великолепным вином, выпитым боярином по его совету.

Дверь в его комнату открылась, впуская невысокого смуглолицего итальянца, такого же члена ордена, как и сам француз. При этом на его лице было самое что ни на есть постное выражение.

– Что случилось, Анджело? – отставляя бокал на секретер, за которым сейчас работал, спросил де Атталъ.

Он вовсе не собирался подходить к своим обязанностям спустя рукава. Голицын должен выиграть эту войну. А значит, армия должна быть снаряжена и экипирована наилучшим образом. А еще он прорабатывал возможные варианты действий татар. Победа победой, но ведь и он будет в рядах этой самой армии. Так что трудился он не за страх, а за совесть.

– Преставилась, мир ее праху, – осенив себя крестом, ответил итальянец.

– Мир ее праху, – повторил за ним Жером. – Что ж, теперь у Василия Васильевича развязаны руки. Сходит в поход, разобьет крымчаков и вернется в ореоле славы.

– Не думаю, что Хованская посмотрит в его сторону, – усомнился Анджело.

– С чего бы это? Он уже давно был бы ее любовником. Потому как полностью в ее вкусе. Она же ему нравится, и он пытался завести с ней роман. Но княгиня не встречается с женатыми. Вдовец – дело совсем иное. Мало того, они, можно сказать, ровня, а потому он даже может на ней жениться. Он мужчина в самом расцвете сил. Да и женщинам нравится уметь.

Едва только Жером узнал о том, что Голицын, зрелый мужчина сорока девяти лет, тайно вздыхал по Хованской, как тут же решил разыграть эту ставку. Дело оставалось за малым – устранить жену боярина. Чем и занялся Анджело. Начать травить боярыню не составило труда. Ведь кроме того, что Василий Васильевич взял на службу советника-француза, он нашел в своем дворце местечко и для итальянского лекаря, прибывшего вместе с

ним. Соответственно, тот и пользовал все семейство Голицыных, как и супругу боярина. Два месяца, и вот бедолага сошла в могилу.

– Дело не в нем, а в ней. Княгиня влюблена в молодого стрельца. Не смотри так, тут все серьезно. Настолько серьезно, что за полгода его отсутствия она ни разу ни с кем не закрутила, хотя прежде в столь долгих воздержаниях замечена не была.

– Хм. То есть он может быть помехой?

– Он будет помехой, – покачав головой, уточнил итальянец.

– Брось. И не таких обламывали.

– Жером, ты веришь в знаки судьбы? – вдруг отчего-то поинтересовался Анджело.

– И?

– Франсуа де Бриен был французом, Марио Риццо – итальянцем. И оба оказались на пути этого молодого стрельца. Причем уже доподлинно известно, что именно он их разоблачил и лично захватил Марио.

– Брось, Анджело. Об нас он обломает зубы, – безапелляционно заявил де Атталъ. – К тому же он стрелец. Причем молод. А значит, ему не избежать похода. Его полк под началом Голицына. Остается только взвалить на него почетное, славное, но невыполнимое задание, чтобы он геройски сложил голову. Уверен, подобная возможность представится. А война все спишет. Но зато если нам удастся свести вместе Хованскую и Голицына... Это будет адова смесь.

– Дай-то бог, чтобы ты оказался прав.

– Не переживай. Я прав. И мы устраним этого щенка без труда. Ладно, дружище, займись лучше своими делами. А мне нужно работать. Голицын непременно должен победить в этой войне.

СНОСКИ

Пятая деньга – двадцатипроцентный налог на прибыль. (Здесь и далее примеч. авт.)

Яик – современная река Урал.

Выкред – перешедший в православие из другой веры.

Коллегиум – иезуитское (либо созданное по его образцу) закрытое среднее учебное заведение. Были бесплатными, предназначались для обучения молодежи с духовным уклоном. Образование, полученное в коллегиуме, считалось довольно престижным, поэтому в первую очередь там проходили обучение дворяне. Таким образом, иезуиты принимали активное и серьезное участие в воспитании аристократической элиты стран.

Кружало – в старину питейное заведение, кабак.

Наушник – доносчик (*устар.*).

7

Одна линия – 2,54 миллиметра.

8

Сажень – 2,16 метра.

Многозарядные кремневые мушкеты и пистолы были двух видов. Первые имели отсеки в прикладе и цевье, именуемые магазинами по аналогии со складами. В них находились порох и пули. Конструкции самые разнообразные. Второй тип – барабан с зарядными каморами.

«Ивановское сто» – старинное купеческое братство во времена Новгородской республики при храме Святого Иоанна Предтечи на Опоках в Новгороде. Прекратило свое существование с падением Новгородской республики. Но в настоящем повествовании республика жива.

Поршни – простейшая старинная кожаная обувь у славян.

Ичиги – вид легкой обуви, имеющей форму сапог, с мягким носком и внутренним жестким задником. Были широко распространены у татар и стали неизменным элементом татарского национального костюма.

Окольничий – придворный чин и должность. Второй (после боярина) думный чин Боярской думы. Окольничие возглавляли приказы, полки, назначались в дипломатические миссии.

В то время на Руси все кочевые народы именовали татарами ввиду схожести образа жизни и склонности к набегам и работоторговле, не особо вдаваясь в национальные различия. Возможно, корень этого лежит в монголо-татарском иге.

Бий – у башкир лицо, по сути, являвшееся главой племени.

Вильно – сегодняшний Вильнюс.

В иерархии иезуитов четвертая по значимости должность – генерал, генеральные ассистенты, региональные ассистенты, провинциалы.